

ЛЮДИ РОССИИ

С. В. Тютюкин

Александр Керенский

страницы политической

биографии

(1905—1917 гг.)

Александр Керенский
страницы политической
биографии (1905—1917 гг.)

С. В. Тютюкин

А. Ф. Керенский в 1917 г.

ЛЮДИ РОССИИ

Институт российской истории РАН

С. В. Тютюкин

Александр Керенский
страницы политической
биографии
(1905—1917 гг.)

Москва
РОСПЭН
2012

УДК (94)47
ББК 63.3(2)524
Т98

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-01-16088д

Рецензенты:

*доктор исторических наук А.Е. Иванов
доктор исторических наук В.П. Булдаков*

Тютюкин С.В.

Т98 Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.) / С.В. Тютюкин. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 309 с. — (Люди России).

ISBN 978-5-8243-1688-9

В книге прослежены основные этапы политической деятельности А.Ф. Керенского в 1905–1917 гг. Главное внимание уделено его работе в IV Государственной думе и Временном правительстве, где он был министром юстиции, военным и морским министром и министром-председателем. В основу книги положены многочисленные документальные и мемуарные источники.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-8243-1688-9

© Тютюкин С.В., 2012
© Российская политическая
энциклопедия, 2012

Содержание

Введение. Два образа А.Ф. Керенского в отечественной историографии	4
Глава 1. Первые встречи с российской политикой	25
Глава 2. В царском парламенте: становление профессионального политика	38
Глава 3. Великая война — пролог новой русской революции	67
Глава 4. Прорыв во власть	107
Глава 5. «Заложник демократии»	130
Глава 6. «Главноговаривающий»	164
Глава 7. Во главе государства	202
Глава 8. Несостоявшийся мятеж	234
Глава 9. Политическая агония	265
Заключение. Еще раз о феномене Керенского	290
Именной указатель	302

Введение

Два образа А.Ф. Керенского в отечественной историографии

В жизни, а потом и у историков подчас бывают, говоря словами А.С. Пушкина, странные сближения. В 1917 г., например, весь мир узнал, что в России, уже вторично за XX столетие объята революционным пожаром, неожиданно появились два премьера-социалиста — эсер Александр Керенский и марксист-большевик Владимир Ульянов-Ленин. Оба они, строго говоря, пришли к власти явно неконституционным путем: первый — в результате Февральской революции, а затем корпоративного сговора между членами возникшего в марте Временного, но «задержавшегося» на достаточно длительный срок правительства, а второй — после победы организованного им революционного переворота, выбросившего Керенского, по терминологии того времени, «на свалку истории».

Любопытные черты сходства в биографиях этих двух политических лидеров были уже и до 1917 г. С разницей в 11 лет они родились оба 22 апреля (только Керенский по старому стилю, а Ленин — по новому) в одном и том же провинциальном приволжском губернском городе Симбирске, в очень похожих друг на друга и вполне благополучных дворянских семьях, главы которых успешно занимались педагогической деятельностью, а их жены заботливо растили каждая пятерых детей. И Керенский, и Ульянов закончили гимназии с золотыми медалями, оба получили университетские дипломы юристов, оба начали трудовую деятельность в Петербурге помощниками присяжных поверенных. Оба на собственном опыте рано узнали, что такое царская тюрьма, и оба, хотя и по-разному, приняли участие уже в Первой российской революции 1905 г., причем Керенский даже пытался вступить тогда в эсеровскую террористическую организацию и стать ни много ни мало, как цареубийцей.

Впрочем, в остальном их судьбы уже и тогда не совпадали. Ульянов после казни старшего брата за участие в подготовке покушения на царя Александра III рано занялся подпольной революционной работой, провел 3 года в сибирской ссылке и 15 лет в западноевропейской эмиграции. Он навсегда связал свою судьбу с марксизмом и социал-демократической рабочей партией, тогда как Керенский больше симпатизировал неонародничеству и партии эсеров. При этом после 1905 г. он отошел от активной революционной работы и избрал для

себя другое поприще служения освободительному движению сначала в качестве адвоката, защищающего в суде его участников, а с конца 1912 г. в роли оппозиционного депутата IV Государственной думы, возобновив в 1915–1917 гг. и связи с эсеровским подпольем.

Весной 1917 г. на гребне революционной волны Керенский буквально прорвался во власть и, не затрагивая основ буржуазного строя, занялся крупномасштабным экспериментом по превращению России из вчерашней «страны рабов» в свободное демократическое государство западного типа. У Ленина же была тогда уже совсем другая цель: привести к власти своих сторонников — большевиков и начать уже другой, еще невиданный в мировой истории эксперимент по строительству в отсталой крестьянской России социализма, а затем и коммунизма.

Но если эксперимент Керенского бесславно закончился после победы большевиков уже в октябре 1917 г., то эксперимент Ленина и его наследников продолжался до конца XX в. При этом результаты провала усилий того и другого оказались во многом схожими. Керенский, пережив весной и летом 1917 г. короткий период славы и поклонения многих своих сограждан, надолго был затем забыт и стал объектом их издевок и презрения. Шумная же слава Ленина и особенно его наследника Сталина в годы правления коммунистов казалась вечной, но закончилось дело опять чисто по-русски — ниспровержением памятников прежним вождям, осуждением и осмеянием «коммунистической утопии» и особенно практики так называемого социалистического и коммунистического строительства. И точно так же, как Керенский пал в свое время жертвой не только своих собственных ошибок и индивидуальных слабостей, но и общей отсталости, нецивилизованности России и той смуты, в длительную полосу которой наша страна вступила с начала XX в., так и причины краха коммунизма в СССР тоже объяснялись целым комплексом причин экономического, политического и социокультурного характера.

Поистине феерическая карьера, которую 36-летний Керенский сделал в 1917 г., став самым молодым в истории России ее премьером (уже в 1990-е гг. этот его «рекорд» повторили два других премьер-неудачника Егор Гайдар и Сергей Кириенко), а потом столь же стремительный и фатальный его провал, естественно, не могли не вызывать повышенного интереса уже у современников. Причем закат политической карьеры Керенского осенью 1917 г. сразу же отразился и на отношении к нему «среднего» россиянина, уже не сравнивавшего его, как было еще совсем недавно, с Наполеоном или Гарибальди и как-то сразу переставшего видеть в нем «первую любовь русской революции», «первого гражданина новой России», «народного министра», «министра правды» и т. д. По стране сразу же поползли без-

основательные слухи о будто бы еврейском происхождении Керенского (в тогдашней России, да и позднее на евреев любили сваливать все беды народа и страны в целом), его пристрастии к наркотикам и чуть ли не о психическом расстройстве. В дальнейшем это получило продолжение в широко распространенной в советское время легенде о трусливом бегстве Керенского из Петрограда в октябре 1917 г. в женском платье (в действительности он скрылся неделей позже из Гатчины, переодевшись матросом). В итоге в октябре 1917 г. защищать Керенского не захотел уже никто, и ему осталось только тайно исчезнуть в 1918 г. из России.

Для Ленина стоявший на его пути к власти Керенский был воплощением множества далеко не лучших человеческих качеств («лгунишка», «болтунишка», «хвастунишка»), политического оппортунизма, предательства интересов народа и пособничества российской и международной буржуазии¹. Даже столкновение Керенского с генералом Корниловым Ленин оценивал просто как случайную якобы ссору корниловца Керенского с мятежным генералом, причем Керенский и после провала корниловщины продолжал оставаться в «интимнейшем союзе» с другими корниловцами и готов был сдать Петроград немцам для удушения революции². Очень показательно, что даже определения «демократ» и «социалист» применительно к Керенскому Ленин неоднократно брал в кавычки.

Существует мнение, что в политической борьбе допустимы любые полемические приемы, в том числе и далекие от общепринятых этических норм, причем Ленин не был здесь исключением. Но гораздо хуже и тревожнее было то, что на протяжении всего советского периода ленинские оценки Керенского и «керенщины» (этот презрительный термин должен был символизировать резко негативное отношение к проводимому им политическому курсу) были объявлены обязательными и для всех ученых-обществоведов, поскольку их закрепил лично Сталин в отредактированной им книге «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.). Поэтому эти вульгаризированные дежурные оценки и вытекающие из них положения из года в год повторялись не только в агитационно-пропагандистской, но и в научной литературе, чтобы продемонстрировать все «убожество» якобы совершенно «случайной» фигуры Керенского в российской истории.

В советской историографии сложился следующий стереотип образа Керенского: в личностном плане — это интеллектуальная посредственность, неврастеник, карьерист, демагог, позер и обманщик; как политик — явный «легковес», авантюрист, типичный мелкий буржуа, декларирующий «единение» всех классов российского общества, включая буржуазию, а на деле оказывающийся объективно прислужником последней. Весь его центристский политический курс в 1917 г.

сводился к продолжению опустылевшей народу войны и бесконечному ожиданию созыва всенародно избранного Учредительного собрания, решения которого якобы никак нельзя было предвосхищать³.

Конечно, далеко не все в этой съеме можно считать злым вымыслом. Ошибок и просчетов у Керенского-политика действительно было предостаточно, и его падение в конце октября 1917 г. оказалось вполне закономерным. И все же оценки его политической деятельности и человеческих качеств, напомиравшие, скорее, карикатуру, чем результат научного анализа, равно как и полное отлучение Керенского от демократии и революции и превращение в заурядного пособника буржуазии и врага трудового народа были откровенной и беспардонной идеологемой. При этом оставалось неясным только одно: почему страна восемь месяцев терпела пребывание такого ничтожества у власти и больше того, даже создавала настоящий культ его личности? Было ли это следствием величайшего терпения русского народа и его «темноты» или здесь были виноваты происки «международной закулисы», тайного «масонского братства» и других «темных сил»? Или наконец все дело было просто в том, что Ленин приехал в Россию из Швейцарии только в апреле 1917 г., а до этого в новой политической элите страны, сложившейся после Февральской революции, не нашлось ни одной достойной фигуры, чтобы заменить царя и его министров?

Неизбежную в тогдашних условиях дань этой идеологизированной схеме отдали едва ли не все, в том числе и весьма маститые⁴, советские историки, писавшие о Керенском и его времени. И можно только порадоваться тому, что эта страница отечественной историографии ныне уже перевернута и, будем надеяться, навсегда. Тем важнее конкретно проследить, как на исходе XX в. постепенно складывался тот новый, более объективный, хотя и отнюдь не безоблачный, образ Керенского, который утверждается ныне в постсоветской российской историографии. При этом не может не радовать уже один тот факт, что на смену единственной — и притом довольно посредственной, тенденциозной и явно «антикеренской» — работе Д.Ф. Сверчкова 1920-х гг., посвященной персонально Керенскому, пришли теперь (как бы на выбор разным категориям читателей) сразу несколько книг об этом историческом деятеле, включая сугубо апологетические⁵ и даже конспирологическую⁶, а количество статей о Керенском исчисляется уже ныне многими десятками⁷.

Трудно переоценить то, прежде всего общественно-политическое, а потом уже и научное значение, которое имела для правдивого воссоздания образа Керенского публикация в 1990–1991 гг. в журнале «Вопросы истории» его автобиографических воспоминаний «Россия на историческом повороте», находившихся прежде в советских би-

библиотечных спецхранах, но зато неоднократно переизданных в последние годы отдельной книгой. Этот весьма субъективный (как и все мемуары) по своему характеру исторический источник тем не менее все же достаточно полно отражает многоплановую деятельность молодого юриста Керенского в 1905–1912 гг., его работу в IV Государственной думе и во Временном правительстве. Нельзя не согласиться с расхожим мнением, что эти и другие воспоминания Керенского⁸ довольно неполны в фактографическом отношении, страдают от многочисленных лакун, самооправданий, самовосхвалений и элементарных неточностей. Однако не надо забывать, что до эмиграции их автор не вел дневниковых записей и не вывез в 1918 г. за границу никаких документов, которые помогли бы ему в будущем как мемуаристу. Тем не менее в работе над книгой «Россия на историческом повороте», которая проходила много лет спустя после описываемых в ней событий, Керенский уже мог использовать трехтомное документальное издание распоряжений, указов и других актов законодательного характера, обнародованных Временным правительством в марте–октябре 1917 г.⁹, что, несомненно, позволило ему несколько освежить свою память и значительно прибавило достоверности этой его широко используемой ныне книге.

Без внимательного и вместе с тем критического анализа ее содержания трудно понять, в частности, причины немалых успехов Керенского в 1917 г., которые объяснялись созвучием его взглядов общему духу того переломного времени, умением ярко и образно говорить и общаться с самыми разными людьми, хорошей интуицией и способностью максимально сконцентрировать свою энергию на решении самых актуальных тогда проблем. Вместе с тем на страницах этих воспоминаний Керенский предстает перед нами и как ярко выраженный политический импрессионист и вдобавок очень нервный человек с резкими перепадами настроения, как деятель, допускающий ошибки и очевидные просчеты, неверно оценивающий людей и часто идущий на сомнительные кадровые и политические комбинации. Но тем не менее без мемуаров Керенского, где процитирован, между прочим, и ряд важных документов, не может обойтись сегодня ни один серьезный историк России начала XX в. и особенно 1917 г.

В 1991–1992 гг., на грани «перестройки» и постсоветского периода были извлечены из спецхрана и переизданы также трехтомные «Записки о революции» меньшевика-мартовца Н.Н. Суханова, где Керенскому, естественно, отведено немало места, хотя образ его начисто лишен там всякого комплиментарного романтического ореола и показан в развитии от носителя духа безбрежного митингового демократизма весны 1917 г. к безудержной погоне за личной властью, разного рода сомнительным интригам и ложным политическим шагам

летом и осенью того же года. Добавлю, что хроникально-мемуарная работа Суханова выглядит сегодня — после всех фальсификаций, приукрашивания или, наоборот, очернения событий 1917 г. — как достаточно правдивый и, главное, надежный источник по истории того судьбоносного для России времени.

В 1991 г. были переизданы также и мемуары лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, являвшегося в течение многих лет явным недоброжелателем Керенского, который во многом способствовал его отставке с поста министра иностранных дел весной 1917 г. Попутно заметим, что эта его дуэль с Керенским получила позже продолжение в 1918–1924 гг., когда Милюков написал и издал уже в эмиграции «Историю Второй русской революции», где продолжил разоблачение Керенского как крайне неудачливого русского государственного деятеля. В 2001 г. эта большая монография Милюкова, долгое время тоже находившаяся в спецхранах, была переиздана в Москве, дав историкам, в том числе и мне, большой фактический материал о ходе политической истории России в 1917 г. и о месте в ней Керенского. В 1991 г. было начато и репринтное переиздание уникального эмигрантского издания «Архив русской революции», где есть немало интересных воспоминаний и о Керенском. Все это было очень важно для начавшегося у нас переосмысления образа Керенского, в которое быстро включились и историки-профессионалы. В 1990 г. видный ленинградский ученый В.И. Старцев, который издал ранее несколько солидных монографий о деятельности Временного правительства, опубликовал интересную и во многом неожиданную для привыкшего уже к его исследовательской манере читателя статью «Керенский: шарж и личность»¹⁰. В ней он поставил перед собой задачу сделать первый шаг к освобождению во многом искаженного в советской историографии образа этого политического деятеля от прямого вымысла, всяческих недомолвок и однобоких идеологизированных штампов. Правда, увлекаясь в то время историей российского политического масонства, Старцев сделал принадлежность своего героя к этой организации своеобразным ключом, открывающим тайну многих политических успехов Керенского в 1917 г. Автор пишет, в частности, что именно масонство подготовило карьерный взлет Керенского весной и летом в 1917 г., а тот факт, что оно же якобы отреклось от него осенью того же года, способствовал, по мнению Старцева, его падению. Но суть очерка состоит, конечно же, не в этом достаточно сомнительном, и не поддающемся проверке тезисе, а в том, что Старцев наконец прямо поставил здесь вопрос о связи Керенского с российским освободительным движением и успехами Февральской революции, покончившей наконец с царизмом.

Правда, маститый автор по-прежнему считал тогда, что Керенский был в 1914–1917 гг. только социал-оборонцем, «остановившимся» на идее «непротиводействия» войне. Он не упоминал о его сдвиге к циммервальдизму в 1915–1916 гг. и неоднократных открытых призывах к новой революции в России в конце 1916 — начале 1917 г. Вместе с тем Старцев совершенно справедливо признал в этом очерке вклад Керенского в победу февральского переворота, хотя и назвал его при этом лишь «радикальным буржуазным демократом», поскольку термины «революционер» и «социалист», вероятно, казались ему здесь слишком громкими и излишне комплиментарными. Зато Старцев обратил внимание на знаменитую речь Керенского 29 апреля 1917 г. о «взбунтовавшихся рабах»¹¹, признал наличие в России настоящего культа его личности весной и летом 1917 г. и положительно оценил ту большую и яркую агитационную работу, которую он как военный министр провел в армии перед июньским наступлением.

В целом Старцев правильно определил позицию Керенского в 1917 г. как центристское лавирование между политическими полюсами и разновидность бонапартизма. Он не скрывает его ошибок и просчетов, число которых росло начиная с лета буквально с каждым месяцем, недоволен упрямством премьера и настоящим параличом его воли в сентябре и октябре, способствовавшим тому, что Россия прервала тогда свой путь к демократии¹². Финальный же вывод Старцева гласит, что в истории революционных событий 1917 г. нужно найти свое объективное место и для такой неординарной личности, как Керенский. И в этом с ним нельзя не согласиться.

Симптоматично было уже само название статьи А.Г. Голикова (истфак МГУ) «Феномен Керенского», появившейся в 1992 г. в журнале «Отечественная история»¹³. Здесь он предстает как некий символ русской революции 1917 г. и живое олицетворение сначала связанных с ней восторгов и ожиданий общества, а потом явного разочарования значительной его части в замедлении ее темпов, отказе от немедленных серьезных социальных преобразований и общем ухудшении обстановки в стране. Автор иллюстрирует свои выводы интереснейшими материалами о Керенском, которые публиковались в столичных газетах «Русское слово», «Утро России» и др., показывая, как весной и летом 1917 г. формировался культ личности Керенского в массовом сознании россиян, а потом, как шло развенчание недавнего героя.

В яркой по форме статье Голикова приведены и основные факты биографии Керенского за период с 1881 по 1917 г., и даже стихи — и в его честь, и с осуждением как премьера и Верховного главнокомандующего. «Ты не воля народа, не цвет, не зерно, / Ты вознесшийся колос бесплодный; / На картине времен ты всего лишь пятно, /

Только присказка к сказке народной», — писал о Керенском в середине октября 1917 г. поэт Константин Бальмонт. «Жизнь требовала иных подходов к разрешению сложившейся в России... ситуации. На авансцене отечественной истории все отчетливее виднелись уже другие фигуры...», — заканчивает свое эссе известный ныне историк-источниковед.

1993 год был отмечен выходом в свет в Чебоксарах тиражом в 10 тыс. экз. (!) уникального учебного пособия для студентов-гуманитариев под названием «Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников». Его главным редактором стал один из ведущих петербургских историков Г.Л. Соболев, написавший и большую и взвешенную вводную статью «Александр Федорович Керенский. Штрихи к политическому портрету».

Здесь нет никакой идеализации героя и вместе с тем убедительно показано на конкретном материале, что к своему «звездному часу» в 1917 г. Керенский пришел отнюдь не как «человек ниоткуда». Это было особенно важно узнать вчерашним школьникам, которые начинали тогда знакомство с этим историческим персонажем, что называется, почти «с нуля». По оценке Соболева, Керенский — это расчетливый политический игрок с большими достижениями и столь же большими промахами, мастер компромиссов и сложных политических комбинаций, несомненный демократ, постепенно сползавший, однако, к недемократическим методам управления. Иначе говоря, он оказался заложником тех сложных и изменчивых ситуаций, которые с неиссякаемой фантазией режиссировала в 1917 г. сама российская действительность. При этом история отвела Керенскому, по мнению Соболева, роль руководителя, призванного навести порядок в царившем тогда в стране хаосе, — задача практически невыполнимая для политика-демократа, причем именно на решении ее он и споткнулся к концу своего премьерства.

Соболев выбрал для включения в книгу отрывки из мемуаров, дневников и статей таких разных (и в этом-то и была «изюминка» данной подборки) сторонников и противников Керенского, выдающихся политиков, представителей отечественной культуры и общественной мысли, как Л.Д. Троцкий, В.М. Чернов, И.Г. Церетели, Н.Н. Суханов, В.Д. Набоков, А.И. Куприн, Р.В. Иванов-Разумник и др. Первые читатель мог познакомиться здесь и с дневниковыми записями знаменитой поэтессы и общественной деятельницы З.Н. Гиппиус, которая начинала 1917 г. как восторженная поклонница Керенского, а заканчивала его полнейшим и бесповоротным разочарованием в этом своем недавнем кумире (эту часть книги подготовил Б.И. Колоницкий, с которым мы еще встретимся в настоящем историогра-

фическом очерке). Жаль, что этот своеобразный портрет Керенского остался недорисованным, поскольку эмигрантский период его жизни (1918–1970 гг.) оказался за рамками книги.

Принципиально важное, на мой взгляд, значение имел и биографический материал о Керенском, подготовленный М.М. Гориновым для словаря «Политические деятели России. 1917»¹⁴ под редакцией председателя Научного совета РАН по истории Октябрьской революции академика П.В. Волобуева. Вместо обычных в таких случаях дежурных и, конечно, обличающих Керенского ленинских цитат здесь можно было найти ссылки на различные документальные источники и прессу 1917 г., работы российских и зарубежных историков и воспоминания самого Керенского. Это позволило Горинову рассказать о пути молодого Керенского в Большую политику, его отношении к религии, масонству, марксизму. Подробно проанализирована роль Керенского в формировании первого коалиционного состава Временного правительства, его выступления на I Всероссийском съезде Советов, роль в подготовке наступления русской армии в июне 1917 г., отношение к корниловскому путчу и др.

В 1995 г. академическое издательство «Наука» выпустило в свет монографию Г.З. Иоффе «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов», о которой тоже хотелось бы вспомнить в настоящем историографическом очерке. Ее автор — видный советский историк, живущий ныне в Канаде, оставил яркий след в отечественной историографии событий 1917 г. В течение ряда лет он был активным членом той творческой группы, которая фактически подготовила трехтомную «Историю Великого Октября» (М., 1967–1968) Минца¹⁵. В 1989 г. Иоффе выпустил самую интересную, на мой взгляд, книгу о выступлении генерала Корнилова в августе 1917 г.¹⁶, содержащую и некоторые нетрадиционные оценки деятельности Керенского, а уже осенью 1990 г. впервые специально занялся и его биографией¹⁷.

Образ Керенского в монографии 1995 г. начисто лишен у Иоффе привычных советских штампов. Автор прямо пишет, что его революционность накануне Февральской революции шла по нарастающей, причем он был, по мнению автора, в некотором роде даже идеалистом и романтиком революции и в дальнейшем, несмотря на все свои политические маневры, «оставался, конечно, человеком, преданным демократическому режиму». Слово «мятеж» применительно к выступлению Корнилова против Керенского Иоффе неизменно берет уже в кавычки, подчеркивая, что премьеру очень хотелось бы оправдать свои решительные действия против генерала их «мятежным» якобы характером. Не случайно раздел о выступлении Корнилова заканчивается в книге следующим пассажем: «Тщательнейшим образом собирал Керенский малейшие доказательства в пользу существования

заговора и мятежа Корнилова. Любые возражения раздражали его, вызывали приступы гнева. Кажется, что и в могилу он сошел, угасающим слухом улавливая коварный вопрос: а был ли заговор, а может, заговора-то и не было?»¹⁸

Иоффе дает понять, что в той азартной и не очень честной со стороны всех ее участников игре, которую в июле–августе 1917 г. вели Керенский, Корнилов и Савинков, первый выглядел совсем не безгрешной жертвой, а методы его действий против Корнилова часто просто выходили за рамки общепринятой морали. При этом в конце августа Керенский явно стремился уже не к урегулированию конфликта с Корниловым, а к тому, чтобы вообще убрать генерала с политического поля, не отдавая еще себе, видимо, отчета в том, что это станет прелюдией к его собственному последующему поражению.

В 1996 г. Иоффе опубликовал в американском «Новом журнале» статью под названием «История русской революции в “Новом журнале”», где снова вернулся к вопросу о роли Керенского в событиях 1917 г. По его мнению, последний сыграл видную роль в Февральской революции и был даже главным действующим лицом при решении 3 марта вопроса об отречении вел. кн. М.А. Романова от престола, согласно последней воле его брата Николая II. Однако, пишет далее Иоффе, затем Керенский «очень быстро стал превращаться чуть ли не в главный предмет ненависти как левых, так и правых», и вряд ли можно категорически отрицать возможность эпизодических соглашений Керенского с Корниловым, поскольку с помощью последнего премьер порой рассчитывал «отсечь» от Временного правительства и от революции большевизм и вообще всех левых в Советах¹⁹.

В книге «Семнадцатый год...» тема Керенского получила у Иоффе и свое завершение в виде разделов об агонии Временного правительства после краха «корниловщины». Автор оставляет, однако, открытым вопрос: был ли осенью 1917 г. у молодой российской демократии последний шанс противостоять напору большевиков и предотвратить их победу 25 октября? В противовес преобладающему мнению современников этих событий и советских историков, писавших о неизбежности краха Керенского и «керенщины», Иоффе оставляет место и для альтернативного ответа, указывая на возможный альянс Керенского с Корниловым и подчеркивая роковую пассивность премьера в защите демократии в решающий момент столкновения с большевиками²⁰. От себя добавлю, что в исторической ретроспекции, с учетом постсоветского опыта демократизации России и попыток создания в ней гражданского общества, все попытки, предпринятые Керенским в этом направлении в 1917 г., выглядят сегодня совершенно неспособными для отдельно взятого человека и тем более конкретно для Керенского. Поэтому и оптимизм Иоффе в данном случае представ-

ляется мне не очень оправданным. Более реальной была бы договоренность Керенского с Корниловым и Савинковым, но и она, видимо, могла бы носить лишь сугубо временный и условный характер, в частности и потому, что авторитетные тенденции в поведении Керенского во второй половине 1917 г. все же имели свои границы, тогда как ставка его возможных политических партнеров на установлении военной диктатуры представляется мне вполне очевидной и совершенно безусловной.

Первая полнометражная (более 12 п. л.) биография Керенского увидела свет в 1996 г. в Саратове. Называлась она предельно просто — «Александр Федорович Керенский», и авторами ее были три историка — М.И. Басманов, Г.А. Герасименко и К.В. Гусев, причем написанные ими разделы располагаются в книге как раз в обратном порядке. Гусев рассказал о жизни Керенского до 1917 г., Герасименко — о 1917 и начале 1918 г., а Басманов впервые в советской историографии — о Керенском-эмигранте (1918–1970 гг.), причем его содержательные главы занимают примерно 40 % общего объема книги, что можно только приветствовать. К сожалению, источниковая база книги небогата — это в основном уже упоминавшиеся выше мемуары Керенского и Суханова, а также многочисленные советские документальные публикации о революционном движении в 1917 г. Тем не менее достоинства этой работы совершенно очевидны, и к ним можно отнести:

отсутствие заранее заданного предвзятого отношения к Керенскому как к сугубо отрицательному персонажу российской истории;

признание наличия у него ряда важных положительных качеств (огромной энергии, незаурядной работоспособности, ораторского дара, интуиции, смелости в экстремальных ситуациях), которым, однако, противостояли огромная жажда власти и славы, авантюризм и политический импрессионизм;

удачная реконструкция механизма завоевания Керенским популярности у неискушенных в политике широких народных масс (бьющий в глаза показной демократизм, страсть к публичным выступлениям, постоянная апелляция к идеалам свободы, равенства и братства, повышенное внимание к идеологической обработке солдат и офицеров, умелое подчеркивание своих противоречий с деятелями более правых взглядов, постоянные ссылки на перегруженность революционной работой, усталость и т. д.);

акцентирование внимания на принципиальных ошибках Керенского-политика — затягивании сроков созыва Учредительного собрания, откладывание до этого момента решения наиболее острых социальных вопросов и вопроса о выходе России из войны;

достаточно полный анализ карательной политики Керенского в июне–октябре 1917 г., особенно в армии и в деревне, и ответного протестного движения трудовых масс;

показ финала политической карьеры Керенского в России после его отъезда из Петрограда утром 25 октября, включая жизнь в подполье (ноябрь 1917 — июнь 1918 г.);

целостное освещение всего жизненного пути героя книги — от рождения до смерти;

использование нового важного историографического источника — англоязычной биографии Керенского, написанной Р. Эйбрехом (Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of Revolution*. L., 1986)²¹.

К сожалению, есть в книге трех авторов и явные слабости: поверхностно освещена деятельность Керенского в Государственной думе (1912–1917 гг.), совершенно недостаточно одного простого упоминания о корниловском мятеже (с. 117), нарушен принцип историзма при обосновании теоретических взглядов Керенского в 1917 г. гораздо более поздними его высказываниями уже эмигрантского периода. Допущены в ней и отдельные (правда, немногочисленные) фактические неточности²².

Внимания, несомненно, заслуживает и серия работ петербургского историка Б.И. Колоницкого — энергичного, современно мыслящего и чрезвычайно эрудированного исследователя среднего поколения (он работает на стыке истории, культурологии и социальной психологии), который уже внес серьезный вклад в анализ деятельности Керенского в 1917 г.²³ Его привлекает, в частности, вопрос о причинах формирования после Февральской революции культа Керенского как особого психоментального и социокультурного феномена, корни которого уходят, с одной стороны, в особенности русского национально-го характера с его поразительной доверчивостью к «хорошему» царю и вождю, а с другой — заключаются во влиянии на массы той революционной эйфории, в атмосфере которой жили демократические слои российского общества после свержения царизма и для которой были характерны настроения всеобщего братства, национального единения, патриотизма и особого уважения к общечеловеческим ценностям, а также к вождям революции. При этом Колоницкий делает два очень важных замечания: во-первых, к возвеличиванию собственной личности приложил руку и сам охотно занимавшийся саморекламой Керенский, а во-вторых, в России подобное слепое и нередко доходящее до психоза поклонение тому или иному деятелю могло быстро смениться глубоким разочарованием, что и случилось к осени 1917 г. с обманувшим ожидания россиян премьером.

Очень интересна собранная Колоницким коллекция эпитетов, которыми наделяла Керенского весной 1917 г. российская пресса: «рыцарь революции», «львиное сердце», «солнце (гений) русской свободы», «пророк и герой революции», «спаситель Отчизны», «вождь народа» и т. д. и т. п. Характерно, что улица Столыпина в Киеве была быстро переименована тогда в улицу Керенского. Эти факты во многом объясняют и то, что случилось с именами Ленина и Сталина к середине XX в., и то, как резко изменилась эта самая ситуация в наши дни.

Хорошо раскрыты Колоницким и те приемы, с помощью которых Керенский завоевывал себе популярность в массах (вошедшая у него в привычку практика рукопожатий с простыми людьми, выступления на митингах «без бумажки», скромная одежда, подчеркивание своей неразрывной связи с народом, частое упоминание демократии и социализма как основополагающих целей его деятельности, критика эгоизма имущих классов и т. д.). В этой связи нельзя не упомянуть и мастерский анализ Колоницким той дешевой и не очень качественной литературы, которая в 1917 г. буквально наводнила Россию с целью популяризации образа «народного министра» Керенского, его дореволюционной деятельности по защите интересов народа в царской Думе, поездках на фронт с патриотическими выступлениями перед солдатами и офицерами и т. д. Специально остановился Колоницкий и на теме «Керенский и евреи».

Правда, вряд ли можно согласиться с ним в том, что Керенский был центральной фигурой Февральской революции (такой фигуры, на мой взгляд, вообще не было), но зато он прав, когда отказывается от фетишизации масонского фактора в его политической биографии, признает наличие связей лидера Трудовой группы в Думе с революционным подпольем в 1915 — начале 1917 г. и считает день 27 февраля 1917 г. решающим для последующего возвышения Керенского, который именно тогда впервые завоевал репутацию народного вождя.

Не обойден вниманием Керенский и в работах видного российско-го историка теперь уже старшего поколения В.П. Булдакова с его знаменитой «Красной смутой»²⁴. Для него «крестный путь» Керенского в 1917 г. отнюдь не является загадкой, отразив, с одной стороны, естественную тягу россиян после нескольких веков авторитарного правления царей к демократии, а с другой — их неготовность отстаивать эту демократию не на словах, а на деле, используя для этого, в частности, и одну из базовых черт своего национального коллективного поведения — терпение. В то бурное смутное время, каким стал в России 1917 г., никто не хотел терпеливо ждать перемен к лучшему, чего никак не хотел понять Керенский, «забалтывавший» революцию в ожидании якобы всемогущего и мудрого Учредительного собрания,

которое оказалось на деле одним из исторических фантомов, так и не получивших в январе 1918 г. возможности сказать народу свое веское и якобы решающее слово.

Булдаков много пишет сначала о культе Керенского, а потом о его развенчании в 1917 г., иллюстрируя этот раздел своей книги блестящей коллекцией самых разнообразных и разновременных его характеристик, принадлежавших представителям самых разных социальных слоев, политических партий и деятелям литературы, искусства и науки нашей страны. Падение репутации Керенского — от признания его «первым гражданином революционной России» до прямого поношения, издевок и оскорблений — отнюдь не было, по мнению Булдакова, чем-то уникальным в истории нашей страны Новейшего времени. Это явление органически вписывалось в понятие «смуты», т. е. крупномасштабного комплекса общероссийских кризисов времен Первой мировой войны, революций 1917 г., Гражданской войны и перехода к тоталитаризму. Она затронула сферы экономики, политики, идеологии, а также вызвала психоментальные «сбои» у всех слоев российского социума. Ее синонимами являются хаос, распад, разруха, разного рода социальные массовые психозы при одновременном появлении самых необычных массовых иллюзий (вроде мировой антиимпериалистической революции), тяги к духовному и нравственному очищению и радикальным переменам везде и во всем.

Булдаков считает, что разочарование россиян в Керенском было обусловлено тем, что его волевые импульсы оказались слабы, ценностные ориентации расплывчаты, а эмоциональная аура — неустойчива. Премьеру, по его мнению, был бы крайне полезен союз с Корниловым, который отнюдь не являлся «чемпионом контрреволюции», но Керенский с подачи В.Н. Львова поспешил объявить генерала «мятежником» и убрать с политической арены. При этом так и осталось неясным, что сыграло здесь главную роль — боязнь соперничества со стороны Корнилова или вдруг проснувшаяся в Керенском старая приверженность идеалам демократии?²⁵ На мой взгляд, здесь было и то, и другое, поскольку амплитуда колебаний премьера между тягой к диктатуре и отворачиванием к ней, особенно к диктатуре военных, к осени 1917 г. была уже очень велика. В целом же Керенский явился и одним из творцов «красной смуты», и вместе с тем ее жертвой.

Ценный материал о роли Керенского в определении политики Временного в отношении национальных регионов бывшей Российской империи можно найти в другой фундаментальной работе В.П. Булдакова «Этнос и хаос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментариев, анализ» (М., 2010. 90 п. л.). Материалы этой книги также нашли отражение в настоящем издании.

На сегодняшний день самой обстоятельной русскоязычной биографией нашего героя является книга В.П. Федюка «Керенский», изданная в 2009 г. в серии ЖЗЛ. Она обладает значительным информационным зарядом и заполняет давнюю лакуну в отечественной историографии. При этом очень важно, что Федюк выполнил свое обещание (с. 95) быть объективным в освещении описываемых событий и сложной личности Керенского. Да и написана она интересно.

Федюк отнюдь не идеализирует Керенского и не считает его ни глубоким и тем более оригинальным мыслителем, ни крупным политиком, ни безупречным в нравственном отношении человеком, с чем вполне можно согласиться. Однако у этого деятеля нельзя все же отнять, пусть с некоторыми оговорками, его демократизма, революционности и ориентации (хотя бы в очень туманном российском будущем) на социализм эсеровского толка, о чем пишет Федюк. Убедительно и нестандартно изложен автором ряд очень сложных сюжетов: «украинский вопрос», июньские и июльские события в Петрограде, «двоевластие» (Федюк склонен продлить этот период до октября 1917 г.), характеристика генерала Л.Г. Корнилова и его выступления (кстати говоря, оно не трактуется больше Федюком как «мятеж»), сложные отношения Керенского с Савинковым и др. Есть, правда, в его книге некоторые мелкие фактические неточности²⁶, но они не меняют общей высокой оценки этой работы.

Представляется, что воссозданный Федюком образ Керенского достаточно правдив, исторически и психологически точен и достоверен. Откровенно говоря, я не отнес бы Керенского к числу «замечательных людей», украсивших историю России, хотя он, несомненно, был фигурой знаковой и примечательной. Но это замечание относится, скорее, к издателям книги Федюка из «Молодой гвардии», а не к нему самому. Читатель же наверняка вынесет из его книги впечатление, что Керенский отнюдь не был некоей исторической случайностью, отразив и мощный порыв своих соотечественников к свободе и демократии после свержения царизма, и вместе с тем незрелость и хрупкость этой последней в 1917 г., что и привело к быстрой замене ее большевистской диктатурой.

Объективности ради нужно сказать и о том, что время от времени и сейчас появляются еще весьма кратические, но уже антикоммунистические по своей направленности характеристики Керенского. Так, в учебнике «История России. XX век. 1894–1939» (М., 2009) под ред. профессора МГИМО А.Б. Зубова читаем: «Наиболее энергичным и популярным членом Временного правительства был министр юстиции Керенский — хороший оратор, демагог, сам пьяневший от своих речей...» Он умел наэлектризовать толпу, депутатов Думы и солдат на фронте. Верующий человек, Керенский обладал, однако, болезнен-

ным самолюбием, властолюбием и тщеславием, постоянно имитируя в своем поведении Николая II. В книге проводится та мысль, что в октябре 1917 г. Россия пала жертвой двух заговоров — большевистского и масонского, причем Ленин «обвел масонов вокруг пальца», а «страхи и слабости Керенского стали идеальным прикрытием для большевистской попытки захвата власти». В заключение о Керенском, однако, говорится, что в эмиграции он много передумал и во многом раскаялся, став человеком не просто верующим, но глубоко Православно церковным²⁷.

В целом же в постсоветский период изменилась, прежде всего, сама тональность подачи образа Керенского читателю. Она стала более взвешенной, сдержанной, а в чем-то даже сочувственной. Керенского уже не зачисляют в лагерь деятелей, предававших интересы народа, и в соответствии с современными международными (не всегда совпадающими с ленинскими) стандартами, характеризуют в целом как демократа, революционера и социалиста без кавычек, не относят к числу «корниловцев» и признают его заслуги в деле демократизации постфевральской России. Что касается причин его стремительного взлета и падения в 1917 г., то они делятся теперь между личными достоинствами и недостатками Керенского, с одной стороны, и теми условиями места и времени, в которых ему довелось действовать в России. При этом значительно расширился и круг мемуарных источников о Керенском за счет бывшей спецхрановской литературы, его воспоминаний и материалов прессы.

В предлагаемой вниманию читателей книге я стремился, прежде всего, закрепить все то положительное, что было сделано моими ближайшими предшественниками, углубив и расширив при этом трактовку ряда сюжетов, связанных с деятельностью Керенского в IV Государственной думе, отношениям с арестованной царской семьей, его работой по подготовке летнего наступления русской армии 1917 г., позиций в период корниловского путча и др. Кроме того, в обширных примечаниях освещаются, например, такие темы, как история думской Трудовой группы, в которую он вошел в конце 1912 г., а затем и возглавил; отношение Керенского к проблемам двоевластия, июльского кризиса 1917 г. и «немецкого золота большевиков»; ретроспективные оценки «корниловщины» деятелями русской эмиграции в 1920-е гг. Сквозной в книге является проблема взаимоотношений Керенского и Ленина. Пожалуй, впервые в историографии сделана попытка как-то систематизировать реальные, а не мнимые политические ошибки и кадровые просчеты Керенского, показав при этом те реальные трудности, с которыми он столкнулся как министр, а потом и как глава Временного правительства.

Как и любому автору, мне хотелось бы надеяться, что «мой» Керенский будет ближе к человеческому и политическому оригиналу, чем Керенский традиционный, и что, оценивая его государственную деятельность, мы не будем забывать о том наследии, которое он как политик получил от многих предшествующих веков российской истории, и с каким морем сложнейших проблем ему пришлось столкнуться в 1917 г. Вот почему его фигура представляется мне во многом трагической. А это значит, что ответственность за провал в России демократии «по Керенскому» лежит не только на нем одном или даже на всем Временном правительстве, но и на российской политической элите и всем обществе в целом, оказавшемся не готовым к выходу из кризисной ситуации демократическими методами.

В настоящей работе использован достаточно широкий, хотя и не исчерпывающий круг исторических источников, в том числе и многие новейшие документальные и мемуарные публикации. Вместе с тем я уверен, что тема Керенского еще отнюдь не закрыта и ее разработка может быть продолжена другими исследователями, которым еще предстоит серьезная работа над эмигрантским (1918–1970 гг.) периодом его жизни и политической и литературной деятельности с использованием зарубежных опубликованных и архивных источников.

В процессе работы над рукописью этой книги мною были опубликованы в 2009–2011 гг. три статьи по данной теме²⁸.

Я благодарю всех, кто помогал мне в работе, и особенно В.В. Шелохаева и И.А. Христофорова, активно содействовавших моим поискам необходимых источников и литературы по теме, а также Л.С. Новоселову-Чурсину, составившую к книге именной указатель.

---

¹ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31, 32, 34. Ориентиром в поисках соответствующих ленинских высказываний может служить рубрика «Керенский» в именных указателях к соответствующим томам Полного собрания ленинских сочинений.

² См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 348.

³ Говоря о конкретном воплощении этой схемы, ограничусь лишь одним, но очень ярким примером. Так, блюститель коммунистической ортодоксии профессор МГУ Е.Д. Черменский выпустил в 1976 г. книгу «IV Государственная дума и свержение царизма в России», где, естественно, не мог не коснуться и депутатской деятельности Керенского. Но как он это сделал? Многочисленных выступлений молодого депутата-трудовика в защиту демократии и интересов крестьянских и рабочих масс на первых двух думских сессиях 1912–1914 гг. Черменский предпочел вообще не заметить, как и его яркой речи 26 июля 1914 г. в связи со вступлением России в Первую мировую войну. Керенский появляется на страницах монографии лишь при анализе работы январской думской сессии 1915 г., где он выступил якобы как шовинист, лишь прикрывающийся

революционной фразеологией (с. 77). Между тем Керенский в этой речи критиковал правительство и защищал пятерку арестованных депутатов-ленинцев, которым грозил расстрел за «пораженческую» якобы позицию в период войны. О речах Керенского на летней сессии Думы 1915 г. Черменский снова умолчал, хотя лидер трудовиков призывал там ни много ни мало как к созданию в России коалиционного либерально-социалистического правительства. Ни слова в его книге нет и о резких антиправительственных речах Керенского 1 ноября 1916 и 15 февраля 1917 г., где он призывал, в частности, в борьбе с царизмом повторить подвиг Брута, убившего во времена Древнего Рима диктатора Юлия Цезаря. Приведенные примеры, число которых легко умножить, делают тенденциозность историков типа Черменского более чем очевидной.

¹ Это относится, в частности, к академику И.И. Минцу — автору «Истории Великого Октября». В 3 т. (М., 1967–1973; 2-е изд. 1977).

⁵ См., например: *Стронгин В.Л.* Керенский. Загадка истории. М., 2004; *Канин В.Г.* Керенский. Не может быть демократии без свободы и социальной справедливости. М., 2006.

⁶ В 2007 г. увидела свет книга *Н. Старикова* «1917: не революция, а спецоперация», где утверждалось, что все события этого судьбоносного для России года происходили якобы по сценарию, разработанному английской разведкой. По ее замыслу, Керенский должен был окончательно развалить русскую армию, озлобить население искусственно созданными экономическими трудностями, задержать проведение радикальных социальных реформ до созыва Учредительного собрания и в итоге открыть дорогу к власти большевикам, при которых наша страна, к неопишуемой радости Англии, окончательно перестала бы быть великой мировой державой. Естественно, в книге Старикова нет никаких указаний на то, когда, при каких обстоятельствах и за какое вознаграждение Керенский стал английским агентом.

Через три года тот же Стариков опубликовал еще более сенсационную заметку под броским названием «На старости лет Керенского мучила совесть» (Комсомольская правда. 2010. 28 октября — 10 ноября). Там он довел свою фантастическую версию до полного абсурда, заявив, что в октябре 1917 г. Керенский по команде тех же английских спецслужб передал власть своему однокашнику (?) Ленину и благополучно уехал в Лондон. Большой вред, по словам Старикова, принес России только Гитлер. Керенский же погубил миллионы россиян и даже призывал будто бы нанести по СССР ядерный удар.

⁷ Подробный перечень и краткую аннотацию нескольких десятков материалов самого разного характера и достоинства о Керенском, появившихся еще в СССР и в постсоветской России см.: *Труфанов М.П.* Александр Федорович Керенский в публицистике и историографии // *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 496–499. Эта по-своему уникальная библиографическая и историографическая справка была опубликована в конце впервые изданной на русском языке монографии Керенского «История России», рукопись которой находится в его фонде в архиве Техасского университета в г. Остине (США).

⁸ В поисках заработка, ради самооправдания и саморекламы Керенский неоднократно обращался к мемуарному жанру. См., например: Дело Корнилова. М., 1918 (Pre-lude to Bolshevism: The Kornilov Rebellion. London, 1919); The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution. New York; London, 1927; Erinnerungun. Vom Sturz des Zarentums bis zum Lenins Staatsreich. Dresden, 1928; Crucifixion of Liberty (Распятие свободы). New York, 1934; Из воспоминаний // Современные записки (Париж). 1928. № 37; 1929. № 38, 39. В постсоветской России из них изданы: Революция в России. 1917. М., 2005; Прелюдия к большевизму. М., 2006; Потерянная Россия. М., 2007.

⁹ Речь идет о трехтомной подборке документов под названием «The Russian Provisional Government. Documents». Vol. I–III. Stanford, 1961 («Русское Временное правительство. Документы»). В подготовке издания участвовали сам Керенский и американский историк Р. Браудер. В основу его были положены материалы, печатавшиеся в 1917 г. в Петрограде в газете «Вестник Временного правительства» с добавлением некоторых материалов, появившихся в эмигрантской прессе уже после отъезда Керенского за границу.

¹⁰ См.: Диалог. 1990. № 16.

¹¹ В этой речи Керенский с огромной тревогой поставил буквально мучивший его вопрос: превратятся ли рабочие, солдаты, крестьяне — эти «взбунтовавшиеся рабы», выросшие в царской России, но совершившие или по крайней мере принявшие Февральскую революцию 1917 г., — в сознательных граждан, готовых защищать ее завоевания и работать над созданием в стране принципиально нового общества свободных людей? Подробнее об этом см. в гл. 5 настоящей работы.

¹² См.: *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 85–86. Характерно, что ответственность за недемократический характер советского общества Старцев разделил между большевиками и позволившим им прийти к власти Керенскому.

¹³ См.: Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73.

¹⁴ См.: *Горинов М.М.* Керенский А.Ф. // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 143–149.

¹⁵ В нее входили также В.И. Миллер, Е.Г. Гимпельсон, Е.А. Луцкий и др. (см.: *Иоффе Г.З.* Было время... Иерусалим, 2009. С. 118–119).

¹⁶ См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Л.Г. Корнилов. М., 1989.

¹⁷ См.: Лидер (Слово лектора). 1990. № 10. С. 34–37. Статья Иоффе «Зритель без бинокля» представляла собой комментарий специалиста к опубликованной в том же номере журнала подборке высказываний петроградских журналистов о Керенском, относящихся к лету 1917 г.

¹⁸ *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год... С. 144, а также 23, 24, 37, 118, 119, 122.

¹⁹ См.: *Иоффе Г.З.* История русской революции в «Новом журнале» // Новый журнал. 1996. № 202. С. 252–255.

²⁰ См.: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год... С. 189. Автор ссылается при этом на мнение видного русского философа Ф.А. Степуна, который в 1917 г. работал некоторое время в Военном министерстве, а в 1922 г. был выслан из Советской России. Степун считал, что вина Керенского состоит не в том, что он вел Россию по неправильному пути, а в том, что он вел ее по правильному, демократическому пути, но вел «недостаточно энергично» (см.: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. М.: СПб., 1995. С. 393). Характерно, что еще в 1989 г. в книге «Белое дело». Генерал Корнилов» Иоффе не видел в Керенском «корниловца» и писал, что Временное правительство в общем и целом вело страну по демократическому пути (с. 92). Самой большой ошибкой Керенского Иоффе считал летнее наступление русской армии (с. 82).

²¹ Ричард Эйбрехем (Абрахам) — английский историк, к сожалению, малоизвестный в России. Помимо книги о Керенском, он был еще соавтором книги «Рождение новой России» (1983) и автором монографии «Роза Люксембург: жизнь для Интернационала» (1989). В журнале «Отечественная история» (1992. № 3) была опубликована его рецензия на книгу Р.Б. Маккина «С.-Петербург между революциями. Рабочие и революционеры. Июнь 1907 — февраль 1917», где Эйбрехем продемонстрировал завидную эрудицию и стремление найти новые подходы к истории российского пролетариата в межреволюционный период, что сближало его с творческими поисками прогрессивных советских историков «нового направления» (1960-е — начало 1970-х гг.).

Большая, 500-страничная книга Эйбрехема «Александр Керенский. Первая любовь революции» увидела свет в 1986 и 1987 гг. сначала в Лондоне, а потом в Нью-Йорке. Автор собрал практически весь доступный ему на Западе материал о своем герое (в СССР он не приезжал), встречался с его первой женой О.Л. Барановской и ее детьми, проявил интерес к нетрадиционным советским публикациям, где речь шла и о Керенском, в частности к моим ранним работам о периоде Первой мировой войны. Несомненной заслугой Эйбрехема было введение в научный оборот дневников французского социалиста А. Тома, приезжавшего в апреле–мае 1917 г. в Россию и неоднократно встречавшегося с Керенским, уникальная информация Тома о позиции которого представляет большой научный интерес. О масштабах проделанной Эйбрехемом книги работы говорит хотя бы тот факт, что в его книге действуют несколько сот самых разных персонажей и тщательно прописан исторический фон, на котором разворачивается ее сюжет.

Керенский привлек внимание Эйбрехема, прежде всего, своей приверженностью идеалам демократии, но его книга выгодно отличается от тех откровенно антикоммунистических работ о русской революции, которые заполняли тогда западный книжный рынок. В книге прослеживается весь жизненный путь Керенского, но основное внимание, естественно, уделено его российскому (1881–1918 гг.) этапу. В 1992 г. в журнале «История СССР» (№ 1) была опубликована небольшая, но очень благожелательная рецензия Г.З. Иоффе на книгу Эйбрехема, в которой откровенно указывалось, что российские историки, к сожалению, отстали от своих западных коллег, занимающихся изучением истории революций в России, и это отставание обязательно нужно преодолеть, учитывая, в частности, и такие западные работы, как книга Эйбрехема.

²² Так, например, экстренная сессия Думы 26 июля 1914 г. происходила после, а не до начала мировой войны; следующая думская сессия прошла не 6, а 27–29 января 1915 г., а никакой весенней сессии 1915 г. вовсе не было (с. 52–53), т. к. автор спутал ее с сессией 1916 г., где Керенский действительно выступал по поводу законопроекта о равноправии крестьян. 1 ноября 1916 г., выступая в Думе, Керенский не мог поддержать Милюкова, обвинявшего правящие верхи в «глупости или измене», т. к. говорил перед ним, а не после него (с. 55). Лидер радикально-демократической партии масон И.Н. Ефремов был товарищем председателя, а не председателем IV Государственной думы (с. 106).

²³ См.: *Колоницкий Б.И. А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 г.* // Литературное обозрение. 1991. № 3; *Его же. Британская миссия и А.Ф. Керенский (март–октябрь 1917 года)* // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998; *Его же. Культ А.Ф. Керенского. Образы революционной власти* // Отечественная история. 1999. № 4; *Его же. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года.* СПб., 2001. С. 314–321; *Его же. Легитимация через жизнеописание: биография А.Ф. Керенского (1917 год)* // История и повествование. М., 2006; *Его же. Александр Керенский как «жертва евреев» и «еврей»* // Еврейский обозреватель. 2008. № 3–4; *Его же. Керенский как «новый человек» и новый политик: к изучению генеалогии культа личности* // Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX–XX в.). СПб., 2010; и др.

²⁴ См.: *Булдаков В.П. Красная смута.* М., 1997; *Его же. Quo vadis? Кризисы в России: пути преодоления* (М., 2007); *Его же. Красная смута. 2-е изд. (90 пл.).* М., 2010; и др.

²⁵ См.: *Булдаков В.П. Красная смута. 2-е изд. С. 393–399* и др.

²⁶ Приведем несколько примеров таких неточностей. На с. 65 Федюк пишет, что 26 июля 1914 г. на экстренной сессии Думы по случаю начала мировой войны прозвучали якобы две декларации социал-демократов — большевистская (ее, если верить Федюку, огласил Г.И. Петровский) и меньшевистская (с ней будто бы выступил Н.С. Чхеидзе). На самом деле с единой декларацией двух фракций РСДРП выступил меньшевик В.И. Хаустов. Неверно датирована на с. 70 и речь Керенского в Думе в ноябре 1916 г. Лидер трудовиков произнес ее не 3, а 1 ноября и закончил словами: «Они (указывает на места правительства) должны уйти, они являются предателями интересов страны», после чего по требованию председателя Думы Родзянко должен был покинуть трибуну. В 1917 г. Дума начала заседать 14, а не 15 февраля, причем на последнем ее заседании 25 февраля была назначена и дата следующего заседания — 28, а не 27 февраля (с. 75), но оно уже не состоялось из-за царского указа о перерыве в работе Думы. А.Д. Протопопов никогда не был премьер-министром, как сказано на с. 174, как и А.В. Пешехонов — министром юстиции (с. 176). 3 сентября 1917 г. было объявлено о созыве Демократического совещания, а не Предпарламента (с. 316). Заседание ЦК РСДРП(б) состоялось 16, а не 15 октября (с. 319), а Каменева звали не Леонидом, а Львом (с. 322).

²⁷ См.: История России. XX век. М., 2009. С. 394–396, 442–443.

²⁸ См.: Тютюкин С.В. Александр Керенский в период работы IV Государственной думы (1912 — февраль 1917 г.) // Основные проблемы российской государственности и культуры. М., 2009; *Его же*. Еще раз о феномене Керенского // Достоинство историка. К 90-летию академика Ю.А. Полякова. М., 2011; *Его же*. Александр Керенский: на пути к власти // Историк и его время. К 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2011.

Глава 1

Первые встречи с российской политикой

Александр Керенский родился 22 апреля 1881 г. в Симбирске в дворянской православной интеллигентной и вполне обеспеченной семье. Его прадед и дед по отцовской линии были бедными сельскими священниками в Пензенской губ.¹, прадед по материнской линии — крепостным крестьянином (затем состоятельным купцом), а дед — дослужившимся до генерала обрусевшим немцем по фамилии Адлер. Отец, Федор Михайлович Керенский (1842–1912), имел духовное и светское образование² и очень плодотворно работал в сфере народного просвещения, дослужившись до действительного статского советника³.

Ко времени рождения сына он уже был директором симбирской мужской гимназии, которую закончили при нем знаменитые потом братья А. и В. Ульяновы, а в 1889 г. был назначен главным инспектором народных училищ всего Туркестанского края в Ташкенте, так что детские и юношеские годы Александра прошли сначала на Волге, а потом в Средней Азии. И хотя Керенский-отец сложился как человек и гражданин в эпоху Великих либеральных реформ 1860–1870-х гг., его политические взгляды отличались крайней умеренностью. Будучи государственным служащим, он выделялся среди коллег образцовым законопослушанием и стабильными монархическими взглядами⁴, воспитывая в том же духе и всех своих пятерых детей⁴.

Первые годы жизни сам Александр Керенский называл потом очень счастливыми, если не считать того, что уже в 6 лет он на целых полгода слег в постель с костным туберкулезом, научившись, правда, за это нелегкое время читать и став на всю последующую жизнь, как он позже выражался, «увлеченным читателем»⁵. Уже в детстве и юности Керенский полюбил родную русскую природу, а ташкентские впечатления обогатили его представления о России как о великом имперском государстве со сложной системой международных и межконфессиональных отношений, но с великорусским, скрепляющим все населяющие ее народы, строем⁶. Большую роль в сознании мальчика с самого начала играла Православная вера, что помогло ему твердо усвоить представления о добре и зле, основных жизненных ценностях, сыновнем и патриотическом долге.

В гимназии Александр учился хорошо и легко, особенно по гуманитарным предметам, увлекался самодеятельным театром и даже

мечтал о карьере актера⁷ или музыканта. Юноша был общителен, влюбчив, обожал танцевать и веселиться — словом брать от жизни все, что можно. Сразу же скажем, что такая легкость в движениях, мыслях и поступках осталась у Керенского и в дальнейшем, во многом облегчая, но в чем-то и мешая, в частности, его политической деятельности. Постепенно, однако, у гимназиста Керенского стали появляться и первые сомнения «по поводу мнимого благотворительного правления царя»⁸, хотя в целом процесс политического взросления и прозрения юноши шел явно медленнее, чем у его сверстников, особенно в Петербурге или Москве. Большую роль в этом, помимо обычного провинциализма, как уже говорилось выше, играла и семейная атмосфера в ташкентском доме Керенских. Родители, рано уверовав в блестящие способности сына, постоянно разжигали в нем честолюбивые мечты о блестящей карьере на государственной службе или юридическом поприще, что предполагало прежде всего нормальные отношения с властью.

В характеристике, выданной золотому медалисту Александру Керенскому в ташкентской гимназии, говорилось о его очень хороших способностях, выдающемся умственном развитии, примерном усердии и аккуратности, начитанности и особом интересе к историко-литературным предметам⁹. Поэтому осенью 1899 г. он и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, одновременно посещая лекции и на юридическом факультете, но через год прочно закрепился на последнем¹⁰, посещая лишь отдельные лекции по истории.

В столице наш молодой универсальник, проживающий в общежитии и впервые освободившийся от плотной родительской опеки, быстро начал усваивать мирозерцание, типичное для демократической части тогдашнего российского студенчества. Однако он решительно отверг модные позитивизм, атеизм и особенно марксизм, казавшийся ему слишком схематичным, классово-ангажированным и безучастным к неповторимой индивидуальности каждой отдельно взятой человеческой личности. Не устраивали студента Керенского и подчеркнутый материализм и атеизм марксистского учения, и его особое отношение к экономике и социальным отношениям как основе общественной жизни, и своеобразный культ пролетариата как «главного» класса, творящего историю¹¹. Поэтому эсеры уже тогда нравились Керенскому больше социал-демократов, хотя каких-либо твердых идеологических убеждений у молодого студента еще и не было. В целом же учеба в университете давалась ему легко, оставляя время для частого посещения столичных театров, поэтического творчества, работы в туркестанском студенческом землячестве и активного уча-

ствия в бурных и неизбежно принимавших уже политическую окраску товарищеских спорах.

Не будем забывать, что начало XX в. ознаменовалось в России первым крупным подъемом массового пролетарского протестного движения, пробуждением деревни, выступлениями студенчества и организационным оформлением двух нелегальных революционных партий — РСДРП и социалистов-революционеров, а также либерально-демократического «Союза освобождения». Они выпускали за границей, соответственно, газеты «Искра» и «Революционная Россия», а также журнал «Освобождение», тайно доставлявшиеся на родину и будоражившие умы российской интеллигенции и особенно студенчества. В стране нарастало недовольство самодержавным строем и все громче звучали требования политической свободы и социального равенства.

В 1901 г. студенты Петербургского университета на собственном опыте узнали, что такое насильственная отдача участников их протестных акций в солдаты, а убийство министра народного просвещения Н.В. Боголепова студентом Петром Карповичем показало, насколько высок градус молодежного протеста. В этой обстановке во время сходки на юридическом факультете Керенский, поддавшись общему настроению, вдруг произнес свою первую политическую речь, призвав товарищей помочь народу в борьбе за свободу¹². За это ректор университета отправил его в «отпуск» к родителям в Ташкент, оговорив, что спасает Александра от полиции только из уважения к его отцу¹³. В Ташкенте Керенский буквально купался в лучах неожиданно свалившейся на него славы, но не на шутку испугавшийся Ф.М. Керенский взял с сына слово до окончания университетского курса держаться в стороне от политики, и тот это слово сдержал¹⁴.

После окончания университета Керенский женился¹⁵, а осенью 1904 г. стал помощником присяжного поверенного в столице империи. Он сблизился с либеральными земцами и либерально-демократической интеллигенцией из «Союза освобождения» и принял участие в организованной ими банкетной кампании в связи с 40-летием введения в России в 1864 г. Александром II судебных уставов. Правда, выполнял он при этом только отдельные поручения старших товарищей сугубо технического характера. Оказалось, что эта кампания стала последней перед началом Первой русской революции крупной политической акцией либеральных и особенно леволиберальных сил, проходившей под лозунгами перехода от самодержавия к конституционной монархии и проведения новых либеральных реформ. Так, в Петербурге банкеты прошли 20, 21, 28, 30 ноября, 2, 30 и 31 декабря, и легко предположить, что Керенский имел прямое отношение к их организации¹⁶. Работал же в то время он юрисконсультом

в Народном доме графини С.В. Паниной, где его клиентами была столичная беднота, вынужденная иметь дело с царским правосудием.

Настоящим шоком для 23-летнего Керенского стали события «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., ознаменовавшие начало революции в России. В то утро он вместе с другом были на Невском проспекте и на Дворцовой площади, сначала восхищаясь организованностью столичных рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу, чтобы подать царю петицию о своих нуждах, а затем в панике и ужасе убегая оттуда, когда войска открыли ружейный огонь по безоружным людям¹⁷. Керенский однозначно считал, что это была «чудовищная», «историческая» ошибка властей, за которую им и стране в целом пришлось заплатить потом очень дорогую цену¹⁸.

Вернувшись домой, потрясенный Керенский написал письмо знакомым гвардейским офицерам, участвовавшим в этом побоище, пытаясь раскрыть им глаза на то, что произошло 9 января при их молчаливом согласии. Письмо Керенский подписал своим именем. «Никаких неприятных последствий этот поступок не имел, — вспоминал он. — Те, кому я писал, все-таки были людьми чести, и ни один не выдал меня и не передал мое письмо в полицию. Но с того времени я порвал всякие связи со всеми друзьями и знакомыми из бюрократических кругов, настолько ненавистными для меня были воспоминания о событиях того воскресного утра...»¹⁹

После 9 января Керенский по поручению своих коллег по адвокатуре посещал семьи пострадавших рабочих и беседовал с ними, что позволило ему лучше узнать столичную пролетарскую среду, ее нищету, страдания и полную невинность рабочих в случившемся²⁰. Еще 10 января прошло собрание столичных адвокатов, постановившее проводить ежемесячно отчисления в пользу семей погибших, составить резолюцию протеста и провести общественное расследование произошедшего. Когда власти арестовали писателя А.М. Горького и его товарищей-единомышленников, пытавшихся предотвратить трагедию и побывавших 8 января в Царском Селе для оказавшейся бесплодной встречи с С.Ю. Витте²¹, то столичные адвокаты вновь составили резолюцию протеста, и среди 217 подписантов там значилась уже и фамилия Керенского²². Так он впервые попал в поле зрения Департамента полиции и был взят на заметку.

Тем не менее февральское обещание Николая II созвать законосовещательную Государственную думу вызвало у Керенского настоящий взрыв надежд на ограничение самодержавного произвола по воле самого монарха. И это было вполне естественно для еще неопытного в политике молодого человека, каким он тогда был. Однако весной и летом 1905 г. Керенского на время отвлекли от политики дела семейные — рождение сына Олега и поездка в Ташкент в связи

с безвременной смертью матери. В Петербург он вернулся лишь в середине сентября, когда ветры революции и свободы уже готовились поднять всю Россию на дыбы.

К началу нового учебного года университеты получили автономию и полиции было официально запрещено появляться на их территории, а в аудиториях стали свободно проводиться политические собрания, дискуссии, митинги и даже сборы средств на оружие для боевых групп и революционную печать. Мы не знаем, когда точно Керенский вступил в организованную двоюродным братом его жены, студентом Института инженеров путей сообщения эсером Сергеем Васильевым, группу с громким названием «Организация вооруженного восстания», но этот шаг, несомненно, имел для нашего героя немалые последствия²³.

Группа распространяла листовки с призывом к вооруженному восстанию, но каких-либо практических действий в этом направлении не предпринимала. Сам Керенский позже называл работу своих друзей «временной блажью» и «революционным романтизмом», поскольку у них не было даже огнестрельного оружия²⁴. Личное же участие Керенского в группе свелось в основном к хранению у себя на квартире некоторых ее материалов.

В 1905 г. в ходе революции были две главные кульминационные точки — Всероссийская октябрьская политическая стачка с участием около 2 млн рабочих и служащих и декабрьские вооруженные восстания в Москве и некоторых других районах страны²⁵. Всеобщая забастовка заставила Николая II подписать 17 октября конституционный, по своей сути, манифест с обещанием дать россиянам гражданские свободы и созвать уже не законосовещательную, а законодательную Думу. Реакционные силы ответили на это еврейскими погромами и убийством прогрессивных общественных деятелей. В этой сложной и не вполне еще определившейся ситуации Васильев, Керенский и их друзья решили воспользоваться обстановкой невиданной прежде в России политической свободы для издания на средства богатого столичного купца газеты «Буревестник». Название ее было навеяно знаменитой тогда «Песней о Буревестнике» Максима Горького с ее очень сильным в эмоциональном плане финальным призывом «Пусть сильнее грянет буря!» Газета выходила с 15 ноября на 16 страницах под не менее знаменитым к тому времени эсеровским девизом «В борьбе обрешь ты право свое!» На ее страницах можно было найти проект программы партии эсеров, материалы об убийстве в Москве в феврале 1905 г. эсером И.П. Каляевым вел. кн. С.А. Романова, резкие обличения организаторов осенних еврейских погромов, критику бойкотистской тактики социал-демократов и эсеров в отношении будущих выборов в I Государственную думу. 4 декабря

№ 5 «Буревестника» вышел уже в качестве печатного органа партии эсеров. Одним из его авторов и, скорее всего, редактором был Керенский. После разгрома Декабрьского восстания в Москве издание газеты было, естественно, властями приостановлено²⁶.

Можно с достаточной долей уверенности считать, что с осени 1905 г. Керенский уже вполне разделял взгляды эсеров почти по всем основным вопросам теории и практики революционного движения, включая тактику индивидуального террора. Это, видимо, и объясняет тот факт, что в начале декабря он предложил Боевой организации ПСР во главе с Е.Ф. Азефом свою кандидатуру в качестве потенциального будущего царубийцы. Лишь в 1917 г. выяснилось, что отклонил это предложение лично Азеф, не считавший молодого адвоката достаточно опытным и твердым в своих убеждениях и поведении революционером²⁷.

Тем не менее в ночь на 23 декабря Керенский был арестован и доставлен в знаменитую столичную тюрьму «Кресты». При обыске на квартире у него были найдены некоторые материалы группы «Организация вооруженного восстания», программа эсеров, тетрадь со стихотворениями «преступного содержания», бумага для гектографа и заряженный револьвер²⁸. Однако для конца декабря 1905 г., когда в Москве только что закончилось восстание, всего этого для серьезного приговора было уже недостаточно. В 1917 г., когда после Февральской революции открылись полицейские архивы и, в частности, личное досье Керенского, которое вели в 1905 г. в Департаменте полиции, выяснилось, что арестовали его по подозрению в связи с бежавшей из архангельской тюрьмы и вступившей в группу Васильева эсеркой-террористкой С. Клитчоглу, которую тоже арестовали после ареста Керенского. В итоге о нем в полиции скоро вообще забыли, никакого обвинения не предъявляли и на допросы не вызывали.

В этой более чем странной обстановке Керенский объявил семидневную политическую голодовку протеста. В ответ ему наконец предъявили обвинение в причастности к подготовке восстания и в принадлежности к организации, ставившей своей целью свержение существующего строя. Однако прошел еще месяц, пока 5 апреля его неожиданно отпустили на волю под гласный надзор полиции с запретом, как это было тогда принято, проживать в Петербурге, Москве и других университетских городах. Но после хлопот одной дальней родственницы Керенскому было разрешено жить в Ташкенте у отца, но лишь через 9 месяцев после ареста его дело было прекращено за недостатком улик. Как вспоминал впоследствии Керенский, «полностью освободившись от юношеского романтизма, ...я решил, что, выйдя на свободу, посвящу все свои силы делу сплочения всех демократических партий России»²⁹.

В Петербург Керенский вернулся из Ташкента только в середине августа 1906 г. За время его отсутствия в стране произошли не малые изменения. С одной стороны, он уже знал об этом из газет, а с другой — смог полностью осмыслить только тогда, когда вернулся домой. После колоссального выброса протестной энергии масс, радикальной интеллигенции и революционных и оппозиционных партий в октябре–декабре 1905 г. революция резко замедлила затем свой темп. Стало ясно, что прямой штурм самодержавной власти не удался и свалить ее одним ударом у революционеров не получилось. И хотя революция в 1906 — первой половине 1907 г. еще продолжалась, но постепенно она уже шла на спад. В итоге Керенский не стал возобновлять осенью 1906 г. свои прежние контакты с эсеровскими боевиками, участвовать в выпуске революционных листовок или выступать на митингах. Новые времена требовали и новых форм антиправительственной деятельности, да и попадать снова в тюрьму ему, конечно же, не хотелось. Это не означает, однако, что Керенский навсегда распрощался тогда с партией эсеров и ее идеологией. Недаром в IV Думе (1912–1917 гг.) он был известен именно как эсер, хотя и числился в крестьянской Трудовой группе, а фактически сразу же после победы Февральской революции в марте 1917 г. объявил о своем членстве в ПСР.

Нельзя не учитывать того, что после революционного взрыва 1905 г. на российской политической сцене тоже произошли значительные перемены. Пост премьер-министра занял в июле 1906 г. более решительный и властолюбивый, чем Витте и тем более И.Л. Горемыкин, П.А. Столыпин, а после неудачного покушения эсеров-максималистов на его жизнь в августе в стране были введены военно-полевые суды, обладавшие безапелляционным правом вынесения «скорострельных» смертных приговоров. Помимо общего руководства правительством Столыпин возглавлял Министерство внутренних дел, а также взял на себя инициативу проведения крупномасштабной аграрной реформы, призванной дать следующий после отмены крепостного права импульс процессу перехода российской деревни к организации современного сельскохозяйственного производства на основе превращения крестьян в реальных собственников своей земли. Это была задача грандиозная, но трудновыполнимая даже для такой неординарной личности, как Столыпин, и выполненная поэтому при его жизни лишь частично.

Однако натиск демократических сил на царизм в 1905 г. все же заставил власти пойти на очень значительные уступки общественности. На основе Манифеста 17 октября 1905 г. в апреле 1906 г. были изданы в новой редакции Основные государственные законы Российской империи, которые многие историки считали и считают ныне

документом конституционного (или, на худой конец, полуконституционного) характера. Весной и летом 1906 г. отгремела и эпопея, связанная с выборами, кратковременной работой (апрель — начало июля) и вызывающим досрочным роспуском I Государственной думы³⁰, в которой многие видят (пусть и с некоторыми оговорками) первый российский парламент. Все это свидетельствовало о том, что первая демократическая революция в России, несмотря на поражение, отнюдь не была бесплодной и политическую систему страны после 1905 г. уже нельзя было по-прежнему называть самодержавием, а Государственную думу — «лжепарламентом».

Правда, у этой точки зрения есть и свои противники. Они ссылаются не только на отсутствие в царской России всеобщего избирательного права, которого не имели все женщины и молодежь в возрасте до 25 лет, а также некоторые другие слои населения, но и на такие факторы, как безответственность власти перед Думой, право царя в любой момент распускать ее, лишение депутатов права обсуждать внешнеполитические и военные вопросы. Тем не менее прорыв страны от абсолютизма (самодержавия) к полуконституционализму и монархическому парламентаризму, совершенный в ходе Первой русской революции, был налицо. Об этом говорят достаточно широкий социальный, национальный и партийный состав Государственной думы, гласность думских прений, депутатская неприкосновенность и право депутатов на коллективные запросы министрам по тем или иным острым внутривнутриполитическим вопросам. Без утверждения Думой, Госсоветом и царем в России теперь не вступали в силу ни один закон и роспись государственных доходов и расходов. Думский депутатский корпус, наряду с политическими партиями, общественными организациями и прессой, участвовали в формировании своего рода контрэлиты российского общества, а встречи оппозиционных депутатов со своими избирателями, несомненно, способствовали политическому просвещению населения страны. Все это сближало Государственную думу с парламентами западных стран и давало основание тоже считать ее «царским парламентом».

Государственная дума могла бы стать инструментом достижения гражданского и социального мира в России, но I и II Думы (1906, 1907 гг.) были досрочно распущены по указам царя, III Дума смогла интегрироваться в политическую систему страны и приняла более 2 тыс. законов, но не сумела противостоять произволу царской администрации. Лишь IV Дума, депутатом которой был и Керенский, в 1915–1917 гг. превратилась в оплот оппозиционных сил и практически стала к моменту Февральской революции их рупором.

Тем не менее революция 1905–1907 гг. во многом изменила политический климат в стране и открыла, в частности и перед Керен-

ским, более благоприятные возможности легальной деятельности, способной вдобавок помочь нашему герою обеспечивать свою семью. Поэтому, когда его знакомый, молодой, но уже модный столичный адвокат социал-демократ Н. Д. Соколов в конце октября 1906 г. предложил ему срочно поехать вместо него в Ревель, где начинался процесс по делу более 20 эстонских крестьян, разграбивших в декабре 1905 г. имение местного немецкого барона, Керенский немедленно согласился. В ходе защиты он сыграл на том, что подсудимых полиция хватала второпях, без разбора их конкретные вины и вдобавок еще до суда всех крестьян безжалостно выпороли. В результате большинство обвиняемых на процессе были оправданы. Отчет об этом первом профессиональном успехе Керенского попал в столичные газеты, и имя молодого прогрессивного адвоката сразу приобрело популярность в демократических кругах, сочувствовавших участникам революции³¹. Он получил от подзащитных памятный подарок (серебряную чашку с благодарственной надписью), выслушал множество комплиментов и решил продолжать начатое дело, на собственном опыте убедившись, что и в царском суде можно теперь с успехом защищать интересы хотя бы части обвиняемых. Лыстило самолюбию Керенского — а это была одна из главных черт его характера — и то, что после тюрьмы и первого выигранного судебного процесса он стал «своим» в столичных леворадикальных кругах и вошел в группу молодых адвокатов, специализировавшихся на защите тех, кто протестовал против несправедливых царских порядков.

В декабре 1906 г. Керенский защищал в Риге и руководителей так называемой Туккумской республики, организовавших в конце ноября — начале декабря 1905 г. в маленьком латышском городке Туккуме демократическое местное самоуправление и заменивших полицию народной милицией. Произошло тогда и нападение революционеров на царских драгун (15 из них были убиты, а их командир взят в плен и расстрелян). В ответ под расстрел пошли около полусотни ни в чем не повинных горожан. Узнав об этом, Николай II выразил недоумение, почему Туккум вообще не был полностью разрушен правительственными войсками³². В эти условиях Керенскому пришлось в Риге нелегко: из 75 обвиняемых только 12 были оправданы, а 17 приговорены к расстрелу. Тем не менее в своей речи на суде молодой адвокат подчеркнул, что туккумское население жестоко страдало от гнета местной немецкой знати, и именно это и послужило причиной кровавых событий в городе³³.

По возвращении из Риги Керенский в январе–феврале 1907 г. принял активное участие в избирательной кампании по выборам во II Государственную думу, агитируя, естественно, за эсеров, которые на этот и до 1917 г. единственный раз решили попытаться политиче-

ское счастье в царском парламенте³⁴. Благодаря блоку с трудовиками и Всероссийским крестьянским союзом, который был заключен тогда почти во всех губерниях и к которому присоединялись в отдельных случаях народные социалисты и социал-демократы, эсеры провели во II Думу 62 депутата (социал-демократа — 64, кадеты — 124). Успех эсерам обеспечили, в первую очередь, Поволжье и Урал, тогда как от Петербурга в Думу не прошел ни один эсеровский депутат, хотя на первом этапе выборов на крупных заводах столицы, считавшихся самыми революционными, эсеры даже взяли верх над социал-демократами³⁵.

До 1909 г., когда Керенский как адвокат стал вполне самостоятельным профессионалом, он оставался помощником столичного приносящего поверенного Н.А. Оппеля, который специализировался на уголовных делах и как бы не замечал политическую составляющую работы своего подопечного. Настоящими же его «работодателями» были тогда уже упоминавшийся выше Соколов и адвокат О.О. Грузенберг³⁶. За первые 5 лет своей адвокатской карьеры Керенский мог достаточно близко наблюдать немало видных фигур оппозиционного лагеря. В 1907–1908 гг. он помогал, в частности, защищать трудовиков, подписавших в июле 1906 г. Выборгское воззвание депутатов распушенной царем I Думы к гражданам России, участвовал в процессах по делу Всероссийского крестьянского союза, Петербургской социал-демократической военной организации, Северного летучего отряда эсеровской военной организации и т.д.³⁷

Среди других процессов, о которых вспоминал потом сам Керенский, были дело об экспроприации денег из Миасского казначейства на Южном Урале, осуществленной молодыми большевиками (оно закончилось оправданием некоторых подсудимых), дело «Союза учителей Петербургской губ.», дело группы «Крестьянское братство» в Тверской губ. и др.³⁸ При этом коллеги Керенского прямо предупреждали его будущих клиентов: «Если вы хотите, чтобы он защитил революцию, то он это сделает блестяще.., ибо в Керенском революционер всегда берет верх над адвокатом», за что военные судьи его просто ненавидят³⁹. При этом из Керенского-оратора быстро выработался мастер импровизации, ибо своих речей он никогда заранее не писал и тем более не репетировал⁴⁰.

Много времени проводил Керенский в те годы в российской провинции. Как вспоминал он позже, «после Ревельского процесса на меня посыпались дела. Вплоть до моего избрания в Думу осенью 1912 г. я редко бывал в Петербурге. Работа гнала меня в провинцию, и я ознакомился со всей страной, от Иркутска до Риги, от Петербурга до Туркестанского Маргилана; бывал я и на Кавказе, на Волге и в Сибири»⁴¹. Адвокатская деятельность Керенского не давала угаснуть

в нем чувству социальной справедливости и ненависти к царизму (причем с годами оно только укреплялось и оставалось главным стимулом для его участия в политических процессах). Она приносила ему большое внутреннее удовлетворение, новые знакомства и новых поклонников его таланта. Теперь Керенский чувствовал себя уже способным и на большее, чем вскоре не замедлили воспользоваться пристально наблюдавшие за его успехами активные участники российского освободительного движения.

¹ Фамилия Керенских происходит от названия города Керенска Пензенской губ., причем ударение ставится в обоих случаях на первом слоге.

² Он закончил историко-филологический факультет Казанского университета.

³ Это соответствовало чину генерал-майора на военной службе и давало право на потомственное дворянство.

⁴ Трех дочерей и двух сыновей.

⁵ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 19. В дальнейшем, вплоть до 1915 г., здоровье больше не подводило Александра, хотя называть его крепким было и нельзя. Тем не менее после удаления в 1916 г. одной почки Керенский прожил еще более 50 лет.

⁶ В своих воспоминаниях Керенский в целом положительно оценивал «российскую колониальную политику в Азии», объясняя ее успехи терпимостью русской администрации к «местному образу жизни», включая и мусульманскую религию. Его итоговая оценка ситуации в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. звучала так: «Тридцать лет русского владычества вернули Туркестан — страну блестящей, но давно исчезнувшей цивилизации — к жизни и процветанию» (*Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 24–25).

⁷ Интересно, что с особым успехом гимназист Керенский исполнял, видимо, внутренне очень близкую ему роль Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя.

⁸ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 27. После смерти Александра III он еще плакал, а приведенное высказывание относится к его сыну — Николаю II.

⁹ См.: *Федюк В.П.* Керенский. М., 2009. С. 23.

¹⁰ Чтобы сократить число «вечных» студентов, многие из которых вливались потом в революционную среду, было решено запретить учебу сразу на двух факультетах, что коснулось и Керенского. Ему пришлось заново пройти на юрфаке программу 1-го курса, что увеличило срок его университетской учебы на один год.

¹¹ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 44, 15, 16, 19, 24. Подробнее об идейно-политической жизни российского общества в начале XX в. см.: *Первая революция в России: взгляд через столетие.* М., 2005. С. 121–150.

¹² Точного содержания этой речи не запомнили ни сам оратор, ни его слушатели. Однако бурная реакция университетского начальства показывает, что она была горячей и достаточно резкой.

¹³ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 36.

¹⁴ Сам Керенский писал позже в воспоминаниях, что эта его клятва была вынужденной и он тогда уже знал: «Если не действия, то хотя бы все мои помыслы будут связаны с политикой» (там же. С. 37).

¹⁵ Женой его стала Ольга Львовна Барановская (1886–1975) — дочь полковника Генерального штаба и внука известного ученого-китаеведа академика В.П. Васильева,

закончившая Высшие женские («бестужевские») курсы в Петербурге. Весной 1905 г. у Керенских родился первенец Олег, а в 1907 г. — второй сын Глеб. Ольга посвятила себя семье, очень любила мужа и долго прощала ему многочисленные измены, но в 1917 г. они все-таки расстались. В 1920 г. О.Л. Керенская с детьми выехала за границу и поселилась в Англии, где и прожила до самой смерти (см.: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 31–33, 367–369).

¹⁶ См.: *Шаццло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 294 и след.

¹⁷ Подробнее см.: Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 166–178. Николай II, давший, по существу, карт-бланш столичным властям, полиции и войсковым командирам на обеспечение порядка в Петербурге, а сам уехал в Царское Село, практически разделял ответственность за учиненное в тот день кровавое побоище, в ходе которого были убиты до тысячи человек, включая женщин и детей. Непосредственное руководство войсками осуществлял дядя царя вел. кн. В.А. Романов, не скрывавший того, что хочет «проучить рабочих». Таким образом на революционную борьбу Керенского и людей его поколения толкали не столько революционные доктрины, сколько сам правящий режим.

¹⁸ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 56.

¹⁹ Там же. С. 58.

²⁰ См.: Письма Александра Керенского родителям // Источник. 1991. № 3. С. 21.

²¹ См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 161; Первая революция в России... С. 172. Причастность Витте к трагическим событиям 9 января 1905 г. больно ранила Керенского, помнившего, с каким восхищением отец рассказывал ему о Витте, с которым встречался в Ташкенте (см.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 12, 27).

²² См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. Пг., 1917. С. 5.

²³ См.: *Abraham R.* Alexander Kerensky. The First love of the Revolution. New York, 1987. P. 28. Автор использовал там материалы своих лондонских бесед с О.Л. Керенской, которая назвала ему по крайней мере имена еще 4 членов этой группы, помимо Васильева и Керенского.

²⁴ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 67.

²⁵ См.: Первая революция в России... С. 296–324, 360–388.

²⁶ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 66, 71; *Abraham R.* Op. cit. P. 30–31.

²⁷ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 67–68.

²⁸ А.Ф. Керенский. По материалам Департамента полиции. С. 6.

²⁹ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 75; *Abraham R.* Op. cit. P. 33–35; *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 41–45.

³⁰ После ее роспуска 8 июля 1906 г. примерно половина депутатов (кадеты, трудовики, социал-демократы, некоторые представители национальных районов России и беспартийные) собрались в Выборге на территории Великого княжества Финляндского и приняли так называемое Выборгское воззвание, подписанное 180 участниками совещания, с призывом к пассивному сопротивлению россиянам царскому режиму — отказу от уплаты налогов и от исполнения воинской повинности. Однако успеха этот смелый по тому времени документ не имел (см.: *Тютюкин С.В.* Июльский политической кризис 1906 в России. М., 1991. С. 82, 89; *Демин В.А.* Выборгское воззвание // Государственная дума Российской империи 1906–1917. Энциклопедия. М., 2006. С. 119–120).

³¹ См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 80–82; Речь. 1906. 1, 3 ноября; Abraham R. Op. cit. P. 40.

³² См.: Исторический архив. 1955. № 1. С. 216–217.

³³ См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 84; Abraham R. Op. cit. P. 40–41.

³⁴ См.: Керенский А.Ф. Избранные речи. Пг., 1917. С. 8 (предисловие друга Керенского В.В. Кирьякова).

³⁵ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 363–364, 358–361.

³⁶ См.: Abraham R. Op. cit. P. 45–46.

³⁷ См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 83–84. Представляет интерес логика защиты Керенским членов Всероссийского крестьянского союза. Он говорил, что только под руководством интеллигенции русская революция будет развиваться как прогрессивный культурный процесс, а не скатится через анархию к реакции. Керенский убеждал судей, что во время революции долг интеллигенции — откликаться на стремление масс к свету, сочувствовать народной нищете и обсуждать с крестьянами даже такие вопросы, как созыв Учредительного собрания или аграрный вопрос, бросая этим вызов полиции и даже оказывая ей сопротивление. Тем самым он оправдывал своих подзащитных, смело защищавших интересы крестьянства. Таким образом, если в глазах царских судей Крестьянская революция и агитационно-организаторская деятельность ВКС в деревне были криминалом, то Керенский видел в них в условиях России нечто вполне естественное. В итоге двое подзащитных Керенского из числа подсудимых были оправданы. См.: Право. 1908. № 7. 17 февраля. Стб. 126.

³⁸ См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 86–87.

³⁹ См.: В-ць. А.Ф. А.Ф. Керенский — народный министр. Одесса, 1917. С. 7.

⁴⁰ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 82.

⁴¹ Гонорары за участие в таких процессах сначала были очень невелики и включали стоимость проезда в железнодорожном вагоне 2-го класса и суточные в размере 10 руб. (там же. С. 83). Более опытные адвокаты (Карабчевский, Грузенберг и др.) брались за подобные политические дела уже на более выгодных для себя условиях. Постепенно Керенский тоже стал получать за свою работу более высокие гонорары, что позволило ему создать и более благоприятные условия жизни для своей семьи.

Глава 2

В царском парламенте: становление профессионального политика

Смутное внутреннее предчувствие Керенским каких-то назревающих в его жизни серьезных перемен получило осенью 1910 г. (более точная датировка отсутствует) мощную подпитку в форме вполне конкретного предложения принять через 2 года участие в избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу в качестве кандидата в депутаты. Предложение это исходило от правого крыла неонароднического социалистического течения в лице известного депутата I Думы трудовика адвоката Л.М. Брамсона, известного петербургского педагога С.Ф. Знаменского и главного идеолога народно-социалистической партии литератора А.В. Пешехонова. Обеспокоенные тем, что после бурного взлета общественно-политической активности и популярности Трудовой группы в I и II Думах она затем заметно сникла в годы премьерства Столыпина¹, эти деятели решили возродить ее былые традиции и пополнить новыми перспективными людьми. При этом их выбор вполне закономерно остановился на приобретавшем все большую популярность 29-летнем адвокате Керенском, который хотя и не скрыл от своих визитеров, что его симпатии принадлежат эсерам, а не трудовикам и энесам, тем не менее отнесся к их предложению вполне положительно².

К моменту думских выборов осенью 1912 г. Керенский еще больше укрепил свою репутацию «друга народа» успехами на судебном процессе над членами близкой к эсерам армянской революционной партии «Дашнакцутюн» (январь 1912 г.)³ и участием в общественном расследовании причин прогремевшего на всю Россию трагического Ленского расстрела рабочих-золотодобытчиков в Восточной Сибири (весна 1912 г.)⁴. Был куплен Керенским за 200 руб.⁵ и небольшой домик в приволжском городке Вольске Самарской губ., где он баллотировался в депутаты по городской курии, поскольку каждый кандидат должен был обладать хотя бы небольшой недвижимостью. Сами выборы состоялись в сентябре–октябре 1912 г., причем Керенский практически не имел сильных соперников и преодолел все препятствия в избирательной гонке сравнительно легко.

IV Государственная дума собиралась уже совсем в иной обстановке, чем ее предшественница. 1912 г. стал в России знаковым. В стране царил промышленный подъем, а вместе с ним росло и пролетарское

движение, получившее к тому же дополнительный толчок после Ленского расстрела (1,5 млн забастовщиков). Кончилась эпоха Столыпина, убитого террористом в сентябре 1911 г., а при Дворе стремительно восходила звезда нового любимца царской четы сибирского крестьянина Григория Распутина, по-своему облегчавшего страдания больного гемофилией наследника престола цесаревича Алексея и имевшего поэтому огромное влияние на его родителей. Политические же акции преемника Столыпина премьера В.Н. Коковцова наоборот резко шли вниз.

В социал-демократическом движении произошло новое организационное размежевание большевиков и меньшевиков (в 1912 г. прошли, соответственно, их Пражская и Венская фракционные конференции). При этом большевистское влияние возобладало как раз в тех промышленных губерниях, где рабочие имели право посылать собственных депутатов в Государственную думу. Наблюдалось оживление и в эсеровских партийных организациях, оправлявшихся от шока, вызванного разоблачением в 1908 г. провокатора Евно Азефа — члена ЦК ПСР и в течение ряда лет руководителя эсеровских боевиков-террористов. На политической арене появилась небольшая, но прочно укорененная в московской финансово-предпринимательской среде (братья П.П. и В.П. Рябушинские, А.И. Коновалов и др.) Партия прогрессистов, занявшая свое место среди оппозиционных правительству сил. В итоге на смену относительно спокойному реформаторскому периоду, связанному с именем Столыпина, в России опять шли новые катаклизмы и бури.

IV Государственная дума начала свою работу 15 ноября 1912 г. в Таврическом дворце в Петербурге. Распределение депутатов по партийным фракциям выглядело так: правые и националисты имели 185 мандатов, октябристы — 98, кадеты — 59, прогрессисты — 48, национальные группы (Польское коло, Группа западных окраин и Мусульманская фракция) — 21, социал-демократы — 14, трудовики — 10 и беспартийные — 7. Правые таким образом составляли около 20 % депутатского корпуса, кадеты (вместе с примыкавшими к ним прогрессистами и «националами») — около 30 %, а на долю трудовиков и социал-демократов приходилось всего 5 % народных избранников⁶. Всего в начале работы IV Думы в ней было 442 депутата. В дальнейшем, после дополнительных выборов их общее число достигло 461, а в начале 1917 г. вновь сократилось до 403⁷. К высшим слоям российского общества относились 210 депутатов (в том числе 196 помещиков), к средним — 191, к «низам» — 59 (49 крестьян и 10 рабочих). Свободными профессиями (адвокаты, врачи, журналисты, педагоги и т. д.) занимались 52 депутата, в том числе и Керенский⁸.

Исход голосований в большинстве случаев зависел от позиции октябристов, которые могли блокироваться то с «правыми», то с кадетами, прогрессистами, «националами» и даже с трудовиками и социал-демократами. Октябристы дали IV Думе и председателя в лице М.В. Родзянко, который еще весной 1911 г. сменил А.И. Гучкова на посту руководителя III Думы. В своей вступительной речи Родзянко объявил себя сторонником того строя, который дарован России Манифестом 17 октября 1905 г. и укрепление которого является главной заботой «русского народного представительства»⁹. Однако уже с лета 1915 г. IV Дума из опоры царизма объективно превратилась в одного из его могильщиков, причем этот процесс явно шел по восходящей и критика в адрес власти даже со стороны отдельных правых монархистов, не говоря уже о кадетах и особенно левых, далеко превзошла все допустимые тогда в России парламентские пределы.

У Керенского как оратора — а немалая и притом достаточно удачная адвокатская практика породила у него в этом плане немалую самоуверенность — в Думе было довольно много сильных соперников. Кадеты П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев и В.А. Маклаков, правые В.В. Шульгин, В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков 2-й отнюдь не были в IV Думе новичками и уже имели за плечами достаточный опыт выступлений с трибуны Таврического дворца. Не могли не смущать Керенского и непривычная для него на первых порах общая парламентская атмосфера с ее довольно строгой дисциплиной и неусыпным контролем председателя за содержанием и даже тоном депутатских выступлений, а также равнодушная или откровенно враждебная реакция на его речи большинства коллег, особенно правых, видевших в нем классового и идейного врага. Поэтому вначале он чувствовал себя на трибуне довольно неуверенно, сильно волновался, брызгал слюной в сидевших рядом стенографов и в общем производил на окружающих явно неблагоприятное впечатление. Однако в дальнейшем эта ситуация быстро изменилась к лучшему. Показательно, что уже в начале декабря 1912 г. Керенский был избран членом двух депутатских комиссий — по составлению Наказа Думы и по запросам ее членов правительству¹⁰.

Начало депутатской карьеры Керенского совпало и с приемом его в думскую масонскую ложу, принадлежность к которой стала тогда в депутатской элите своего рода модой¹¹.

Проблема российского масонства принадлежит к числу наиболее «темных» и таинственных вопросов отечественной истории, поскольку, вступая в эту тайную организацию, ее члены давали клятву о неразглашении всего, что связано с деятельностью ложи. Поэтому те крупницы информации о масонской организации, которые много лет спустя стали появляться в мемуарной литературе (в том числе

и в воспоминаниях Керенского), мало что проясняют сегодняшним историкам. К чему, например, обязывала масонов-депутатов принадлежность к этой организации, и как она влияла на их парламентскую деятельность, до сих пор остается тайной.

Почти наверняка можно утверждать, что корпоративная дисциплина масонов в России была намного слабее, чем в Западной Европе, и отечественные масонские ложи были похоже, скорее, на политические клубы, чем на некие тайные сектантские организации, жестко противостоявшие обществу и государству. Тем не менее было бы ошибкой вообще игнорировать масонские связи как политический фактор: достаточно вспомнить события 1917 г., когда от трех масонов — членов Временного правительства (Керенский, Некрасов и Терещенко) с их солидарной, согласованной позицией, прежде всего, зависела эффективность и последовательность определявшегося ими курса тогдашней российской власти, которую никто не выбирал и которая ни перед кем не отчитывалась.

Принадлежность к масонской организации, несомненно, расширяла и облегчала связи ее членов с «нужными» им в деловом отношении людьми, придавала этим связям неформальный, но очень прочный характер, давала возможность получать дополнительную информацию, а возможно, и какие-то материальные средства. Однако анализ думской деятельности депутатов-масонов убеждает в том, что их партийные взгляды и исповедуемая ими идеология явно доминировали над той «братской» масонской общностью, которая устанавливалась между ними после вступления в ложу. Совершенно очевидно, что руководители ложи не давали ее членам никаких приказов и не требовали от них слепого повиновения, и этим политическое масонство начала XX в., особенно в России, несомненно, отличалось от религиозно-мистического масонства более раннего периода. Нет у нас данных и о том, что российские масоны выполняли какие-то политические инструкции, получаемые по масонской линии из-за рубежа. Что касается Керенского, то он занимал в масонской иерархии довольно высокое положение, будучи в 1915–1916 гг. генеральным секретарем Высшего совета «Великого Востока народов России»¹².

В Думе Керенский быстро занял очень активную политическую позицию, став вскоре одним из лидеров парламентской оппозиции, которая включала в себя, помимо трудовиков, всех социал-демократов, левых кадетов, часть октябристов, прогрессистов и «националов», а по отдельным вопросам и некоторых правых депутатов. При этом он не ограничивался чисто парламентской деятельностью и привычными для многих депутатов встречами со своими избирателями и поездками по стране, но поддерживал также связи с революционным подпольем, занимаясь при этом практически уже не оппозиционной,

а революционной деятельностью, тщательно фиксировавшейся агентами Департамента полиции МВД¹³.

Керенский, естественно, не сразу занял в Трудовой группе руководящее положение. В 1912–1914 гг. ее лидером был сибиряк В.И. Дзюбинский (1860–1927). И чисто внешне, и по своему духовному облику это была даже более яркая и запоминающаяся личность, чем Керенский. Он закончил духовную семинарию и готовился стать священником, но уже в 22 года был репрессирован за принадлежность к «Народной воле». Потом он учился на врача и занимался культурно-просветительской деятельностью в Сибири. В III Думу Дзюбинский баллотировался как акцизный чиновник и домовладелец и был избран депутатом от Тобольской губ., став затем товарищем председателя Трудовой группы и членом ряда думских комиссий. Популярность Дзюбинского позволила ему пройти и в IV Думу, где он уже возглавил Трудовую группу¹⁴.

Помимо Дзюбинского и Керенского в нее входили потомок древнего грузинского княжеского рода адвокат В.Л. Геловани (умер в 1915 г. в возрасте 37 лет), сибирский коммерсант и общественный деятель, заместитель руководителя Группы В.М. Вершинин, тобольский книготорговец А.С. Суханов, курский учитель А.Н. Русанов¹⁵, его коллега из Ставрополя Д.Д. Старлычанов, сибиряк М.С. Рысев, занимавшийся маслоделием и торговлей, и три крестьянина-землепашца — литовцы Ф.О. Кейнис и Н.О. Янушкевич, а также белорус А.И. Рыслев из Амурской обл. (их земельные наделы составляли соответственно 31, 3 и 50 дес.)¹⁶ Преобладали в Трудовой группе IV Думы представители средних городских слоев (7 депутатов), причем за исключением петербуржца Керенского, все остальные трудовики представляли окраины империи (Сибирь, Дальний Восток, Литву, Кавказ). Почти все они были моложе 40 лет, причем даже 31-летний Керенский не был среди них самым молодым (моложе его были Рыслев и Янушкевич). Четверо имели высшее (Геловани, Керенский, Русанов, Старлычанов) и один (Дзюбинский) незаконченное высшее образование, четверо — только начальное.

В Трудовой группе было мало опытных и сильных ораторов, но ее руководитель Дзюбинский стремился выпускать на думскую трибуну не только профессиональных адвокатов Керенского и Геловани или вызывать «огонь на себя», но и поручать выступления другим трудовикам, например Русанову или Янушкевичу, помогая им более тщательно подготовить свои выступления или просто снабжая их заранее заготовленными текстами речей.

Думским дебютом Керенского стало 3 декабря 1912 г. 5-минутное выступление от имени Трудовой группы в поддержку срочности запроса о правомерности автоматического продления действия введен-

ных 14 августа 1881 г. таких исключительных мер, как объявление той или иной местности на положении чрезвычайной или усиленной охраны. Конечно, защитить подобный запрос при данном составе депутатского корпуса было делом безнадежным. Тем не менее Керенский сразу же определил свое место в политическом раскладе думских сил на самом левом фланге, когда его выступлениям почти каждый раз аплодировали слева и зашикивали оратора справа.

Между вами (правыми) и нами (левыми) конструктивного разговора и взаимопонимания быть не может, сказал он, ибо вопрос стоит только так: либо вы, либо мы. Уже в этом выступлении Керенского прозвучали такие сильные выражения, как «страна задыхается», «страна кричит». Конечно, были здесь и явные преувеличения вроде того, что в России каждый полицейский урядник может бросить любого в тюрьму или повесить. Но Керенский был прав в том, что при таком положении вещей не может быть сильного народа и национальной безопасности. Речь Керенского неоднократно прерывалась председателем и вызывала шум и смех на правых депутатских скамьях. Тем не менее ему удалось под аплодисменты левых депутатов закончить ее словами: «Но я верю, что она (Россия. — С.Т.) вернется к лучшей жизни и не теми путями, которые указывают здесь господа октябристы»¹⁷. Взятая Керенским 3 декабря линия поведения была продолжена им через три дня, 7 декабря, когда он выразил протест по поводу того, что трудовиков и социал-демократов не избрали в думскую комиссию по обороне¹⁸.

Но по-настоящему Дума познакомилась с депутатом Керенским 8 декабря 1912 г., когда он (а не лидер трудовиков Дзюбинский!) выступил от имени Трудовой группы с критикой правительственной декларации В.Н. Коковцова¹⁹. Премьер заявил, что в стране наступило успокоение, способствующее осуществлению основных положений Манифеста 17 октября 1905 г. при сохранении «единства и нераздельности империи, первенства в ней русской народности и Веры православной»²⁰. Далее следовал длинный перечень законопроектов охранительного и либерального свойства, которые правительство намерено было предложить Думе и которые некоторые депутаты даже назвали «законодательным потопом». Недаром газета «Утро России» (орган прогрессистов) сравнивала 7 декабря декларацию Коковцова с очередным выпуском кредитных билетов, раздаваемых направо и налево, но не имеющих реального золотого обеспечения.

Поэтому общая тональность прений по декларации была крайне неблагоприятной для главы правительства. Как всегда, ярко и образно говорил один из лидеров правых Пуришкевич, откровенно сравнивший правительственную декларацию с политическими качелями, которые качаются справа налево и слева направо, а также с туманным

мленным путем, который никогда не заменит отсутствующую у премьера «путеводную звезду русской государственности». Сам Пуришкевич требовал введения телесных наказаний для борьбы с хулиганством в деревне, обуздания печати и «инородцев» (объединенных им в одну группу врагов режима), борьбы с крамолой в школе и т. д.²¹ Кадеты Маклаков и Милюков тоже были недовольны правительством, но уже с либеральных позиций, предупреждая, что идти дальше по старой политической дороге значило бы идти к катастрофе. Милюков при этом видел выход в том, чтобы отменить избирательный закон 3 июня 1907 г., реформировать Государственный совет и убрать правительство, не ответственное перед Думой. Тем не менее он защищал внешнюю политику кабинета, которую проводил министр иностранных дел С.Д. Сазонов²². А один из «молодых» русских капиталистов прогрессист и масон Коновалов, в частности, сказал: «...Наши мировые конкуренты гигантскими шагами идут вперед по пути национального развития. Мы страшно отстали, мы страшно бедны... Далее медлить нельзя. Только усвоив себе наиболее совершенные формы гражданского общежития, присущие другим культурным народам, мы будем в состоянии двигать страну по пути ее духовного и материального развития, создавая народу богатство и счастье»²³.

На этом фоне речь Керенского звучала в общем и целом в унисон с речами его более опытных думских коллег, хотя и не отличалась афористичностью и резкостью выражений. Прежде всего, он констатировал, что Манифест 17 октября 1905 г. властью фактически разорван и у оппозиции нет больше на этот счет никаких иллюзий. Как и положено члену крестьянской думской фракции, Керенский коснулся вопроса о бедственном положении крестьян и российской деревни. Крестьян до сих пор бьют, в деревне нет газет, «нам пишут о страдании, горе, ужасе, которым объята Россия», — сказал он под шум со скамей правых депутатов²⁴. Подверг также Керенский критике и оставшуюся после гибели Столыпина незавершенной аграрную реформу, подчеркнув, что вся земля должна принадлежать крестьянам²⁵.

Правда, оратор решил несколько успокоить аудиторию, оговорив, что трудовики не собираются идти путем анархии и насильственной экспроприации помещичьей собственности. «...Мы говорим: созовите собрание всего народа, избранное на основе всеобщего, равного избирательного права (шум справа). Дайте этот вопрос на разрешение представителей всей массы народа, и тогда, если народ это скажет, сделайте это»²⁶. А еще через пару минут, возвращаясь к теме революции, Керенский вновь стал заверять Думу, что левые не хотят взять и не взяли власть в 1905 г. «экспроприаторским путем». «Мы хотим только, чтобы народ нас выбрал и сказал: “Идите и делайте общее

дело»). При этом Керенский выразил уверенность в том, что позиция демократических сил будет с каждым днем тверже и сильнее, и Россия («может быть, скорее, чем думают») перейдет к новому, демократическому строю²⁷.

Как видит читатель, Керенский отнюдь не собирался дразнить аудиторию революционными лозунгами. Скорее, наоборот, он хотел пустить своего рода «дымовую завесу» перед предстоящим оглашением в Думе развернутого проекта резолюции трудовиков по декларации Коковцова, где были выдвинуты такие задачи, для решения которых в условиях тогдашней России нужна была революция и только революция. В заключительной же части своего выступления Керенский пожелал правительству «внести немного мира в страну», отменив смертную казнь (аплодисменты слева, шум справа) и прекратив пытки в тюрьмах, а также решать международные вопросы мирно, не прибегая к силе оружия. «Вместе со всей демократией Европы мы протестуем против попытки втянуть трудящиеся массы России во внешние осложнения»²⁸, — заявил он, заканчивая свою первую очень ответственную думскую речь. В целом он выполнил данное ему руководителем фракции Дзюбинским поручение: выступить острее, чем выступали трудовики в III Думе, но не давать Родзянко повода лишить их представителя слова и заставить депутатов выслушать совсем не пресное и бесцветное заявление Керенского до конца.

А 15 декабря Трудовая группа внесла свой проект развернутой резолюции об отношении к правительственной декларации, которая, несомненно, составлялась при участии Дзюбинского и Керенского²⁹. В ней было целых 13 достаточно боевых и сугубо оппозиционных по своему характеру пунктов, которые имеет смысл привести здесь полностью, чтобы лучше представить себе радикально-демократическую сущность трудовической программы образца 1912 г.:

1) вся современная правительственная система управления, построенная на фактическом отрицании правовых начал и даже Манифеста 17 октября, должна быть заменена системой законности и права с ответственным перед Думой правительством во главе;

2) внешняя политика, как и всякая другая, должна вестись под контролем Думы, и потому та скрытность, с которой премьер отделался в этом разделе своей декларации несколькими общими фразами, заслуживает осуждения;

3) земельная политика правительства и, в частности, закон 14 июня 1910 г., являясь попыткой насильственного вмешательства в экономическую жизнь крестьянства в интересах правящего меньшинства, должна быть заменена другой политикой, ставящей своей целью передачу всей земли трудящимся;

4) насущные интересы трудового крестьянства и рабочего класса требуют немедленного введения свободы коалиций (т. е., прежде всего, профсоюзов), стачек, сокращения рабочего дня и законодательной охраны труда;

5) вся налоговая система должна быть изменена в интересах трудящихся масс (налоги на них не могут увеличиваться, косвенные налоги подлежат отмене, и должна быть введена прогрессивная шкала налогообложения);

6) должно быть введено местное самоуправление на основах всеобщего избирательного права;

7) должно быть немедленно введено всеобщее бесплатное обучение с передачей всего дела народного образования в руки местного самоуправления;

8) в Финляндии должен быть восстановлен государственный строй, основанный на ее конституции;

9) все народы России должны получить право полного национального самоуправления;

10) необходимо полное равенство всех граждан перед законом и обеспечение гражданских свобод при отмене всех исключительных законов и положений;

11) необходимы независимость и несменяемость судей;

12) все это возможно только при полномостной Государственной думе, избранной всеобщим голосованием;

13) Государственная дума, призывая все население к объединению и организации для создания справедливых форм государственной жизни, переходит к очередным делам³⁰.

Естественно, такой проект резолюции даже не ставился в Думе на голосование, и 132 голосами против 78 прошел проект прогрессистов, за который голосовали и социал-демократы. В нем говорилось, что правительство должно вступить на путь совместной работы с законодательными учреждениями, т. е. с Думой и Госсоветом, «в направлении искреннего осуществления начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 г., и водворения строгой законности»³¹.

В следующем 1913 г. в Таврическом дворце воцарилась, по общему мнению, «скука», напоминая, как образно выразился кадет Шингарев, состояние пассажиров поезда, застрявших на глухой станции³². А еще один остроумец, терский казак депутат М.А. Караулов заметил, что Дума из созвездия Рака перешла в созвездие Водолея. Лидер большевиков Ленин тоже писал о растерянности и скуке, которые овладели депутатами и либеральным обществом, «вяло жующим призывы к реформам — и в то же время признающим невозможность даже подобия реформ»³³. Однако это не мешало тому, что в Думе продолжали тлеть конфликты как между оппозицией и правительством,

так и внутри самой оппозиции и между нею и правыми депутатами. Чтобы лучше понять думскую ситуацию первой половины 1913 г., напомним еще, что в думских комиссиях скопилось к тому времени огромное количество законодательной «вермишели» и подобные законопроекты многими десятками «оптом» утверждались на каждом пленарном заседании царского парламента.

В этой обстановке большую роль стали играть депутатские запросы по тем или иным острым политическим проблемам. Так, 23 января 1913 г. Керенский от имени трудовиков поддержал спешность запроса 33 депутатов (левых и части кадетов) о нарушениях при выборах в IV Государственную думу³⁴. Он прямо назвал третьейиюньский избирательный закон «организованным произволом» с целью не допустить в Думу представителей левых партий и кадетов, подкрепив свое заявление рядом конкретных фактов о нарушении процедуры выборов в нескольких губерниях. При этом даже правый депутат Марков 2-й, который особенно пристально следил за выступлениями Керенского, отметил его успех, заявив, что теперь и трудовиков можно слушать³⁵. Тем не менее спешность данного запроса, как и можно было ожидать, большинством голосов депутаты отклонили.

Февраль 1913 г. был ознаменован празднованием 300-летия Дома Романовых, причем Коковцов с трудом убедил Николая II пригласить членов Думы на торжественный «царский выход» в Зимнем дворце. Этот юбилей воспринимался в придворных и правых кругах как апофеоз самодержавия в духе «чистого абсолютизма» и возвращения к порядкам, существовавшим до 1905 г. Однако Керенского это только подзадоривало на все новые и новые «подарки» власти, пусть, казалось бы, и по второстепенным вопросам.

В конце марта в Думе был поднят вопрос об обыске, учиненном жандармскими и полицейскими чинами в квартире депутата Думы большевика Г.И. Петровского³⁶. Суть дела состояла в том, что полиция задержала там бежавшего из нарымской ссылки другого видного большевика Я.М. Свердлова и его жену, причем самого Петровского лишили права даже присутствовать при обыске, заперев на ключ, и не разрешили ему позвонить с жалобой по телефону. Керенский, естественно, протестовал против подобного поведения полицейских чинов и отверг маловразумительные объяснения, данные депутатам министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, ответственным за действия людей из своего ведомства. При этом Керенский связал данный эпизод с многочисленными (около 200) подлогами во время следствия над членами партии «Дашнакцутюн» (а он успешно выступал на этом процессе 1912 г. в качестве адвоката и знал суть дела) и с ложным обвинением жертв Ленского расстрела в якобы имевшем место их нападении на войска. Ответственность за эти грубейшие наруше-

ния закона Керенский возложил на правительство, получив из зала в ответ аплодисменты и даже крики «Браво!» левых депутатов, недовольный шум на правых скамьях и окрик председательствовавшего на заседании правого депутата В.М. Волконского, пососоветовавшего оратору «думать о том, что он говорит». В итоге действия полиции в отношении Петровского осуждены так и не были. Все формулы перехода к очередным делам (так назывались тогда проекты резолюции), внесенные социал-демократами, трудовиками, кадетами и прогрессистами с указанием на неудовлетворительность разъяснений, данных министром Маклаковым, были 3 мая 1913 г. отклонены.

В тот же день Керенский выступал в поддержку спешности запроса 67 депутатов правительству о неправомерных действиях властей в связи с уже упоминавшимся выше Ленским расстрелом 4 апреля 1912 г. Это была очень большая, эмоциональная, но главное — насыщенная цифрами и фактами речь, подготовленная по материалам той самой общественной комиссии, которую Керенский возглавлял еще до своего избрания в Думу³⁷. Закончил он свое выступление под продолжительные аплодисменты левых депутатов словами: «Ужасное дело, страшное дело, но, господа, когда здесь (указывает на ложу членов правительства) сидят люди, у которых тоже кровь на руках... (Родзянко призывает здесь оратора к порядку), — это страшно».

Керенский сравнил положение золотодобытчиков на Ленских приисках с положением рабов в бельгийском Конго и с порога отверг версию о якобы политических причинах их забастовки. При этом он подчеркнул, что правительство знало о том, что творится на приисках, но защищало не интересы рабочих, а предпринимателей. Керенский представил убедительные доказательства того, что расстрел рабочих был тщательно продуман и спланирован заранее и что хозяева общества «Лензото», связанные с международным капиталом, сознательно шли на это преступление, чтобы сохранить свои прибыли.

Характерная деталь: во время речи Керенского правые депутаты молчали, даже не пытаясь опровергнуть его слова. А выступивший после него «дежурный» оппонент Марков 2-й заявил, что правые, как и Керенский, тоже хотят узнать правду, но при этом обратил весь свой гнев на уехавшего за границу заправилу «Лензото» еврея барона Гинзбурга. При этом Марков сказал, что поскольку расследование данного случая еще не закончено, то и обсуждать его пока нельзя. Это предложение и прошло 127 голосами против 82. В результате запрос был сдан в думскую комиссию, где и «застрял» до греческих календ. Та же участь постигла и еще два запроса — о бедственном положении безработных в Лодзи и об ограничении свободы собраний у русских сектантов.

При обсуждении в мае проекта государственного бюджета на 1913 г. оппонентом Коковцова как главы правительства и одновременно министра финансов был лидер трудовиков Дзюбинский, заявивший, что его фракция будет голосовать, как и в предыдущие годы, против предложений правительства³⁸. Но и здесь Керенский не остался в стороне и смело взял под защиту лишенного председателем слова лидера меньшевиков Чхеидзе, поднявшего вопрос о доходах духовенства, и сам был за это устранен от работы в Думе на три заседания³⁹. После этого 18 мая Керенский принял участие в обсуждении проекта бюджета МВД⁴⁰ и начал с того, что объявил всю внутреннюю политику правительства отрицанием элементарной культуры и борьбой со всем живым и честным, что есть в России. Это означает, продолжал он, что нынешнее правительство должно уйти в отставку, а поскольку добровольно оно этого не сделает, то принудить его к этому можно было бы лишь соединенными усилиями рабочих, крестьян и буржуазии. Конечно, с юмором закончил свою мысль Керенский, у каждого класса существуют свои методы борьбы: одни могут реально что-то делать, другие — только говорить, но «слово с делом должны связаться», и тогда, в результате такого совместного натиска, «темные силы», управляющие Россией, исчезнут⁴¹. Так с думской трибуны впервые прозвучала будущая генеральная идея Керенского, которая стала стержнем его политической стратегии в 1917 г., — идея общенациональной революции, объединяющей три главные социальные силы России — пролетариат, крестьянство и буржуазию.

В той же речи, полемизируя с ультраправым депутатом от Бессарабии кн. Д.Н. Святополк-Мирским, заявившим в своей 2-часовой речи, что крепостное право в России отменили слишком рано, и это привело к поистине фатальным последствиям, Керенский обвинил своего коллегу в желании повернуть страну вспять и довести ее до гибели. Поэтому ответом демократической России на подобные утверждения могут быть только слова: «Руки прочь!» (аплодисменты слева и крики: «Правильно!»)⁴². Далее Керенский сказал, что столыпинская политика насильственного разрушения общины, циркуляр МВД о запрещении рабочим праздновать 1 мая, борьба властей с профсоюзами и с движением за культурно-национальную автономию Украины, а также новые репрессии политзаключенных в Сибири и крестьян многих губерний Центральной и Южной России — все это звенья одной цепи, прекрасно иллюстрирующие суть внутренней политики правительства. Поэтому всем живым силам страны, закончил Керенский, нужно сказать господам из МВД: «Довольно, руки прочь, Россия не для вас (продолжительные аплодисменты слева)⁴³».

Для ответа «достопочтенному депутату Керенскому» на трибуну тут же поднялся его давний антагонист Марков 2-й. «Меня подку-

пает, — сказал он, — эта неподдельная искренность, эта горячность, исходящая, по-видимому, из действительного убеждения. Я прощаю ему эти обмолвки, эти увлечения, эти неточности, которые при всяком другом ораторе я приписал бы злонамеренным или злоумышленным побуждениям. Когда говорит член Государственной думы Керенский, вы видите перед собой искреннего, правда, юного, но все-таки искреннего человека. Горячность темперамента сплошь и рядом увлекает его речь за пределы досягаемости для логики, но это ничего — ведь со временем он сделается мужем зрелым, и тогда, конечно, его логика справится с его горячностью... Если бы все то, что говорил депутат Керенский, было бы фактически правильно, в России жить было бы невозможно, но ведь мы знаем, что в действительности ничего этого нет. Мы знаем, что хотя Керенский страшно волнуется, но волнуется и борется со своими грезами, со своими фантазиями, почти с химерами»⁴⁴. Поэтому Марков 2-й предлагал коллегам-депутатам пожалеть молодого Керенского, но никаких веских опровержений приведенных им фактов не привел, перенеся затем огонь критики на выступавшего перед Керенским лидера кадетов Милюкова, защищавшего евреев. Керенского же Марков уличил только в том, что тот привел данные о 500 повешенных по приказу Столыпина в одной из южных губерний России, которые были якобы сильно завышены⁴⁵.

Наконец перед самыми летними думскими каникулами, 28 и 29 мая 1913 г. Керенский принял участие в обсуждении сметы расходов на работу Министерства юстиции. При этом он привел убедительные данные о фальсификации судьями реальных фактов на судебных процессах по делу партии «Дашнакцутюн» и 55 эсеров в Ташкенте, в которых он лично участвовал в качестве адвоката. Не менее остро прозвучала и его речь о положении заключенных в российских тюрьмах и на каторге (истязания, пытки, порки, плохое питание и т. д.)⁴⁶.

Показателем роста авторитета Керенского как защитника интересов народа было его приглашение в качестве председателя на московскую июньскую конференцию торгово-промышленных служащих и приказчиков, где были представлены более 10 % этой категории лиц со всей страны. Там обсуждались условия их труда, продолжительность рабочего дня, размеры заработной платы. Сам Керенский воспринял избрание его председателем данной конференции как великую честь. Однако большевик Р.В. Малиновский, который пользовался в то время особым расположением и доверием Ленина, своими резкими антиправительственными выступлениями, носившими довольно провокационный характер, подтолкнул власти к досрочному закрытию конференции⁴⁷.

Вторая сессия IV Думы открылась после летних каникул через три месяца — 15 октября 1913 г., причем большинство депутатов съехались в столицу в крайне оппозиционном по отношению к правительству настроении. И уже 23 октября Керенский выступил с обоснованием спешности запроса о «стеснении некоторых органов повременной печати» (речь шла о конфискациях отдельных номеров левых газет, наложении штрафов на их редакторов и сотрудников и т. д.). Он привел убедительные данные о преследовании властями неонароднических и особенно социал-демократических газет, включая большевистскую «Правду» и меньшевистский «Луч». Правительственную политику в этой области Керенский назвал «системой террора», поскольку «разумная государственная система должна защищать право каждого открыто, свободно защищать свою классовую точку зрения, защищать свое право на жизнь, защищать и соединять вокруг себя своих единомышленников». Попутно Керенский коснулся и дела Бейлиса, назвав его «государственным преступлением». После этого он был лишен слова (еще до этого его речь неоднократно прерывал председатель, а с правых депутатских скамей раздавались крики: «Вон! Долой!»)⁴⁸

В тот же день Керенский совершил поступок, который вошел в политическую историю России как яркое проявление честной и смелой демократической гражданственности, делающее честь и лично ему, и адвокатскому корпусу Петербурга и всей России как части мирового сообщества в целом. Речь идет о его акции в защиту Менделя Бейлиса, безвинно обвиненного в ритуальном убийстве в Киеве весной 1911 г. православного юноши-гимназиста Андрея Ющинского. В сентябре 1913 г. дело дошло наконец до суда. Керенский просил включить его в состав адвокатов — защитников Бейлиса, но Союз адвокатов отдал предпочтение таким крупным и опытным юристам, как П.Н. Карабчевский, А.С. Зарудный и депутат Думы кадет В.А. Маклаков. Керенский же зафиксировал свою позицию на страницах неонароднического журнала «Северные записки», назвав дело Бейлиса позором России⁴⁹.

Теперь, 23 октября, еще до завершения процесса, он добился появления письма 25 столичных адвокатов с протестом против клеветы, возведенной не только на Бейлиса, но и на весь еврейский народ, и превращения суда над ним в орудие пропаганды расовой и национальной вражды⁵⁰. Процесс по делу Бейлиса закончился провалом антисемитской версии обвинения. Присяжные признали Бейлиса невиновным, хотя истинный убийца Ющинского найден так и не был. Решение суда стало крупной победой всех демократических сил России и еще более подняло престиж Керенского в их глазах.

Между тем он продолжал снова и снова разоблачать в Думе произвол царских властей — закрытие в июне 1913 г. той самой конференции торгово-промышленных служащих, председателем которой он был, и незаконный арест социал-демократических депутатов II Думы во главе с И.Г. Церетели в 1907 г.⁵¹ В ноябре 1913 г. Керенский участвовал в обсуждении вопроса о свободе депутатского слова, сделав интересный и крайне поучительный экскурс в историю английского парламента XVII в. При этом он подчеркнул, что свободно говорить — это не только право, но и прямая обязанность депутатов Думы, и указал на недопустимость цензурирования думских речей. Тогда же Керенский выступил и по вопросу об участвовавших убийствах студентов, а 29 ноября подписал вместе с социал-демократами запрос о новых фактах преследования демократической печати.

3 декабря 1913 г. Керенский выступил по поводу совместного запроса социал-демократов и трудовиков в связи с появлением циркуляра Департамента полиции о вмешательстве администрации предприятий в стачечную борьбу, напомнив депутатам, что еще 2 декабря 1905 г. правительством были отменены наказания за забастовки экономического характера⁵². Наконец 14 января 1914 г. Керенский — на этот раз вполне успешно — защищал само право депутатов Думы делать запросы министрам, что, по мнению правых, лишь «отвлекает» якобы Думу от полезной законотворческой работы⁵³. К чести большинства думских фракций они отстаивали тогда право на депутатские запросы, которые являлись важной формой оппозиционной критики правительства.

Керенский не упускал ни одного подходящего повода, чтобы нанести очередной удар по незаконным действиям властей. Так, 7 февраля 1914 г. 80 депутатов Государственной думы обратились к министру финансов с запросом по поводу действий управляющего Крестьянским поземельным банком С.С. Хрипунова, в результате которых за неуплату долга банку члены 21 крестьянской семьи в селе Степановка Самарской губ. в начале декабря 1913 г. в 20-градусный мороз были принудительно выселены из своих домов, а эти дома разрушены или приведены в негодное для жилья состояние. Обосновывая спешность данного запроса, Керенский обрушился на исполнителей этого бесчеловечного решения, назвав его «Мамаевым побоищем XX в.», предпринятым с единственной целью — устрашить крестьян, и сравнивал действия властей в Степановке с тем, что произошло в 1912 г. на Ленских золотых приисках, где администрация тоже хотела насильно выселить рабочих из казарм.

Керенский пригрозил правительству тем, что крестьяне никому своих земель не отдадут и скоро заговорят с властями совсем другим языком в духе времен восстания Степана Разина. Он подчеркнул,

что хотя левые депутаты Думы не являются сторонниками насилия и восстания, но ситуация в современной России такова, что царская власть не может больше оставаться на своем месте, ибо она «разрушает элементарные основания культуры». Стране нужна воля, без которой крестьяне не добьются ни земли, ни социального благополучия. Но за землю и волю нужно бороться, и крестьянство это знает, закончил Керенский, и «добьется воли, чтобы получить свою землю»⁵⁴. И если Пуришкевич, имея в виду Керенского, гневно кричал с места: «Остановите его!», то социал-демократы Чхенкели и Чхеидзе всецело поддержали выступление Трудовой группы в защиту самарских крестьян. В итоге запрос трудовиков, социал-демократов, кадетов и некоторых правых депутатов-крестьян был принят к рассмотрению. И это была уже пусть маленькая, но победа.

Когда познакомишься с хроникой думской жизни Керенского и его союзников с левого фланга депутатского корпуса, то возникает ощущение непрерывной, порой каждодневной упорной осады ими царской бюрократической машины и многочисленных правых сил в самой Думе и вне ее, стоявших на страже существующего строя. При этом Керенский охотно выступал и по крупным внутриполитическим проблемам третьей июньской монархии, и по более частным, производным от них вопросам. Он как будто только и ждал повода, чтобы в очередной раз обличить полицейский произвол или случаи откровенного издеательства властей над рабочими и крестьянами, разжигания национальной вражды или притеснений многочисленных нерусских народов империи в области образования и культуры. Поэтому в глазах правящих «верхов» Керенский постепенно становился все более и более опасным политическим противником, непримиримым врагом царского строя и неутомимым и вездесущим обличителем его неистребимых пороков, стратегических и тактических ошибок и просчетов.

Это была настоящая «холодная» война и, прежде всего, изнурительная война нервов, требовавшая от Керенского огромной выдержки и терпения, ибо систематические поражения на думском политическом поле, насмешки и издевки со стороны правых депутатов, начальственные окрики председателя Думы, а также постоянная слежка за ним полицейских агентов могли выбить из колеи еще и не такого физически не очень крепкого, нервного и впечатлительного человека, как Керенский. Но были у него в Думе и товарищи, и союзники по борьбе с правительством — члены Трудовой группы, социал-демократы (меньшевики и большевики), левые кадеты, прогрессисты, часть депутатов-«националов». Их аплодисменты и одобрительные крики во время и после его выступлений с думской трибуны помогали Керенскому выдерживать злобный натиск врагов справа — Маркова 2-го, Пуришкевича и других.

А помимо этого была еще и вездумская работа, которой Керенский тоже уделял немало времени. К февралю 1914 г. в досье Керенского, которое вел Департамент полиции, относится, например, интересный документ, раскрывающий еще одну сторону его легальной деятельности того времени. В 1912–1914 гг. в России появилась такая новая форма политической активности рабочих, как групповые сборы на леворадикальную печать — большевистскую, меньшевистскую и эсеровскую. Материалы об этих сборах очень внимательно изучал, в частности, лидер большевиков Ленин, не без успеха доказывавший на основании таких данных, что рабочие поддерживают, прежде всего, его, ленинскую партию. По примеру большевиков Керенский вместе с Дзюбинским и Старлычановым тоже разработали и разослали от имени Трудовой группы анкету о положении рабочих и крестьян в связи со столыпинским аграрным законодательством для внесения соответствующих запросов в Думу⁵⁵.

К сожалению, почти незамеченной осталась акция Керенского и Чхеидзе в Думе 4 марта 1914 г. Дело в том, что правительство приняло в это время большую программу по довооружению армии и флота, рассчитанную на 1914–1916 гг. Она не проходила через Думу, но Родзянко созвал по этому поводу совещание лидеров думских фракций с целью информировать их о принятом решении. Однако представители трудовиков и социал-демократов приглашены на эту встречу не были, что дало им повод выразить на пленарном заседании Думы свой протест. Попутно Керенский заявил, что в мире нарастает угроза «великих кровавых потрясений», а новая военная программа, несомненно, увеличит налоговые тяготы, падающие на трудовое население России. «Считаю долгом во имя идеалов единения и братства трудящихся классов всех стран, — заявил Керенский, — возвысить свой голос против усиливающегося в реакционных, крепостнических и капиталистических кругах стремления вызвать вооруженное столкновение между соседними народами. Пусть они знают, что тяжесть ответственности за потоки крови и разорение трудящихся классов падет на них в случае катастрофы, к которой они стремятся (рукоплескания слева)». Чхеидзе от имени меньшевиков присоединился к этому протесту, заявив, что социал-демократы и не пошли бы на подобное совещание, т. к. не годятся для того, чтобы выступать в роли прислужников правительства⁵⁶. Эти заявления как бы предвосхитили позицию Трудовой группы и фракции РСДРП, которую они заняли в Думе 26 июля 1914 г. после объявления Германией войны России, о чем подробнее речь пойдет в следующей главе.

Между тем весной 1914 г. обстановка в Думе стала особенно напряженной, поскольку депутатская дискуссия затронула самый коренной политической вопрос — вопрос о государственном строе

страны. 11 марта в Таврическом дворце состоялось как будто обычное, рутинное 7-часовое заседание. Одним из пунктов его повестки дня было обсуждение правительственного законопроекта об устройстве в России по примеру стран Западной Европы исправительно-работных домов в целях борьбы с нищенством, тунеядством и бродяжничеством. По сути дела, речь здесь шла о своеобразной «разгрузке» переполненных царских тюрем от подобных нетрудовых элементов, и прения вроде бы не должны были стать особенно бурными. Но все вышло иначе. Большевик Петровский, во-первых, все-таки приравнял исправительно-работные дома к тюрьмам, а во-вторых, предложил отнести к категории злостно уклоняющихся от работы граждан... помещиков, верхушку бюрократии и даже тех членов Государственной думы, которые без уважительных причин пропускают ее заседания⁵⁷. Отверг законопроект и трудовик Геловани, заметивший, что к людям без определенных источников дохода можно при желании причислить и рабочих-стачечников, а это было бы уже совсем несправедливо.

Затем лидер меньшевиков Чхеидзе заявил, что для обновления страны — а эта задача вроде бы признавалась тогда всеми — каторжный режим, одним из элементов которого будут и работные дома, явно не годится. «Для этого непригоден и третьеиюньский режим, а наиболее подходящим режимом для достижения обновления страны является режим демократический, режим парламентский и, если хотите еще более точное определение, режим республиканский», — заявил Чхеидзе⁵⁸, не вызвав среди депутатов, даже правых, никакого особого волнения. Затем он добавил, что России нужны не работные дома, а наделение крестьян землей, свобода для профсоюзов, 8-часовой рабочий день, всеобщее избирательное право, отмена постоянной армии и введение прогрессивного подоходного налога⁵⁹. Добавим, что после постатейного обсуждения законопроект о работных домах был все же принят, и Дума перешла к очередным делам, даже не подозревая, что ее ждет еще громкое продолжение «дела Чхеидзе».

Пока же Керенский мог порадоваться тому, что 26 марта 1914 г. Дума признала неудовлетворительной попытку правительства как-то оправдать Ленский расстрел⁶⁰. Хотя и безуспешно, он поддержал на следующий день спешность запроса о пытках заключенных в Рижской тюрьме и затем выступил в апреле по более общему вопросу об их истязаниях в тюрьмах⁶¹, после чего все тот же Марков 2-й назвал Керенского «талантливейшим представителем с левой стороны»⁶².

Но тут в правительственных кругах решили вернуться к речи Чхеидзе 11 марта, усмотрев в ней страшную крамолу, поскольку в рассуждениях лидера меньшевиков о республике между строк явно читался призыв к ниспровержению монархии. В итоге 19 апреля власти

решили привлечь Чхеидзе к суду. Со своей стороны, это дело очень болезненно восприняли не только социал-демократы и трудовики, но и часть кадетов и прогрессистов, расценивших позицию властей как удар по свободе депутатского слова и депутатской неприкосновенности. В результате 21 и 22 апреля в Думе разразился громкий скандал⁶³.

21 апреля было оглашено заявление 46 оппозиционных депутатов во главе с Чхеидзе, Керенским и Милюковым, где предлагалось не приступать к рассмотрению государственного бюджета на 1914 г. до тех пор, пока не получит силу закона законодательное предположение об установлении свободы слова депутатов, находящееся на рассмотрении думской судебной комиссии⁶⁴. При этом Керенский прямо заявил, что идеалу неограниченной монархии должен быть противопоставлен идеал республиканский, получив в ответ грозный окрик Пуришкевича с места: «Пошел вон!» Председатель же Думы Родзянко прореагировал на этот эпизод лишением Керенского слова⁶⁵. Что же касается заявления 46, то Дума отвергла его 164 голосами против 80 при 18 воздержавшихся.

На следующий день, 22 апреля (когда Керенскому исполнилось 33 года), заседание Думы началось с оглашения нового заявления теперь уже только 30 левых депутатов, повторивших вчерашнее заявление 46⁶⁶. Новое заявление обосновали лидеры меньшевистской и большевистской фракций РСДРП Чхеидзе и Малиновский, причем первый не постеснялся назвать руководителей правительства аферистами и авантюристами и вновь упомянул будущую демократическую республику в России, за что был лишен слова⁶⁷. Трудовик же Геловани заявил, что чего бы начатая борьба не стоила, Трудовая группа не уступит и не замолчит⁶⁸. Однако и на этот раз заявление оппозиционеров было отвергнуто 140 голосами против 76, и Дума все же перешла к обсуждению государственного бюджета.

Защищать его вызвался не министр финансов, как обычно, а назначенный 30 января 1913 г. премьером вместо Коковцова 75-летний И.Л. Горемыкин, при котором еще в 1906 г. была распущена I Государственная дума. Но говорить ему оппозиционно настроенные депутаты своими возмущенными криками и стуком попитров не дали. В ответ Родзянко предложил прибегнуть в отношении протестантов к высшей мере думского наказания — отстранению их от участия в 15 последующих заседаниях. Но каждый из наказанных имел по регламенту право на 10-минутное слово в свою защиту, и эта процедура вылилась в вызывающий и дерзкий парад оппозиционеров. При этом большевик Муранов заявил, что будет и впредь защищать республиканский строй, а меньшевик Чхенкели отказался добровольно покинуть зал и был выведен из него силой. Та же участь постигла

большевика Петровского и Керенского, который при этом крикнул: «Сейчас сила у вас, но после этого наступит следующий день!» А до этого Керенский успел еще сказать, что Дума в последнее время была буквально изнасилована представителями власти, которая просто издевается над правом и справедливостью, тогда как левые депутаты отстаивают честь и достоинство народного представительства и всей России перед мировым общественным мнением. Мы верим, заявил он, что впереди у России только один путь — путь освобождения ее от тех пут, которые сковывают прогресс и развитие страны, и переход к режиму, при котором сам народ будет управлять собой и страной (рукоплескания слева)⁶⁹. Но и на этом политический спектакль в Таврическом дворце не закончился. Горемыкину, вторично появившемуся на трибуне для обоснования проекта бюджета, вновь не дали раскрыть рот, а Родзянко пришлось удалить из зала еще нескольких левых депутатов. Всего же наказанию подверглись 12 социал-демократов и 9 трудовиков. Что касается кадетов, то 26 апреля они вместе с прогрессистами предложили отвергнуть бюджет на 1914 г. в целом, а когда их предложение не прошло, то демонстративно покинули зал заседаний.

7 мая, вновь появившись в Таврическом дворце после инцидента 22 апреля, Керенский сделал от имени всех своих репрессированных товарищей заявление, неоднократно прерывавшееся криками представителей правых: «Вон! Что за безобразие!» и т. д. Керенский прямо связал нынешнее наступление реакционных сил с поражением Первой русской революции, напомнил о судьбе социал-демократических депутатов II Думы, сосланных в Сибирь, и восстановил в памяти своих коллег ход событий 22 апреля, за что опять был лишен слова. Заслуживает внимания и тот факт, что 7 мая он прямо сказал: «Исторические судьбы России идут, несомненно, к полному торжеству народоправства», а «торжество республиканских идей все ближе и ближе»⁷⁰. И, может быть, самой большой наградой Керенскому стала массовая забастовка солидарности с левыми депутатами Думы рабочих Петербурга и Москвы⁷¹.

12 мая Керенский вновь выступил в Думе при обсуждении сметы расходов Минюста на 1914 г. Это была опять яркая обличительная речь⁷², направленная своим острием лично против министра юстиции И.Г. Щегловитова, названного Керенским «представителем новой опричнины XX века». При этом он опять напомнил о деле Бейлиса, опозорившем Россию, о том, как полиция помогла в 1907 г. скрыться из Петербурга и уйти от суда провокаторше Шорниковой, а также привел примеры других неблагоприятных действий работников Министерства юстиции. Указывая на министерскую ложу (это был один из любимых жестов Керенского во время его выступлений в Думе),

он назвал министров людьми, забывшими стыд ради своих личных интересов, после чего кто-то из левых депутатов громко крикнул: «Браво!». По мнению Керенского, суд должен быть человечным и милосердным и стоять за правду и справедливость, чего российскому судопроизводству явно не хватает.

На следующий день, 13 мая в Думе вновь произошел один из самых громких скандалов, причем дело опять не обошлось без участия Керенского⁷³. 16 мая он уже не в первый раз снова привлек внимание думской аудитории к постоянным издевательствам над политическими заключенными, а 20 мая при обсуждении сметы расходов на Министерство народного просвещения Керенский произнес еще одну обличительную антиправительственную речь⁷⁴, удостоившуюся красноречивой реплики Пуришкевича: «Мы вас повесим!» Правда, сегодня трудно согласиться с лейтмотивом этого выступления Керенского, сказавшего: «Министерство поставило себе целью создать из России невежественную и безграмотную страну», что можно, мягко говоря, отнести к явным перехлестам, без которых, видимо, не обходится ни один политический деятель. С другой стороны, совершенно очевидно, что в царской России расходы на развитие культуры и народного образования действительно никогда не занимали в государственном бюджете подобающего великой державе места. Досталось тогда от Керенского и лично министру Л.А. Кассо, проводившему консервативно-охранительную политику в области высшего образования, которая вызывала резкие протесты со стороны университетской профессуры. Недобрым словом помянул он и ограничения в области развития национальных культур, явно позорившие имперскую политику в этой крайне деликатной сфере перед лицом всего мира.

28 мая 1914 г. в ходе бюджетных прений Керенский снова резко критиковал столыпинское аграрное законодательство 1906–1910 гг. как антикрестьянское, призванное защитить интересы крупного и среднего помещичьего землевладения. При этом он прямо ссылаясь на многочисленные письма и устные обращения в Трудовую группу крестьян, жаловавшихся на произвол властей при выделении из общинных земель участков для хуторян и отрубников. Керенский подчеркнул, что столыпинские аграрные законы означают логическое продолжение процесса обезземеливания крестьян, начатого еще при отмене крепостного права в 1861 г. Вывод же его гласил: Столыпин объявил войну общине и подошел к реформе легкомысленно, небрежно, преступно, а это значит, что избежать в России новую аграрную революцию нельзя⁷⁵. Наконец под занавес думской сессии, 4 июня 1914 г. Керенский еще раз выступил по очень острому и большому вопросу о положении заключенных в российских тюрьмах⁷⁶. 14 июня 2-я сессия IV Государственной думы завершила свою работу.

Итоги депутатской работы Керенского к лету 1914 г. выглядели достаточно впечатляюще: несколько крупных, резко критических речей по самым актуальным вопросам внутренней политики царского правительства; активное участие во множестве депутатских запросов; прочные контакты с социал-демократами (здесь можно прямо говорить о блоке трудовиков с меньшевиками и большевиками), а часто также с кадетами и прогрессистами; удачная полемика с представителями правого крыла Думы. Став депутатом, Керенский превратился в настоящего профессионального политика леворадикального направления, в полной мере использовавшего свою депутатскую неприкосновенность для смелой и последовательной критики царского правительства по всем основным направлениям его внутривластного курса. И пусть результаты его острокритических выступлений с думской трибуны были еще совсем невелики или отсутствовали вообще, но по мере того, как в жизни российского общества набирал силу такой его новый компонент, как общественное мнение, рос авторитет и популярность Керенского в демократических кругах, а сам он быстро набирался политического опыта, который был так необходим ему в будущих решающих схватках со старым режимом.

Позже, уже в эмиграции Керенский писал: «Когда же с осени 1912 года я стал членом Государственной думы, передо мной раскрылся весь механизм управления империи, вся трагическая сложность взаимоотношений между официальным правительством, формально отвечающим за судьбы России, и верховной властью, оказавшейся в руках безответственной клики невежественных и преступных советников, засевших в царском дворце, вся неспособность правящих и привилегированных кругов русского общества самостоятельно и решительно бороться за переход государственной власти в здоровые руки... Между тем все должны были понимать, что позорящая Россию "распутиниада" и неспособность справиться с ней императора неизбежно ведут страну к новому, решительному столкновению»⁷⁷, отсроченному, однако, на два с лишним года страшным национальным бедствием — Великой войной.

---

¹ В I и II Государственных думах члены Трудовой группы составляли до 20 % депутатского корпуса и она была второй по численности после кадетов думской фракцией. Ее социально-профессиональный состав был достаточно пестрым (крестьяне-землепашцы, рабочие, служащие, учителя, врачи, адвокаты и др.), но тогда преобладали в группе крестьяне (на их долю приходилось 50–60 % ее членов). В историю российского парламентаризма вошли имена таких трудовиков, как С.В. Аникин, Г.К. Ульянов, Ф.М. Онипко, С.И. Бондарев, А.Ф. Аладьин, В.Т. Локоть, Л.М. Брамсон и др. Формально Трудовая группа была внепартийной и выражала, прежде всего, интересы многомиллионного российского трудового крестьянства. В I Думе было более

100 трудовиков, а во II Думе около 80. В I Думе они часто блокировались с социал-демократами и кадетами, а во II Думе — еще и с эсерами и энесами.

Аграрная программа группы смыкалась с эсеровской программой социализации земли и предусматривала фактическую отмену частной собственности на нее и наделение ею всех желающих по «трудовой» (без использования при обработке наемного труда) норме. Среди первоочередных социально-политических требований трудовиков были всеобщее избирательное право, предоставление всем гражданам России демократических свобод, отмена сословных, национальных и религиозных ограничений, а также смертной казни. Группа выступала за «народовластие», не уточняя, однако, будет ли это конституционная монархия или республика, поскольку в крестьянской среде были еще очень сильны царистские иллюзии.

После насильственного роспуска I Думы трудовики участвовали в июле 1906 г. в Выборгском совещании ее левых и левоцентристских депутатов и подписали воззвание к народу с призывом к невооруженному сопротивлению царским властям в форме уклонения от исполнения воинской повинности и уплаты налогов, за что подверглись потом 3-месячному тюремному заключению. Во II Думе в деятельности трудовиков уже не было таких ярких эпизодов, но тем не менее группа голосовала за ликвидацию стольпинских военно-полевых судов и отмену их приговоров и повторно внесла на обсуждение свою прежнюю аграрную программу, хотя вновь и не добилась успеха.

Поражение революции 1905–1907 гг. и установление в стране режима «стольпинской стабилизации» и «успокоения» с новым антидемократическим избирательным законом привели к тому, что Трудовая группа в III Думе имела уже только 14 (а затем и 11) мандатов и полностью отказалась от всякой нелегальной деятельности, выступая как умеренно оппозиционная думская фракция. Тем не менее трудовики не голосовали за утверждение государственного бюджета, защищали права крестьянской общины в связи с началом проведения антиобщинной стольпинской аграрной реформы, не вотируя выделение средств на проведение торжеств по случаю предстоявшего 300-летия Дома Романовых и т. д.

Подробнее см.: *Колесниченко Д.А.* Трудовая группа в период Первой русской революции. М., 1985; *Ее же.* Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах. М., 1988; *Демин В.А.* Трудовая группа // Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2006. С. 647–652, а также 15, 26, 67–68, 71–72, 345, 445, 659–660; *Зверев В.В.* Эсеровский вариант социализма. Энесовская субмодель // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 409–462; и др.

² См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 90–91.

³ Создана еще в 1890 г. в Тифлисе армянская революционная партия «Дашнакцутюн» («Союз») опиралась на широкие слои армянского населения от буржуазии до рабочих и вобрала в себя весь цвет национальной интеллигенции. По своей тактике дашнаки были близки к эсерам и делали ставку на вооруженную, в том числе террористическую, борьбу с царизмом во имя создания Закавказской демократической республики в составе будущей Российской федерации, причем армяне должны были получить там культурно-национальную автономию. Во II Государственной думе 3 депутата-дашнака прямо блокировались с эсерами, а в III Думе дашнак И.Я. Сагателян примыкал к Трудовой группе.

Досудебное следствие по делу партии «Дашнакцутюн» продолжалось несколько лет, так что некоторые из обвиняемых до начала слушаний по этому громкому делу в Сенате (конец 1911 г.) провели в тюрьме уже до 4 лет. К суду были привлечены более 150 человек, в том числе писатели, врачи, юристы, купцы, банкиры, а количество вы-

званных в Сенат свидетелей доходило до 600. Дело слушалось за закрытыми дверями, и в зал не были допущены даже родственники обвиняемых. В их защиту выступала российская либерально-демократическая интеллигенция и оппозиционная печать, а в качестве адвокатов — А.С. Зарудный, О.О. Грузенберг, Керенский и др. Последний добился проведения экспертизы свидетельских показаний и отверг большую часть аргументов обвинения, а один из судей, уличенный Керенским в подлоге, вообще был отстранен от участия в процессе. В итоге более половины подсудимых (95 человек) были оправданы. В адвокатской карьере Керенского это был едва ли не самый большой успех, сильно поднявший его авторитет не только среди адвокатов, но и в демократических кругах всей России. См.: Политические партии России. Конец XVIII — первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 177–179; Право. 1912 (номера за 15 января, 5 февраля, 11 марта, 15 и 22 апреля, 6 мая); *Abraham R.* Op. cit. P. 53–54.

¹ В начале апреля 1912 г. на золотых приисках на севере Иркутской губ. была безжалостно расстреляна 2-тысячная толпа рабочих, возмущенных плохим качеством мяса в приисковой лавке. Точное количество жертв осталось неизвестным, но доходило до нескольких сот человек. Масла в огонь подлил циничный ответ министра внутренних дел А.А. Макарова на запрос по поводу этих событий в III Думе: выразив формально сожаление по поводу произошедшего на Лене, он обвинил во всем ссыльных социал-демократов, которые своей агитацией «разожгли» настроение рабочих, так что войскам оставалось только стрелять. «Так было и так будет впредь», — заключил Макаров (см.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 3-й созыв. 5-я сессия. Стб. 1941–1953).

Замолчать Ленскую трагедию было невозможно, и на место событий выехали сразу две комиссии — правительственная под руководством сенатора С.С. Манухина и общественная в составе 5 адвокатов из Петербурга и Москвы во главе с Керенским. Дорога оказалась очень трудной, Керенский сильно простудился и уже в пути тяжело заболел. О результатах расследования он регулярно телеграфировал в центральные газеты, а в 1913 г. все собранные комиссией материалы были опубликованы в книге «Правда о Ленских событиях», ставшей настоящим обвинительным актом против администрации компании «Лензото» и царских властей. Естественно, эта поездка в Восточную Сибирь еще более укрепила славу Керенского в демократических кругах, что способствовало и его победе на выборах в Думу. Подробнее см.: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 49–52; *Abraham R.* Op. cit. P. 54–56.

⁵ См.: Государственная дума Российской империи... С. 259. Адвокатская практика приносила Керенскому ежегодно доход в 4–5 тыс. руб. (см.: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 49).

⁶ Подсчитано по: Государственная дума Российской империи... С. 704.

⁷ 27 депутатов умерли, 29 сложили свои полномочия, двое были лишены мандатов. (Там же. С. 703.)

⁸ Там же. С. 703–704.

⁹ См.: Государственная дума. Стенографические очерки. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Ч. 1. Стб. 7.

¹⁰ Первая, довольно спокойная комиссия занималась регламентацией работы Думы, а вторая была одной из самых боевых в царском парламенте. В IV Думе всего было подано 155 депутатских запросов, из них принято к рассмотрению 55, а министры ответили только на 19, да и то 9 ответов были признаны неудовлетворительными (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. С. 217–218, 288, 409–410. Автор статей В.А. Демин).

Всего же в разное время Керенский участвовал в работе 9 думских комиссий, в т. ч. по судебным реформам, по рабочему вопросу, по военным и военно-морским делам. В Трудовой группе он был сначала заместителем председателя, а с 1915 г. — председателем фракции. Являлся Керенский и членом Совета старейшин Думы.

¹¹ Его «братьями» в думской ложе стали еще 13 депутатов, включая 7 кадетов, 3 прогрессистов и 3 меньшевиков. Среди них были кадеты Н.В. Некрасов и А.М. Колюбакин, прогрессисты И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов, социал-демократы М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели и др. Со всеми Керенский сохранял связи, и в 1917 г. Думская масонская ложа входила в состав масонского союза «Великий Восток народов России». Кроме того, масонами (в других ложах) были депутаты IV Думы кадеты А.И. Шингарев, В.А. Маклаков, Ф.А. Головин, Ф.Ф. Кокоскин, Д.И. Шаховской и др. (см.: *Розенталь И.С. Думская ложа // Государственная дума Российской империи...* С. 184). Спорным остается вопрос о принадлежности к одной из масонских лож главы двух первых составов Временного правительства кн. Г.Е. Львова.

¹² Достаточно туманные и обтекаемые воспоминания Керенского о его участии в масонской организации см.: *Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 94–97*. По его словам, «все наши (масонов. — С.Т.) усилия были направлены на установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федеративного государственного устройства». В годы мировой войны на первый план у масонов выдвинулась задача «добиться (ради победы над врагом. — С.Т.) примирения между всеми классами общества, а также между народом и верховной властью».

Пика своей активности российские масонские организации (ложи были в Петрограде, Москве, Киеве, Риге, Ревеле, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Тифлисе, Одессе, Минске, Витебске, Вильно, Харькове — всего их насчитывалось 28) достигли в начале 1917 г. См.: *Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. Интервью А.Я. Гальперна (запись 1928 г. Б.И. Николаевского) // История СССР. 1990. № 1. С. 149–150*. Гальперн сменил в 1917 г. Керенского на посту генерального секретаря «Верховного совета народов Востока» и стал после В.Д. Набокова управляющим делами Временного правительства. По признанию Гальперна, масоны по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении, будучи друг для друга «своими» людьми. В эмиграции российские масоны возродили в 1919 г. свою организацию.

В советское время наиболее активно по вопросу о роли масонства в политической жизни России выступали А.Я. Аврех (*Масоны и революция. М., 1990*) и В.И. Старцев (*Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996*). Первый минимизировал роль масонских организаций, второй — придавал масонским связям большую роль в истории России начала XX в.

¹³ Весной 1917 г. полицейское досье Керенского стало достоянием гласности, включая и его самого. Содержание досье нашло отражение в изданной тогда (разумеется, с ведома Керенского, а возможно, и по его инициативе) брошюре «Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции». Она была призвана способствовать распространению возникшего весной–летом 1917 г. в России культа личности революционно-демократического министра Керенского, подтверждая, что он был опасным врагом старого режима, не чурался связей с революционным подпольем и закономерно вошел сначала в думскую контрэлиту, а весной 1917 г. и в новую политическую элиту России. У полицейских агентов Керенский получил кличку «Скорый» за быстроту его перемещений по Петербургу–Петрограду и по стране. Вместе с тем их

донесения в Департамент полиции требуют проверки, поскольку их достоверность отнюдь не абсолютна.

¹⁴ В 1917 г. Дзюбинский участвовал в Февральской революции в Петрограде и вел работу в войсках. Летом он стал членом ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В дальнейшем работал в советских финансовых органах (см.: Государственная дума Российской империи... С. 172–173).

¹⁵ В 1912 — 1 половине 1913 г. он был беспартийным депутатом, а потом примкнул к трудовикам.

¹⁶ Список составлен по энциклопедии: Государственная дума Российской империи... С. 172–173, 259–261, 131, 92–93, 560, 619, 555, 604, 258–259, 756–757.

¹⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Состыз 4-й. Сессия 1-я. Ч. I. Стб. 182–184.

¹⁸ Там же. Стб. 386. В 1915 г. при переизбрании в комиссию вошли уже представители всех фракций. Керенский называл ее 7 декабря 1912 г. комиссией по обороне (так она называлась в III Думе), но Николай II считал такое наименование «слишком громким», и оно было изменено на комиссию по военным и морским делам, куда был позже избран и сам Керенский.

¹⁹ О реакции на нее различных политических партий см.: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914. М., 1981. С. 35–46.

²⁰ Государственная дума. Состыз 4-й. Сессия 1-я. Ч. I. Стб. 262.

²¹ Там же. Стб. 287–308.

²² Там же. Стб. 327–342, 601–606.

²³ Там же. Стб. 660.

²⁴ Там же. Стб. 421–424.

²⁵ Там же. Стб. 426.

²⁶ Там же. Стб. 427. «...В государстве, — сказал Керенский, — этот вопрос не может решаться голый силой, а должен решаться мнением большинства, решением всей массы народной». Как юрист, он дал этому вполне квалифицированное обоснование, подчеркнув, что Трудовая группа признает презумпцию права над революционным насилием.

²⁷ Там же. Стб. 430.

²⁸ Там же. Стб. 430–431. В связи с началом в октябре 1912 г. Балканской войны Болгарии, Греции, Сербии и Черногории против Турции в России появились настроения в пользу необходимости включиться в нее под флагом помощи братьям-славянам. Поэтому миролюбие Керенского было в данном случае вполне уместным.

²⁹ Ее содержание было оглашено трудовиком-крестьянином Н.О. Янушкевичем, который, как и Керенский, балансировал между революционными, по сути, лозунгами и разного рода «оговорками», призванными создать впечатление, что трудовиков нельзя считать государственными преступниками (см.: Там же. Стб. 757–761).

³⁰ Там же. Стб. 895–896.

³¹ Там же. Стб. 895.

³² Цит. по: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 52.

³³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 23. С. 296.

³⁴ Вопиющая по своему бесстыдству и наглости картина этих нарушений нарисована в мемуарах лидера кадетов Милюкова, который в достаточной мере владел этим разоблачительным для правящих «верхов» материалом. «И что это была за кампания, — писал он о выборах в IV Думу. — Все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лиц ли-

шались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные (по возможным результатам. — С.Т.) выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и самые названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать...»

Подготовка к выборам началась еще в 1910 г., когда тогдашний глава кабинета Столыпин потребовал от министра финансов Коковцова 4 млн руб. на подкуп различных партий и организаций правого толка (кадеты и отчасти октябристы в этой афере не участвовали). Особенно велики были аппетиты у Маркова 2-го, Пуришкевича, Дубровина. В 1912 г. их требования возросли, причем лидеры правых обещали Коковцову «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он даст им миллион (см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 376).

³⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Ч. I. Стб. 1012, 1019.

³⁶ Там же. Ч. II. Стб. 301–307.

³⁷ Там же. Стб. 692–713. Это была уже вторая попытка (первая, безрезультатная, была сделана социал-демократами по горячим следам событий еще в III Думе) привлечь внимание депутатов к этому беспрецедентному акту жестокости царских властей.

³⁸ Там же. Стб. 1147.

³⁹ Там же. Стб. 1405.

⁴⁰ Там же. Стб. 1689–1704.

⁴¹ Там же. Стб. 1691.

⁴² Там же. Стб. 1693.

⁴³ Там же. Стб. 1704.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Керенский не растерялся и ответил Маркову, что пользовался при подготовке речи газетными материалами, где говорилось о 700 повешенных, а он лишь уменьшил эту цифру до 500. (Там же. Стб. 1726.)

⁴⁶ Там же. Ч. III. Стб. 289–304.

⁴⁷ См.: *Abraham R.* Op. cit. P. 67–68.

⁴⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. 4-й созыв. Сессия 2-я. Ч. I. Стб. 243–251, 254–256.

⁴⁹ Северные записки. 1913. № 10. С. 185.

⁵⁰ См.: *Право*. 1913. 3 ноября. Стб. 2550–2552; Дело Менделя Бейлиса. СПб., 1999. С. 24. Все подписавшие это обращение, включая Керенского, были привлечены в июне 1914 г. к суду «за распространение подметных писем». При этом Керенский и социал-демократ адвокат Соколов были приговорены к 8 месяцам тюремного заключения каждый с последующим запретом занимать выборные должности. Керенского спасла от наказания только его депутатская неприкосновенность.

После этого случая Керенского и других наказанных адвокатов чествовали на обеде в Союзе адвокатов Петербурга и на обеде, где присутствовали 200 депутатов Государственной думы и коллеги осужденных по адвокатуре. Приветственные телеграммы им шли из самых разных уголков России, причем сочувственно откликнулись даже политические оппоненты Керенского — октябрист Гучков и кадет Коккошкин. В Думе ему была устроена левыми депутатами шумная овация, сорвать которую правым депутатам не удалось. В столице прошла 30-тысячная стачка рабочих в знак протеста против суда над адвокатами и смертного приговора, вынесенного одному рабочему Трубочного завода за убийство мастера (см.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 93–94;

Abraham R. Op. cit. P. 72; *Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954. С. 289).

⁵¹ 30 октября 1913 г. Керенский поддержал запрос руководителя только что отделившейся от меньшевиков большевистской фракции IV Думы Малиновского. См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 4-й созыв. Сессия 2-я. Ч. I. Стб. 410–420, 467–468.

⁵² Там же. Стб. 807–808, 844–851, 1654–1658.

⁵³ Там же. Стб. 1834–1842.

⁵⁴ Там же. Сессия 2-я. Ч. II. Стб. 531–541.

⁵⁵ См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. С. 10; *Abraham R.* Op. cit. P. 70. Мы не знаем, к сожалению, результатов этого анкетирования, тем более что через несколько месяцев началась война и оно могло остаться незаконченным. Но интересно, что советские историки, изучавшие позже политические симпатии рабочих в 1912–1914 гг., установили: лидировали в сборах на революционную печать большевики (более 2,2 тыс. сборов), но и на долю эсеров приходилось свыше 300 сборов среди металлистов столицы, а всего по России их было без малого 500, причем в 1914 г. наблюдалась даже тенденция к росту подобных пожертвований на эсеровскую печать (см.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1971. С. 237).

⁵⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 2-я. Ч. II. Стб. 1345–1346; *Гайда Ф.А.* Русские либералы и политический кризис 1914 г. // Вестник МГУ. Сер. История. 2010. № 5. С. 43. Протест этот остался тогда в Думе одиноким.

⁵⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 2-я. Ч. II. Стб. 1624–1628.

⁵⁸ Там же. Стб. 1642.

⁵⁹ Там же. Стб. 1643.

⁶⁰ Там же. Ч. III. Стб. 226–229.

⁶¹ Там же. Стб. 313, 480–493. «Мы признаем право единственной основой в отношениях между людьми и чувство справедливости и любви к себе подобным — основой общежития», — сказал он, а истязания заключенных назвал преступлениями против человечности.

⁶² Там же. Стб. 500, 503. Однако тут же Марков добавил, что «порцию хорошей каторги и хорошей порки надо сохранить и впредь».

⁶³ См.: *Гайда Ф.А.* Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий // Отечественная история. 2011. № 6. С. 130–131.

Еще характерная деталь: в воспоминаниях большевика Бадаева «дело Чхеидзе» было представлено как попытка привлечения к суду «одного из депутатов» (имя его даже не было при этом названо) за речь, где говорилось о преимуществах республиканского строя перед монархическим (*Бадаев А.Е.* Указ. соч. С. 244). Причиной этого было то, что с октября 1913 г. большевики и меньшевики уже выступали в Думе как две самостоятельные фракции РСДРП, хотя в апреле они еще действовали в защиту Чхеидзе вполне солидарно.

⁶⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 2-я. Ч. III. Стб. 729–730.

⁶⁵ Там же. Стб. 735–736.

⁶⁶ Там же. Стб. 763.

⁶⁷ Там же. Стб. 765.

⁶⁸ Там же. Стб. 767.

⁶⁹ Там же. Стб. 796. Красочное описание этого заседания см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 307–308).

⁷⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 2-я. Ч. IV. Стб. 114–118. Когда Керенский был лишен слова, то его выступление по достигнутой заранее договоренности попробовали продолжить социал-демократы Хаустов, Малиновский, Чхеидзе, Петровский, Туляков, Скобелев (там же. Стб. 120, 121, 128, 136, 138), но все они после первых же произнесенных ими слов лишились председателем слова. См. также: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 148.

⁷¹ Подробнее о «деле Чхеидзе» см.: *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 119–135. Дело было прекращено 8 июля 1914 г. по личному указанию Николая II.

⁷² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 2-я. Ч. IV. Стб. 515–528.

⁷³ Повод для скандала был понятен лишь нескольким посвященным и оказался связан с воспоминаниями о деле Бейлиса и ролью в нем адвокатов разной политической ориентации, защищавших обвиняемого или выступавших на стороне родителей убитого юноши А. Ющинского. Правый депутат адвокат Н.П. Шубинский в крайне осторожной форме высказался в своей речи в пользу последних (среди них были правые депутаты Думы Г.Г. Замысловский и Б.Б. Шахно). В ответ тут же прозвучал возглас вышедшего вдруг из себя Милюкова в его адрес: «Мерзавец!» Пуришкевич, молниеносно вскипев, бросил в ответ лидеру кадетов: «Скотина, сволочь, битая по морде» (это был намек на то, что в 1907 г. Милюков был избит черносотенцами). Шубинский же заявил, что если бы у него был с собой револьвер, то он не знает, что сделал бы с Милюковым, а неожиданно включившийся в перепалку на стороне последнего и всегда активно защищавший Бейлиса Керенский крикнул Шубинскому: «Низкий лгун!»

В итоге Милюкова, Пуришкевича и Керенского председательствовавший в тот день вице-спикер Коновалов отстранил от участия в следующем думском заседании. Коновалов предлагал подвергнуть такому же наказанию и Шубинского, но депутаты его не поддержали, и он подал в отставку со своего думского поста. (Там же. Стб. 596–610, 709–719; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневники и воспоминания. М., 2001. С. 294; *Гайда Ф.А.* Политическая обстановка в России... // Отечественная история. 2011. № 12. С. 131).

⁷⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 2-я. Ч. IV. Стб. 1106–1119.

Л.А. Кассо (1865–1914) — богатый бессарабский дворянин, получивший юридическое образование в Германии. Преподавал в России в ряде университетов, в том числе Московском. В 1910 г. был назначен управляющим Миннарпроса, а в 1911 — министром. Вместе со Столыпиным выступал против политизации высших учебных заведений и студенческих организаций, что вызвало протесты профессуры и студентов.

⁷⁵ Там же. Стб. 1896–1906.

⁷⁶ Там же. Ч. V. Стб. 616–618.

⁷⁷ *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 301–302.

Глава 3

Великая война — пролог новой русской революции

Лето 1914 г. стало последним мирным летом Российской империи, хотя никто этого тогда еще и не знал. После окончания 28 мая очередной думской сессии Керенский отправился в ставшую уже привычной для него как депутата Думы поездку по стране. На этот раз он решил посетить Урал и Поволжье, чтобы ознакомить общественность с работой Думы и помочь в активизации оппозиционного и протестного движения на местах. В начале июля после Екатеринбурга Керенский был уже в Самаре и собирался проехать оттуда в Саратов, однако известие об австрийском ультиматуме Сербии, который он воспринял как преддверие большой европейской войны, заставило его изменить свои планы и быстро возвратиться в столицу.

Как известно, поводом для поистине фатального развития событий стало убийство в боснийском городе Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда — наследника престолов Австрии и Венгрии, объединенных со второй половины XIX в. в двуединую монархию. Теракт совершил сербский националист, и 10 июля правительство Австро-Венгрии потребовало от Сербии в 48 часов осудить и запретить всякую антиавстрийскую пропаганду, а главное — привлечь австро-венгерские власти к участию в следствии по делу заговорщиков. Последний пункт ультиматума был отвергнут сербским правительством, и 15 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Россия сразу же заявила, что не оставит сербов в беде, и через несколько дней решила провести всеобщую мобилизацию резервистов, которая была воспринята в Германии как нарушение европейского «равновесия» и дала ей основание для объявления 19 июля 1914 г. России войны.

В наши дни задним числом много говорят о том, что если бы России удалось тогда избежать вступления в войну, то весь ход ее последующей истории мог бы радикально измениться. Действительно, предупреждений о том, что участие в большой европейской войне может послужить прологом новой русской революции, было предостаточно. Так, Столыпин еще в июле 1911 г. писал министру иностранных дел А.П. Извольскому: «Война в ближайшие годы, *особенно по непонятному для народа поводу*, будет гибельна для России и династии» (курсив мой. — С.Т.). По его мнению, страна встретит врага сознательно и выйдет победительницей «только из народной войны», когда россияне поймут, за что они воюют. В декабре 1912 г. о том, что

будущая война закончится для России революцией, предупреждал в Думе Пуришкевич, в феврале 1914 г. — в записке царю бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново, а в мае — снова в Думе лидеры кадетов Милюков и Маклаков. Наконец в июле, буквально накануне начала войны кадетская «Речь» призывала правительство проявить сдержанность и решить международные вопросы «политическим путем», т. е. путем переговоров, и 19–21 июля была за это даже закрыта¹.

Однако внять этим отнюдь не бесосновательным прогнозам Николай II и его правительство не захотели. У них возобладало совсем другое мнение, сводившееся к тому, что статус России как великой мировой державы, ее традиционная политика покровительства славянским народам, союзнические обязательства перед Англией и Францией и даже внутривластная напряженность в стране (подъем массового рабочего движения летом 1914 г.), наоборот, требуют от правительства имперской твердости и демонстрации своей силы. В итоге на переговоры с Германией Россия не пошла, и война стала фактом.

20 июля Николай II подписал адресованный всем россиянам манифест, где возложил всю полноту ответственности за развязывание войны на Германию, подчеркнув, что Россия вступила в нее, руководствуясь братскими чувствами к народу Сербии и законным желанием оградить свою честь, достоинство, целостность и законное место среди других великих держав. При этом император призвал к еще более тесному единению власти и народа и к забвению всех «внутренних распрей». В тот же день на Дворцовой площади в Петербурге (вскоре он будет переименован на русский манер в Петроград) собрались тысячи людей, которые, увидев вышедших на балкон Зимнего дворца царя и царицу, в едином порыве опустили на колени и запели гимн «Боже, царя храни!» Принимая после этого высших чинов империи, Николай II торжественно заявил, что не заключит мира до тех пор, пока последний вражеский солдат не покинет пределов России.

На страницах российских газет часто проводились в те дни исторические параллели с Отечественной войной 1812 г. и изгнанием поляков из Москвы в 1612 г. Россиянам напоминали, что «русские прусских всегда бивали», а в 1760 г. даже взяли Берлин. Подчеркивалось также, что в новой войне речь пойдет о столкновении славянства и германизма, высокой православной духовности и тевтонского варварства, причем победа России — а в ней в то время почти не сомневались — обязательно приведет к нравственному обновлению страны².

Характерно, однако, что, вызвав на время резкое сокращение масштабов антибуржуазного и антиправительственного протестного движения и значительный рост в обществе патриотических и религиозных настроений, объявление войны в России, в отличие от Гер-

мании и Франции, не сопровождалось сколько-нибудь крупными шовинистическими эксцессами (разгром германского посольства в Петрограде был здесь одним из немногих исключений). Сравнительно гладко прошла и мобилизация в армию, хотя «пьяные» проводы новобранцев в ряде мест изрядно испортили отчеты полицейских чинов начальству. Что же касается откровенного «пораженчества», то его можно было наблюдать разве что у небольшой части радикально настроенной русской интеллигенции, в первую очередь в эмиграции, или у люмпенских и уголовных элементов, которые никогда не делали погоды на российской политической сцене.

Керенский не был среди «ура-патриотов»³ и встретил войну с большой внутренней тревогой и каким-то смутным предощущением будущей беды. Он любил Россию, ее природу и трудовой народ, любил великий русский язык, уважал Православие и высоко ценил отечественную культуру. Вместе с тем Керенский органически не принимал социально-политического строя Российской империи и, не желая царизму победы, не хотел вместе с тем и укрепления его позиций. Не случайно поэтесса Зинаида Гиппиус, очень симпатизировавшая тогда молодому депутату-трудовику, отмечала в дневнике 20 июля, что на одном неофициальном собрании столичной интеллигенции Керенский, как и она, высказался в принципе «за союзников»⁴, но полностью своих взглядов на войну еще не определил. Вместе с тем она находила, что хотя Керенский и не очень умен, но «военная зараза к нему пристать не может просто потому, что... он слишком революционер»⁵.

К более четкому определению своего отношения к войне Керенского подтолкнул указ Николая II Сенату о возобновлении 26 июля занятий Государственной думы. Этому заседанию предшествовало собрание ее Совета старейшин под председательством Родзянко, где Керенский, прежде всего, сорвал предложение правых фракций не открывать никаких прений по поводу царского манифеста 20 июля и после трехкратного «ура!» в честь Николая II просто разойтись. Поддержанный социал-демократами, он настоял на том, чтобы каждая фракция получила возможность изложить 26 июля свое отношение к начавшейся войне. Кроме того, Керенский попросил Родзянко довести до сведения императора пожелания группы депутатов, направленные на смягчение внутривнутриполитической ситуации в стране, что, по их мнению, должно было положительно сказаться и на ходе военных действий. Речь шла о всеобщей амнистии политзаключенным, восстановлении конституции Финляндии, предоставлении политической автономии Царству Польскому и культурной автономии всем национальным меньшинствам империи, отмене ограничений в отношении евреев и прекращении преследования профсоюзов. Кроме

того, по мнению Керенского, следовало покончить наконец в России с религиозной нетерпимостью, имея в виду неправославные конфессии и сектантов⁶.

Родзянко, встретившийся с царем 25 июля, выполнил просьбу лидера Трудовой группы и показал Николаю II листок с перечнем указанных выше предложений, близких, кстати говоря, по духу царскому Манифесту 17 октября 1905 г. Но император, бегло просмотрев их, положил документ на стол и ничего не сказал, продемонстрировав тем самым свое нежелание идти навстречу общественным настроениям⁷. После этого Керенский уже достаточно четко определил тот минимум политических реформ, который он собирался отстаивать в период войны в Думе, причем, как показала жизнь, это действительно были только минимальные требования оппозиции, к которым в 1915 — начале 1917 г. прибавились и гораздо более радикальные. Таким образом, уже летом 1914 г. Керенский пришел к выводу, что хотя окончательное сведение счетов с царским режимом, видимо, придется отложить до окончания войны, но и до этого момента нельзя прекращать критику правительства с думской трибуны, обязательно сочетая ее с внедумской нелегальной деятельностью, как это было в предыдущие годы.

Впрочем, у лидера Трудовой группы оставался в запасе на 26 июля и еще один тактический ход — совместное выступление с меньшевистской и большевистской думскими фракциями РСДРП, что он уже не раз практиковал в 1913 — первой половине 1914 г. Как вспоминал позже Керенский, перед экстренной сессией Государственной думы, трудовики и социал-демократы сначала собирались выступить на ней с совместной декларацией, где выразили бы готовность вместе со всем народом защищать страну от врага, «несмотря на антинародную и обструкционистскую политику правительства»⁸. Это решение было принято на совещании членов трех левых думских фракций 25 июля, причем лидеру трудовиков и поручили тогда составить окончательный текст декларации. Однако на следующий день, буквально перед началом заседания Думы лидер меньшевиков Чхеидзе отказался от такого совместного демарша, мотивируя это тем, что им получена телеграмма из Берлина об антивоенной демонстрации германских социал-демократов, которых обе думские фракции РСДРП, естественно, не могут не поддержать. Керенский попытался убедить Чхеидзе в том, что подобное сообщение вряд ли соответствует действительности (оказалось, что так оно и было), но Чхеидзе лишь «развел руками»⁹. В итоге декларация двух думских фракций РСДРП — меньшевистской и большевистской, оглашенная меньшевиком В.И. Хаустовым¹⁰, приняла довольно двусмысленное, полуоборонческое-полуреволюционное звучание, что вызвало потом

крайнее недовольство находившегося в эмиграции в Швейцарии лидера большевиков Ленина¹¹.

Характерно, что на заседании 26 июля Керенский получил слово раньше социал-демократов, поскольку Родзянко, видимо, был уверен в его патриотической в целом позиции. Заявление лидера трудящихся, согласно думской стенограмме, гласило: «Тяжелое испытание пало на Родину, и великая скорбь охватила всю страну! Тысячи и тысячи молодых жизней обречены на нечеловеческое страдание, нищета и голод идут разрушать благосостояние сиротеющих семей трудящихся масс населения. Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу (рукоплескания слева, в центре и справа) и защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений! Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России (рукоплескания слева, в центре и справа) и родится единая воля — освободить страну от страшных внутренних пут!

Неискупима ответственность правительств всех европейских государств, во имя интересов правящих классов толкнувших свои народы на братоубийственную войну, — продолжал Керенский. — Социалисты всех ныне воюющих стран — Франции, Англии, Бельгии и Германии — пытались протестовать против разразившейся ныне войны. Мы же — русская демократия — не могли даже в этот последний страшный час вовремя свободно возвысить свой голос против надвигавшейся войны. Но, глубоко веруя в единство всех трудящихся классов всех стран, мы шлем свой братский привет всем протестовавшим против подготовлявшейся братоубийственной бойни народов.

Русские граждане! Помните, что нет врагов у вас среди трудящихся классов воюющих стран. Защищая до конца все родное от попыток захвата со стороны враждебных нам правительств Германии и Австрии, помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великие идеалы демократии — свобода, равенство и братство — руководили деятельностью правящей России и правительств всех стран. Между тем власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает она амнистии борющимся за свободу и счастье страны, не хочет примириться с нерусскими народностями государства, все простившими и одушевленно борющимися вместе с нами за общую Родину, и вместо того чтобы облегчить положение трудящихся классов народа, именно на них возлагает главную тяжесть военных издержек, усиливая бремя косвенных налогов.

Крестьяне и рабочие — все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее. А вам, нашим братьям, проливаю-

щим кровь за Родину, низкий поклон и братский привет (рукоплекания слева, в центре и на отдельных местах справа)»¹².

Мы привели здесь декларацию трудовиков полностью, т. к. в прошлом ее цитировали сугубо выборочно, что вело к искажению позиции Керенского. Между тем он сделал в своем выступлении акцент на необходимости 1) дать отпор внешнему врагу и защитить Родину и ее культурное наследие и 2) вместе с тем освободить Россию от «страшных внутренних пут», т. е. от царского режима. А это значит, что при всей своей «оборонческой» риторике выступление Керенского прозвучало и как угроза царской власти. Для сравнения отметим, что на том же заседании Думы 26 июля лидер кадетов Милюков, туманно пообещав, что, «когда настанет время», его фракция вернется к наиболее острым вопросам российской действительности, огласил обращение ЦК Партии народной свободы к своим единомышленникам. Там, в частности, говорилось: «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия (бурные рукоплекания в центре, справа и слева)... Мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника (слева, в центре и справа рукоплекания и голоса "браво")»¹³. А давний оппонент Керенского в Думе «курский зубр» Марков 2-й взял на себя смелость говорить от имени всего русского народа, который молит только об одном: «Господи, пусть будет победа!»¹⁴. Наконец настоящим парадом «национального единения» всех народов Российской империи стали пять выступлений представителей поляков, русских немцев, евреев, литовцев, татар, заверивших Думу и всю Россию в том, что их народы тоже являются патриотами своей великой страны¹⁵.

Весь этот патриотический спектакль был несколько омрачен, правда, одним досадным штрихом: в момент голосования за дополнительные военные кредиты социал-демократы демонстративно покинули зал заседаний Думы, а трудовики воздержались от голосования. Но эти их акции остались тогда без последствий. Однако суровые будни войны очень скоро развеяли надежды на быструю победу русского оружия. Боевые действия на русско-германском фронте начались с неудачной в целом для России Восточно-Прусской наступательной операции, призванной отвлечь немецкие войска с франко-германского фронта. Гораздо лучше шли дела в Галиции, где австрийцы оставили Львов, но военные действия на польской территории не дали перевеса ни одной из воюющих сторон. Общие потери русской армии убитыми, ранеными и пленными в операциях 1914 г. составили более 300 тыс. человек¹⁶.

Во внутренней политике царского правительства после начала войны не произошло каких-либо принципиальных изменений в сто-

рону смягчения социальной и национальной напряженности. О проведении тех мероприятий, которые, как уже говорилось выше, предлагал в июле 1914 г. Керенский, не было и речи. Усилились цензура печатных изданий и преследования революционных организаций. Единение власти и народа, о котором шла речь на заседании Думы 26 июля, оказалось лишь неким миражом. Рука, протянутая обществу Николаю II, повисла в воздухе, что имело для монархии поистине фатальные последствия¹⁷.

Тот факт, что с началом войны правительство взяло курс на увеличение интервалов между сессиями Думы, позволил Керенскому осенью 1914 г. активно заняться внедумской работой. Он поддерживал регулярные контакты со столичными неонародниками и широко использовал, в частности, возможности, которые открывало перед ним участие в работе Вольного экономического общества¹⁸. Там он встречался с радикально настроенной столичной интеллигенцией (меньшевиком А.Н. Потресовым, независимыми «левыми» — масоном Е.Д. Кусковой и В.Я. Богучарским, энесом В.А. Мякотинным и др.). Керенский был избран вместе с П.Б. Струве и Шингаревым в комиссию ВЭО по изучению экономических последствий войны, работал в библиотечной комиссии, занимался помощью безработным. Выезжал он и в провинцию, например в Екатеринбург и Саратов¹⁹. Используя установившиеся у него еще в предвоенный период связи с российской глубинкой, Керенский старался ободрить своих единомышленников, вывести их из состояния шока, вызванного внезапным началом войны, помочь в установлении связей с Петроградом и другими революционными центрами. Эта как будто незаметная и, на первый взгляд, не очень эффективная работа имела, однако, большое значение для сохранения того оппозиционного потенциала российской интеллигенции, который существовал до войны.

6 января 1915 г. Департамент полиции МВД разослал секретный циркуляр № 165377: «По поступившим в Департамент полиции агентурным сведениям, в деятельности членов Трудовой группы Государственной думы наблюдается в последнее время зарождение нового течения, выражающегося в стремлении к объединению всего левого элемента, независимо от принадлежности к той или иной партии, в целях противодействия имеющемуся в связи с настоящей войной поправению населения. По тем же сведениям, одним из наиболее ярких выразителей такого течения является член Трудовой группы Государственной думы присяжный поверенный Александр Федорович Керенский». Далее в циркуляре говорилось о его частых поездках по России и встречах с «неблагонадежными лицами разных интеллигентских профессий», в ходе которых Керенский высказывался о необходимости продолжения энергичной работы в целях

сплочения левых элементов российского общества. Эта работа должна была вестись, по его мнению, как легально (через кооперативы, благотворительно-просветительские общества и Союз земств и городов), так и нелегально. «В целях достижения наибольшего успеха в деле такого объединения левых элементов населения в Петрограде, по словам Керенского, имеет быть организован руководящий комитет, дающий директивы местным комитетам ... в больших губернских городах». Исходя из вышеизложенного, Департамент полиции просил подчиненные ему структуры на местах следить за подобной деятельностью Керенского и сообщать о ней в Петроград²⁰.

Гораздо больше известно нам об участии Керенского в судьбе пяти большевистских депутатов Думы А.Е. Бадаева, Г.И. Петровского, М.К. Муранова, Ф.Е. Самойлова и Н.Р. Шагова, арестованных 5 ноября 1914 г. в связи с их участием в подпольной конференции большевистских партийных работников в Озерках под Петроградом²¹ и осужденных в феврале 1915 г. на пожизненное поселение под надзором полиции в Сибири. Это был, без сомнения, благородный и мужественный поступок Керенского, о котором в советское время предпочитали не вспоминать²². Налицо здесь были и его товарищеская солидарность со всеми депутатами-социалистами Думы, и негодование на грубое попрание депутатского иммунитета, выразившееся в аресте пяти большевиков, и сомнение в правомерности возлагать на большевистских парламентариев ответственность за ультрарадикальное заявление их лидера Ленина, находившегося в полной личной безопасности на территории нейтральной Швейцарии.

К тому же Керенского, как и многих других социалистов, не устраивало то, что Ленин не считал нужным конкретизировать свой лозунг военного поражения царизма как «меньшего зла» по сравнению с его победой в войне. Это могло послужить поводом к толкованию в духе анархизма (призывы к дезертирству из вооруженных сил, организации террористических актов и актов саботажа на военных предприятиях и на транспорте и т. п.). Между тем Ленин вкладывал в свой девиз достаточно простой смысл: поражения на фронтах будут ослаблять царизм и приведут к окончательному падению его престижа в глазах масс, а следовательно ускорят приход второй русской революции как вероятного пролога мировой революции. Отсюда следовали: принципиальный отказ даже от временного перемирия с царской властью и притятия казенного патриотизма, ставка на продолжение классовой борьбы в военных условиях, лозунг «Долой войну!», разоблачение поддерживаемых либералами захватнических планов царизма в отношении Черноморских проливов и некоторых других территорий, обязательное голосование социал-демократических депутатов Думы против военных кредитов и разоблачение с думской трибуны наибо-

лее грубых проявлений произвола царских властей. Все это в какой-то мере сближало позиции самого Керенского и большевиков, что отразилось и на их взаимоотношениях.

Привлекло внимание Керенского (теперь уже и как адвоката) и то обстоятельство, что на конференции в Озерках неожиданно прозвучала гораздо более мягкая формулировка отказа большевиков от лозунга победы России в войне, чем у Ленина (автором ее был Каменев)²³. И хотя Керенский не мог еще знать, что вскоре на конференции большевиков-эмигрантов в Берне и самому Ленину под нажимом товарищей по партии придется сделать то же самое, смягчив звучание своего «пораженческого» лозунга, интуитивно он чувствовал правоту Каменева, Петровского и его товарищей, которые должны были действовать не в эмиграции, а в условиях царской России²⁴.

Острота реакции Керенского на арест депутатов-большевиков объяснялась и тем, что еще весной 1914 г., как упоминалось выше, в Думе бурно обсуждался вопрос о свободе депутатского слова и о депутатской неприкосновенности. Поэтому 6 ноября Чхеидзе, Керенский, Милюков и ряд других кадетов и прогрессистов потребовали от председателя Думы Родзянко выразить в связи с арестом большевистской пятерки протест правительству, даже не вдаваясь в детали дела и, в частности, в проблему «пораженчества», поскольку арест членов Думы, по их мнению, может нанести ущерб делу обороны страны и вызвать протесты со стороны рабочих. Родзянко в принципе согласился с интерpellантами, но направил соответствующее письмо на имя премьера Горемыкина только 30 ноября, причем ограничился просьбой не повторять впредь того, что произошло с депутатами-большевиками. В свою очередь, Горемыкин передал письмо Родзянко для ответа министру внутренних дел Маклакову, который, естественно, встал на сторону полиции, назвал арестованных депутатов преступниками и выразил благодарность сотрудникам МВД за «верную службу».

Затем этот вопрос всплыл на открывшейся 27 января 1915 г. новой думской сессии, где социал-демократы и трудовики (уже без кадетов и прогрессистов) сделали попытку подать срочный запрос по поводу ареста большевистской пятерки, но, не набрав под ним необходимого числа подписей, вынуждены были пока пойти на попятный. Тем не менее и на этот раз Керенский произнес с трибуны Таврического дворца очередную яркую речь, подтвердив прежнюю позицию Трудовой группы в отношении начавшейся войны. Он назвал ее «не нашей» войной и сказал, что демократические силы России хотят поскорее закончить эту кровавую бойню вместе со всей европейской демократией, освободив народ от тех, кто «бесконечные века ковали тяжкие оковы рабства, угнетения и нищеты». Пока же народ России должен

защищать Родину от внешнего врага (и здесь Керенский прямо отрекся от всякого «пораженчества», что было очень важно в связи с предстоявшим судебным процессом по делу депутатов-большевиков), но одновременно вести борьбу с царизмом во имя идеалов свободы, равенства и братства. Оратор солидаризировался также с говорившим перед ним Чхеидзе, обличавшим безответственную российскую бюрократию, разгул цензуры, угнетение евреев и других малых народов империи, преследование рабочих организаций и арест большевистских депутатов. При этом Керенский подчеркнул, что народ России «созрел к власти и идет к созданию нового государства», свободного от тех, кто не дает ему жить и дышать²⁵. В итоге социал-демократы голосовали против утверждения государственного бюджета на 1915 г., а трудовики воздержались от голосования²⁶.

Между тем 10 февраля 1915 г. в Петрограде начался судебный процесс по делу большевистских депутатов Думы, Каменева и ряда других большевиков. Перед этим в правительственных кругах долго дебатировался вопрос о том, военный или гражданский суд должен судить эту группу революционеров, но в конце концов Николай II по совету своего дяди, Верховного главнокомандующего вел. кн. Н.Н. Романова ради «спокойствия» в стране склонился в пользу последнего. На процессе подсудимых защищали 6 адвокатов, включая Керенского²⁷, Н.Д. Соколова, М.В. Беренштама, П.Н. Переверзева и А.А. Демьянова. Керенский при этом акцентировал внимание суда на том, что депутаты и Каменев не солидаризировались с ленинским тезисом о поражении царизма в войне как наименьшем зле²⁸. А это позволяло переqualифицировать предъявленное им обвинение с признания их измены государству на принадлежность к преступному сообществу, ставящему своей целью попытку насильственного ниспровержения существующего государственного строя и замену его демократической республикой, что автоматически спасало депутатов и Каменева от смертной казни. За это им полагалась пожизненная ссылка на поселение в Сибирь, откуда большевистских лидеров освободила Февральская революция 1917 г.

В своей речи на процессе Керенский, в частности, заявил: «Обвиняемые никогда не стремились вызвать брожение в армии; никогда не желали поражения нашей армии; они никогда не протягивали руки неприятелю через головы тех, кто умирает на фронте, защищая Родину. Напротив, они боялись, чтобы русские реакционеры не заключили союза с германскими реакционерами...»²⁹ В целом процесс стал несомненной победой демократических сил, а Керенский и позже не раз еще поднимал в Думе вопрос о реабилитации большевистских депутатов и возвращении их из ссылки, хотя успеха так и не добился.

В 1915 г. положение русских войск на фронте стало еще более тяжелым. Весь январь и февраль в заснеженных Карпатах шли упорные кровопролитные бои. В марте русским войскам сдалась сильная крепость Перемышль, но уже в мае началось успешное германо-австрийское наступление у Горлицы, в июне русские оставили Львов, а в июле — Варшаву. Это грандиозное по своим масштабам отступление сопровождалось огромной деморализацией солдат, сдачей их в плен, массовым дезертирством. По дорогам войны с запада на восток брели нескончаемые толпы насильственно выселяемых из прифронтовой полосы беженцев, в основном евреев, которых министр земледелия А.В. Кривошеин сравнил со вторым великим переселением народов, влекущим Россию «в бездну, к революции и гибели»³⁰.

Дело дошло до того, что русская кадровая армия, с которой страна начинала год назад войну, была практически выведена из строя, причем особенно сильно пострадал офицерский корпус. Итогом стали колоссальные потери — более 300 тыс. убитых и 1,5 млн попавших в плен. Возмущение общественного мнения этим беспрецедентным фактом заставило царя отстранить от должности, а затем и отдать под суд военного министра Сухомлинова, а в конце августа самому стать Верховным главнокомандующим вместо вел. кн. Н.Н. Романова.

Война привела в расстройство транспорт, промышленности не хватало металла и топлива, стали возникать продовольственные затруднения. Но главное состояло даже не в этом, а в том, что в армии возник настоящий кризис, связанный с катастрофической нехваткой патронов, снарядов и вооружения. Все это заставило правительство по примеру западных стран — участниц войны встать на путь государственного регулирования военного хозяйства и привлечения к участию в подъеме производства представителей частного капитала и даже рабочих в рамках так называемых военно-промышленных комитетов (I съезд ВПК собрался в июле 1915 г., а процесс создания местных комитетов и их «рабочих групп» затянулся даже до осени). В мае–августе появились и новые чрезвычайные органы — Особые совещания по обороне государства, перевозкам, топливу и продовольствию, возглавляемые соответствующими министрами и включавшие в свой состав, помимо чиновников, членов Государственной думы и Госсовета, а также земских и городских общественных организаций.

Все это вместе взятое создавало в стране настроение тревоги, вызывало слухи о шпионаже в пользу Германии и всплеск антигерманских и антиавстрийских настроений в средних слоях и «низах» городского населения. Возмущение косностью и инертностью царской бюрократии приводило к активизации деятельности органов земского и городского самоуправления, различных общественных

организаций и политических партий. При этом рост оппозиционного движения в среде либерально настроенной буржуазии и особенно либерально-демократической интеллигенции заметно обгонял процесс оживления протестного движения пролетариата, хотя и в нем наметились сдвиги к новому подъему, спровоцированные самими властями, бросившими рабочим очередной вызов июньским расстрелом рабочей демонстрации в Костроме (12 убитых и около полусотни раненых)³¹.

Общество лихорадили также сообщения о страшном апрельском взрыве на Охтенском пороховом заводе в Петрограде (он очень чувствительно отозвался на снабжении армии боеприпасами), об очередных майских скандальных гулянках Распутина в Москве, о предстоящих отставках некоторых министров. Поэтому «засидевшиеся» на явно затянувшихся каникулах депутаты Государственной думы с большим удовлетворением узнали о том, что к первой годовщине войны будет приурочена в июле и новая парламентская сессия, на которой можно будет наконец обсудить очень тяжелое и тревожное положение в стране.

Надо сказать, что о деятельности Керенского после его участия в процессе депутатов-большевиков в феврале 1915 г. известно очень немного. Так, 25 февраля он обратился с письмом к Родзянко с огульным, хотя и анонимным обвинением высших чинов МВД в стремлении к скорейшему окончанию войны и в содействии с этой целью шпионажу в пользу Германии. По мнению Керенского, лишь Дума могла бы защитить страну от подобных ударов в спину. Это письмо нелегально распространялось по всей России, хотя в нем и был значительный элемент политической демагогии. Керенскому удалось также снять с еврейского населения местечка Кужи Ковенской губ. обвинение в пособничестве наступающим немецким войскам (для этого он выехал на место событий и провел собственное расследование), что было очень важно в связи с подъемом новой волны антисемитизма в стране. Известно также, что в первой половине мая Керенский выступил с предложением создать «внепартийный прогрессивный союз» (нечто вроде будущего думского Прогрессивного блока) для давления на правительство после окончания войны, но оно было отвергнуто кадетами³². И в этих условиях Керенский решил обратиться за поддержкой к наиболее близким ему неонародникам, те или иные связи с которыми у него практически никогда не прерывались.

В преддверии открытия новой думской сессии, 16–17 июля 1915 г. на квартире Керенского в Петрограде собралась подготовленная при его непосредственном участии конференция неонародников — эсеров, энесов и трудовиков. Заслушав два доклада Керенского, делегаты конференции пришли к выводу, что Россия остро нуждается в

мире, но до окончания военных действий нужно тем не менее защищать Родину от врага. Однако, поскольку царизм уже доказал свою неспособность решить эту задачу, для революционных партий «наступил момент для решительной борьбы за власть». Главными же лозунгами настоящего момента являются: амнистия всем заключенным, осужденным по политическим и религиозным делам, созыв Учредительного собрания и предоставление всем россиянам политической свободы. Было также избрано Центральное бюро объединенного народничества, а его сторонникам на местах рекомендовано активно работать во всех легальных общественных организациях, чтобы в момент предстоящих решающих событий превратить их в свои опорные пункты. После конференции в Петрограде прошли еще несколько совещаний неонародников с участием Керенского³³.

Сам же он вновь напомнил о себе еще более резкой, чем прежде, критикой царизма на открывшейся 19 июля сессии Думы, где основной темой дискуссии стала проблема «Война, власть, общество». Керенский привел факты, свидетельствовавшие об обострении еврейского вопроса в Литве, игнорировании властями проблемы автономии Царства Польского и насилиях над галицийскими украинцами. Общественный энтузиазм первого периода войны «преступно растрачен» властью, сказал он, экономика страны доведена до кризиса, а народ из-за разгула цензуры не может добиться всей правды о положении на фронте. Выход из этой ненормальной ситуации состоял, по мнению Керенского, в том, чтобы *вся нация* была привлечена к работе по защите страны, поскольку те, кто стоят в данный момент у власти, обеспечить выполнение этой задачи не могут.

Отсюда логично следовал вывод: только передача управления страной самому народу способна вывести ее из кризиса, причем речь должна идти не о смене в правительстве отдельных лиц, а о замене всей существующей общественно-политической системы в целом. Для этого, как сказал Керенский, нужны меры, о которых он уже не раз говорил прежде: политическая амнистия, свобода печати и союзов, неприкосновенность личности, осуществление права наций на самоопределение, равенство всех граждан перед законом, возвращение из Сибири депутатов-большевиков, приостановка проведения столыпинской аграрной реформы и окончательное решение в пользу крестьян основного вопроса Российского государства — вопроса о земле³⁴. А для этого нужна новая и здоровая власть, новая система управления с участием самого народа, который должен взять дело спасения страны в свои руки. «Сейчас нельзя рассуждать, нужно действовать...», — заявил Керенский, которого тут же поддержал и лидер меньшевиков Чхеидзе³⁵.

1 августа Керенский принял участие в обсуждении проекта закона об упоминавшихся выше четырех Особых совещаниях по обороне и управлению народным хозяйством, назвав эту бюрократическую затею правительства «нищетою государственного творчества», свидетельствующую о хроническом отставании России от Германии, Англии и Франции, которые тоже встали во время войны на путь усиления влияния государства на экономику своих стран, но привлекли в соответствующие органы гораздо больше представителей общественности и рабочих³⁶. При этом лидер трудовиков обвинил и правительство, и думское большинство в отсутствии творческого подхода к решению больших государственных проблем и в недостатке истинного патриотизма, напомнив, что в годы Великой французской революции, которая всегда была для него своеобразным эталоном, революционер Дантон хорошо сказал: для спасения Родины от врага нужна смелость, смелость и еще раз смелость³⁷.

А через день, 3 августа Керенский произнес новую большую речь, где протестовал против намерения образовать особую думскую комиссию по борьбе с «немецким засильем» в сфере экономики и даже в вопросах религии (из-за поддержки немцами сектантов-штундистов и адвентистов). Он назвал развернувшуюся на этой почве во время войны антинемецкую кампанию самой вредной демагогией, хотя само по себе исторически сложившееся немецкое влияние на политическую, экономическую и культурную жизни России XVIII — начала XX в., безусловно, существовало, причем далеко не все примеры подобного рода можно было считать негативными³⁸.

Накал оппозиционных речей Керенского нарастал буквально от заседания к заседанию, и 8 августа, протестуя против запрета органов цензуры распространять его и Чхеидзе речи, произнесенные еще 27 января 1915 г., он смело заявил: «Мы должны сказать всем, кто сейчас не по праву держит в своих руках власть: *уйдите, вы губите страну!* Мы хотим ее спасти, *дайте нам управлять страной — иначе она погибнет*» (курсив мой. — С.Т.)³⁹. Это было первое открытое, на всю страну заявление Керенского о претензиях социал-демократов, трудовиков, эсеров и кадетов, т. е. будущих членов Временного правительства в 1917 г., на власть. Оно тут же вызвало саркастическую реплику ультраправого «зубра» Маркова 2-го, ведущего свой дворянский род с XV в.: «Как бы критически мы, быть может, не относились к теперешним властям, мы все же им больше верим, чем власти депутата Керенского, который даже простые истины излагает с такой нервностью, что вот-вот кажется, что с человеком родимчик приключится. Ведь, господа, с такой нервностью нельзя управлять, раз человек не управляет своим собственным темпераментом, а хо-

чет управлять 180 млн российского народа. Вот почему мы подождем передавать вам власть (смех справа)...»⁴⁰

Так или иначе, 8 августа 1915 г. с трибуны Государственной думы впервые прозвучало из уст Керенского требование создать коалиционное правительство, воплощенное, однако, в жизнь лишь через полтора года, после свержения царизма. По понятным причинам он не уточнил, кого конкретно имел в виду, говоря: «Дайте нам власть». Но совершенно очевидно, что, помимо меньшевиков, трудовиков и, конечно, себя лично, Керенский думал при этом об эсерах и о представителях либерально-опозиционных буржуазных течений — кадетах, октябристах, прогрессистах, а возможно, и о некоторых «националах». Персонально речь могла идти о таких кандидатах в министры, как Родзянко, Гучков, Милюков, Некрасов, Коновалов, Василий Маклаков, Скобелев, Чхеидзе, причем часть из них действительно оказалась потом в составе Временного правительства.

Что касается крайне парадоксальной, на первый взгляд, идеи соединения в одном правительственном кабинете социалистов и либеральных буржуазных деятелей, то нечто подобное уже было опробовано в то время на Западе, например в Англии и во Франции. В России же требование Керенского, естественно, повисло тогда в воздухе. Реальным же оказалось совсем другое: в период с 9 по 22 августа было достигнуто соглашение о формировании в Думе достаточно широкого оппозиционного объединения, получившего название Прогрессивного блока. В него вошли депутаты 6 фракций Думы, в том числе кадеты, октябристы и прогрессисты, — всего 236 из 422 ее членов и несколько десятков членов Государственного совета. Всего же в Прогрессивном блоке оказались более 300 общественных деятелей России из разных политических партий за исключением крайне правых и крайне левых, в частности трудовиков и меньшевиков.

Лидерами блока стали кадеты Милюков и Шингарев, октябрист С.И. Шидловский, прогрессивный националист В.В. Шульгин и др. В его программе не было требований крупных социальных преобразований, что сразу же оттолкнуло от него Керенского. Речь там шла лишь о создании «правительства доверия», частичной амнистии осужденным по политическим и религиозным делам и восстановлении профсоюзов, т. е. о мероприятиях чисто политического характера. Не случайно в распространявшихся в то время по России списках кандидатов в будущие министры имен Керенского и других социалистов еще не было. Поэтому выступая 28 августа в Думе, Керенский подчеркнул, что программа блокистов — это только малая часть того, в чем нуждается сейчас Россия, но что открыто выступать против Прогрессивного блока ни он, ни его левые товарищи-депутаты все же пока не будут⁴¹.

Сам же Керенский оставался верен себе, вновь поставив 14 августа вопрос о судьбе депутатов-большевиков и назвав тех, кто продолжает осуждать их, — «пораженцами», предателями и продажными людьми. И хотя радикального пересмотра дела членов большевистской пятерки Керенский так и не добился, но депутатские мандаты за ними были все же сохранены, выбывшими из состава депутатского корпуса их не считали и новых депутатов на их место не избирали⁴². А это уже была пусть далеко не полная, но тоже победа. Оперативно поддержал Керенский 28 августа и депутатский запрос Чхеидзе правительству об оставшемся безнаказанным расстреле 10 августа иваново-вознесенских рабочих, вышедших на демонстрацию в защиту арестованных властями товарищей (несколько десятков убитых и более полусотни раненых)⁴³. А 25 августа он прямо заявил в Думе, что в самое ближайшее время в стране должна быть изменена вся правительственная политика в отношении рабочего класса, крестьянства и других демократических сил⁴⁴.

В итоге терпение властей наконец лопнуло, и 3 сентября депутаты собрались в Таврическом дворце только для того, чтобы выслушать царский указ об очередном перерыве в работе Думы. Они традиционно прокричали «ура!» и тихо разошлись, а одинокий выкрик Керенского: «Да здравствует русский народ!» — остался гласом вопиющего в пустыне. На этот раз царь победил слишком «распоясавшийся» парламент. Ведь еще 22 августа, открывая в Зимнем дворце упоминавшиеся выше Особые совещания, Николай II сказал: «Мне была нужна Дума для обеспечения обороны. Теперь вся программа исполнена. Остальное — по 87-й статье»⁴⁵. 28 августа за перерыв в работе Думы высказался и Совет министров. Так с сентября 1915 г. в наметившемся процессе подъема оппозиционного движения с опорой на Думу наступил продолжительный вынужденный антракт.

В конце сентября, вопреки ожиданиям многих оппозиционеров, надолго стабилизировалось и положение на фронте, поскольку дала свои результаты мобилизация промышленности на нужды войны: значительно увеличился выпуск винтовок, пушек, пулеметов, патронов и артиллерийских снарядов. Все это на некоторое время укрепило позиции царизма. Неудивительно, что в таких условиях Керенского вновь потянуло к революционному подполью. Когда в сентябре в Швейцарии прошла Циммервальдская международная социалистическая конференция с участием российских социал-демократов и эсеров (Ленин, Троцкий, Мартов, Чернов и др.), призвавшая активизировать борьбу с империалистической войной за скорейшее заключение демократического мира, ее манифест нелегально пришел и в Россию. После этого Керенский составил текст инструкции для эсеровских организаций, охарактеризовав войну как империалисти-

ческую с обеих сторон и подчеркнув, что в России первейшим долгом революционеров является победа над распутинской автократией Николай II.

17 сентября на квартире Керенского опять собрались 30 эсеров, и хозяин прямо сказал им, что без революции война будет проиграна. По его мнению, короткий удар в форме 2–3-дневной всеобщей забастовки может привести старый режим к полному краху, причем революция пройдет под флагом обороны страны, что позволит снять с социалистов обвинение в «пораженчестве». Разделял тогда Керенский и старую меньшевистскую идею созыва рабочего съезда. Известно также, что 20 ноября Керенский участвовал в совещании оппозиционных групп у Коновалова, где призывал к стачкам и демонстрациям протеста, а 8 декабря — в конференции столичных эсеров. На последней была принята подготовленная им декларация об отношении к войне, выдержанная в духе Циммервальда (призыв к миру без аннексий и контрибуций, признание права народов на самоопределение). «Не к сотрудничеству с властью в деле обороны страны призываем мы... Возвращайтесь, товарищи, в ряды партии. Восстанавливайте организации трудовых масс. Организуйтесь для единого и решительного удара... Да здравствует борьба за мир соединенными силами всей демократии! Да здравствует революция! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует Партия социалистов-революционеров!» — говорилось в этом ярком документе⁴⁶.

В январе 1916 г. Керенский опубликовал в столичном неонародническом журнале «Северные записки» статью, посвященную итогам оппозиционного движения в 1915 г. Этот политический этюд лидера трудовиков «Из думских впечатлений» получился интересным, содержательным и достаточно боевым (разумеется, в той мере, в какой это можно было сделать в легальной периодике). Автор проанализировал здесь процесс крушения надежд думских лидеров на сотрудничество с правительством после начала войны, отметив, что на июльско-августовской сессии Думы 1915 г. даже крайне дипломатичный. Милюков предложил сделать отныне ее работу непрерывной и поручить думским комиссиям строго контролировать деятельность правительства. Истекший год, продолжал Керенский, ознаменовался и целой серией отставок ряда министров, положивших конец бытовавшему прежде в либеральных кругах афоризму, согласно которому «лошадей» (членов правительства) «на переправе» (во время войны) «не перепрягают» (т. е. не меняют). При этом в июле–августе 1915 г. дело даже дошло до выдвижения оппозицией требования создания кабинета, пользующегося доверием общественности. Высказал Керенский в этой статье и свою неудовлетворенность программой Прогрессивного блока, который явно не спешил поставить на повестку

дня давно назревшие большие вопросы российской действительности. Решив сделать «малый крен влево», чтобы избежать «крена влево катастрофического» (т. е. революции), лидеры блока, по мнению Керенского, никак не хотели понять, что теперь этого было уже слишком мало⁴⁷.

Между тем в личной жизни Керенского назревали большие перемены. Еще в июне 1915 г. в результате сильного переутомления он тяжело заболел, а в феврале 1916 г. покинул Петроград и уехал в Финляндию. Полиция одно время даже забеспокоилась, опасаясь, что он решил установить контакты с финскими «активистами» — сторонниками радикальных методов борьбы с царизмом и идеи отделения Финляндии от России. Но оказалось, что Керенский просто захотел отдохнуть и подлечиться в санатории, расположенном в маленькой деревушке Бад Гранкулла вблизи Гельсингфорса (Хельсинки). В середине марта его оперировали в одной из частных клиник финской столицы по поводу удаления пораженной туберкулезом почки, а затем с 9 апреля он проходил в том же санатории длительный курс реабилитации.

В том же 1916 г. произошли большие изменения и в личной жизни Керенского. Его первая семья, которую он создал в 1904 г. и где было двое отличных мальчугов, фактически рухнула. Он влюбился в двоюродную сестру своей жены врача по профессии Е.В. Бирюкову (урожд. Барановскую), и хотя дело не дошло тогда до развода с Ольгой Керенской-Барановской и они продолжали жить под одной крышей, этот компромисс, по существу, уже ничего не менял: новая любовь захватила Керенского целиком. В дальнейшем от этой связи у Лилии Бирюковой родилась дочь.

Лишь в начале июня 1916 г. Керенский примерно на три недели вернулся из Финляндии в Петроград, чтобы принять участие в обсуждении в Думе законопроекта о равноправии крестьян⁴⁸. Как лидеру Трудовой группы, призванной защищать прежде всего интересы людей труда города и деревни, выступление именно по этому вопросу было для Керенского делом чести, если он хотел сохранить свои позиции как одного из главных вождей российской демократии. Закон этот был фактически введен в действие еще Столыпиным в октябре 1906 г. по 87-й статье Основных законов, т. е. без прохождения в Думе, затем внесен премьером во II Государственную думу, но попал в повестку дня думских заседаний только через 10 лет под названием «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий».

Теперь правительство делало это только для того, чтобы как-то успокоить волнуемую деревню и солдат на фронте, выгодно противопоставить «осчастливленных» Столыпиным крестьян ущем-

ленным в правах евреям и «русским немцам» и создать в обществе впечатление, что власть заботится о народе. Законопроект не претендовал на отмену сословного строя в России и тем более на уравнивание налогового бремени, которое несли — хотя и в разной степени — все россияне. Сохранялся по новому закону и институт земских начальников, а решение вопроса о введении волостного земства откладывалось до следующей думской сессии.

Поэтому Керенский, выступая 3 июня 1916 г. в Думе, заявил, что в старом виде обсуждаемый закон «никому не нужен, так как ничего не изменяет». Это прекрасная декларация, продолжал он, которая спасает лицо правительства и Прогрессивного блока, но реально ничего не дает народу. Кроме того, Керенский подчеркнул, что все составы российского правительства в XX в. были кабинетами защиты интересов дворянства и использовали прусский опыт решения аграрного вопроса, тогда как следовало бы вспомнить о том, что предлагали в этом плане еще декабристы.

Характеризуя же общую ситуацию в России, Керенский подчеркнул, что если в 1915 г. революция казалась многим неминуемой, то теперь она опять стала более отдаленной перспективой. Но мы все равно будем бороться за свободу, законность и права для всех граждан, сказал Керенский и добавил, что идеалы 1905 г. будут воодушевлять социалистов и впредь, даже после окончания войны⁴⁹. Всего Керенский за 16 дней выступал в прениях по законопроекту о крестьянском равноправии 12 раз (!), но помешать его принятию так и не смог. А 9 июня, услышав заявление одного из правых депутатов о том, что в России существует «еврейский шпионаж», Керенский буквально взорвался. Вполне возможно, сказал он, что существуют еврей-шпионы, но это не дает еще права называть современный шпионаж еврейским точно так же, как дела Мясоедова и Сухомлинова не дают основания подозревать в шпионаже всех русских⁵⁰.

Летом 1916 г. Керенский вернулся в Финляндию, где оставался до августа, когда спешно выехал в город своего детства Ташкент, чтобы возглавить думскую комиссию по расследованию причин вспыхнувшего в июле 1916 г. в Средней Азии, а потом и в Казахстане крупного восстания местного населения против русских властей. Члены комиссии — Керенский, председатель Мусульманской фракции Думы кадет К.М. Тевкелев и еще 4 депутата-мусульманина побывали в Самарканде, Джизаке, Фергане и Ташкенте и пришли к выводу, что все началось с июньского указа Николая II о привлечении на тыловые работы по строительству оборонительных сооружений освобожденного прежде от призыва в армию мужского населения Туркестана и Степного края в возрасте от 19 до 43 лет. Сама по себе эта кампания, касавшаяся примерно 0,5 млн человек, из-за их низкого культурно-

го уровня и полной непригодности к условиям Европейской России была довольно бессмысленной и фактически ненужной. При этом даже самый момент для ее проведения (разгар полевых работ и мусульманский пост) не мог не вызвать бурного протеста призывников и их родных. Кроме того, обстановку подогревала возможность откупиться от призыва у коррумпированных местных чиновников, что выливалось в полнейший произвол и беззаконие. В итоге счет жертв, особенно среди местного населения, протест которого жестоко подавлялся правительственными войсками, шел на многие тысячи. Среди пострадавших было немало и русских переселенцев и солдат.

Добавим, что социально-политические и национальные конфликты усугублялись в этом регионе конфликтом религиозным, причем мусульмане защищались от русских с особым ожесточением и упорством. Поэтому у членов думской комиссии часто возникало ощущение, что они попали на некий новый Туркестанский фронт, где идет беспощадная и кровавая война.

По возвращении в Петроград Керенский доложил о своих впечатлениях от поездки сначала на частном совещании членов Думы 10 сентября 1916 г., затем подписал один из трех думских запросов по этому вопросу от кадетов, прогрессистов, трудовиков и социал-демократов, а 13 декабря сделал 2-часовой доклад на закрытом пленарном заседании Думы⁵¹. Он выступил в своей обычной манере, обвинив во всем произошедшем царское правительство, органы местной власти и командование русских войск. Керенский, конечно, явно упростил ситуацию, представив дело так, что до восстания отношения между коренным населением Средней Азии и русскими властями, войсками и переселенцами из России были якобы совершенно нормальными. На самом деле это было не так, поскольку русские власти на окраинах были совсем не чужды колонизаторских замыслов, а крестьяне-переселенцы нередко сами стремились захватить земли коренных жителей. Отрицал Керенский и наличие в Средней Азии панисламистской пропаганды и антирусских происков агентуры западных держав. Общий вывод, сделанный в его докладе, гласил: «Такое управление государством недопустимо», и нужны совершенно новые, цивилизованные его формы. Левое меньшинство депутатов поддержало Керенского, но исправлять свои застарелые ошибки царской администрации было уже некогда, т. к. до новой революции в России оставалось немногим больше двух месяцев.

После поездки в Туркестан Керенский вновь побывал и в ставшем ему особенно близким Поволжье (Саратов, Самара), обсудив там с представителями радикальной общественности последние события в стране. Осенью 1916 г. ситуация в России оставалась кризисной, с явной тенденцией к обострению. Армию изматывала затяжная позици-

онная война, создававшая на фронте атмосферу уныния и безнадежности. Знаменитый майско-июньский Брусиловский прорыв быстро выдохся, хотя и стал настоящим потрясением для австро-венгерских войск, и сильно облегчил положение союзников на Западном фронте. Протяженность Восточного, русского фронта, к концу 1916 г. достигала 1,5 тыс. км, и своими флангами он упирался теперь в Балтийское и Черное моря. Очень велики были и людские потери русской армии убитыми, ранеными и попавшими в плен. Правда, в отдельных отраслях промышленности наблюдался невиданный прежде подъем, особенно в производстве вооружений, но в других царил застой. Железные дороги находились в состоянии полного расстройтва, что негативно сказывалось на всех других отраслях народного хозяйства. Перманентный характер приобрел топливный кризис. Со всех концов империи в Петроград летели телеграммы то ли с просьбами, то ли с требованиями: «Дайте хлеба, пришлите муки». Над городами уже нависал призрак голода.

Не менее, а может быть, и более острой была социально-политическая ситуация в стране. С октября 1916 г. забастовочное движение, вызванное, прежде всего, ухудшением материального положения пролетариата, приближалось уже к уровню 1905 г., и только за один месяц число забастовщиков составило почти полмиллиона человек. Просыпалась и «терпеливая» российская деревня, страдавшая от недостатка рабочих рук, установленных властями твердых цен на закупаемое зерно и от нехватки промышленных товаров. Недаром столичные кадеты считали, что до новой революции осталось всего несколько месяцев, делая при этом многозначительную оговорку, что она может стихийно вспыхнуть и гораздо раньше⁵². В стране на глазах усиливались пацифистские настроения, неудержимая тяга к скорейшему заключению мира, да и само «оборончество» все больше переплеталось с открытой оппозиционностью и революционностью.

Ко времени открытия очередной думской сессии 1 ноября 1916 г. у Прогрессивного блока появился, наряду с распутинщиной, и новый объект для уничтожающей персональной критики — 50-летний помещик-октябрист, член Прогрессивного блока и товарищ председателя IV Думы А.Д. Протопопов, неожиданно назначенный царем управляющим МВД (в декабре он стал министром). Тем самым Николай II хотел продемонстрировать свое стремление пойти навстречу Думе, но произошло прямо противоположное: Протопопов стал активным партнером реакционного премьера Штюрмера, и депутаты сочли его чуть ли не изменником, которого нужно поскорее отправить в отставку. Меньшевики и трудовики, включая Керенского, расценили вхождение Протопопова в правительство как полное банкротство Прогрессивного блока⁵³. Поэтому на первом же после летне-осеннего

перерыва заседания Государственной думы формальный лидер блока октябрист Шидловский заявил, что недоверие к правительству Штюрмера–Протопопова перерастает в негодование, а его деятельность признается в обществе идущей на пользу только врагу. Отсюда вытекало требование блока об отставке Штюрмера и Протопопова, причем Шидловский заявил, что Прогрессивный блок будет добиваться этого всеми законными средствами⁵⁴.

Но героем дня 1 ноября стал не Шидловский, а Милюков, выступивший с беспрецедентным по своей резкости, смелости и одновременно бездоказательности обвинением не только министров, но и самой царицы в государственной измене⁵⁵. Лейтмотивом этой его речи стал неоднократно повторенный оратором риторический вопрос: глупость или измена то, что творит высшее руководство страны?⁵⁶ При этом сам Милюков делал ударение именно на слове «измена», вызвав в конце речи аплодисменты и крики «браво!» почти всех депутатов за исключением части ярых монархистов.

Речь Милюкова была не экспромтом, а хорошо рассчитанным ударом по Распутину и «распутинцам» — премьеру Штюрмеру, земляку Керенского Протопопову, процветавшему при Дворе тибетскому лекарю буряту П.А. Бадмаеву и ряду других лиц, за которыми стояла сама «хозяйка земли русской» А.Ф. Романова. Поэтому после выступления 1 ноября Милюкова буквально забросали поздравлениями, благодарственными письмами и цветами, ибо он «попал в настроение» значительной части верхних эшелонов общества. Больше того, по словам самого Милюкова, за его речью «установилась репутация штурмового сигнала к революции»⁵⁷. Штюрмер же 10 ноября был наконец отрешен от должности, причем это стало как бы ответом на заключительную фразу в речи Милюкова: «Кабинет ... должен уйти».

Характерно, что общественность очень легко простила Милюкову все натяжки и неточности в его выступлении, хотя он ссылаясь при этом на материалы немецкой и австрийской прессы, явно заинтересованной в компрометации Александры Федоровны и ее ближайшего окружения. Обращает на себя внимание и тот факт, что обычно достаточно осторожный и сдержанный лидер кадетов пошел на этот раз, что называется, ва-банк, поскольку престиж династии Романовых упал в стране почти до нуля, Распутин «достал» всех, и перспектива новой революции казалась вполне реальной. Речь Милюкова была запрещена к печати, но она циркулировала по стране в бесчисленных машинописных и рукописных списках, повышая и без того высокий градус общественного недовольства.

Керенский тоже выступил 1 ноября в Думе, причем еще перед Милюковым⁵⁸. Начал он свою речь очень патетически: «Страна истекает кровью», напомнив о переполненных тюрьмах и местах ссылки (по

традиции Керенский опять сказал здесь о депутатах-большевиках), экономической разрухе, голоде, дезорганизации всего народного хозяйства, угнетении национальных меньшинств. С нескрываемым сарказмом упомянул он и о «презренном Гришке Распутине». При этом оратор подчеркнул, что главный враг России находится не по ту сторону линии фронта, а здесь, «между нами» и поэтому тех, кто губит Россию, нужно заставить уйти. Закончил же он призывом «уничтожить власть тех, кто является предателями интересов страны», сопроводив свои слова красноречивым жестом в сторону министерской ложи. После этого Родзянко прервал оратора и заставил его досрочно покинуть думскую трибуну.

Однако Керенский не мог не чувствовать, что на этот раз Милюков явно переиграл его, одержав временную победу в том негласном соревновании антиправительственных компроматов, которые всегда составляли «изюминку» их думских речей. Лидер кадетов, несомненно, имел более широкий кругозор, легко оперировал историческими параллелями и сравнениями, лучше знал иностранные языки, более тесно был связан с цензовой интеллигенцией и довольно высоко котировался в ее среде. Но Керенский был далек от разочарования и уныния. Его последовательность, напористость и, казалось, неиссякаемая энергия, его постоянное, бескомпромиссное стремление разрушить свой, российский «Карфаген» — твердыни царизма не могли не дать результата. Он знал это и методично продолжал свою коронную, теперь уже многолетнюю линию на компрометацию и подготовку взрыва вековых устоев романовской империи, тем более что союзников у него становилось все больше и притом самых разных.

Обращает на себя внимание тот факт, что 1 ноября 1916 г. в России произошло и еще одно знаменательное событие: против Николая II и Александры Федоровны взбунтовалась и романовская семья. Самый крупный интеллектуал в ней, историк вел. кн. Николай Михайлович побывал в Ставке у царя и, ссылаясь на мнение его матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны и царских сестер, говорил с Николаем II в антираспутинском ключе с целью «предотвращения эры новых волнений»⁵⁹. Эта акция, свидетельствовавшая не только о кризисе российских «верхов», но и о кризисе внутри самой царствующей династии, закончилась, однако, безрезультатно, как и последующие обращения к царю ряда великих князей, председателя Думы Родзянко и некоторых других лиц, постепенно дошедших до просьб о создании в России ответственного перед Думой министерства.

После речи Милюкова 1 ноября Керенский окончательно понял, что наступил момент, когда в Думе, если ты хочешь, чтобы тебя запомнили и признали лидером, нужно выступать максимально часто и предельно остро. Поэтому уже 4 ноября он снова был на думской три-

буне, называя министров марионетками, мерзавцами и просто душевнобольными. Явно подражая Милюкову и его речи 1 ноября, Керенский нагнетал и нагнетал свои обвинения в адрес царизма, сравнивая ситуацию, в которой живет ныне Россия, с оккупационным режимом, установленным немцами в захваченной ими Бельгии. Стране заткнули рот и заставляют молчать, буквально кричал он. Понятно, почему, не выдержав услышанного, Марков 2-й буквально возопил: «Остановите этого негодяя, что он говорит...» Но Керенского уже «несло» со страшной силой. Современная власть, бросал он в зал все новые и новые оскорбления в адрес правящих «верхов», — это сила, враждебная стране, она является самым страшным ее врагом, который ведет Россию к поражению в войне, национальному унижению и анархии, причем ситуация уже близка к катастрофе (после этого Керенский был опять лишен слова)⁶⁰.

19 ноября, когда в Таврическом дворце должен был выступать с правительственной декларацией преемник Штюрмера, новый премьер А.Ф. Трепов, ему была устроена грандиозная, продолжавшаяся 40 минут обструкция, за что ее зачинщики Керенский, Чхеидзе и Скобелев были лишены права участвовать в последующих 8 думских заседаниях, а трудовик Суханов — даже в 10. Об атмосфере, царившей в ноябре 1916 г. в Думе, говорит тот факт, что 22 ноября небезызвестный Марков 2-й сгоряча назвал Родзянко мерзавцем и болваном, за что его удалили из Таврического дворца уже на целых 15 заседаний⁶¹.

Тем не менее даже в такой обстановке Дума продолжала заниматься и текущими вопросами. Появившись вновь в Таврическом дворце после своего вынужденного отсутствия 8 декабря, Керенский сразу же включился в обсуждении вопроса о введении в России волостного земства⁶². Законопроект был внесен не для того, чтобы подвести некий фундамент под пирамиду земских учреждений в стране и приблизить их к основной массе населения — крестьянству, а для более успешного выколачивания из деревни продовольствия в связи с надвигавшимся на Россию голодом. Поддержал проект и Прогрессивный блок, в частности партия кадетов, но уже по более принципиальным, либерально-демократическим мотивам.

Керенский же сравнил депутатов, поддерживающих данный законопроект, с гоголевской Коробочкой — ограниченной, косной и тупой помещицей, ибо в момент, когда для победы в войне как никогда нужно единение всей нации, они предлагают закрепить в волостном земстве 4 сословные курии и устранить из него вдобавок всех евреев (а их после бегства еврейского населения из захваченных немцами западных губерний империи стало в русской деревне довольно много), т. е. опять сеять там ненависть и вражду, ложь и лицемерие. И это

в то время, продолжал оратор, когда именно крестьяне несут на себе главную тяжесть ведения войны, посылая в армию основную массу солдат и обеспечивая всю страну продовольствием. Заслуживает внимания и еще одно яркое сравнение, к которому прибег в своей речи Керенский: обсуждать сейчас данный вопрос — это все равно, что говорить у постели умирающего об обыкновенных житейских хозяйственных делах, т. к. неизвестно, выживет ли он вообще, и не ясно, что будут есть завтра в городах и что посеет крестьянин весной на своих полях? Вдобавок без нового правительства, сказал Керенский, провести этот закон в жизнь все равно не удастся, т. к. сейчас в кабинете министров сидят проходимцы и предатели, ставящие свои личные интересы выше интересов государства⁶³.

Далее Керенский подчеркнул, что предлагаемый законопроект в случае своего утверждения лишь укрепит положение помещиков в деревне, тогда как крестьяне по-прежнему останутся бесправными. Между тем даже сам Столыпин признавал еще в 1907 г., что из земства нужно устранять сословные привилегии. Однако обсуждение законопроекта о волостном земстве не было доведено до конца, и его даже не вынесли на голосование, поскольку внимание Думы переключилось на инцидент с закрытием Протопоповым съездов Земского и Городского союзов в Москве. Первый потребовал замены действующего правительства, ставшего орудием в руках «темных сил», кабинетом министров, ответственным перед народом и Думой, а на втором Г.Е. Львов прямо заявил: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью — они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям, отвернитесь от призраков, — власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее, оно не руководит страной»⁶⁴.

13 декабря по предложению 31 депутата, от имени которых выступили Скобелев и Керенский, Дума решила обсудить сложившееся в связи с этими фактами положение, но Протопопов настоял на том, чтобы это было сделано только на закрытом заседании. Тогда Керенский, как бы принявший эстафету у лишнего слова Скобелева, огласил пространные выдержки из самых резких антиправительственных материалов указанных съездов общественных деятелей⁶⁵. Он предложил, чтобы Дума вслед за московскими съездами заявила, что она вместе со всем народом идет на борьбу «за новую власть, за новое государство» и не подчиняется существующей в стране преступной власти во главе с Треповым⁶⁶. Тем не менее закрытое заседание Думы по данному вопросу в тот же день все же состоялось. На нем был заслушан напечатанный в «Речи» отчет о съездах общественных деятелей в Москве, а после этого Скобелев снял внесенный им ранее запрос, чтобы только не идти на поводу у Протопопова.

Тем не менее на заседании 16 декабря та же тема вновь прозвучала в выступлениях ряда депутатов. Так, Милюков заявил: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются явочные формы 1905 года. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет удар (голоса: “Верно, правильно”». Милюков призвал не давать стране повода думать, что депутаты опять ограничатся полумерами, на которые только и способно правительство Трепова⁶⁷. Скобелев кратко и четко резюмировал: «...Вся страна ненавидит эту власть и презирает ее правительство»⁶⁸.

На этом фоне выступление Керенского⁶⁹ не выглядело уже столь вызывающим, как его предшествующая речь 13 декабря. Он поддержал выступления других оппозиционных ораторов и подчеркнул, что трудовики с самого начала войны говорили, что спасти страну могут только объединенные силы всего народа. Нынешняя ситуация, продолжал Керенский, такова: все слова в адрес преступной власти сказаны, причем сказаны не только левыми, но и октябристами, и консерваторами. Налицо объективный революционный процесс, напоминающий начальный период Великой французской революции (после этих слов Керенский сразу же был одернут председательствовавшим на заседании Некрасовым). Затем, сделав небольшую паузу, он сказал: «Вы до сих пор под словом “революция” понимаете какие-то действия антигосударственные, разрушающие государство, когда вся мировая история говорит, что революция была методом и единичным средством *спасения государства*. Это есть напряженнейший момент борьбы с правительством, губящим страну» (курсив мой. — С.Т.)⁷⁰.

Здесь оратор снова был прерван Некрасовым, попросившим его «оставить эти рассуждения о революционном процессе». В дальнейшем Керенский, подчеркнув безрезультатность борьбы с властью одними законными средствами, заявил: «Если власть пользуется законом и аппаратом государственного управления только для того, чтобы насиловать страну, чтобы вести ее к гибели, обязанность граждан этому закону не подчиняться»⁷¹. На этом ему пришлось опять досрочно покинуть думскую трибуну.

В этой речи Керенский прямо назвал виновницей всего происходящего в стране «старую власть», под которой он понимал — и сказал об этом достаточно прозрачно — не Протопопова или Распутина, а власть царя, его «личный режим», «ставящий свою волю выше закона и выше блага страны» и ведущий ее к гибели. С этой властью, подчеркнул Керенский, «компромисс страны невозможен», и искать его — на что еще надеются многие депутаты — бесполезно. Тот,

кто хочет бороться с этой властью «законными средствами», подобен Дон-Кихоту, боровшемуся с ветряными мельницами. Керенский провел и еще одну аналогию: когда-то на Марсовом поле один городской ночью изнасиловал молодую девушку, а потом «на помощь» к нему прибежал другой городской и последовал примеру товарища. Примерно то же происходит и тогда, когда высшей власти жалуются на ее низших представителей⁷². После этого Родзянко 7 раз (!) приказывал Керенскому покинуть трибуну, но тот каждый раз пытался продолжить свою речь.

Это было последнее выступление Керенского в Думе в 1916 г. Подводя его итоги, он поделился на страницах «Северных записок» одним интересным наблюдением: сначала все причины неудач русского оружия в войне сводились к измене и преступлениям отдельных лиц или всех «жидов» в целом, затем — к недостаткам в снабжении и снаряжении войск, и только под конец был сделан генеральный вывод, согласно которому в неудачном ходе военных действий виновата вся существующая в России социально-политическая система, хотя намеки на измену всех и вся и германофильство всех инакомыслящих еще остаются на вооружении правых политических течений. Сейчас, закончил статью Керенский, промедление смерти подобно, ибо нужно признать, что «вне демократии выхода нет!»⁷³

16 декабря Дума была распущена на Рождественские каникулы, но в ту же ночь в Петрограде грянул гром: был зверски убит Распутин. Дума подбиралась к фавориту царской четы исподволь, но к концу 1916 г. многие депутаты, особенно Пуришкевич, именовали его с думской трибуны не иначе, как Гришкой, и прямо требовали от царя устранить эту темную личность с российской политической арены. Однако Николай II, хотя и относился к Распутину намного сдержаннее жены, не спешил сделать этот последний шаг. В итоге к концу 1916 г. терпение верхушки российского общества, возмущенного поведением «негодяя Гришки», позорившего своими дикими оргиями и элементарной нечистоплотностью всю правящую династию, наконец лопнуло. В столице сложилась группа высокопоставленных лиц⁷⁴, которые сочли своим патриотическим долгом «убрать старца» и спасти от него царскую семью и всю страну. В ночь с 16 на 17 декабря во дворце князей Юсуповых на Мойке Распутин был зверски убит.

Само это «действие» могло бы стать сюжетом для детективного романа или фильма (яд в вине и пирожных, предназначенных для Распутина, револьверные выстрелы в него, затем попытка неожиданно «ожившего старца» бежать от своих убийц и наконец его зверское «добивание» Юсуповым и Пуришкевичем, сбросившими тело ненавистного «Гришки» в прорубь на Неве). Главные участники заговора Юсупов и вел. кн. Д.П. Романов были высланы из

Петрограда, а Распутин похоронен в Царском Селе (после Февральской революции солдаты эксгумировали его останки, сожгли их, а прах развеяли по ветру).

Однако вскоре стало ясно: насильственное устранение «друга» царя и царицы ничего не изменило ни в политической ситуации в стране, ни в поведении венценосной четы, что и констатировал позже в своих воспоминаниях Керенский⁷⁵. Не «пробили» депутаты и отставку презираемого ими Протопопова, оставшегося главой МВД до самой Февральской революции. В отставку под Новый год был отправлен лишь далеко не худший премьер Трепов, замененный разменявшим седьмой десяток безвольным кн. Н.Д. Голицыным, назначенным на этот высокий пост даже против собственной воли.

Неугомонность натуры Керенского, завоеванная им в Думе репутация леворадикала и осознание того, что даже самые резкие антицаристские думские выступления не дают ожидаемых результатов, привели лидера трудовиков в стан заговорщиков, которыми руководил Гучков. Связанные с этим заговором события практически не документированы и не имеют ясной хронологии, а его плачевные результаты (точнее полная безрезультатность) красноречиво свидетельствуют о том, что готовился он из рук вон плохо и закономерно даже не дошел хотя бы до попытки своей реализации. Среди заговорщиков были масоны Некрасов, Терещенко и Керенский⁷⁶, боевой генерал А.М. Крымов и некоторые гвардейские офицеры. Они планировали арест Николая II и передачу престола на время малолетства цесаревича Алексея брату императору вел. кн. Михаилу Александровичу, который сам был лишен прав на престол из-за своей морганатической женитьбы.

Чувствовалось, что заговорщики ни в коем случае не хотят подключать к решению вопроса о смене власти народные массы, опасаясь, что их участие в перевороте приведет только к торжеству анархии. Подобные настроения мог разделять и Керенский, хорошо помнивший революционные события 1905–1906 гг. и не имевший ни малейшего опыта руководства массовым движением. Поражает и то, насколько неконспиративно действовали участники заговора: об их намерениях было известно и в некоторых светских гостиных, и среди оппозиционно настроенных политиков, и в армейских кругах. Так или иначе, победа Февральской революции опередила тех, кто тщетно пытался ее предотвратить, еще раз доказав факт вырождения старой дворянской элиты российского общества, которая после убийства Павла I в 1801 г. оказалась в дальнейшем уже неспособна на подобные «подвиги».

Что касается Керенского, то он не играл в подготовке заговора сколько-нибудь значительной роли, и его политическая биография в

период «междудумья» (декабрь 1916 — февраль 1917 г.) небогата событиями. Рождество, перипетии личной жизни и некоторое временное затишье в сфере публичной политики ненадолго отодвинули его общественную деятельность на второй план. Но продолжалось это сравнительно недолго, поскольку уже в январе 1917 г. заметно активизировалось рабочее движение. Только в Петрограде в 12-ю годовщину «Кровавого воскресенья» бастовали почти 140 тыс. рабочих, а по стране в целом январь дал рекордные показатели протестного движения пролетариата за весь период войны — 300–350 тыс. человек. При этом в связи с намеченным сначала на 12 января, а затем перенесенным на 14 февраля 1917 г. открытием очередной сессии Государственной думы заметно активизировала свою деятельность Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета во главе с рабочим-меньшевиком К.А. Гвоздевым. 12 января она приняла крайне резкое обращение к рабочим Петрограда, где говорилось: «Режим самовластия душит страну... Ликвидация войны и мир, которого жаждет утомленная страна, не выведет народ из бедственного положения, если ликвидировать войну будет не сам народ, а теперешнее самодержавие... Момент борьбы пришел! Страшно упустить его... Теперь уже недостаточна забастовка. Наш протест, наши требования должны быть вынесены на улицу... Пусть же сотни тысяч рабочих со всех концов города, район за районом, завод за заводом, в полном порядке, не нарушая спокойствия жителей, никого не задевая и не обижая, не вызывая полицию насилие, двинутся все к... Государственной думе. Так больше жить нельзя! ...Только немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и губельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых для пролетариев всех стран»⁷⁷.

Таким языком меньшевики из Рабочей группы ЦВПК с рабочими еще не говорили, хотя сам их план, если учесть настроения властей и состав Думы, был (и оказался на деле), прямо скажем, малореалистичным и поэтому провалился. Тем не менее шума этот документ наделал много. Выдвинутый в нем план в январе и начале февраля 1917 г. несколько раз обсуждался на совещаниях меньшевиков, большевиков и эсеров с участием лидеров думских фракций РСДРП и трудовиков Чхеидзе, Скобелева, Керенского, а также большевика А.Г. Шляпникова, но добиться соглашения о единстве действий им так и не удалось в значительной мере из-за сектантской позиции большевиков, не желавших контактировать с «социал-шовинистами» из группы Гвоздева. Вдобавок 27 января по приказу Протопопова большинство членов Рабочей группы ЦВПК и сам Гвоздев были арестованы по об-

винению в подготовке восстания в день готовящейся манифестации по случаю открытия Думы.

В итоге в день открытия думской сессии, 14 февраля протест столичных рабочих против политики царского правительства вылился в стачку примерно 90 тыс. пролетариев и попытку проведения запланированной демонстрации у стен Таврического дворца, куда пришли, однако, лишь 400–500 человек, быстро разогнанные полицией. Характерно, что Керенский обвинял в срыве этой демонстрации исключительно большевиков, устроив при встрече Шляпникову сцену на грани истерики (на это он тоже был мастер)⁷⁸.

В тот же день на вечернем заседании Думы было оглашено заявление пяти ее фракций, включая кадетов и октябристов, предложивших обсудить вопрос о том, что может сделать депутатский корпус в создавшейся ситуации, приближающейся к трагической развязке. Было уже совершенно ясно, что заговор против царя, организуемый Гучковым, топчется на месте, а в крайне правых кругах зреет мысль о восстановлении «неограниченного самодержавного правления», введении в Петрограде и Москве военного положения и роспуске Думы без указания конкретного срока возобновления ее работы. К тому же положение со снабжением населения Петрограда и Москвы продовольствием становилось все хуже и хуже. Однако открытие Думы прошло вяло, и депутаты почти не слушали выступающих.

На следующий день Керенский в последний раз попытался пробудить у своих коллег чувство ответственности за судьбы России и россиян⁷⁹. По его словам, страна находится в состоянии хаоса и переживает смуту, по сравнению с которой знаменитая смута 1612–1613 гг. кажется теперь детской сказкой⁸⁰. Хаос захватил все сферы жизни общества, так что Россия напоминает теперь Францию 1789 г. Назвал Керенский и главных фигурантов этого процесса сползания страны в пропасть — Сухомлинова, Щегловитова, Штюмерера, Протопопова, Трепова, министра земледелия Риттиха и др. Сопоставив арест большевистских депутатов Думы в ноябре 1914 г. и арест Рабочей группы ЦВПК в январе 1917 г., оратор подчеркнул, что их политические позиции были диаметрально противоположны, но судьба — практически одинакова. Отсюда у Керенского следовал вывод: немедленно, во что бы то ни стало, пусть с героическими жертвами среди людей, которые хотят этого, нужно уничтожить средневековый режим, царящий в России⁸¹. Сделать это одними законными средствами, как предлагает лидер кадетов Милюков, нельзя, и с нарушителями закона в «верхах» нужно бороться только одним путем — путем их физического устранения.

Здесь буквально ошарашенный председатель Думы Родзянко прервал Керенского и задал ему довольно наивный вопрос: «Что при этом

имеется в виду?», с хода получив от оратора ответ: «Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Древнего Рима»⁸². Это был апофеоз думской карьеры Керенского. Такого стены Таврического дворца никогда не слышали, и если бы такое было сказано на полгода раньше, Керенский был бы, вероятно, немедленно лишен депутатской неприкосновенности и арестован. Но 15 февраля 1917 г. до свержения самодержавия оставалось меньше двух недель, и грозу, нависшую над головой смелого депутата, пронесло. Получив от министра юстиции заявление с требованием лишить Керенского депутатской неприкосновенности, Родзянко ничего ему не ответил, а Керенскому с глазу на глаз сказал: «Не беспокойтесь, Дума никогда вас не выдаст»⁸³.

Естественно, в отцензурированную Родзянко стенограмму данного заседания Думы этот эпизод вообще не попал точно так же, как и другой пассаж из речи лидера трудовиков, заявившего, что за все происходящее в России ответственность несут не бюрократия и даже не Распутин, ибо корень зла в тех, кто сидит на троне⁸⁴. Не удивительно, что императрица Александра Федоровна, узнав об этом, сказала: «“Кедринского” (т. е. Керенского. — С.Т.) за его ужасную речь нужно повесить!»⁸⁵ Однако времена для подобной расправы уже прошли, и об этом знали и Керенский, и Родзянко, и многие другие, но только не царица.

Интересно и другое: 15 февраля Керенский уже прямо обвинил подавляющее большинство депутатов Думы в нежелании порвать до конца со старой властью и подчинить свои личные интересы интересам народа, причем, по его мнению, их объединяла с властью и идея империалистических захватов, от которых уже пора теперь отказаться⁸⁶. Эта речь Керенского была самой резкой и вызывающей по отношению к правительству и к самому царю, бесспорно, войдя в его политический актив накануне Февральской революции и во многом предопределив его вхождение в состав Временного правительства.

А 17 февраля Керенский снова был на думской трибуне, защищая вслед за товарищем председателя ЦВПК Коноваловым и лидером меньшевиков Чхеидзе арестованных в январе членов Рабочей группы ЦВПК. Все трое расценили этот шаг царских властей как одну из их крупнейших политических ошибок за все время войны и решительно его осудили. Керенский же предложил посмотреть на эту ситуацию шире и признать за пролетариатом и всей демократией в целом право на свободное волеизъявление, организацию и свободу политических действий. Между тем, продолжал он, и власть, и большинство депутатов Думы боятся «всякого сближения и объединения трудовых масс» и особенно их организаций, ибо организованная страна и организованная демократия — это смертный приговор существующей власти⁸⁷.

Отсюда логично вытекали, по словам Керенского, и преследования рабочих газет, и аресты рабочих или крестьянских депутатов, причем массам обычно предъявлялось требование какого-то безграничного и бесконечного терпения, с ними никогда не разговаривали, как равный с равными, а в их движениях видели только «предательство и измену». Между тем вслед за Чхеидзе прямо предупреждал Керенский и власть, и общественность, теперь уже возможно превращение «войны внешней в войну внутреннюю, в войну гражданскую», причем это превращение уже началось⁸⁸. Внутреннего мира не было, нет и не будет, ибо власть его не хотела и не хочет. Что касается депутатов Думы, то они, по твердому убеждению Керенского, «должны перейти от слов к делу сейчас, немедленно, а если этого не будет, то все, что делается, все, что говорится, бесплодно и напрасно. Катастрофа разразится — ее избежать словами теперь невозможно». В близком будущем, сказал лидер трудовиков, вопрос об уничтожении старой власти «будет поставлен *весьма решительно*» (курсив мой. — С.Т.).

В заключение он напомнил слова декабриста Николая Тургенева⁸⁹ о том, что даже самодержавная власть не может уничтожить единения всех граждан и всех честных людей против тех, кто предает и продает свободу народа⁹⁰. От себя же Керенский добавил под аплодисменты левых депутатов, что грозный и могучий призрак, который пугал самодержавную власть еще сто лет назад, должен теперь превратиться в фигуру живую и действенную, в фигуру сегодняшнего дня⁹¹.

До начала Февральской революции оставалось всего пять дней. Энергия разрушения царского режима, которой в конце 1916 — начале 1917 г. дышало каждое слово Керенского и его товарищей — трудовиков и социал-демократов с думской трибуны, соединившись с многократно более сильной энергией рабочих и солдат Петрограда, дали наконец свой долгожданный результат: царизм пал.

Период мировой войны стал для Керенского, как и для многих других российских политиков того времени, новой ступенью в подготовке к историческим событиям 1917 г. Это относится, в частности, и к таким оппозиционным и революционным деятелям, как Милюков, Гучков, Львов, Ленин, Троцкий, Мартов и др. Пользуясь своей депутатской неприкосновенностью и относительной свободой критики правительства с думской трибуны, Керенский показал себя в 1914 — начале 1917 г. активным и достаточно смелым парламентским бойцом. Он практически не скрывал, что его ближайшая цель — избавление России от показавшего свою историческую недееспособность царизма и подготовка в стране новой революции, призванной довершить то, что было начато демократическими силами в 1905 г. При этом Керенский продолжал придерживаться выработанной им

еще в предшествующий период работы в IV Государственной думе левоблокистской тактики единства действий, прежде всего, с социал-демократами, распространяя ее в отдельных случаях и на левых кадетов и прогрессистов. Думские речи Керенского приобретали в годы войны все большую остроту, задиристость и полную непримиримость по отношению к правящей элите и всей российской социально-политической системе в целом, причем накануне Февральской революции в них едва прикрыто зазвучали настоящие якобинские ноты.

В годы войны особую остроту приобрел вопрос о правильном понимании патриотизма и гражданского долга россиян. И если вначале Керенский выступал в Думе как убежденный русский социал-патриот, то в 1915–1917 гг. он проявил уже и черты революционера-интернационалиста в духе решений международной социалистической конференции в Циммервальде и пришел к критике империализма и империалистической политики всех воюющих государств. При этом, как было показано в настоящей главе, Керенский, несмотря на болезнь, стремился сочетать работу в Государственной думе с укреплением своих связей с революционным подпольем и особенно с партией эсеров. В итоге к началу 1917 г. Керенский подошел как достаточно известный не только в Думе, но и далеко за ее пределами политик леворадикального направления, хороший оратор-полемист и кандидат в члены того нового правительства, которое должно было возникнуть в результате быстро назревавшей в России демократической революции. Можно без преувеличения сказать, что без Керенского-депутата не было бы в 1917 г. и Керенского-министра и главы Временного правительства.

Близкий к меньшевикам-интернационалистам масон Н.Н. Суханов (Гиммер), поддерживавший с Керенским с 1913 г. достаточно регулярные дружеские отношения и, находясь на нелегальном положении, много раз даже ночевавший в его доме, оставил в первом томе своих широко известных ныне «Записок о революции» яркую характеристику лидера Трудовой группы накануне Февральской революции. Он отмечал его «сверхъестественную» энергию, «изумительную» работоспособность, «неистощимый» темперамент и «истинный» демократизм, ярко проявившиеся затем в февральско-мартовские дни, но подчеркивал, что эта сверхактивность Керенского стоила ему довольно дорого: «...В результате своей сверхчеловеческой, самой нервотрепательной работы он был уже *истрепан* ко времени революции». Тем не менее мемуарист прозорливо предсказывал ему большое будущее вплоть до поста главы государства, причем, слушая его, Керенский по этому поводу даже не спорил. Вместе с тем Суханов подметил и колоссальное честолюбие Керенского, и его

потрясающую самоуверенность, страсть к театральности и склонность к переоценке собственных сил⁹². Таким Керенский подошел к марту 1917 г., положившему начало его поистине феноменальному, но столь же быстро закончившемуся карьерному взлету.

¹ См.: *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 425–426; Родина. 1993. № 8/9. С. 10–13 (записка Дурново); Государственная дума. Стенографические отчеты. Сөзүв 4-й. Сессия 2-я. Ч. IV. Стб. 350, 378, 505; *Шелохаев В.В.* Внешнеполитическая доктрина либералов // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 348–349.

² Подробнее см.: *Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк.* М., 2002. С. 360–361; *Война и общество в XX веке. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.* М., 2008. С. 126–128; *Милуков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 390–394; и др.

³ Керенский еще в предвоенный период с тревогой пытался говорить в думских кругах о росте военных расходов и нагнетании милитаристских настроений, но не встречал там никакого сочувствия (см.: *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 гг. Л., 1926. С. 13).

⁴ Речь идет о союзниках России по Антанте Англии и Франции.

⁵ *Гиппиус З.* Дневники. М., 1999. Т. 1. С. 385–386, 395.

Гиппиус З.Н. (1869–1945) — русская поэтесса, литературный критик, прозаик, публицист, драматург, общественный деятель и религиозный мыслитель. Жена известного писателя-символиста Д.С. Мережковского, вместе с которым входила в одну из масонских лож. Эта умная и утонченная женщина («декадентская мадонна», как ее называли) с оригинальными и часто парадоксальными взглядами на жизнь, людей и политику, неоднократно встречалась в 1913–1917 гг. с Керенским в созданном ею и Мережковским Религиозно-философском собрании, а также в других петербургских интеллигентских кружках и у себя дома. В своих воспоминаниях она писала: «В Керенском было много привлекательного. С виду он напоминал Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное — в нем была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и — кажется, обманчивая — решительность. Но была в нем, увы, и женская истеричность» (*Гиппиус З.* Воспоминания. М., 2001. С. 385).

В своих отношениях с Керенским Гиппиус прошла путь от увлечения и восхищения им до полного разочарования и презрения. С 1919 г. она жила в эмиграции, где частично восстановила отношения с Керенским (см.: *Колоницкий Б.И.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 г. // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106).

⁶ Керенского поддержали левые кадеты, прогрессисты, а также большевики и меньшевики (их блок в Думе сложился еще в 1913 — первой половине 1914 г.). С ним солидаризировались, в частности, депутаты-масоны Коновалов, Некрасов и Чхеидзе, а также большевик Петровский (см.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 133; *Его же.* Из думских впечатлений // Северные записки. 1916. № 1. С. 185).

⁷ См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 133–134.

⁸ Там же. С. 134.

⁹ В большевистской мемуаристике советского периода даже сам факт первоначального намерения трудовиков и социал-демократов выступить 26 июля совместно

категорически отрицался (см.: *Бадаев А.Е.* Указ. соч. С. 345). Между тем при отсутствии в Петрограде летом 1914 г. Ленина и после ухода из большевистской думской фракции оказавшегося провокатором Романа Малиновского растерянность в большевистской депутатской пятерке была немалой. Примерно сходная картина наблюдалась и среди депутатов-меньшевиков, которые не знали в тот момент, как относятся к начавшейся войне Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан и другие лидеры. Что касается пункта о саботаже военных железнодорожных перевозок, который, по воспоминаниям Керенского, якобы был первоначально в декларации РСДРП, то, скорее всего, память подвела здесь лидера трудовиков, поскольку подобная полуанархистская тактика была тогда марксистам чужда, да и крайне опасна, угрожая революционерам в случае своего применения беспощадными репрессиями со стороны царских властей.

¹⁰ В стенограмме выступления Хаустова, которая выглядит подозрительно краткой по сравнению со стенограммами речей Милюкова, Маркова 2-го или даже самого Керенского, видимо, действительно были сделаны Родзянко купюры, чтобы «смягчить» его антиправительственное звучание. Тем не менее там остался марксистский тезис о том, что ответственность за возникновение войны лежит на правящих кругах всех воюющих стран и что не может быть единения народа с властью, ведущей антинародную политику. По настоянию меньшевиков в тексте декларации РСДРП появилось положение о том, что пролетариат будет защищать культурные блага народа от любого посягательства (извне или изнутри, т. е. со стороны царской власти), причем эти слова также были купированы Родзянко. В годы советской власти был опубликован полный текст декларации РСДРП 26 июля 1914 г. в кн.: *Памятники агитационной литературы РСДРП.* М.; Пг., 1923. Т. VI. С. 90–91.

Характерно, что и Керенский, и Бадаев в своих воспоминаниях возлагают ответственность за срыв совместного выступления трех левых фракций Думы 26 июля на своих партнеров: Керенский — на социал-демократов, а Бадаев — на Керенского.

¹¹ О негативном отношении Ленина к совместной думской декларации большевиков и меньшевиков см.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 168, 171, 172; Т. 49. С. 68.

¹² Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV. С. 21.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 22–23, 26.

¹⁶ См.: *Мировые войны XX века.* Кн. 1. С. 146, 149.

¹⁷ Как писал позже Керенский, «Первая мировая война открыла перед Николаем II путь в общем патриотическом порыве с народом победить врага. Этой последней возможностью спасти монархию и укрепить ее на многие десятилетия император Николай II воспользоваться не захотел» (*Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 305). Как всегда образно, выразила в своем дневнике 20 апреля 1915 г. ту же мысль Зинаида Гиппиус: «Правительство решительно никого никуда не пускает и "честью просит" в его дела носа не совать: никакая, мол, мне общественная помощь не нужна. А если вы так преданы, — сидите смиренно и немо покоряйтесь, вот ваша помощь» (*Гиппиус З.* Дневники. Т. 1. С. 392).

¹⁸ ВЭО и созданное при нем информационное бюро были, однако, закрыты властями уже 8 января 1915 г.

¹⁹ См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. С. 11–13; *Сверчков Д.Ф.* Керенский. Л., 1927. С. 10; *Abraham R.* Op. cit. P. 81–82.

²⁰ Цит. по: *Сверчков Д.Ф.* Указ. соч. С. 11–12.

²¹ В конференции, помимо депутатов, участвовали уполномоченный ЦК РСДРП(б) по работе в России Л.Б. Каменев и партийные работники из Харькова, Риги, Иваново-Вознесенска и Петрограда.

²² Исключения были довольно редки. См., например: *Баевский Д.А.* Партия в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927. Т. 1. С. 379; *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция. М., 1972. С. 46.

В современной биографической литературе о Керенском этот эпизод рассмотрен *Р. Эйбрехемом* (Указ. соч. С. 82–83) и *В.П. Федюком*. (Указ. соч. С. 66.)

²³ Первоначально Ленин предлагал считать, что поражение царизма «в начавшейся империалистической войне было бы «наименьшим злом» (по сравнению с его победой). На Бернской конференции заграничных секций РСДРП в резолюцию вошла, однако, уже другая формула: «В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед *возможностью* в результате революционной агитации поражения этой страны» (см.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 166). (Курсив мой. — С.Т.)

²⁴ По материалам Департамента полиции, Керенский, осуждая «пораженчество», признавал, что система взглядов Ленина по этому вопросу «есть наиболее стройная и последовательная из всех» (см.: *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 282).

²⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. 4-й созыв. 3-я сессия. Пг., 1915. Стб. 45–49.

²⁶ Там же. Стб. 137, 150, 151. Характерно, что Ленин позже очень одобрил этот поступок трудовиков (см.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 330).

²⁷ Несмотря на то что Керенский сыграл в этом процессе очень большую роль, Бадаев даже не упомянул его в своих мемуарах.

²⁸ См.: *Право*. 1915. № 9. 1 марта. Стб. 637; № 10. 8 марта. Стб. 734–735. Керенский указал прокурору, что рукою Петровского на полях ленинских тезисов о войне была написана другая (как оказалось, под диктовку Каменева) формулировка пункта о поражении царизма в войне как меньшем зле: «С точки зрения интересов рабочего класса и трудовых масс всех народов России, особенно опасно усиление победоносной царской монархии». Однако прокурор не согласился с адвокатом, сказав, что если особенно опасна победа царизма в войне, то выходит, что не опасно его поражение. (Там же. Стб. 645–646.) В своей защитительной речи, направленной на смягчении приговора его подзащитному Петровскому, Керенский ссылался на декларацию РСДРП в Думе 26 июля, где говорилось о необходимости защищать от врага культурные ценности России, подчеркивал наличие конфликта между депутатами и ЦК РСДРП(б) по вопросу о «поражении» царизма в войне и доказывал, что выраженный в тезисах Ленина призыв к революции относится якобы не ко времени войны, а к периоду уже после ее окончания. В итоге он считал, что наказанием Петровскому может быть не смертная казнь за измену Родине, т. к. его подзащитный не изменник, а ссылка на поселение. Этого Керенский в итоге и добился.

²⁹ Цит. по: *Палеолог М.* Царская Россия накануне падения. М., 1991. С. 59.

³⁰ *Яхонтов А.* Тяжелые дни // Архив русской революции. М., 1993. Т. 18. С. 37.

³¹ Военные поражения почти всегда сопровождаются во всем мире ростом шовинистических настроений. В 1915 г. подозрения в шпионаже коснулись даже сестры царицы вел. княгини Елизаветы Федоровны, а весной был повешен за связи с немцами экс-жандарм подполковник Мясоедов (правда, много десятилетий спустя выяснилось, что обвинения эти были ложными). В итоге за «легкомысленное отношение к своим

обязанностям» был снят с должности и покровитель Мясоедова военный министр Сухомятин.

В последней декаде мая в Москве при попустительстве нового московского «главноначальствующего» кн. Ф.Ф. Юсупова начались хулиганские погромы, направленные против лиц немецкой и австрийской национальности. Они продолжались 2 дня, и в них приняли участие городская беднота, рабочие, мещане и разного рода уголовные элементы. Число пострадавших доходило до 700 человек, а ущерб от действий погромщиков составил 50–70 млн руб. Подробнее об этом см.: Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 120–135; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 559–563; *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 59–93; *Будлаков В.П.* Этнос и хаос. С. 85–92.

³² См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. С. 14–15; см.: *Колоницкий Б.И.* Александр Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // Еврейский обозреватель. 2008. № 3. С. 2; *Abraham R.* Op. cit. P. 86–88; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–1917 г.). М., 2003. С. 80.

³³ Конференция была подготовлена во многом стараниями Керенского, лично объехавшего ряд регионов Европейской и Азиатской России. В ней участвовали около 30 делегатов из более чем десятка городов страны. Среди участников, помимо Керенского, были Н.В. Чайковский, В.М. Зензинов, С.Л. Маслов, А.В. Пешехонов и др. См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. Пг., 1917. С. 18–19; *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 189–190, 192–193, 291; *Abraham R.* Op. cit. P. 90–91; *Сыпченко А.В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 172–174.

³⁴ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 4-я. Стб. 110–117.

³⁵ Там же. Стб. 119, 130.

³⁶ Там же. Стб. 303.

³⁷ Там же. Стб. 312.

³⁸ Там же. Стб. 425–434.

³⁹ Там же. Стб. 537.

⁴⁰ Там же. Стб. 540.

⁴¹ Там же. Эта же мысль прозвучала через год, в сентябре 1916 г. в статье Керенского «Итоги четвертой сессии», посвященной работе IV Государственной думы в июле 1915 – июне 1916 г. Он с гневом опроверг там мнение большевика И.И. Скворцова-Степанова, высказанное им в сборнике «Под старым знаменем», согласно которому трудовики хотя и обиделись на то, что их не пригласили в Прогрессивный блок, но на практике его поддерживают и даже «соучаствуют» в выработке его тактических планов. По словам Керенского, признавшего, что блок создавался втайне от демократических сил, последние тем не менее действительно поддерживали и поддерживают всякое подлинно прогрессивное начинание блокистов, тем более что их программа в общем и целом «совершенно элементарна».

Вместе с тем, писал далее Керенский, «горячо защищая Прогрессивный блок и считая его создание правильным, разумным политическим ходом», нельзя не видеть его слабых сторон, ибо, возникнув под флагом октябризма, он стал затем «консервативно-либеральным» объединением и, несомненно, должен быть оплодотворен теперь идеей союза всех живых сил страны. Пока же в течение целого года Прогрессивный блок, по существу, топчется на месте, так и не выполнив намеченной его создателями программы (Северные записки. 1916. № 9. С. 246–247 и след.).

В этой связи Керенский даже покаялся в том, что недооценил сначала силы царской бюрократии во главе с премьером Б.В. Штюрмером, когда в январе 1916 г. в тех же «Северных записках» утверждал, что власти не удастся притормозить подъем оппозиционных сил. Между тем вплоть до осени 1916 г. ей это удавалось, признался он.

¹² См.: Государственная дума. Стенографический отчет. 4-й созыв. Сессия 4-я. Стб. 734–737, 742–744.

¹³ Там же. Стб. 788. В стачках солидарности только в Петрограде участвовали более 20 тыс. рабочих.

¹⁴ Там же. Стб. 1086.

¹⁵ Цит. по: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 111. 87-я статья Основных законов Российской империи (1906 г.) давала правительству право во время перерыва в работе Думы принимать законы без ее предварительного согласия, хотя и с последующим их утверждением парламентом.

¹⁶ См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. С. 26–35; *Сыпченко А.В.* Указ. соч. С. 178–179. Полиция отмечала, что летом 1915 г. Керенский немало сделал для возрождения эсеровских организаций в провинции, лично объезжая Поволжье и Юг России. Характерно, что осенью того же года Ленин уже относил трудовиков (не называя прямо их лидера) к «революционерам-шовинистам», выступающим в России за революцию во имя победы в войне (см.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 27. С. 50, 244; Т. 49. С. 151). Сам этот термин выглядит сегодня более чем спорным, поскольку патриотизм и шовинизм — отнюдь не синонимы, а российские «оборонцы» из числа меньшевиков и эсеров шовинизмом явно не грешили. Однако сам факт признания Лениным революционности трудовиков (а значит, и их лидера), бесспорно, заслуживает внимания.

¹⁷ См.: Северные записки. 1916. № 1. С. 186–187, 191.

¹⁸ Подробнее см.: *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 1988. С. 534–536; *Аврех А.Я.* Распад Третьеиюньской системы. М., 1985. С. 94–97.

¹⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4-й. Сессия 4-я. Стб. 4758–4780.

²⁰ Там же. Стб. 5048–5049.

²¹ См.: Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22 (это была первая публикация Д.А. Аманжоловой текста доклада Керенского, т. к. материалы закрытых заседаний Думы в ее стенографические отчеты не включались); *Булдаков В.П.* Этнос и хаос. С. 128–134.

²² См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция... С. 221.

²³ См.: *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975. С. 19.

²⁴ См.: Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 32–33.

²⁵ См.: Там же. С. 43–48; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 117–119. Главным аргументом в пользу подобной подозрительности в отношении императрицы служило при этом лишь то, что в ее жилах текла немецкая кровь.

²⁶ В стенограмме заседания Думы этот вопрос был сохранен только один раз.

²⁷ *Милоков П.Н.* Воспоминания. С. 445.

²⁸ См.: Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 40–42.

²⁹ См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 616.

³⁰ Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 73–75 (наиболее резкие места из этой речи Керенского в думскую стенограмму не вошли, и лишь после Февральской революции она была напечатана в полном виде).

³¹ Там же. С. 113–114.

⁶² Государственная дума. Стенографические отчеты. Сост. 4-й. Сессия 5-я. Стб. 839–855.

⁶³ Там же. Стб. 842.

⁶⁴ Подробнее см.: *Шевырин В.М.* Указ. соч. С. 112–115. Репрессиям подверглись и другие мероприятия общественных деятелей, что еще более накалило ситуацию.

⁶⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Сост. 4-й. Сессия 5-я. Стб. 1095–1097.

⁶⁶ Там же. Стб. 1097–1098.

⁶⁷ Там же. Стб. 1179–1180. Милюков уже знал в тот момент, что скоро произойдет убийство Распутина.

⁶⁸ Там же. Стб. 1192.

⁶⁹ Там же. Стб. 1220–1226.

⁷⁰ Там же. Стб. 1222.

⁷¹ Там же. Стб. 1225–1226.

⁷² Там же. Стб. 1224–1226.

⁷³ Северные записки. 1917. № 1. С. 203.

⁷⁴ В нее вошли вел. кн. Д.П. Романов, родственник царя по жене кн. Ф.Ф. Юсупов-младший, главный думский «антираспутинец» Пуришкевич и несколько более второстепенных лиц.

⁷⁵ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 182.

⁷⁶ Керенский вместе с Гучковым, Некрасовым, Терещенко и Коноваловым вошел в рабочую «пятерку» организаторов заговора, которая имела связи с социалистическими группами в столице и пыталась установить также контакты с военными. Характерно, что все эти лица вошли в марте 1917 г. в первый состав Временного правительства. См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция... С. 253–254. При этом автор ссылается на показания арестованного Некрасова советским следователям в 1921–1939 гг. (Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 19) и на архивные данные. Сам глава заговорщиков Гучков позже признавал: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось» (цит. по: *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 149).

⁷⁷ *Меньшевики в 1917 году.* М., 1994. Т. 1. С. 108–112; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 313–314. Автор обращения — меньшевик Евг. Маевский (В.А. Гутовский).

⁷⁸ См.: *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 29, 48–49, 53, 54.

В своих мемуарах Шляпников признавал, что в начале 1917 г. «Керенский назывался интернационалистом, принимал платформу Циммервальдской левой, отказывался от своих патриотических заблуждений». Но большевики не доверяли, как писал Шляпников, ни Керенскому, ни Чхендзе, считая, что они якобы хотят просто «пристегнуть» большевиков-ленинцев к думскому движению за ответственное министерство (там же. С. 276, 282 и др.).

⁷⁹ Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 255–261.

⁸⁰ Там же. С. 256.

⁸¹ Там же. Стб. 259.

⁸² *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 186–187. Как известно, Брут убил Цезаря. Это был антигосударственный древнеримский терроризм в чистом виде.

⁸³ Там же. С. 187.

⁸⁴ Там же. Об антицаристской заостренности речи Керенского свидетельствует и еще одна исключенная из стенограммы его реплика, обращенная к ложе, где сидели присутствовавшие на заседании Думы министры: «Дело не в вас, а в вашем хозяине», т. е. в царе. См.: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 17.

⁸⁵ Переписка Николая II и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 215.

⁸⁶ Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 260.

⁸⁷ Там же. С. 304.

⁸⁸ Там же. С. 305.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Н.И. Тургенев (1789–1871) — «декабрист без декабря», отошедший в 1824 г. по состоянию здоровья от освободительного движения, но привлекавшийся в качестве обвиняемого по делу участников событий 14 декабря 1825 г. и приговоренный заочно к смертной казни. Спасла его лишь эмиграция. Известен как выдающийся русский экономист.

⁹¹ Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 305. Это была последняя предреволюционная думская речь Керенского. Как вспоминал А.А. Демьянов, ставший в марте 1917 г. заместителем Керенского как министра юстиции, ораторский талант его патрона в Думе в 1912–1917 гг. явно прогрессировал. Вначале он очень нервничал, и его не без основания называли неврастеником. Слушать Керенского было довольно тяжело: громкий, излишне резкий голос, высокие крикливые ноты и т. д. «В последнюю же сессию IV Государственной думы он почти преобразился, — вспоминал Демьянов. — Уже не было в его речах ни крика, ни излишней нервности. Он сделался настоящим оратором, слушать которого было удовольствием и слушать которого собиралась вся Дума, каковой чести из думских ораторов удаивались весьма немногие. Керенский произнес в Думе несколько великолепных речей незадолго до революции. Я помню, что даже Милюков, несомненный и крайний недоброжелатель Керенского, поздравил его за блеск одного из его выступлений» (Архив русской революции. М., 1991. Т. 4. С. 71).

⁹² См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 67–69.

Глава 4

Прорыв во власть

В начале третьей декады февраля Государственная дума еще продолжала свои попытки заставить монарха и его правительство пойти на сколько-нибудь значительные уступки обществу и трудовым массам страны, хотя надежд на их успех практически уже не было. После этого свое слово должна была сказать уже улица.

Как и в 1905 г., волнения начались в столице империи, хотя произошло это, как и в первом случае, опять несколько неожиданно и сначала как будто даже не в очень острой форме. В Петрограде с населением в 2,7 млн человек было тогда почти 400 тыс. рабочих¹ и около 200 тыс. военнослужащих², представлявших собой наиболее серьезный резерв протестного движения. Грозовую политическую атмосферу в городе определяли оппозиционно настроенные депутаты Государственной думы, в том числе и Керенский, и члены радикальных революционных партий, хотя численность последних в годы войны резко сократилась. В итоге в политической стачке питерских рабочих 9 января 1917 г. в память о «Кровавом воскресенье» 1905 г. приняли участие 150 тыс. человек.

Датой начала Второй русской демократической революции принято считать 23 февраля 1917 г. (по новому стилю оно приходилось на 8 марта — Международный женский день), когда нехватка в городе продовольствия привела к «бабьему бунту» женщин-работниц, требовавших хлеба и возвращения с фронта своих мужей. Кроме того, накануне был без достаточных на то причин закрыт Путиловский завод, и за его воротами в одночасье оказались около 30 тыс. рабочих-мужчин. Всего 23 февраля в столице бастовали 130 тыс. человек, многие из которых приняли участие и в стихийно возникавших антиправительственных митингах и демонстрациях. В тот же день начали проявлять себя и столичные социал-демократические и эсеровские организации³.

Керенский весь день 23 февраля провел в Думе, где обсуждался самый больной тогда вопрос о снабжении населения продовольствием. Еще 29 ноября 1916 г. в России была введена принудительная погубернская разверстка хлебных поставок государству по твердым ценам для покрытия нужд армии и рабочих крупных оборонных предприятий. Однако эта чрезвычайная мера работала довольно плохо, а спекулянты и нараставший транспортный кризис еще более

усугубляли эту и без того тяжелую ситуацию. Поэтому 23 февраля Государственная дума приняла предложенную Милюковым от имени Прогрессивного блока формулу перехода к очередным делам, где предлагалось привлечь к решению продовольственного вопроса органы городского самоуправления и широкую общественность, а также создавать на местах специальные продовольственные комитеты. Керенский же дополнил предложения Милюкова требованием вернуть на их рабочие места уволенных путиловцев⁴.

В тот же день Керенский вместе с меньшевиком Скобелевым выступили еще и в поддержку срочного депутатского запроса по поводу локаута рабочих Путиловского и Ижорского заводов столицы, причем когда Скобелев был лишен Родзянко слова⁵, Керенский как бы принял от своего товарища эстафету (такой прием они практиковали в Думе уже не в первый раз) и связал запрос о судьбе уволенных заводской администрацией столичных путиловцев с тем, что происходило тогда на столичных улицах. Там, сказал он, тысячи голодных женщин и детей стоят и просят одного — дайте хлеба. Не это ли говорит о крахе режима, когда единственным царем в государстве делается голод, а у голодающих появляется острая ненависть ко всему, что мешает им быть сытыми? При этом Керенский не преминул рассказать депутатам, что накануне у него была депутация от рабочих-путиловцев, рассказавших о своем поистине бедственном материальном положении. Закончил же он свою речь так: мы должны потребовать от власти, чтобы она или сумела справиться с продовольственным вопросом, или *ушла со своих мест*. Ответом ему были, как всегда, аплодисменты левых депутатов Думы⁶.

24 февраля стачки в Петрограде захватили уже 200 тыс. рабочих, хотя в фабричные и заводские лавки спешно поступило около 3 тыс. пудов хлеба⁷. Были отмечены и отдельные стычки протестующего народа с полицией и войсками. Лозунгами митингующих оставались призывы «Долой войну!», «Долой царизм!», «Да здравствует демократическая республика!» Керенский же в тот день опять был на думской трибуне с протестом против замалчивания в прессе его предыдущей речи о ситуации на Путиловском заводе. «Не может быть дальнейших отсрочек, — сказал он, — масса должна сама взять на себя инициативу организации и инициативу спасения своего будущего и страны так, как она сама понимает. Я поэтому говорю... только одно: вся ответственность за будущее теперь ложится на самую народную массу. Вы должны сознать ваш долг перед собой и государством. Вы должны планомерно, систематически организоваться и тогда безбоязненно и смело сказать: мы так хотим, и мы так сделаем»⁸.

25 февраля в орбиту стачки были втянуты уже примерно 300 тыс. рабочих, к которым примкнули и студенты, запрудившие весь Нев-

ский проспект. Даже либеральная печать отмечала, что массовое движение в Петрограде приняло в ту памятную субботу более организованый, чем прежде, характер. В действиях же властей не было, по наблюдениям Суханова, ни тени решительности и еще меньше планомерности, и протестное движение «разливалось по городу совершенно свободно»⁹.

Верный себе Керенский опять стал в Думе героем дня, предложив итоговую резолюцию по ответу давнего сотрудника Столыпина министра земледелия А.А. Ритиха на депутатский запрос о планируемых правительством мерах по улучшению положения с продовольствием в Петрограде. Поскольку ничего определенного и нового министр депутатам не сказал, Керенский предложил считать его объяснения неудовлетворительными и заявить, что дальнейшее пребывание у власти настоящего состава Совета министров совершенно нетерпимо и он должен быть заменен правительством, подчиненным контролю со стороны всего народа. Народу же должны быть гарантированы свобода слова, собраний, организаций и личности. Продовольственное дело должно взять в свои руки само население Петрограда, образовав *обывательские и фабрично-заводские комитеты и подчинив деятельность городского самоуправления интересам трудящихся классов*¹⁰. Дума постановила проголосовать это предложение Керенского во вторник 28 февраля, но состояться этому заседанию царского парламента было уже, как мы увидим, не суждено.

Вечером того же дня Керенский зашел к социал-демократу Н.Д. Соколову, квартира которого стала тогда своеобразным информационно-координационным центром, где периодически собирались представители большевиков, меньшевиков, эсеров, бундовцев и трудовиков, чтобы обсудить политическую ситуацию в столице. Однако ясного понимания того, что протестное движение в городе близится к развязке, там 25 февраля еще не было. Напротив, следующий день — воскресенье 26 февраля стало самым тревожным, тяжелым и кровавым днем Февральской революции. Силы порядка получили из Ставки в Могилеве, где находился Николай II, приказ царя «прекратить забастовки, недопустимые в тяжелые дни войны». Видимо, это подействовало на военных, и число жертв среди митингующих резко возросло. Но характерно, что часть солдат (правда, всего несколько сот человек) примкнула тогда же к рабочим. К вечеру четвертого дня революции она подошла к такому рубежу, когда вся ее дальнейшая судьба стала зависеть от поведения солдатских масс столичного гарнизона¹¹.

Событием дня стало новое информационное совещание теперь уже на квартире самого Керенского. Однако и на этот раз никаких решений, обязательных для его участников, принято не было. Только

большевики требовали немедленных шагов по организации вооруженного восстания. Зато другой участник совещания, наоборот, уверял присутствующих, что никакой революции в Петрограде вообще не будет¹². Сейчас большинство отечественных и зарубежных историков сходятся на том, что в Февральской революции решительно преобладал элемент стихийности, причем Керенский активно включился в ее ход лишь 27 февраля. Сомнительные попытки петербургского историка С.В. Куликова выдвинуть в качестве лидеров революции Гучкова и других деятелей ЦВПК были восприняты рядом его коллег резко негативно¹³.

Пятый день революции, понедельник 27 февраля стал днем ее победы. Требование властей о прекращении забастовки осталось невыполненным, и она захватила почти всех рабочих столицы. На сторону народа к вечеру перешли почти 70 тыс. солдат — в сто с лишним раз больше, чем накануне. 28 февраля их было уже почти 130 тыс., а в первый день марта — 170 тыс. человек¹⁴. В руках восставших оказались наиболее важные в стратегическом отношении объекты — военные склады, вокзалы, мосты через Неву, телефон, телеграф. Из тюрем народ стал освобождать политзаключенных¹⁵. Горели окружной суд, здание столичного Охранного отделения, многие полицейские участки. Вместе с тем оживились и криминальные элементы.

Важные события происходили и в парламентской резиденции — Таврическом дворце. По заранее заготовленному на случай обострения ситуации в столице указу царя¹⁶, Государственная дума начиная с 27 февраля должна была прекратить свои заседания, и вопрос теперь стоял так: либо депутаты тихо подчиняются царскому указу и расходятся, либо они самовольно продолжают свою работу, причем и у первого, и у второго варианта, как водится, были и сторонники, и противники. Керенский, как и можно было ожидать, оказался среди сторонников депутатского бунта, выступив за продолжение заседаний Думы «любой ценой», обязательно наладив при этом тесные контакты с переходящими на сторону революции войсками¹⁷. Перед этим уже в 8 часов утра его поднял с постели телефонный звонок заместителя председателя Думы Некрасова. Он сообщил, что получено распоряжение царя о перерыве в работе Думы, сказал о начавшемся восстании расквартированного в столице Волынского полка и предложил Керенскому как можно скорее прийти в Таврический дворец. Тот воспринял это как боевой приказ и тотчас отправился в Думу. Так начались для него три незабываемых, судьбоносных дня, на протяжении которых он даже не возвращался домой ночевать, разрываясь, по его собственному выражению, на 12–15 частей¹⁸.

Нужно отдать должное Керенскому: он сразу распознал критический и для России в целом, и для себя лично характер переживаем-

мого момента и сумел быстро настроиться на максимальную концентрацию своей физической и интеллектуальной энергии в интересах революции и своей лично политической карьеры. Путь от дома до Таврического дворца занял у него не больше 5 минут, а там Керенский вместе со Скобелевым сразу же подняли вопрос о немедленном начале очередного заседания Думы. Керенский даже дал звонок, приглашавший депутатов в зал, но никто туда не пошел¹⁹. При этом чувствовалось, что большинство членов Думы растеряны и явно трусят, опасаясь непредвиденного поворота событий и наказания за непослушание царской воле. Медлил с решительными действиями и председатель Думы Родзянко, не понимавший до конца, что время работает уже против него.

Лишь в 10–11 часов утра под председательством вице-спикера Некрасова началось частное совещание Совета старейшин, где Керенский, Скобелев и некоторые другие депутаты призвали своих товарищей не расходиться и больше того — взять власть в свои руки. Но согласны с этим опять-таки были далеко не все. Наконец за дело после долгих колебаний взялся Родзянко, и днем в его кабинете наконец-то был сформирован Временный комитет Государственной думы (ВКГД), ставший своего рода правопреемником прежнего царского Совета министров. В него вошли представители всех думских фракций, кроме правомонархических: 4 октябриста (они были Родзянко ближе всего по духу), 2 кадета, 2 прогрессиста, социал-демократ Чхеидзе, трудовик Керенский²⁰ и некоторые другие лица — всего 13 человек. В функции ВКГД входило «восстановление порядка и связи с отдельными лицами и институтами», причем столь осторожная формулировка мотивировалась тем, что если бы власть в стране вновь оказалась в руках сторонников Николая II, то депутаты были бы якобы спасены этим от репрессий — надежда более чем наивная. Заметим, что, несмотря на свой будто бы сугубо временный характер, ВКГД просуществовал до 6 октября 1917 г.²¹

Создание ВКГД закрепило ту роль одного из могильщиков царизма, которую объективно играли оппозиционно настроенные фракции IV Государственной думы в 1915–1917 гг. в обстановке слабости революционных партий и несогласованности их действий. С 27 февраля Комитет вместе с возникшим в тот же день Петросоветом уже стали фактически зародышем того двоевластия, которое окончательно оформилось в Петрограде с образованием 2 марта Временного правительства. ВКГД сыграл значительную роль в привлечении на сторону революции войск столичного гарнизона. Здесь же рождался и список членов будущего кабинета министров, а пять его членов (Милюков, Некрасов, Коновалов, Керенский и В. Львов) получили министерские портфели.

Степень активности различных членов ВКГД была различной, причем Керенский сразу же занял там очень видное положение. Особенно выделяла его агитационная и организаторская работа с солдатами и офицерами, на что способен был далеко не каждый член комитета. Когда после полудня 27 февраля к Таврическому дворцу стали подходить перешедшие на сторону революции войска, именно Керенский одним из первых приветствовал их от имени Думы, вел внутрь дворца, приказал встать в караул и охранять здание от возможного нападения сторонников старого режима. При Думе была создана так называемая Военная комиссия, распоряжавшаяся действиями революционных войск, причем с самого начала (что очень символично) ее стали называть не иначе, как «штабом Керенского», поскольку он быстрее других понял, как велика может быть роль вооруженных сил в современных, в том числе и русской, революциях. Вечером того же дня Военная комиссия ВКГД по инициативе Керенского слилась с «повстанческим штабом» Петроградского совета рабочих депутатов и в таком виде просуществовала до середины мая 1917 г.²²

Невозможно подсчитать, сколько речей в разных местах и по разным поводам произнес Керенский 27 февраля и в последующие революционные дни. Содержание их было почти одинаково: он говорил о свободе, равенстве, братстве, демократии и о народе как творце истории, вспоминал революционных борцов всех эпох. И это действовало на тех, кто его слушал, безотказно. Да и внешне он как-то сразу преобразился: говорил громко, отчетливо, властно, глаза его горели. Керенский все время отдавал какие-то распоряжения, вел телефонные переговоры, буквально метался по Таврическому дворцу, создавая впечатление, что является чуть ли не единственным человеком, который все знает, все понимает и поэтому по праву отдает приказы окружающим. В глазах питерских обывателей Керенский начинал выглядеть едва ли не «диктатором», главным дирижером происходящих в городе событий, руководителем всей революции²³. Не случайно уже в самом первом варианте своих устных воспоминаний о событиях Февральской революции (июнь 1917 г.) Керенский без ложной скромности говорил: «Тут каким-то образом сложилось так, что ко мне стали обращаться, считая меня почему-то в *центре всего*» (курсив мой. — С.Т.)²⁴.

Заметим, что вместе с возникновением всех этих легенд о «вездесущем» и «всезнающем» Керенском у него начиналось то опаснейшее «головокружение от успехов», которое погубило в конечном счете не одного и гораздо более крупного политика. В этой связи заслуживает внимания следующий эпизод хроники событий 27 февраля 1917 г., с удовольствием описанный Керенским в своих воспоминаниях. Вечером один из столичных репортеров, постоянно вертевшихся тогда

в Таврическом дворце, сказал ему: «...В данный момент вы всемогущи в России». «Что ж, — подумал про себя наш герой, — приятно было это слышать»²⁵. Такие фразы — настоящая находка для историка, интересующегося психологией объекта своего внимания. Ведь его потаенный внутренний мир вдруг, как будто под лучом мощного прожектора, вспыхивает всеми цветами радуги и раскрывается перед исследователем: ясно, что слова журналиста о «всемогуществе» Керенского были грубой лестью, и он это понимал, но... все равно ему было приятно.

27 февраля ознаменовалось еще одним важнейшим по своим последствиям событием — возрождением славной революционной традиции 1905 г., когда в Петербурге, Москве и ряде других городов России возникли Советы рабочих депутатов. Около 2 часов дня было оформлено создание Временного исполкома Петроградского совета рабочих депутатов (он собрался в одной из комнат Таврического дворца, подысканной для этого все тем же Керенским). А в 9 часов вечера того же дня прошло и первое пленарное заседание Петросовета, сам факт появления которого еще через пару дней, когда ВКГД сформировал Временное правительство, ознаменовал возникновение в России совершенно уникальной ситуации — так называемого двоевластия, когда рядом с официальной правительственной властью возникла в Петрограде и неофициальная, но не менее реальная советская власть депутатов от рабочих и солдат. Затем аналогичные Советы возникли по всей стране и в других городах. При этом между правительством и Советами сразу же сложились очень сложные и противоречивые отношения сотрудничества, острого соперничества и даже борьбы, которая продолжалась вплоть до победы большевиков и свержения ими Временного правительства в октябре 1917 г.²⁶ Со 2 марта Петросовет стал именоваться Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, причем вскоре такое же название закрепилось за городскими Советами по всей России (Советы крестьянских депутатов существовали в сельских районах страны по большей части автономно от рабоче-солдатских).

На вечернем пленуме Петросовета 27 февраля Чхеидзе был избран его председателем, Керенский и Скобелев — товарищами (заместителями) председателя²⁷. При этом Исполком Петросовета подтвердил полномочия Чхеидзе и Керенского в ВКГД с тем, чтобы они не позволяли Родзянко и Милюкову за спиной народа идти на уступки «остаткам царской власти» (дело в том, что к тому времени Николай II еще не отрекся от престола).

Еще одной важной составной частью деятельности Керенского с первых же дней революции стала добровольно взятая им 27 февраля обязанность наблюдения за арестами и содержанием под стражей

бывших министров и других влиятельных сановников Российской империи²⁸. Первым из них стал давний недруг Керенского с думских времен И.Г. Щегловитов — бывший министр юстиции, а позже председатель Государственного совета, как бы символизировавший несправедность, а часто и прямую коррумпированность царского суда (отсюда пошло презрительное выражение «щегловитовская юстиция»). Когда задержанного народом Щегловитова привели в Таврический дворец, Керенский с порога пресек попытку Родзянко взять экс-министра под свою дружескую опеку и объявил его арестованным именем революции. Затем он буквально отбил Щегловитова у озлобленных и уже тянувших к поверженному сановнику руки солдат, бросив им короткую, но решительную фразу: «Только через мой труп!» Она и решила судьбу Щегловитова, ставшего первым арестантом сначала в Министерском павильоне, а затем в Трубецком бастионе Петропавловской крепости на другом берегу Невы²⁹. При этом Керенский сказал ему на прощание: «Теперь ваша жизнь в безопасности... Знайте, что Государственная дума не проливает крови». Но своему другу эсеру В.М. Зензинову он с красноречивой улыбкой тут же показал большой ключ от Министерского павильона³⁰.

В дальнейшем, 28 февраля и 1 марта были арестованы три бывших премьера — Горемыкин, Штюрмер и Трепов, военные министры Сухомлинов и Беляев, министры внутренних дел Макаров, Маклаков и Протопопов, причем Макарова и Протопопова задержал лично Керенский. Он же буквально спас от разъяренных солдат Сухомлинова³¹.

В итоге 27 февраля революция победила и сделала первые шаги к закреплению результатов своей победы, продолжив затем эту работу 28 февраля, 1 и 2 марта и в последующие дни. Под датой 28 февраля Суханов сделал в своих «Записках о революции» язвительную запись о том, что видел в Таврическом дворце Керенского, «бросавшегося и метавшегося из стороны в сторону в стремлении обслужить и обнять всю революцию и не в состоянии сделать для нее что-либо реальное, а лишь одно “моральное”...»³² Здесь чувствуется явная ирония Суханова по отношению к его бывшему другу, который, однако, продолжал набирать столь нужные ему как политику очки, демонстрируя свою неразрывную связь с большими и малыми делами революции.

В том же ключе выдержано у Суханова и описание сцены с ложной тревогой, возникшей 28 февраля на заседании Петросовета после того, как на дворцовом дворе внезапно прозвучали какие-то выстрелы. Керенский, вскочив на подоконник, закричал: «Все по местам! Защищайте Государственную думу! Слышите, это я вам говорю, Керенский... Керенский вам говорит: “Защищайте вашу свободу, революцию, защищайте Государственную думу! Все по местам!”» Когда

Суханов попытался успокоить Керенского, т. к. тревога оказалась ложной, тот, видимо, перенервничав, раскричался на него: «Прошу каждого... выполнять... свои обязанности и не вмешиваться, ...когда я делаю распоряжения!»³³

Очень интересно отношение Керенского к выработанному в ночь с 1 на 2 марта под давлением солдат Петроградского гарнизона³⁴ так называемому приказу № 1 по его войскам. Формально он касался только частей, находившихся в столице и перешедших на сторону революции, но фактически оказал огромное влияние на все вооруженные силы страны. Согласно этому документу, каждый солдат отныне становился полноправным гражданином новой России. Во всех воинских подразделениях, начиная с роты и кончая полком, и на кораблях создавались выборные солдатские и матросские комитеты, в руках которых должно было находиться все имеющееся оружие, причем постановление Петросовета объявлялись для солдат, матросов и офицеров высшим законом. И хотя этот приказ не отменял воинской дисциплины и подчинения рядовых военнослужащих офицерам, однако в реальной обстановке того времени сплошь и рядом трактовался весьма расширительно, что вело к падению воинской дисциплины и отрицательно сказывалось в условиях продолжавшейся войны на судьбе всей страны.

Сохранились мемуарные свидетельства того, что Чхеидзе и Керенский хотели отмежеваться от этого документа, и 4 марта ЦК кадетов даже постановил отпечатать и распространить их заявление по данному вопросу. Но Исполком Петросовета не был согласен с их особым мнением, и подобное «разъяснение» так и не увидело света. Керенский же и Чхеидзе, чутко улавливавшие настроения солдатской и особенно матросской массы³⁵, тоже предпочли на этот раз промолчать и позже не вспоминали³⁶.

Между тем 1 марта ВКГД решил создать впредь до созыва Учредительного собрания «правительственную власть, образовав для сего временный общественный Совет министров»³⁷ из лиц, доверие всей страны к которым обеспечено их прежней общественной и политической деятельностью. Тем самым ВКГД выполнил наконец требования оппозиционно настроенных депутатов Государственной думы, выдвигавшиеся ими еще с 1915 г. Одним из министерских постов был, естественно, пост министра юстиции, на который в 1915–1916 гг. претендовали кадеты В.А. Маклаков и В.Д. Набоков. Однако незадолго до Февральской революции ситуация изменилась, и 8 января 1917 г. в ходе беседы видного кадета Шингарева с одним из лидеров правого крыла Думы Шульгиным, последний высказал мысль о целесообразности привлечения в будущее правительство в качестве министра юстиции Керенского: «Выгоднее иметь его с собой, чем против

себя», — пояснил Шульгин, подчеркнув, что надо вырвать у революции ее главарей³⁸.

Когда ВКГД взялся за формирование состава нового правительства, там тоже решили назначить на пост министра юстиции Керенского. Но поскольку он являлся одновременно товарищем председателя Петросовета, то сочли целесообразным запросить санкцию последнего на подобное назначение. И тут произошла осечка: 1 марта Исполком Совета решил никого из социалистов в состав будущего кабинета министров не делегировать³⁹. При этом руководители Советов исходили из того, что Февральская революция носит не социалистический, а буржуазный характер и, кроме того, нельзя забывать печальный опыт французских социалистов, которым сначала Л. Блан в 1848 г., а потом А. Мильеран в 1899 г. доказали, что, получив министерские портфели в буржуазных правительствах Франции, они оказались явно не на высоте своего нового положения и не смогли защитить интересы трудящихся. Помимо указанных соображений принципиального характера, на позицию большинства членов Исполкома влиял и ряд других факторов: отсутствие в столице в момент переворота наиболее выдающихся деятелей главных революционных партий России — РСДРП и ПСР, находившихся в эмиграции или в ссылке; неясность окончательного исхода революции в масштабах всей страны и лидирующая роль в формировании нового правительства партии кадетов.

Однако для России 1917 г. подобное решение вопроса со ссылкой на зарубежные исторические прецеденты вряд ли было правильным, поскольку роль, сыгранная в Февральской революции рабочими и солдатами, была настолько велика, что ВКГД имел все резоны пригласить хотя бы двух влиятельных социалистов в свой состав, а Исполкому Петросовета не имело смысла отказываться от подобного предложения, тем более что он мог бы и контролировать работу министров-социалистов, и даже применить к ним определенные санкции в случае их выхода из-под подобного контроля. Но ничего этого сделано в марте 1917 г. не было, хотя ровно через 2 месяца в новом, коалиционном составе Временного правительства оказались уже сразу 6 (!) министров-социалистов.

Но если Чхеидзе сразу же послушно согласился с решением Исполкома Петросовета и отказался от предложенного ему поста министра труда⁴⁰, то болезненно честолюбивый Керенский, за плечами у которого были высшее юридическое образование и солидная адвокатская практика, решил, во-первых, посоветоваться со своими близкими товарищами⁴¹, а во-вторых, проявить характер и попытаться все же прорваться во власть даже ценой конфликта с Петросоветом. При этом он думал не только о своей личной карьере (хотя, конеч-

но, и о ней), но и о том, какую пользу революции он может принести и в Министерстве юстиции, и во Временном правительстве в целом. Ведь последнему впредь до созыва Учредительного собрания предстояло руководить жизнью огромной страны, издавать законы и распоряжения и решать важные кадровые вопросы.

Не мог не вспомнить Керенский и о своем плане создания коалиционного правительства, с которым он носился в Думе еще в августе 1915 г. К тому же на конец февраля он формально не принадлежал еще ни к одной социалистической партии (эсером Керенский самопровозгласил себя только в марте 1917 г.)⁴². Да и все, с кем советовался Керенский по поводу своего возможного министерского поста, одобряли его вступление во Временное правительство⁴³. Кроме того, за дни переворота он настолько «сросся» с его руководящим ядром, постоянно находясь в эпицентре революционных событий, что уход в политическую тень казался ему чем-то неестественным и несправедливым. Поэтому колебания были быстро отброшены, и утром 2 марта Керенский уже дал Милюкову по телефону согласие занять пост министра юстиции⁴⁴.

Однако в глубине души он чувствовал все же известный дискомфорт от своего назревавшего конфликта с Петросоветом. Тем не менее обращаться лично в Исполком Совета Керенскому явно не хотелось, и он решил пойти непосредственно к рядовым депутатам. Сначала Керенский заглянул на совещание к солдатам и быстро, под дружную овацию зала, убедил их в необходимости иметь в составе Временного правительства хотя бы одного социалиста. Ободренный таким успехом, он, бледный, взволнованный, одетый во все черное, буквально влетел на пленарное заседание Петросовета и попросил внеочередного слова. Вскочив на стол (так тогда делали и некоторые другие члены Совета), Керенский срывающимся голосом начал с вопроса: «Товарищи, доверяете ли вы мне?». «Доверяем, доверяем!» — раздалось в ответ, и Керенский продолжил: «Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно (длительная овация)».

Мотивируя далее свое решение пойти вразрез с мнением Исполкома, Керенский сослался прежде всего на то, что, поскольку у него в руках находятся сейчас представители старой власти (он имел в виду водворенных по его приказу в Петропавловскую крепость бывших царских министров), он не может выпустить их из своих рук (ответом на эти слова были опять бурные аплодисменты и возгласы: «Правильно!»). Затем Керенский сообщил, что отдал распоряжение немедленно освободить всех политзаключенных и в первую очередь вернуть из Сибири большевистских депутатов IV Государственной думы. И опять ответом ему были громовые аплодисменты и общий

энтузиазм депутатов. Сделал он и еще один эффектный ход, заявив, что готов сложить с себя обязанности товарища председателя Петросовета, но может и вновь принять затем этот высокий пост, если участники собрания найдут это нужным. Зал единодушно ответил: «Просим! Просим!» Кроме того, Керенский подтвердил, что остается республиканцем и будет отстаивать в составе правительства интересы демократии, усилиями которой был свергнут старый режим. Под конец он призвал всех собравшихся к организации, дисциплине и к поддержке всех депутатов Совета, готовых «умереть для народа и отдать всю свою жизнь народу» (имея, конечно, в виду в первую очередь себя).

Корреспондент газеты «Известия», давший там отчет об этом заседании, был потрясен овацией, устроенной после этого Керенскому, и подчеркнул, что ничего подобного стены Таврического дворца еще не видели и не слышали. Знаменательна и его оговорка о том, что единичные голоса, пытавшиеся протестовать против фактически самочинного вступления Керенского в состав правительства, были заглушены новой овацией в его честь⁴⁵.

В этом поистине драматическом эпизоде Керенский блестяще показал прекрасное понимание того уникального настроения, которое царило в те дни на петроградских улицах и в Таврическом дворце, где никто не хотел и слушать о каких-то протокольных формальностях и этических тонкостях. После того как с пьедестала власти была в несколько дней сброшена — и притом при активном его соучастии — 300-летняя романовская монархия, Керенский мог смело апеллировать к таким эмоциям людей, как революционная эйфория, безграничное доверие к товарищам по борьбе и готовность простить им мелкие погрешности в поведении. Так началась феноменальная министерская карьера Керенского, которого начальник Петроградского охранного отделения Глобачев еще недавно называл «плохеньким», «трехрублевым» адвокатишкой⁴⁶.

Завоевав своей думской и внедумской работой право войти к началу 1917 г. в российскую оппозиционную контрэлиту, он стремительно ворвался теперь и в новую, послефевральскую политическую элиту Российского государства, где принимались в расчет уже не благородное происхождение, богатство и родственные связи, а личные способности и некая слитность с демократическими «низами», которые в одночасье стали «всеми». И пусть аристократический недоброжелатель Керенского кадет В.Д. Набоков краешком глаза заметил тогда там, в Таврическом, как сопровождавший повсюду нового министра депутат-прогрессист Думы и масон граф А.А. Орлов-Давыдов⁴⁷ давал Керенскому то ли что-то нюхать, то ли поил его чем-то⁴⁸, — само

Время оказалось теперь на стороне Керенского, которому оставалось только умело воспользоваться этим.

Между тем во второй половине дня 2 марта в Екатерининском зале Таврического дворца, в присутствии огромной толпы солдат и рабочих Милюков впервые огласил персональный состав Временного правительства. Правда, началось с того, что кто-то спросил лидера кадетов: «Кто вас выбрал?», на что тот, не задумываясь, с апломбом ответил: «Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага. *Нас выбрала русская революция*». Однако из зала последовал новый вопрос: «Кто министры?» Милюков огласил список: князь Г.Е. Львов — глава кабинета и министр внутренних дел (внепартийный), П.Н. Милюков — министр иностранных дел (кадет), А.И. Гучков — военный и морской министр (октябрист), Н.В. Некрасов — министр путей сообщения (кадет), А.И. Коновалов — министр торговли и промышленности (прогрессист), М.И. Терещенко — министр финансов (беспартийный), А.А. Мануйлов — министр народного просвещения (кадет), А.И. Шингарев — министр земледелия (кадет)⁴⁹.

Названные Милюковым фамилии особого восторга у слушателей не вызвали, и тогда он, несмотря на свои натянутые отношения с Керенским в Государственной думе, добавил: «Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность нецензурная тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища Александра Федоровича Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете (Бурные рукоплескания). Мы бесконечно рады отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Штюмерам и Сухомлиновым (рукоплескания). Трусливые герои дней прошедших навеки, по воле судьбы окажутся во власти не щеголовитовской юстиции, а министерства Александра Федоровича Керенского (Бурные рукоплескания, крики)»⁵⁰.

Был у Милюкова запасен для слушателей и еще один, но уже неприятный «сюрприз» — известие о том, что от Николая II власть перейдет к его брату вел. кн. М.А. Романову. В ответ под сводами Таврического дворца раздались возгласы: «Да здравствует республика!», «Долой династию!», и Милюкову пришлось отступить, сказав, что решающее слово в этом вопросе останется за Учредительным собранием. Однако уже на следующий день, 3 марта «император» Михаил II отрекся от престола.

А через некоторое время в том же Екатерининском зале выступил и сам Керенский, представившийся собравшимся уже как министр юстиции, причем его снова встретили криками «Ура!» Он опять со-

общил, что левые депутаты II и IV созывов Государственной думы будут возвращены из Сибири, а бывшие царские министры предстанут перед судом. Находившихся в зале солдат Керенский призвал повиноваться офицерам, закончив свою краткую речь словами: «Да здравствует свободная Россия!» Его слова заглушило мощное «Ура!», и нового министра на руках вынесли из зала⁵¹.

Вечером 2 марта Милюков, Керенский и Суханов подготовили текст декларации о составе и задачах Временного правительства, опубликованной на следующий день в газетах. Перечень общественно-политических реформ, входящих в планы правительства, выглядел в ней так:

- полная и немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам, включая террористические покушения, военные восстания и аграрные преступления;
- свобода слова, печати, собраний и стачек (с распространением этих свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военнотехническими условиями);
- отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений;
- немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего избирательного права Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны;
- замена полиции народной милицией;
- выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права;
- неразоружение и невывод из Петрограда революционных воинских частей. При этом подчеркивалось, что Временное правительство приступит к реализации этого плана без промедления⁵².

Небезынтересно отметить, что американская «New York Times» писала в марте о Временном правительстве России: «Русский народ не мог бы найти нигде в своей стране людей, лучше подготовленных для того, чтобы вывести его из мрака тирании... Львов и его соратники значат для России то же, что Вашингтон и его сподвижники для Америки, когда она обрела независимость»⁵³. Конечно, подобная оценка является явно завышенной, но тем не менее первый состав Временного правительства в общем и целом был вполне ожидаем. Пожалуй, единственной загадкой остается до сих пор назначение на пост министра финансов Терещенко, который не был депутатом Думы и которого народ вообще не знал. Вероятнее всего, эту кандидатуру продвигали в правительство уже по тайным масонским каналам. Кроме того, оценивая первый состав Временного правительства, нельзя забывать, что сами его члены да и тогдашняя общественность России были уверены, что новоиспеченные министры долго не задержатся на своих

постах, поскольку Учредительное собрание будет созвано в самое ближайшее время. Но оказалось, как это нередко бывает в России, что здесь «временное» бывает подчас долговечнее иного «постоянного». К тому же последующие составы правительственного кабинета во многих отношениях были даже слабее первого.

Что касается провозглашенной в декларации программы деятельности Временного правительства на ближайший обозримый период, то она была сформулирована вполне реалистично, причем основную часть обещанного там должно было выполнить именно ведомство Керенского, который при этом мог руководствоваться и опытом предыдущих буржуазных революций на Западе. Облегчало работу Минюста и лично Керенского и то, что она не предусматривала пока всегда очень болезненного вторжения в сферу частной собственности господствующих классов, которое могло санкционировать только будущее Учредительное собрание. Оценивая этот важный документ, следует подчеркнуть, что в нем, с одной стороны, не давалось заведомо неисполнимых обещаний, а с другой — ничего не говорилось о таких волновавших всех россиян актуальных вопросах, как перспектива окончания войны, демобилизация армии, основные принципы будущего решения аграрного и национального вопросов, введение 8-часового рабочего дня на промышленных предприятиях, уравнивание женщин в правах с мужчинами, что, естественно, вызывало у населения бесконечные вопросы и чувство неуверенности в завтрашнем дне.

Уже вечером 2 марта состоялось и первое заседание Временного правительства. Министры признали, что теперь им придется считаться с мнением Совета рабочих и солдатских депутатов, но решительно отвергли сам принцип двоевластия, найдя выход из создавшейся ситуации в том, чтобы знакомиться с предложениями Совета на предварительных частных совещаниях с участием известных государствоведов. По докладу Милюкова было принято весьма либеральное решение о судьбе членов царской семьи. Оно состояло в том, что нет надобности в выдворении их за пределы страны и достаточно будет ограничить их местопребывание и возможность свободного перемещения по территории России. Керенскому, в частности, было поручено принять меры к водворению спокойствия и порядка на кораблях Балтийского флота, где вспыхнул бунт матросов. Было утверждено и назначение генерала Л.Г. Корнилова на должность командующего столичным военным округом⁵⁴.

Как министр юстиции Керенский начал с отправки в ночь со 2 на 3 марта нескольких телеграмм: одна была адресована провинциальным прокурорам и требовала немедленного освобождения всех политических заключенных; вторая ушла в Сибирь с приказом освобо-

дить легендарную «бабушку русской революции», старейшего члена партии эсеров 73-летнюю Е.К. Брешко-Брешковскую (с ней Керенский лично познакомился в 1912 г. во время уже упоминавшейся выше поездки в Восточную Сибирь в связи с расследованием обстоятельств Ленского расстрела рабочих), а также группу социал-демократических депутатов II Думы во главе с И.Г. Церетели и пятерку большевистских депутатов IV Думы. Еще одна телеграмма была адресована членам адвокатских корпораций в провинции с просьбой принять посильное участие в установлении в стране истинного правосудия и в подъеме его на надлежащую высоту, «соответствующую величию народа и важности исторического момента». При этом новый министр особо подчеркнул, что, по его глубокому убеждению, только коллеги-адвокаты еще сохранили при царизме верность чести и долгу⁵⁵.

Неожиданно быстро получил уже 3 марта разрешение вопрос о судьбе монархии в России. Как известно, сначала Николай II хотел передать престол сыну — 12-летнему наследнику-цесаревичу Алексею при регенте в лице его дяди вел. кн. Михаила Романова. Но, посоветовавшись с врачом, подтвердившим неизлечимый характер болезни мальчика, Николай II решил, что новым императором станет М.А. Романов, который будет править Россией под именем Михаила II.

С 25 февраля М.А. Романов находился в Петрограде и Гатчине, и утром 3 марта члены Временного правительства решили встретиться с ним в особняке кн. Путятиной на Миллионной, 12, т. е. совсем рядом с Зимним дворцом. В 6 час. утра (!) Керенский как министр юстиции позвонил туда и попросил разрешить нескольким членам Временного правительства и ВКГД приехать на Миллионную для беседы с великим князем. Уже в 10 утра глава правительства Львов и министры Милюков, Керенский, Некрасов, Терещенко, Годнев и В. Львов, а также Родзянко, еще 4 члена ВКГД и только что вернувшиеся из Пскова Гучков и Шульгин⁵⁶ были на месте встречи.

Родзянко откровенно сказал М.А. Романову, что в случае его согласия стать императором он процарствовал бы всего несколько часов и в Петрограде немедленно началось бы огромное кровопролитие и гражданская война, причем, скорее всего, Михаил был бы убит. Кн. Львов практически солидаризировался с председателем Думы, но Милюков более часа выступал как решительный сторонник сохранения в России монархии, заявив, что Временное правительство без царя Михаила — это «утлая ладья», которая может утонуть «в океане народных волнений и анархии». С Милюковым согласился и Гучков.

Керенский вел себя по отношению к «почти императору» Михаилу почтительно, но твердо, показав себя убежденным республиканцем

и безоговорочным оппонентом Милюкова. Как всегда эмоционально, он сказал, что хочет говорить с Михаилом «как русский с русским». Приняв престол, подчеркнул он, Михали не спасет Россию, но за его собственную жизнь действительно поручиться будет трудно. По словам Керенского, народ не хочет сохранения монархии, и стране грозит «кровавый разлад». Поэтому он просил и даже умолял великого князя отказаться от престола и принести эту жертву России⁵⁷.

После приватного разговора с Львовым и Родзянко М.А. Романов со слезами на глазах отказался принять престол, пока будущее Учредительное собрание не выразит волю народа о характере государственного строя послереволюционной России. В ответ он услышал от Керенского: «Ваше величество! Вы благородный человек». Затем министр юстиции вместе с другими юристами принял участие в редактировании акта об отречении Михаила Романова от престола⁵⁸.

В дни Февральской революции Керенский превратился в сжатую до предела пружину, проявив незаурядную силу воли, решительность, смелость, умение правильно оценить обстановку и быстро принять единственно верное в тот момент решение. Он показал себя неплохим психологом, тонко чувствовавшим настроения солдатской и рабочей массы и умевшим находить при общении с ней простые и понятные слова. Наградой ему была крупная политическая победа, превратившая его из лидера маленькой думской депутатской фракции в государственного деятеля новой, демократической России. Для 36-летнего Керенского это было немало. Впереди же у него была теперь большая и ответственная работа на новом, правительственном посту и вместе с тем новые, еще более серьезные, чем прежде, трудности и испытание на политическую зрелость, стойкость убеждений и государственную мудрость.

---

¹ Две трети из них составляли наиболее зрелые в социальном и политическом отношении рабочие-металлисты, 80 % которых были заняты на крупных и средних предприятиях. См.: Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1. С. 16–17.

² Это были солдаты и офицеры из элитных гвардейских полков, а также из учебно-запасных частей, которым затем предстояло отправиться на фронт. Что касается офицеров, то они либо лечились в столичных госпиталях после ранения, либо только что были выпущены из юнкерских училищ. (Там же. С. 21–22.)

³ См.: Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 69–77.

⁴ См.: Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 324.

⁵ Скобелев сослался на пример из истории Великой французской революции, когда в аналогичной ситуации депутаты Конвента «опрокидывали трон». (Там же. С. 320.)

⁶ Там же. С. 321.

⁷ Шляпников А.Г. Указ. соч. С. 96–101.

⁸ Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 339.

⁹ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 57–58.

¹⁰ Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 348–349.

¹¹ См.: *Шляпников А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 103–104, 106–108, 112–113.

¹² См.: *Зензинов В.М.* Февральские дни // Новый журнал. 1953. № 34. С. 207–210; *Николаев А.Б.* А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. № 3. С. 111, 113.

¹³ См.: *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11; Российская история. 2011. № 1. С. 82–83, 186. Одним из главных оппонентов Куликова выступил С.А. Нефедов (Екатеринбург).

Интересно отметить, что в 1961 г. Керенский и американский историк Р. Браудер в предисловии к документальному трехтомнику «Временное правительство России» писали, что Февральская революция явилась, скорее, результатом полного банкротства царизма, а не воздействия на ситуацию в стране радикальной идеологии или народного восстания. См.: *The Russian Provisional Government. Documents* (далее — RPG). Vol. 1. Stanford, 1961. P. 21.

Эту версию оспорил Р. Пайпс, считавший, что «в феврале 1917 г. Россия пережила настоящую революцию в том смысле, что восстание, положившее конец царизму, возникло стихийно, хотя и не без толчка извне...» (*Пайпс Р.* Русская революция. М., 1944. Ч. 2. С. 55). Свержение царизма обошлось без больших человеческих жертв: в Петрограде погибло немногим более 300 и были ранены свыше 1100 человек. (Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 384).

¹⁴ История рабочих Ленинграда. Л., 1972. Т. 1. С. 528–529.

¹⁵ Из знаменитых «Крестов» восставшими были освобождены ряд членов большевистского ПК РСДРП(б), меньшевистская Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета и др., сразу же влившиеся в ряды руководителей массового движения.

¹⁶ При отъезде 22 февраля в Ставку Николай II доверил премьеру Голицыну право самому проставить дату на указе о роспуске Думы на неопределенное время, что тот и сделал 25 февраля. Согласно этому указу, в понедельник 27 февраля Дума заседать уже не могла.

¹⁷ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 191.

¹⁸ См.: *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции. Очерки истории. Рязань, 2002. С. 111.

¹⁹ См.: *Заславский Д.* В Государственной думе // Красная панорама. 1927. № 11. С. 7.

²⁰ Тем самым как бы отдавалась дань уважения этим двум социалистам, принимавшим активное участие в работе Думы и имевшим связи с социалистическими партиями и желание активно участвовать в дальнейших революционных событиях. Учитывался, видимо, и такой момент, как наличие социалистов в тогдашнем составе правительства Франции (Ж. Гед, А. Тома и М. Самба), Англии (лейборист А. Гендерсон) и Бельгии (Э. Вандервельдс). Характерно, что уже на первом заседании достаточно хорошо знавший Керенского председатель ВКГД Родзянко счел нужным персонально предупредить лидера трудовиков, что он должен подчиняться ему «безусловно и слепо» — требование более чем наивное, поскольку из всех членов ВКГД Керенский был наименее «управляемым» человеком. См.: *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 457–458.

²¹ См.: Государственная дума Российской империи... Т. IV. С. 115.

²² См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 198; Николаев А.Б. Указ. соч. С. 53–68. Руководителями комиссии после Керенского были полковник Б.А. Энгельгардт, затем Гучков, а потом ряд других, менее известных лиц. Керенский же быстро отошел от ее работы, сосредоточившись со 2 марта на выполнении обязанностей министра юстиции Временного правительства.

²³ Один полукомический эпизод из этой серии рассказов о Керенском в феврале–марте 1917 г. можно найти в «Красном колесе» А.И. Солженицына. Вечером 27 февраля какой-то старик на костылях (!) привел в Таврический дворец человек 30 задержанных жандармов и попросил доложить о себе «руководителю революции депутату Керенскому». См.: *Солженицын А.И.* Указ. соч. М., 1994. Т. 5. С. 542.

«Красное колесо» — это оставшаяся, по сути, только в проекте грандиозная хроника революционных событий 1914–1917 гг., для которой А.И. Солженицыным был собран огромный фактический материал из разного рода воспоминаний, газет, официальных документов и т. д.

²⁴ См.: Клио. 2004. № 3. С. 111. Несколько позже Керенский вспоминал о событиях конца февраля — начала марта 1917 г.: «Я должен был одновременно находиться повсюду, меня искали и звали со всех сторон. День и ночь я метался по Думе, как в трансе, то протискиваясь сквозь плотные стены людей, то кружа по полутемным пустым коридорам. В изнеможении впадал в предобморочное состояние на 15–20 минут, приходил в себя, выпив стакан коньяку или черный кофе...» (*Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2006. С. 27–28).

²⁵ Там же.

²⁶ В советской историографии существовал идущий от Ленина незыблемый постулат, согласно которому двоевластие существовало только до начала июля 1917 г. Однако в настоящее время существует мнение, что оно сохранялось до 25 октября 1917 г. (см.: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 206), и автор настоящей работы его разделяет.

Позднее, уже находясь в эмиграции, Керенский крайне отрицательно охарактеризовал двоевластие, но считал, что во многом в его появлении на свет была виновата именно Государственная дума, занявшая 27 февраля слишком робкую, осторожную позицию. «Отказавшись от официального участия в событиях, с которых началась революция, подчинившись указу о роспуске, превратив официальное думское заседание в частное собрание..., Дума погубила все шансы на создание единственного и единого центра революционной власти», — писал он. Тем не менее Керенскому не могло не льстить то, что его ценили и ВКГД, и Петросовет, избрав как бы соединительным звеном в работе этих столь разнородных, но влиятельных в тот момент революционных органов. См: *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. С. 35.

Однако по мере того, как в Керенском начал просыпаться и прогрессировать вкус к власти, «излишнее», по его мнению, вмешательство советских лидеров в дела Временного правительства все больше раздражало его и вызывало стремление как-то освободиться от их контроля. Тем не менее Керенский так и не решился на такой шаг, удовлетворившись правом единолично подбирать состав Временного правительства, которое вдобавок не отчитывалось перед ВЦИК Советов.

²⁷ Сам Керенский отрицал факт своего участия в этом пленарном заседании Совета, но большевик Шляпников вспоминал, что тот все-таки пришел к его концу (см.: *Шляпников А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 130). Характерно, что Керенского не очень устраивало то обстоятельство, что тон в руководстве Петроградским советом задавали социал-демократы, тогда как эсеры явно были там на вторых ролях. Поэтому он редко посещал его заседания, но цепко держался за свой высокий пост в нем как символ связи с ре-

волюционным народом. Керенский откровенно писал позже в своих воспоминаниях: «В дальнейшем я редко посещал заседания Совета и его Исполкома. С самого начала мои отношения с руководителями Совета оказались напряженными. Их крайне раздражало мое неизменно оппозиционное отношение к тому теоретическому социализму (марксизму. — С.Т.), который они пытались навязать революции» (*Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. С. 197*).

Он, естественно, умалчивает здесь о собственных отрицательных качествах — чрезмерной амбициозности, властолюбии и недисциплинированности, которые, в свою очередь, еще больше осложняли его отношения сначала с Исполкомом Петросовета, а затем с ВЦИК Советов, о чем подробно будет сказано ниже.

²⁸ Керенский проявил огромную энергию и в этом, начатом самим восставшим народом деле, выписав самому себе на бланке председателя Думы удостоверение, где говорилось, что ВКГД поручает ему заведование так называемым Министерским павильоном при Таврическом дворце, где будут содержаться особо важные арестованные лица (см.: *Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. Л., 1967. С. 264*). Министерским этот павильон назывался потому, что там приглашенные для выступления в Думе царские министры ожидали момента своего входа в зал заседаний. Павильон был соединен с дворцом крытой галереей.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 149–150*.

³⁰ См.: *Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. С. 195–196*.

³¹ См.: *Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 152–154*.

³² *Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 119*.

³³ Там же. С. 121.

³⁴ Солдаты буквально продиктовали текст приказа члену Исполкома Петросовета адвокату Н.Д. Соколову.

³⁵ На Балтике в дни революции были убиты адмиралы Р.Н. Вирен, А.К. Небольсин и А.И. Непенин, а также много флотских офицеров (см.: *Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 328–340*).

³⁶ См.: *Изгоев А.С. Социалисты во 2-й русской революции. Пг., 1917. С. 12*. В мае уже в качестве военного министра Керенский подписал «Декларацию прав солдата», где, по сравнению с приказом № 1, были усилены все дисциплинарные моменты, но сохранены гражданские права солдат и их комитеты.

³⁷ См.: *Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 311*. Название «Временное правительство» закрепилось только в середине марта 1917 г.

³⁸ *Шульгин В.В. Дни. 1920. Записки. М., 1989. С. 156*. На совести Шульгина остается его замечание о том, что пост министра юстиции «не имеет якобы никакого значения» и поэтому на него можно назначить и Керенского. Аналогичной точки зрения придерживался и его конкурент кадет Маклаков, полагавший, что, получив такое назначение, Керенский принесет государству меньше вреда. См.: *Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 138*.

³⁹ См.: *Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 135–136, 143, 162*. 2 марта в органе Петросовета «Известиях» была опубликована статья «Участие демократии во Временном правительстве», выражавшая точку зрения меньшинства членов Исполкома. Их аргументами за участие социалистов в правительстве было то, что такая комбинация помешает возможному компромиссу буржуазных партий и ВКГД со старым порядком и будет толкать Временное правительство к скорейшему созыву Учредительного собрания и установлению в России республиканского строя. Разрыв же Советов с Вре-

менным правительством мог помешать демократическим силам из-за их неопытности самостоятельно создать новый государственный аппарат.

⁴⁰ Между тем наличие этого нового министерского поста и министра-социалиста могло бы быть полезно рабочим, хотя бы несколько сдерживая эксплуататорские аппетиты предпринимателей.

⁴¹ Среди таких «советчиков»-консультантов были адвокаты А.А. Демьянов, П.М. Макаров и Н.Д. Соколов, бывший секретарь Трудовой группы, а теперь активный участник революции В.Б. Станкевич, бывший неонародник, а потом меньшевик-интернационалист Н.Н. Суханов и др. Не мог Керенский не посоветоваться и со своими «братьями» по масонской организации, некоторые из которых тоже были по решению ВКГД кандидатами в министры.

⁴² Постфактум немногочисленные участники Петроградской городской конференции ПСР, памятуя о давних связях Керенского с их партией, одобрили его вступление во Временное правительство (Известия. 1917. 4 марта).

⁴³ Суханов, правда, с одной стороны, был против этого, но с другой — считал, что вступление Керенского на министерский пост было бы и «небесполезным» для дела революции.

⁴⁴ В своих воспоминаниях Керенский красочно описывает ночь с 1 на 2 марта, в последний раз проведенную им в той квартире, которую занимал вместе с О.Л. Барановской и детьми в конце своей работы в Государственной думе и откуда утром 27 февраля ушел в Таврический дворец. Перед этим поздно вечером 1 марта он участвовал в очень трудной дискуссии между членами ВКГД и Исполкома Петросовета о программе будущего Временного правительства. Обсуждались, в частности, такие вопросы, как немедленное провозглашение России демократической республикой и целесообразность избрания солдатами своих офицеров, причем оба эти предложения были отвергнуты членами ВКГД (см.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 157–159).

До дома Керенский добрался уже на рассвете, часа 2–3 пролежал без сна в состоянии, «близком к опьянению», и все-таки надумал позвонить утром Милюкову, чтобы дать ему согласие на вступление в правительство, а потом уже отстаивать это свое решение на пленарном заседании Совета. Трудно сказать, насколько искренен был Керенский, когда писал потом, что в значительной мере его подтолкнула к этому шагу мысль о том, что без него судьбу арестованных накануне царских министров толпа решит только через кровопролитие, тогда как он сможет спасти революцию от подобного позора (см.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 204–205). Заметим, что Керенский нередко стремился задним числом оправдать тот или иной свой шаг какими-нибудь «высокими» мотивами.

⁴⁵ См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Док. и мат. Л., 1991. С. 72–78; Известия. 1917. 3 марта.

⁴⁶ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. М., 2009. С. 71.

⁴⁷ Он был сыном генерал-лейтенанта и фрейлины Императорского двора.

⁴⁸ См.: *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 16.

⁴⁹ В состав кабинета входили также член думской фракции Центра В.Н. Львов (обер-прокурор Св. Синода) и октябрист И.В. Годнев (государственный контролер). Масонами среди министров были, помимо Керенского, Терещенко, Некрасов и Коновалов. Спорной является принадлежность к масонству Г.Е. Львова. Особенно близки Керенскому были хорошо знакомый ему по работе в Думе Некрасов и неожиданно

оказавшийся в списке членов Временного правительства Терещенко, о которых нужно сказать здесь особо.

Некрасов Н.В. (1879–1940). Сын протоиерея. Окончил Институт инженеров транспорта, стажировался за рубежом, потом был профессором Томского технологического института. Видный член левого крыла кадетской партии, депутат III и IV Государственной думы. Масон, член Верховного совета «Великого Востока народов России», а в 1915–1916 гг. его секретарь. После начала Первой мировой войны возглавлял санитарный отряд. С ноября 1916 г. — товарищ председателя IV Думы. Во Временном правительстве занимал посты министра путей сообщения, заместителя министра-председателя и министра финансов. С сентября 1917 г. — генерал-губернатор Финляндии. После Октябрьского переворота жил в Уфе под чужим именем, был арестован, после освобождения работал в кооперации и преподавал. В 1930–1933 гг. снова был под арестом, затем расстрелян.

Терещенко М.И. (1886–1956). Из семьи крупнейших украинских сахарозаводчиков и землевладельцев (личное состояние около 70 млн руб.). Учился в Лейпцигском университете, затем экстерном сдал экзамен по курсу юридического ф-та Московского университета. В 1911–1912 гг. — чиновник особых поручений при Дирекции императорских театров, поскольку слыл ценителем искусства, меценатом, коллекционером и балетоманом. Камер-юнкер. Владелец изд-ва «Сирин». Во время Первой мировой войны работал в Красном Кресте, с июля 1915 г. возглавлял Киевский ВПК, был товарищем председателя ЦВПК. В 1917 г. во Временном правительстве занимал посты министра финансов, министра иностранных дел, зам. министра-председателя. После ареста в дни Октябрьского переворота был освобожден и эмигрировал. За границей занимался финансовой и предпринимательской деятельностью. Умер в Монако.

⁵⁰ Известия. 1917. 2 марта. Примеру Милукова, так лицемерно расхваливавшего Керенского, вскоре последовал и многолетний заместитель председателя ЦК партии кадетов врач Н.М. Кишкин, ставший комиссаром Временного правительства по Москве. Он говорил: «...Если бы не Керенский, то не было бы того, что мы имеем. Золотыми буквами будет написано его имя на скрижалях Истории» (*Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 139).

⁵¹ Известия. 1917. 3 марта; Речи Керенского к войскам и народу. Пг., 1917. С. 5–8.

⁵² Известия. 1917. 3 марта; Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.

Все министры и Г.Е. Львов должны были получать по 15 тыс. руб. в год и по 6 тыс. руб. на представительские расходы. Керенский и ряд других министров получали также казенные квартиры (см.: *Коваленко Н.А.* Владимир Дмитриевич Набоков. Человек и политик. М., 2002. С. 191).

⁵³ New York Times. 1917. March 25.

⁵⁴ См.: Журналы заседаний Временного правительства. М., 2001. Т. 1. С. 385–386.

⁵⁵ Известия. 1917. 3 и 4 марта; Гражданин министр А.Ф. Керенский. Речи, беседы, письма. М., 1917. С. 10. Ставка Керенского на адвокатов либерально-демократической и социалистической ориентации нашла свое продолжение и после его ухода из Минюста: тремя следующими министрами юстиции стали тоже адвокаты П.Н. Переверзев, А.С. Зарудный и П.Н. Маянтовиич. И эта практика в общем и целом себя оправдала, хотя у Керенского и наблюдалась ярко выраженная гипертрофия достоинства этой профессиональной группы юристов.

⁵⁶ Они выезжали туда за отречением Николая II от престола.

⁵⁷ Вел. кн. М.А. Романов был высокого мнения о Керенском, считая, что он, вероятно, сможет «скрутить массу» (см.: *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 358). В действитель-

ности этого не произошло. Дальнейшая судьба Михаила Романова сложилась трагически: в 1918 г. он был убит большевиками.

⁵⁸ О роли Керенского в переговорах с М.А. Романовым см.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 212–213; *Его же.* Потерянная Россия. М., 2007. С. 491–492; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 468–470; *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 279–302. Активная роль Керенского в решении вопроса о судьбе монархии в России значительно усилила его позиции как внутри Временного правительства, так и среди масс. При этом, как видим, Керенский вел себя по отношению к брату Николая II очень тактично, хотя и твердо. Одно время он был в претензии к старшему брату за то, что тот не предупредил его своевременно о своем намерении отказаться от идеи видеть своего безнадежно больного сына Алексея новым русским царем и решил передать престол М.А. Романову, который до этого был лишен права на престолонаследие из-за своего мorganатического брака. Эта обида оказалась недоразумением, т. к. Николай II послал брату соответствующую телеграмму, но она просто не дошла до адресата. М.А. Романов мало подходил к роли самодержца, вдобавок был очень запуган членами Временного правительства во время встречи на Миллионной и лично уже убедился в крайней рискованности такого эксперимента. Это и привело его к отказу от неожиданно свалившегося на него права на российскую корону.

Глава 5

«Заложник демократии»

Начало министерской карьеры Керенского было необычным. Он нанес 3 марта — после участия во встрече с вел. кн. М.А. Романовым — визит одному из самых известных и уважаемых среди столичных адвокатов П.Н. Карабчевскому, на квартире которого собрались еще около 30 работников петроградской адвокатуры. Хозяин относился к новому министру без особого почтения и отнюдь не считал его талантливым юристом, но по воле случая именно Карабчевский стал тем человеком, на авторитет которого Керенский расчетливо сделал главную ставку, устанавливая свои первые после революции контакты с коллегами по профессии¹. Поэтому новый министр был очень демократичен, предельно вежлив и даже мил: в начале и в конце встречи он перецеловался с каждым из приглашенных, шутил и откровенно отвечал на их вопросы и, прежде всего, на вопрос о судьбе Николая II. Керенский сказал, что 2–3 жертвы будут, пожалуй, необходимы, и сделал при этом красноречивый жест, проведя пальцем левой руки по горлу и затем энергично подняв его вверх, что означало повешение бывшего царя. Однако сам Карабчевский и другие участники встречи энергично запротестовали против этого и стали убеждать Керенского не применять смертную казнь, на что тот вдруг ответил: «Да, да. Бескровная революция — это была моя всегдашняя мечта».

Центральное место в ходе дальнейшей беседы заняли кадровые вопросы, связанные с Минюстом. Керенский отверг предложения назначить товарищами (заместителями) министра известных адвокатов кадета Н.В. Тесленко и члена ЦК партии энесов масона М.В. Беренштама, отдав предпочтение участнику встречи, более бесцветному и послушному энесу А.А. Демьянову². Поделился Керенский с собравшимися и ближайшими планами работы министерства: речь шла о декретах, связанных с гражданским равноправием евреев и женщин и созданием Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) для подготовки к преданию суду бывших царских министров и высших сановников старого режима³, а также ряда комиссий для пересмотра законов царского времени. Перед отъездом, уже на улице, стоя в автомобиле, Керенский произнес краткую речь перед прохожими, дворниками и прислугой из ближайших домов, назвав всех их «товарищами»⁴. Так рождалась новая, сугубо демократичная манера общения Керенского

с людьми независимо от их сословной принадлежности и культурно-образовательного уровня, что, по его мнению, было очень важно для завоевания Временным правительством в целом и им лично авторитета и популярности в народе.

В тот же день, 3 марта, приказом Керенского в Петрограде были созданы временные революционные суды-«тройки» по уголовным делам в составе судьи, солдата и рабочего с равными правами, причем все вопросы они решали простым большинством голосов⁵. Эти суды должны были разбирать конфликты между солдатами, населением и рабочими, которые возникали в результате пьяных драк, в ходе торговли солдатами награбленными ими в дни революции вещами и т. д.⁶ Эти суды просуществовали до середины 1917 г.

Свое первое посещение здания Минюста на Екатерининской ул. Керенский начал 4 марта... с рукопожатия министерскому швейцару. Тот от неожиданности даже отпустил распахнутую им перед министром дверь, и она с шумом захлопнулась прямо перед его носом⁷. По распоряжению Керенского из всех помещений министерства вынесли царские портреты, чиновникам запретили впредь надевать ордена и другие знаки отличия старого режима. Зато в комнатах, содержащихся раньше в образцовом порядке, стало довольно грязно от многочисленных посетителей, а развешанные в ряде мест и быстро загрязнившиеся красные революционные полотнища придавали теперь министерским апартаментам довольно неряшливый вид.

Очень характерен для начального периода министерской карьеры Керенского и эпизод, связанный с его приездом 5 марта в Зимний дворец⁸. По пути к Дворцовой площади в открытом автомобиле сидевший рядом с шофером солдат вдруг попросил остановить машину, чтобы купить газету. Это просто взбесило Керенского, приказавшего ехать дальше, не дожидаясь его возвращения. «Пусть он пешком идет», — добавил министр, давая тем самым понять, что свобода и равенство — это вовсе не распущенность. Когда дворцовые служители попытались назвать нового министра «Ваше превосходительство», Керенский сразу же поправил их, сказав, что к нему нужно обращаться как к «господину министру». Он осмотрел ряд покоев дворца, проявил интерес к императорским регалиям, а в одном из залов ему показали окно, стекло которого было пробито пулей еще в дни февральского переворота. В тронном зале, взойдя на ступени, ведущие к трону, Керенский поблагодарил всех служителей за то, что в дни революции они сберегли Зимний в целостности и сохранности⁹. На обратном пути прохожие узнавали Керенского и кланялись ему¹⁰.

Власть, к которой Керенский впервые в жизни приобрелся в марте 1917 г., сначала буквально опьяняла его, поднимала настроение, придавала уверенность в своих действиях, повышала работоспособ-

ность. Мощная волна революционно-демократической эйфории, нахлынувшая весной того памятного года на Россию, накрыла его с головой. Это было поистине неповторимое время. Ощущение невиданной прежде свободы, иллюзия всеобщего равенства и братства, стремление поскорее покончить с остатками царского режима и его историческим наследием — все это стало для Керенского и могучим стимулятором его профессиональной деятельности. Он работал легко, увлеченно и даже как-то весело. Для людей типа Керенского одна возможность командовать, не говоря уже о сыпавшихся на него со всех сторон часто искренних, но не менее часто и откровенно льстивых, заискивающих похвалах, просто окрыляла его. Вдобавок новый министр мог теперь окружать себя близкими по духу и взглядам людьми, открыв зеленую улицу для карьерного роста таким же молодым, как и он сам, адвокатам, что дало повод острословам из Минюста с усмешкой говорить об установленной Керенским «диктатуре адвокатуры». И пусть эта молодежь — как и он сам — не всегда имела необходимые юридические знания и опыт в «технике» министерской работы, но это во многом искупалось ее молодым задором и искренним демократизмом. Да и в личной жизни, порвав связи с женой, которую он называл уже «ходячей панихидой», Керенский тоже наслаждался свободой и мог отдаваться новым чувствам и увлечениям. По признанию самого Керенского, первые два месяца министерской карьеры стали одним из самых светлых периодов в его жизни, тем более что он своими глазами видел, как могут работать люди, которые отреклись от прошлого и для которых благо России было теперь превыше всего. Позже, добавлял он, этот подъем прошел. Прошел и у него самого, и у многих его соратников¹¹, но пока в работе Минюста и его руководителя были очень неплохие результаты.

Рабочий день нового министра начинался довольно рано. Керенский пользовался теперь служебной квартирой в здании Минюста на Екатерининской улице и уже в 8 часов утра мог принимать там своих сотрудников. Вечерами же он часто засиживался в своем служебном кабинете даже за полночь¹². Знаменитыми стали и многолюдные завтраки в министерской служебной квартире Керенского, часто превращавшиеся в нечто среднее между производственными совещаниями и политическими дискуссиями. По утрам министр заслушивал также обзоры печати, для подготовки которых в Минюсте был даже создан особый отдел, который быстро исчез, однако, после переходе Керенского на другую работу в мае 1917 г. Естественно, в Министерстве юстиции, как и в других ведомствах, происходила весной 1917 г. «чистка» чиновничьего аппарата, поскольку для многих его ветеранов Керенский был «до дикости чужим»¹³, как чужими были ему и они сами, однако и здесь новый министр все же знал меру¹⁴.

При этом деятельность Керенского-министра в марте–апреле 1917 г. отнюдь не ограничивалась только работой в Минюсте. Его импульсивная, непоседливая натура просто требовала перемены занятий и места работы, а роль единственного социалиста в составе правительства обязывала всегда быть не просто в курсе важнейших событий, но и активно в них участвовать независимо от того, касалось ли это его прямо как министра юстиции или нет. Так, Керенский не только аккуратно участвовал в заседаниях Временного правительства, которые происходили тогда очень часто¹⁵, но и выступал на массовых митингах¹⁶, выезжал в другие города¹⁷, встречался с иностранными дипломатами, считавшими его одним из ключевых и притом самым демократичным членом правительства¹⁸. Что касается журналистов, то они следили буквально за каждым шагом Керенского, называя его в своих материалах «народным министром», «министром правды», «первой любовью революции» и т. д. и создавая тем самым нечто вроде культа личности своего нового кумира.

Что же конкретно было в активе Керенского как руководителя Минюста весной 1917 г.? 6 марта появился указ Временного правительства об амнистии всем политическим заключенным¹⁹. Как было сказано в его преамбуле, это было сделано во имя исторической справедливости и в знак полного торжества нового порядка, в основе которого лежат право и свобода. Правда, и в этом, безусловно ожидаемом обществом документе был один «прокол», связанный с амнистией провокаторов, но в царившей тогда спешке разобраться в этом сложном вопросе было довольно трудно. Что касается уголовников, то им 17 марта были сокращены сроки тюремного заключения, а смертные приговоры заменены 15 годами исправительных работ²⁰. К сожалению, при этом второпях выпустили на свободу и матерых рецидивистов (их тогда даже прозвали в шутку «птенцами Керенского»), так что в итоге уровень преступности в России весной 1917 г. заметно возрос²¹. В тюремной практике были упразднены кандалы и темные карцеры, поставлен крест на ненавистной многим революционерам сибирской ссылке, через которую прошли тысячи политических противников самодержавия.

10 марта был ликвидирован и один из самых мрачных символов царизма — Департамент полиции МВД, который часто со смесью презрения и страха называли «охранкой». Еще 2 марта Керенский поручил академику Н.А. Котляревскому вывезти оттуда все документы, имеющие ценность для истории революции²². Для приведения их в порядок после перевозки в подвал Минюста была создана специальная комиссия, главными экспертами которой стали историк П.Е. Щеголев и известный «охотник за провокаторами» В.Л. Бурцев. Историки до сих пор должны быть благодарны Керенскому, ибо

во многом благодаря именно его усилиям они смогли позже существенно дополнить и уточнить картину революционного движения в России конца XIX — начала XX в., хотя полицейская документация, безусловно, нуждается в проверке и перепроверке на основании других исторических источников.

12 марта в России была отменена смертная казнь, причем и тогда (как и теперь) были те, кто предлагал не делать этого, а просто чаще применять помилование в отношении заслуживающих эту меру наказания заключенных. Но Керенский сумел настоять на своем. Большим и долгожданным событием стала отмена 20 марта всех ограничений на религиозной и национальной почве, включая «черту оседлости» для евреев и процентную норму при приеме их детей в учебные заведения. Временное правительство не принимало специального решения о равноправии женщин, но уже в марте разъяснило, что под всеобщим голосованием подразумевается голосование без различия пола. 12 апреля был принят закон о свободе собраний, а также создания различных обществ и союзов, 17 апреля — об организации вместо царской полиции милиции, а 27 апреля — о свободе печати, которая фактически уже осуществлялась на практике с первых же дней революции. Была отменена предварительная и карательная цензура (при сохранении цензуры военной)²³.

Постепенно, однако, внимание Керенского стало переключаться на другие проблемы, и в деятельности созданных при Минюсте нескольких юридических комиссий он уже активного участия не принимал. Но были у него и свои неожиданные и прочные увлечения. Никто не предполагал, в частности, что Керенский так ответственно отнесется к своим обязанностям по наблюдению за высокопоставленными арестантами, включая царскую семью. Так, 9 марта он побывал в Петропавловской крепости, где живо интересовался судьбой бывших крупных сановников Российской империи. Министр юстиции проинформировал их о предстоящей отмене в России смертной казни и сообщил, что судить их будет суд присяжных. Арестантам был предоставлен ряд льгот (они находились в камерах в собственной одежде, получали продукты из дома, имели свидания с родными). Есть данные, что Керенский лично допрашивал в тот день бывшего министра внутренних дел Протопопова, которого многие депутаты Государственной думы считали перебежчиком в лагерь реакции и особенно презирали как «изменника» Прогрессивному блоку. С ним Керенский предпочитал не церемониться и вел допрос в грубой, даже издевательской манере²⁴.

Следующий раз Керенский приезжал в крепость 22 марта, чтобы разобраться в произошедшем там инциденте, в ходе которого в Трубецкой бастион ворвались революционно настроенные солдаты и

охранники, решившие самочинно ужесточить условия содержания бывших «хозяев» империи. Керенский осудил имевшие при этом место акты насилия над заключенными, наказал виновных, но одновременно отменил и прежние льготы арестантам, причем перевел всех на питание из «солдатского котла»²⁵. В дальнейшем Керенский продолжал следить за тем, как идет жизнь в крепости, в том числе и за медицинским обслуживанием заключенных²⁶.

К 25 октября 1917 г. из 37 высокопоставленных арестантов в Петропавловской крепости оставались только трое — Сухомлинов, Щегловитов и бывший директор Департамента полиции С.П. Белецкий. Работа ЧСК под руководством Муравьева показала, что предъявить освобожденным к тому времени (под домашний арест или переведенным в тюремную больницу) более 30 арестантам каких-либо серьезных личных обвинений в сознательном нарушении закона нельзя. В 1918 г. ВЧК приказала тем не менее расстрелять без суда Протопопова, Н.А. Маклакова, Щегловитова и Белецкого²⁷.

Но самыми важными узниками революции были, конечно, Николай II, его жена и пятеро детей. С арестом последнего царя революционеры несколько подзадержались, т. к. события конца февраля в Петрограде застали Николая II вдали от столицы, в могилевской Ставке. Отсюда 28 февраля, когда революция в столице уже победила, последний русский царь сделал попытку прорваться по железной дороге к семье в Царское Село, но его поезд застрял в Пскове, где он и подписал 2 марта акт об отречении от престола. 4 марта бывший царь, который все еще находился на свободе и вернулся в Могилев²⁸, уведомил Петроград, что он и его семья хотели бы выехать к своим родственникам в Англию²⁹, а после окончания войны возвратиться в Россию и жить в Ливадийском дворце близ Ялты в качестве частных лиц.

Как уже упоминалось выше, Временное правительство еще на первом своем заседании 2 марта приняло довольно либеральное решение о дальнейшей судьбе царской семьи. И хотя Керенский на встрече у Карабчевского с коллегами-адвокатами 3 марта и развивал в отношении Николая II весьма воинственные планы, он быстро пошел затем на попятный и 7 марта, находясь в Москве, уже заявил, что готов лично сопровождать семью бывшего царя до Мурманска, откуда она морем проследует в Англию. При этом Керенский добавил, что никогда не станет «Маратом русской революции» и не позволит запятнать ее кровью³⁰. Однако тут Петросовет принял решение об аресте Николая II и членов его семьи³¹, причем Временное правительство вынуждено было 7 марта с этим согласиться³². 8 марта была арестована бывшая императрица, а на следующий день, по возвращении в Царское Село, и Николай II. К этому следует добавить, что в любом

случае отъезд царской семьи в Англию был бы задержан из-за болезни корью детей бывшего монарха.

Естественно, в начале марта через английского посла в Петрограде Д. Бьюкенена был сделан и соответствующий запрос британскому правительству, которое 10 марта дало положительный ответ по поводу возможности приезда Николая II и всех членов его семьи в Англию. Однако затем король Георг V под давлением английской общественности и Палаты общин взял свое согласие на приезд русских родственников назад³³. Англичане уже не захотели вступать по этому поводу в конфликт с Временным правительством и демократическими силами России, которая была остро нужна союзникам по Антанте для продолжения войны с Германией. Это обстоятельство и сыграло далеко не последнюю роль в дальнейшей трагической судьбе Николая II, его жены и детей.

Керенский до последней возможности откладывал свой инспекторский визит в Царское Село, где находилась под стражей царская семья, но 21 марта он наконец все же состоялся³⁴. Результаты этого свидания буквально ошеломили министра юстиции: Керенский вдруг убедился, что у него нет больше прежней ненависти к этому тихому, обезоруживающе обаятельному и хорошо воспитанному человеку, который (и это в его-то положении!) даже пожелал ему успеха в новой работе на столь ответственном министерском посту. Его поразило также фатализм Николая, не обнаруживавшего никакого желания бороться за упущенную власть, его покорность судьбе и то, что он ушел в новую для него, сугубо частную жизнь даже с каким-то внутренним облегчением. Поразило и то, что бывший царь не хотел вспоминать о прошлом и говорить о людях, которые фактически предали его весной 1917 г.

Чувствовалось, что визит в Царское Село дался Керенскому нелегко. Он первым подал Николаю руку и назвал себя, разыграв перед бывшей венценосной четой (Александра Федоровна, в противоположность мужу, показалась Керенскому надменной, замкнутой в своей великой гордыне и целиком ушедшей в себя) некий спектакль под названием «Революция не мстит своим поверженным врагам». Держал себя Керенский при этом достаточно умно: был сдержан, тактичен, немногословен, но в то же время четко давал понять, что хозяин в Царском Селе теперь он. Так, Керенский приказал арестовать и увез в Петроград близкую подругу Александры Федоровны Анну Вырубову, которую там поместили в Петропавловскую крепость³⁵. Характерно, что после своей поездки в Царское Село 21 марта Керенский в порыве откровенности признался сенатору Завадскому, что «Николай II далеко не глуп вопреки тому, что мы о нем думали»³⁶.

В дальнейшем Керенский еще не раз выезжал в Царское³⁷. Так, в апреле ЧСК под руководством Муравьева провела короткое расследование о возможной связи А.Ф. Романовой с немцами, не давшее никаких конкретных результатов, причем 16 апреля Керенский лично, но опять совершенно безрезультатно беседовал по этому же поводу с обоими супругами Романовыми³⁸. Когда в мае на конференции делегатов-фронтовиков была принята резолюция с требованием перевести Николая II в Петропавловскую крепость, а в Петро-совеце возник план перевода царской семьи даже в революционный Кронштадт, причем утверждалось, что «цари» живут в Царском Селе слишком «вольготно», Керенский решительно воспротивился этому, оставив режим содержания высоких узников без изменения³⁹.

Несколько забегаая вперед, скажем здесь, что после июльских событий 1917 г. в Петрограде у Временного правительства возникла идея отправить царскую семью подальше от столицы, в далекий и тихий сибирский город Тобольск. При этом члены правительства, с одной стороны, боялись расправы с царем и его близкими со стороны народа, подогретого агитацией революционеров, а с другой — опасались возникновения контрреволюционных заговоров монархистов с целью освобождения Николая II. Поэтому уже 11 июля Керенский обсудил эту ситуацию с Николаем II и не встретил с его стороны никаких возражений⁴⁰. А накануне отъезда семьи Романовых в Тобольск, поздно вечером 31 июля, Керенский сам приехал в Царское Село, чтобы лично проконтролировать эту акцию.

Последние часы перед отходом специального поезда были отмечены неразберихой и непредвиденными задержками по вине властей. Из родных Николая II, его жену и детей провожал только М.А. Романов, причем присутствовавший при этом Керенский сократил свидание братьев до минимума. На прощание премьер поцеловал Александре Федоровне руку, а Николаю сказал: «До свидания, ваше величество. Я придерживаюсь пока старого титула»⁴¹. Спецпоезд покинул Царское Село только в 6 час. утра 1 августа. К дальнейшей судьбе семьи Романовых Керенский никакого отношения уже не имел, опубликовав позже за границей книгу «Правда об убийстве Романовых»⁴².

Говоря о работе Керенского во Временном правительстве, нельзя забывать, что он никогда не ограничивался исполнением своих прямых служебных обязанностей. Будучи в марте–апреле 1917 г. в правительственной коллегии единственным радикальным демократом социалистической ориентации, он стремился с самого начала держать в поле зрения и активно вмешиваться в решение всех стоявших на повестке дня вопросов и постоянно напоминал своим коллегам по кабинету министров, что своим рождением Временное правительство обязано революции и должно помнить об интересах народа. Поэтому

не удивительно, что Керенский живо интересовался и работой Военного министерства, в частности взаимоотношениями Гучкова с высшим генералитетом⁴³, и внешней политикой новой революционной власти, которую в значительной мере определял тогда руководитель МИД, его давний соперник и недоброжелатель еще с думских времен Милюков.

Два бывших лидера думских оппозиционных фракций Милюков и Керенский, став 2 марта 1917 г. министрами Временного правительства, с трудом уживались там друг с другом. Спокойный, респектабельный, уверенный в себе и широко эрудированный руководитель конституционно-демократической партии Милюков был твердо убежден, что Февральская революция дальше утверждения в России конституционно-парламентской монархии идти не должна. И пусть все его попытки выполнить желание Николая II увидеть на царском троне своего брата Михаила закончились 3 марта провалом, но расставаться с имперским стилем мышления и культом российского великодержавия на международной арене Милюков явно не собирался.

Республиканец же и социалист Керенский во многих отношениях был прямой противоположностью Милюкову и как государственный деятель, и как человек. По-разному виделась им и внешняя политика Временного правительства. Милюков ратовал за продолжение войны до полной победы стран Антанты, включая и Россию, мечтая увидеть ее вдобавок и хозяйкой Босфора и Дарданелл — этих ключей от Черного моря, столь нужного нашей стране и в экономическом, и в военно-стратегическом отношениях. Керенский же твердо стоял за отказ всех участников войны от любых территориальных аннексий и контрибуций и за скорейшее заключение всеобщего демократического мира. Но он признавал необходимость до этого момента защищать завоеванную его страной в ходе Февральской революции свободу и демократию, а также территориальную целостность Российского государства от внешнего врага, решительно выступая против заключения сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией в ущерб интересам союзников по Антанте.

Желание Керенского продолжать войну объяснялось прежде всего глубоким убеждением, что это поможет сплотить россиян, а победа новой, демократической России над германской и австро-венгерской монархиями продемонстрирует перед всем миром, какие чудеса может творить революция, особенно если учесть, что царизм позорно провалился на попрание защиты страны от внешнего врага. Кроме того, он считал, что распад России на отдельные национальные государства без крайней нужды нежелателен.

Добавим к этому, что повышенный интерес Керенского к внешнеполитической сфере деятельности Временного правительства подогревался не только его давней враждой с Милюковым и отрицательным отношением к великодержавным милитаристским планам последнего, но и очень сочувственным отношением лично к нему послов стран Антанты в Петрограде⁴⁴. Возможно, имели место и обращения французских масонов к их русскому «брату» Керенскому с просьбой содействовать продолжению участия России в войне, хотя прямых подтверждений этого у нас и нет. Впрочем, в апреле-июне 1917 г. Керенский действительно очень интенсивно, как мы увидим ниже, общался со своим коллегой, французским масоном-социалистом А. Тома.

Уже 4 марта 1917 г. в своей первой инструкции российским дипломатическим представителям за границей Милюков выразил твердую решимость Временного правительства соблюдать прежние международные обязательства царского правительства и продолжать войну до победного конца с еще большей настойчивостью и энтузиазмом, чем прежде⁴⁵. Те же тезисы вошли и в обращение Временного правительства к населению России от 7 марта⁴⁶, и в интервью Милюкова, данное им петроградским и московским журналистам 9 марта. При этом Керенский хранил молчание и еще никак не обнаруживал своих разногласий с Милюковым, хотя его собственная позиция по вопросам войны и мира была гораздо ближе к позиции Петросовета, нашедшей выражение в обращении последнего «К народам мира» от 14 марта 1917 г.⁴⁷

В нем говорилось, что «наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» и что задача состоит в заключении *всеми воюющими странами мира без аннексий и контрибуций*. До этого же момента трудящиеся России должны стойко защищать завоеванную Февральской революцией свободу «от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне». Финальный аккорд этого документа звучал как торжественное обещание российской демократии не отступать перед штыками завоевателей и не дать раздавить себя внешней военной силе.

В Петросовете ожидали, что Милюков посчитается с его внешнеполитической программой, но этого не произошло. 22 марта он дал журналистам пространное интервью с разъяснением основ внешней политики Временного правительства⁴⁸, связав окончание мировой войны с решением таких кардинальных и прогрессивных задач, как объединение всех итальянских и румынских земель, образование Чехословацкого и Сербо-Хорватского государств, слияние западноукраинских земель, входящих в состав Австро-Венгрии, с Россией, раздел Турции и освобождение арабов, сирийцев и армян от турец-

кого ига. Коснулся Милюков и такого важного вопроса, как судьба Черноморских проливов. Его явно не устраивала их нейтрализация, за которую выступал Керенский⁴⁹, поскольку Проливы являются для России «ключами от российского дома» и поэтому, как и Константинополь, *должны принадлежать именно ей*⁵⁰.

Интервью Милюкова своей воинственностью решительно не устроило ни Исполком Петросовета, ни Керенского, который прямо на заседании правительства устроил Милюкову настоящий скандал. В своей обычной манере он похотывал и кричал, что при царе у министра иностранных дел никогда не было какой-то отдельной, персональной внешней политики, а была только внешняя политика царя. Теперь, продолжал Керенский, последнего заменило Временное правительство, и Милюков может выражать только его коллективную точку зрения. После этого министр юстиции пулей вылетел из зала заседаний, и вернуть его назад никому не удалось⁵¹.

Естественно, Милюков тут же попробовал оправдаться, заявив, что проводит именно политику Временного правительства, а если в этом у кого-то из министров есть сомнения, то пусть ему на это прямо и укажут. Однако глава кабинета «миротворец» кн. Львов, увидев, что Керенского поддерживают его «братья-масоны» Терещенко и Некрасов, решил успокоить министра иностранных дел, сказав, что тот, конечно же, проводит внешнюю политику правительства, но на будущее следует принять за правило, что никаких самостоятельных интервью по внешнеполитическим вопросам министрам давать не следует. Милюкова обязали также как можно скорее сделать доклад правительству о нынешнем международном положении России и о заключенных ею прежде тайных договорах с другими державами. Что касается Керенского, то он, по выражению Набокова, «спасовал» и не стал пока раздувать конфликт, хотя, конечно же, о нем и не забыл⁵².

Но успокоить Исполком Петросовета оказалось совсем не так легко, как Милюкова и Керенского. В итоге было решено подготовить новую правительственную декларацию, которая датировалась 27 марта и была опубликована на следующий день под заголовком «Заявление Временного правительства о военном положении и целях войны»⁵³. В ней вновь подчеркивалось, что «оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достоинства и избавление страны от вторгшегося в наши пределы врага — первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа». Вместе с тем в декларации торжественно объявлялось: «...Цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней

мощи своей за счет других народов, он не ставит своею целью ничего порабощения и унижения».

Таким образом, составители декларации — а ими были «контактная комиссия» Петросовета⁵⁴ и члены Временного правительства — счастливо избежали столь ненавистных Милюкову слов «мир без аннексий и контрибуций», выразив, однако, их смысл косвенным, описательным образом. Зато в тексте документа вновь появилось старое положение Милюкова о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». Тем не менее подписать эту декларацию вместе с Г.Е. Львовым Милюков все же категорически отказался, хотя Керенский и не имел к ее составлению прямого отношения⁵⁵. Однако пронизательным наблюдателям было уже ясно, что «рано или поздно — скорее рано, чем поздно, — искусственная комбинация “Керенский — Милюков” должна будет разрушиться»⁵⁶, тем более что в последнюю минуту министр иностранных дел все же выторговал себе у Львова право в случае необходимости толковать декларацию 27 марта по-своему⁵⁷.

Что касается Керенского, то как раз в то время ему пришлось защищаться от серьезной критики в свой адрес, связанной с демонстративным манкированием им своими обязанностями как одного из руководителей Петросовета. Сразу же скажем, что он, несомненно, совершил серьезную ошибку, не балуя после Февральской революции столичный Совет не только активным участием в его работе, но даже простым посещением заседаний этого важного революционно-демократического органа. В итоге 23 марта Исполком Петросовета решил включить в повестку дня своего следующего заседания вопрос об «урегулировании отношений с Керенским»⁵⁸. Последнего, в частности, обвиняли в неоправданной снисходительности к одному из участников убийства Распутина вел. кн. Д.П. Романову (его еще при царе отправили на службу в российские войска на территории Персии и не подвергали аресту) и к генералу Н.И. Иванову (он был направлен Николаем II в конце февраля 1917 г. с войсками в Петроград для подавления революции, но арестован там, заключен в Петропавловскую крепость, а затем по состоянию здоровья освобожден под подписку о невыезде). Говорили и о том, что Керенский слишком мягко относится к бывшему царю и его семье.

Эти обвинения больно ударили по самолюбию министра юстиции, поставив под сомнение его преданность революции и идеалам демократии. Поэтому 26 марта Керенский приехал в Петросовет и появился на заседании его солдатской секции, памятуя о том, что в знаменательный для него день 2 марта 1917 г. во многом именно голоса революционных солдат и матросов как бы узаконили запрещенное ему Исполкомом Петросовета вступление в состав Временного

правительства. И он опять не ошибся, поскольку для членов солдатской секции Совета министр юстиции был гораздо более «своим», чем для эсеро-меньшевистского руководства Исполкома. Ведь оно считало Керенского «самочинным» эсером и хорошо помнило, что после 1905 г. он никогда не подвергался больше репрессиям со стороны царских властей, а его «социализм» носил, в сущности, чисто декларативный характер.

Появившегося в Таврическом дворце в простой черной рабочей куртке Керенского опять встретили там овацией. Министр объявил, что причиной его длительного отсутствия в Петросовете была занятость работой в правительстве (он сказал, что регулярно ложится спать не раньше 4 часов утра). Свою же мягкость в отношении Д.П. Романова и Н.И. Иванова Керенский мотивировал тем, что первый освободил Россию от Распутина, а второй действительно тяжело болен. Царская же семья находится под арестом в Царском Селе, и он как министр юстиции строго контролирует условия их жизни и охраны. После этого под гром аплодисментов Керенский с пафосом заявил: «Я не уйду с этого (т. е. министерского. — С.Т.) места, пока не закреплю уверенности, что никакого строя, кроме демократической республики, в России не будет». А дальше, явно играя на чувствах аудитории, он сказал: «Товарищи солдаты, во всем мире теперь нет такой свободной армии, как русская. Русский солдат — теперь свободный гражданин и имеет право входить в организации... Завтра, 27 марта, ровно месяц исполняется с того момента, как я ввел первую часть революционных войск в Таврический дворец и поставил почетный караул. Я вошел в кабинет Временного правительства как представитель ваших интересов. И Временное правительство к вашему голосу прислушивается».

Не мог не коснуться Керенский и самого больного в солдатской аудитории вопроса о продолжении войны. По его словам, для защиты России и ее нового, демократического строя это просто необходимо, но при этом Временное правительство отказывается от любых аннексий и завоевательных целей царизма. В заключение Керенский сказал: «Я работаю из последних сил, пока мне доверяют и пока со мною откровенны... Если вы хотите, я буду с вами работать, если не хотите, я уйду. Я хочу знать, верите ли вы мне или нет, иначе работать с вами я не могу». Последние слова оратор произнес, повысив голос и с особым ударением. В ответ Керенский услышал то, что хотел: «Просим, просим, работайте с нами, мы вам верим... Вся многомиллионная армия вам верит, Александр Федорович».

Но тут у Керенского закружилась голова, и он вынужден был сесть и выпить воды, а придя в себя сказал: «Я больше чем удовлетворен тем, что здесь было. До последних сил я буду работать для вашего

блага. Если будут сомнения, днем и ночью придите ко мне, и мы с вами сговоримся»⁵⁹. Отчет об этом собрании, напечатанный 27 марта в меньшевистской «Рабочей газете», заканчивался следующими словами репортера: «А.Ф. Керенского под гром приветствий подхватывают на руки и на стуле выносят из зала».

Поистине поражает сходство примененных Керенским 2 и 26 марта в Петросовете приемов контакта с аудиторией: игра в простоту; искренний и доверительный тон общения с аудиторией; решительная постановка вопроса о доверии ему как вождю; жалобы на то, что ему приходится работать, как говорится, «на износ»; напоминание слушателям о чрезвычайной важности для народа той работы, которую он, Керенский, не жалея себя, ведет; наконец заверения в том, что он по-прежнему представляет в правительстве интересы простого народа. Таким образом, Керенский в обоих случаях выступал как актер, в общем и целом откровенно дурачащий «темную» аудиторию и пользующийся ее безграничным доверием для необходимого ему самооправдания. Я бы поостерегся назвать эту игру очень талантливой, но так или иначе, успеха Керенский снова добился.

Чтобы закрепить его, министр на следующий же день, 27 марта появился на заседании Исполкома Петросовета. Здесь его атаковали большевик П.А. Залуцкий, межрайонец К.К. Юренев и меньшевик Б.О. Богданов, говорившие об отрыве Керенского от работы Совета, слишком большой самостоятельности в правительстве и недопустимости апелляции к массам в той форме, как это сделал Керенский («Политика — не истерия», — сказал Юренев). В более примирительном тоне говорили бывший трудовик Станкевич, меньшевики Церетели и лидер рабочей группы ЦВПК Гвоздев. В итоге было принято предложение Церетели: «Поручить бюро (Исполкома. — С.Т.) выработать совместно с Керенским форму установления взаимного контакта»⁶⁰. Тем самым ситуация на время как будто разрядилась, хотя дальнейшие события показали, что по-настоящему налаживать контакты с советскими органами Керенский не собирается.

Этот эпизод, а также вся предшествующая и последующая история взаимоотношений Керенского с Петросоветом, а затем с ВЦИК Советов свидетельствует о том, что он в полной мере так и не осознал значения и последствий закономерного в условиях России 1917 г. возникновения феномена двоевластия в результате свержения царизма. Поэтому советская система и не стала для него полноправным политическим партнером, с которым он должен был всерьез и постоянно считаться в своей правительственной деятельности. Отсюда проистекала и фетишизация власти Временного правительства, и недооценка роли Советов, и достаточно легкомысленное отношение

к собственному участию в работе Петросовета, который рассматривался Керенским как нечто второстепенное и чуть ли не случайное.

Дело в том, что он разделял тогда тот в корне ошибочный взгляд, согласно которому власть Временного правительства всемогуща, и вся страна слушается его приказов⁶¹, хотя в реальной действительности, в обстановке той «Красной смуты», в которой жила тогда Россия, как раз этого-то и не было. Поэтому в дальнейшем Керенскому пришлось заплатить очень дорогую и в значительной мере стоившую ему всей его карьеры цену за нежелание и неумение как-то совместить свои обязанности, связанные с работой в правительстве, с участием в работе органов советской власти, где его роль оказалась чисто номинальной. При этом роковой конфликт Керенского с советской системой шел по нарастающей и осенью 1917 г. принял поистине катастрофический для него характер. Но и советские меньшевистско-эсеровские лидеры, в свою очередь, тоже не вполне понимали значение двоевластия для жизни страны, безосновательно прощали Керенскому его пренебрежительное отношение к Советам и тем самым еще больше развращали самоуверенного и самовлюбленного министра. Говори они с ним более требовательно и жестко, результат для обеих сторон мог бы быть в значительной мере иным.

В начале апреля Петроград принимал делегации французских социалистов (М. Муте, Э. Лафон и М. Кашен) и английских лейбористов (Д. О'Греди, У. Сандерс и В. Торн), которые выезжали затем по России, посещали местные Советы, военные предприятия и фронтовые воинские части. 5 апреля Временное правительство устроило прием в их честь, на котором получила свое продолжение дуэль между Керенским и Милюковым. Первый говорил о скором осуществлении великой мечты о братстве всех народов мира и отказе России от всяких империалистических устремлений, а второй — о твердом намерении России уничтожить германский милитаризм⁶². И поскольку целью делегаций западноевропейских социалистов было, насколько возможно, повлиять на решимость Временного правительства продолжать войну, то речь Милюкова, конечно, понравилась им гораздо больше речи Керенского. При этом пикантность ситуации заключалась в том, что речь Керенского, не знавшего английского языка, переводил не кто иной, как Милюков!

Зато картина радикально изменилась, когда 9 апреля в Петроград прибыл французский министр вооружений, более гибкий и прагматичный социалист, а к тому же еще и масон 39-летний Альбер Тома⁶³, который и по возрасту, и по характеру, и по мировоззрению был очень близок Керенскому. Вдобавок Тома быстро встал на сторону последнего в конфликте с Милюковым. В результате между Тома и Керенским сразу же сложились доверительные, почти дружеские от-

ношения, причем на остроумного и легкого в общении француза при первой же их личной встрече 11 апреля русский коллега произвел весьма благоприятное впечатление не только сходством взглядов и их аргументации, но и неким «пылом», с которым Керенский агитировал его за свою антимиллюковскую позицию. Не случайно в дневнике французского посла в Петрограде М. Палеолога (его отставка, правда, была тогда уже предрешена) появилась со ссылкой на Миллюкова запись от 13 апреля, где говорилось, что Керенский будто бы хвастался в Петросовете полной солидарностью с Тома («Я обратил его в свою веру»), добавив при этом, что считает себя теперь «единственным хозяином» русской внешней политики⁶⁴.

Как раз 11 апреля на заседание Временного правительства явились члены «контактной комиссии» Петросовета, а также возвратившийся из-за границы лидер эсеров В.М. Чернов, который и поставил перед министрами вопрос о том, чтобы содержание правительственной декларации 27 марта ввиду ее принципиальной важности было обязательно доведено до сведения руководителей стран Антанты в сопровождении специальной ноты МИД России⁶⁵. Предложение было принято, и Миллюкову поручили подготовить текст этого документа. При этом на следующий день, 12 апреля за обедом в английском посольстве Керенский, вполне одобрявший эту идею, сказал Тома, что союзные правительства рискуют потерять всякий кредит доверия в глазах русской демократии, если вслед за Россией публично не откажутся от аннексий и контрибуций, с чем его французский собеседник тоже согласился⁶⁶.

Однако Миллюков вновь решил показать характер и воздержаться от подобного шага, мотивируя это опасением, что в Париже и Лондоне заподозрят Россию (в случае отказа французского и английского правительств солидаризироваться с Россией в этом вопросе) в готовности пойти на сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией. И тут Керенский, чувствуя свою силу, пошел на откровенную провокацию и объявил 13 апреля в эсеровской газете «Дело народа», что Миллюков якобы уже готовит ноту, где намерен развить свои взгляды по вопросу о продолжении войны. На следующий день Миллюков через кадетскую «Речь», естественно, опроверг это заявление, поставив тем самым Керенского в довольно неудобное и даже смешное положение. При очередной встрече с Тома последний уже прямо сказал ему, что в настоящий момент наибольшую угрозу для Временного правительства представляют позиция Миллюкова справа и «люди Ленина на крайнем левом фланге»⁶⁷. «Если Миллюков будет продолжать в том же духе, добавил он, то я уйду из правительства, но тогда “все рухнет”»⁶⁸.

Однако к 18 апреля, когда в России, где еще сохранялся старый календарный стиль, впервые открыто и торжественно, вместе с рабочими и социалистическими партиями западных стран отмечался первомайский День международной пролетарской солидарности, Милюков решил не обострять ситуацию и подготовил проект ноты правительством стран Антанты. С утра в тот день в Петрограде проходили многочисленные митинги и грандиозная манифестация на Марсовом поле⁶⁹. Днем Керенский, Чернов, Авксентьев и Брешко-Брешковская были на митинге-концерте в цирке Чинизелли. Керенский произнес там очередную революционную речь, а потом дирижировал хором солдат Волынского полка, исполнившим «Марсельезу» и «Интернационал», причем сам первым запел: «Вставай, проклятием заклейменный, весь мир голодных и рабов...»⁷⁰ А ближе к вечеру 18 апреля на квартире заболевшего военного министра Гучкова прошло двухчасовое заседание Временного правительства, где обсуждался проект подготовленного Милюковым текста российской ноты правительствам стран Антанты.

Сначала он произвел на всех министров, включая и Керенского, впечатление вполне приемлемого документа, хотя там и была любимая фраза Милюкова о намерении России «вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников». Впрочем, будучи большим мастером дипломатической казуистики, министр иностранных дел тут же сопроводил ее формальной отсылкой к декларации Временного правительства от 27 марта. Правда, вскоре Керенский, по воспоминаниям Набокова, «стал придирается к отдельным выражениям, предлагая крайне неудачный вариант; настроение стало портиться, обычный личный антагонизм дал себя почувствовать в повышенном тоне и резких выражениях. Все-таки, в конце концов, удалось обойти разногласия и объединиться на одном тексте...» При этом Керенский не возражал, когда Милюков в конце заседания подчеркнул, что все члены правительства солидарны с данным документом и, значит, берут на себя ответственность за его содержание. Очевидно, писал Набоков, в этом случае здравый смысл и разумное отношение к делу оказались в Керенском сильнее «партийных шор»⁷¹. Возможно, на результаты заседания правительства благотворно повлияли праздничная атмосфера, царившая 18 апреля в городе, сочувствие больному Гучкову и примирительное настроение Милюкова, достаточно искусно составившего текст ноты, но так или иначе, эта необычная встреча министров закончилась вполне благополучно.

В ноте⁷² подчеркивалось, что февральский переворот только усилил в России «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы», и поэтому Временное правительство будет строго соблюдать все обязательства России перед союзниками. Гово-

рилось здесь и о том, что после окончания войны все международные споры будут разрешены «в духе создания прочной основы для длительного мира» и союзные державы найдут способ добиться гарантий и санкций, необходимых для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем (как объяснил в своих воспоминаниях Милюков, упоминание о гарантиях и санкциях было подсказано ему А. Тома)⁷³.

Однако Керенский, видимо, быстро спохватился и понял, что упустил возможность довести до конца свой затянувшийся поединок с Милюковым, который вдруг вновь оказался «на коне». Поэтому на следующий день, 19 апреля на митинге-концерте в Михайловском театре он разыграл очередной спектакль: был грустен, подавлен и теперь уже публично пригрозил своей отставкой. Перед этим Милюков после исполнения 4-й симфонии Чайковского произнес яркую патриотическую речь, которая «зажгла» аудиторию. Керенский же был очень бледен и выглядел явно потерянным. «Никогда я не употреблю силы, чтобы навязать свое мнение.., — сказал он в своей речи. — Когда страна хочет броситься в пропасть, никакая человеческая сила не сможет ей помешать, и тем, кто находится у власти, остается одно — уйти»⁷⁴. Как саркастически заметил по этому поводу в своих воспоминаниях Милюков, это был отработанный Керенским еще 2 марта 1917 г. в Петросовете прием: «Он “уходит” — перед возвышением»⁷⁵. И Милюков оказался прав, ибо Керенский и не думал сдаваться.

В ночь с 19 на 20 апреля собрался Исполком Петросовета, осудивший ноту Милюкова правительствам стран Антанты, но утром 20 апреля она тем не менее появилась в газетах. И тут началось нечто невообразимое. Всю площадь перед резиденцией Временного правительства — Мариинским дворцом (правда, министров в тот день там не было) заполнили солдаты, полные решимости «спасти революцию» от Милюкова. На самодельных транспарантах можно было прочитать: «Долой захватную политику Милюкова!», «В отставку Милюкова и Гучкова!», «Долой Временное правительство!», «Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!» и др. А во второй половине того же дня началась и демонстрация питерских рабочих под лозунгом «Вся власть Советам!»⁷⁶

Ввиду такой чрезвычайной ситуации — первой после исторических февральских дней 1917 г. — экстренно было создано совместное совещание правительства и Исполкома Петросовета, на котором командующий войсками Петроградского военного округа Л.Г. Корнилов⁷⁷ попросил санкционировать его силовые действия по разгону демонстрантов, но получил отказ, причем особенно активно возражали генералу кн. Львов и Керенский. По воспоминаниям тогдашнего командующего Черноморским флотом адмирала А.В. Колчака,

присутствовавшего на этом совещании по своим служебным делам, Керенский говорил примерно следующее: «Наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии, и применять вооруженную силу значило бы вступить на прежний путь насильственной политики, что я считаю невозможным»⁷⁸. В итоге никакого конкретного решения правительством в тот день принято не было. К тому же ближе к вечеру 20 апреля у Марииинского дворца собралась и «чистая публика» с прямо противоположными солдатским «оборонческими» лозунгами: «Война до победного конца!», «Верните Ленина Вильгельму!», «Верим Временному правительству!» и др., что очень воодушевило Милюкова⁷⁹.

В тот же бурный и тревожный день 20 апреля Керенский снова встретился с Альбером Тома. Он повторил, что будущей Российской республике угрожают сторонники Милюкова справа и Ленина — слева. Выходов из создавшегося кризиса министр юстиции видел два: либо обращение Временного правительства за поддержкой к российской провинции, что было бы чревато, по его мнению, усилением анархии, либо радикальное изменение состава кабинета Львова, в котором могли бы остаться сам Керенский в качестве премьера и его «братья-масоны» — Некрасов, Терещенко и Коновалов. Заново войти в него могли также министры-социалисты, включая, возможно, и большевиков. Собеседник Керенского посчитал второй из предложенных сценариев совершенно неприемлемым, поскольку это в корне изменило бы характер существующего в данный момент в России режима. Керенский, в свою очередь, упрекнул Тома за намерение отговорить его от наказания Милюкова, но тот напомнил, что раньше и сам его российский друг хотел сохранить лидера кадетов в составе правительства. В ответ Керенский уточнил, что Милюков и теперь мог бы остаться членом Временного правительства при условии подчинения мнению остальных своих коллег по кабинету министров⁸⁰. Этот до сих пор малоизвестный российским историкам факт говорит о ранних и далеко идущих амбициях Керенского, уже в апреле 1917 г. как бы заглянувшего на три месяца вперед, когда он действительно возглавил второй коалиционный состав Временного правительства.

Таким образом, неверно было бы представлять себе дело так, что Керенский, которого начиная с марта 1917 г. неудержимо нес вперед революционный вихрь, бушевавший над Россией, просто подчинялся стихийному ходу событий. На самом деле он стремился сам подготовить и «организовать» эти события, в полной мере проявляя при этом свое гигантское честолюбие и вполне определенное сознательное стремление не останавливаться на достигнутом и двигаться к вершинам власти, применяя для достижения этой цели любые доступные ему средства. Характерно при этом, что Керенский рассчитывал най-

ти выход из правительственного кризиса без участия народных масс путем простой перестановки фигур внутри правящей элиты. Правда, почувствовав сдержанно-неодобрительную реакцию Тома на свой план радикального обновления состава правительственного кабинета, Керенский не стал настаивать на нем, поняв, что «плод еще не созрел», если не считать увеличения числа министров-социалистов, что и было сделано в начале мая. Затаенные же его мечты о премьерстве так и остались тайной для кн. Львова и других министров вплоть до июльского кризиса 1917 г.

Вечером все того же 20 апреля состоялось продолжавшееся всю ночь совместное совещание членов правительства, ВКГД и Исполкома Петросовета⁸¹. На нем Милюков (в отсутствие Керенского) отверг предложение лидеров Совета официально дезавуировать свою скандальную ноту правительствам стран Антанты от 18 апреля и пообещал опубликовать в печати лишь «разъяснение», согласно которому текст ноты был единодушно одобрен всем составом Временного правительства. Кроме того, в «разъяснении» указывалось бы, что после войны во всех участвовавших в ней странах должно пройти сокращение вооружений. Было обещано и создание Международного трибунала для суда над зачинщиками войны. Разъяснялось также, что решительная победа над врагом не предусматривает никаких территориальных захватов⁸². Лидеры Петросовета 34 голосами против 19 согласились с этим, и казалось, что конфликт между Петросоветом и правительством опять улажен⁸³.

Но уже на следующий день 21 апреля в Петрограде вдруг вспыхнула на Невском перестрелка между сторонниками и противниками Временного правительства, в результате которой несколько человек получили ранения. Это опять обострило ситуацию, причем возникла идея переместить Милюкова на более «спокойный» пост министра народного просвещения. Кн. Львов впервые заговорил о возможности коллективного выхода всех членов кабинета в отставку, а Керенский пригрозил, что если Милюков не уйдет с поста министра иностранных дел, то он сам покинет правительство. Таким образом, в воздухе явно запахло настоящим правительственным кризисом.

Интересно отметить, что именно 21 апреля А. Тома записал в своем дневнике высказанную Керенским при встрече с ним мысль о необходимости создать в рамках правительства «внутренний» кабинет, занимающийся военными и внешнеполитическими вопросами и контролирующий выполнение министром иностранных дел правительственных решений по ним⁸⁴. Этот план был воплощен в жизнь в мае 1917 г., но рождение его в голове Керенского было обязано своим происхождением именно его мартовско-апрельской схваткой с Милюковым. В итоге Керенский, Терещенко и Некрасов решили направить

свои усилия на скорейшее превращение Временного правительства в коалиционный орган, а 24 апреля Керенский сообщил Исполкому Петросовета о своей возможной отставке, планах создания «внутреннего» кабинета и о желательности приглашения в правительство новых социалистов⁸⁵.

Когда Милюков отказался перейти на пост министра народного просвещения, Керенский 26 апреля опубликовал в печати открытое письмо, адресованное ЦК партии эсеров, членам бывшей фракции трудовиков IV Думы, Исполкому Петросовета и ВКГД, где предложил перейти к замещению министерских постов по рекомендациям соответствующих политических партий. Таким образом, Керенский вплотную подошел к реализации выдвинутой им в августе 1915 г. идеи создания коалиционного многопартийного правительства с участием социалистов. Одновременно он провокационно заявил, что не может больше оставаться в действующем составе Временного правительства, поставив тем самым кн. Львова перед необходимостью сделать наконец выбор: Керенский или Милюков?⁸⁶

Одновременно 26 апреля появилась и прощальная, как оказалось, декларация правительства, которую нередко образно называют его «политическим завещанием»⁸⁷. Она призывала всех россиян к единению вокруг Временного правительства и предупреждала об опасности уже хорошо известного в мировой истории сползания от свободы через Гражданскую войну и анархию к реакции и возвращению к деспотизму. По вине правительства, говорилось в этом документе, не должно быть пролито ни одной капли крови и не должно быть предпринято никаких шагов против какого бы то ни было направления, существующего в общественном сознании. Здесь же содержалось и адресованное социалистам приглашение войти в состав правительства, о чем Исполкому Петросовета кн. Львов уже на следующий день, 27 апреля, сообщил вполне официально.

Но когда 28 апреля вопрос о создании правительственной коалиции был поставлен на заседании Исполкома Петросовета, тот вновь, как и 1 марта 1917 г., 24 голосами против 22 при 8 воздержавшихся отклонил эту идею⁸⁸. Таким образом, почти 2 месяца существования Временного правительства лишь с одним «заложником демократии» в лице Керенского в своем составе не поколебали решимости большинства членов Исполкома Петросовета остаться на определенной дистанции от официальной власти, дабы не разжигать в народе необоснованных надежд на некое социальное чудо, которое якобы должны были сотворить министры-социалисты.

В этой обстановке явно выбитый из привычной колеи и до предела взвинченный Керенский, выступая 29 апреля на съезде фронтовых делегатов, произнес, возможно, свою лучшую и ставшую позд-

нее столь знаменитой речь о «взбунтовавшихся рабах»⁸⁹. Рабах, еще не доросших после своего многовекового рабства до осознания того, что простой разрушительный бунт без созидания чего-то нового, без подчинения личных интересов интересам всего общества и без ответственности каждого гражданина за свою страну и ее будущую судьбу может оказаться бесперспективным и обреченным на откат назад, к еще более страшному деспотизму. Это был настоящий крик души человека, вдруг осознавшего, с каким трудом даются России ее реформы и революции, и как тяжела, может быть, даже непосильна задача российских революционеров. Недаром у Керенского вырвались тогда такие страшные слова: «Я жалею, что не умер два месяца назад, я умер бы с великой мечтой, что для России загорелась новая жизнь, что мы умеем без хлыста и палки взаимно уважать друг друга и управлять своим государством не так, как им управляли прежние деспоты».

Кстати, само выражение «взбунтовавшиеся рабы» принадлежало не Керенскому, а известному русскому либералу К.С. Аксакову и относилось к совершенно другой исторической эпохе (он умер еще в 1860 г.)⁹⁰. Важно то, что Керенский, никогда не отличавшийся глубоким философским складом ума, нащупал здесь проблему, от решения которой зависело и до сих пор зависит все будущее нашей страны. Правда, он готов был возложить главную ответственность за недостаток в России активного, действенного русского патриотизма на царизм. «Сто лет рабства, — говорил Керенский, — не только развратили власть и создали из старой власти шайку предателей, но и уничтожили в самом народе сознание ответственности за свою судьбу, за судьбу страны». Без преодоления такого равнодушия к обустройству собственного общего дома с подобной бедой россиянам не справиться, ибо это дело всей страны в целом и каждого ее гражданина в отдельности, будь он министром или простым рабочим. Без этого мы не победим в себе прежних рабов и не станем подлинными гражданами свободной России. «Товарищи, — закончил Керенский, — вы умели 10 лет терпеть и молчать. Вы умели исполнять обязанности, которые налагала на вас старая ненавистная власть. Вы умели стрелять в народ, когда она этого требовала. Почему же у вас теперь нет терпения? Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов?.. Мы должны войти в историю, чтобы на наших могилах написали: они умерли, но никогда не были рабами».

Возвращаясь к вопросу об апрельско-майском кризисе Временного правительства, нельзя не сказать о том, что 30 апреля целая делегация от Военного министерства пригрозила Исполкому Петросовета (в случае его повторного отказа от формирования коалиционного правительства) развалом фронта. Почти наверняка можно сказать, что Керенский тоже приложил к этому руку через своего шурина

полковника В.Л. Барановского. В итоге в ночь на 1 мая Исполком быстро «исправился», и 44 голосами против 19 при 2 воздержавшихся принял решение одобрить идею коалиции⁹¹. Утром и вечером 2 мая опять прошли совместные заседания правительства и Исполкома Петросовета⁹², где Милюков еще раз наглядно продемонстрировал свою совершенно неконструктивную позицию. Он повторил, что России нужен выход в Средиземное море, т. е. Проливы, и потребовал, чтобы ЦК кадетской партии получил право отзыва министров-кадетов из правительства, если Петросовет получит аналогичное право контроля за деятельностью министров-социалистов и право их отзыва. Кроме того, Милюков категорически отказался от предложения Керенского сменить пост министра иностранных дел на пост министра народного просвещения и демонстративно покинул Мариинский дворец. 3 мая кн. Львов получил его заявление с просьбой об отставке⁹³.

А еще в ночь на 30 апреля аналогичное заявление написал военный и морской министр Гучков, ссылаясь при этом на то, что не может больше разделять ответственности за тот тяжкий грех, который творится ныне в отношении армии и Родины⁹⁴. Таким образом, Керенский одержал двойную победу — и над Милюковым, и над Гучковым, добившись отставку обоих монархически настроенных членов кабинета. А 5 мая 1917 г. в России появилось первое коалиционное Временное правительство во главе с кн. Львовым, где Керенский совершенно неожиданно для многих (но не для него лично) занял пост военного и морского министра⁹⁵.

Подводя краткие итоги двухмесячной работы первого состава Временного правительства, нужно сказать, что по сравнению с тем, что было сделано его преемниками в мае–октябре 1917 г., он, особенно по линии Минюста, принял ряд очень важных решений, о которых говорилось выше. В административной сфере была начата реформа местного самоуправления в городах на основе всеобщего избирательного права, развивался и институт правительственных комиссаров на местах, учрежденных еще ВКГД. Началась и разработка положения о выборах в Учредительное собрание. В социально-экономической сфере, несмотря на занятую Временным правительством позицию «непредрешенства», состоявшую в отсрочке решения всех кардинальных вопросов до созыва всенародно избранного Учредительного собрания, были осуществлены такие меры, как введение 8-часового рабочего дня на казенных и некоторых частновладельческих промышленных предприятиях, создание продовольственных, земельных и фабрично-заводских комитетов и отдела труда при Министерстве торговли и промышленности. Учитывая тяжелое состояние российской экономики и ухудшение положения дел в области продовольственного снабжения армии и городского населения, было принято

в конце марта решение о введении хлебной монополии, т. е. о передаче всего зерна в распоряжение государства по твердым ценам.

В области национальных отношений была восстановлена конституция Финляндии и дано согласие на создание независимого Польского государства, находящегося в свободном военном союзе с Россией. Как уже говорилось в настоящей главе, Временное правительство в ряде своих официальных заявлений разъяснило, что оно отказывается от аннексий и контрибуций при подведении итогов Первой мировой войны и будет стремиться к предотвращению в будущем новых кровавых военных столкновений и к уважению права всех наций на самоопределение⁹⁶.

Как не без пафоса писал позже Керенский, «после падения царского режима были краткие месяцы, когда, казалось, восторжествовали наконец все идеи, которыми была пронизана русская духовная и политическая культура, во имя которой сто с лишним лет шла борьба. От Радищева через декабристов, Герцена, “Народную волю”, великих русских писателей, безымянные тысячи культурной молодежи, уходившей на каторгу во имя освобождения народа, через 1905 год и Государственную думу — прямая дорога вела к весенним дням 1917 года»⁹⁷.

Лидер большевиков Ленин, видимо, тоже не возражал бы против основного смысла подобного высказывания Керенского. Но он предпочитал провести параллель между ситуацией в России после Февральской революции и в странах Запада, заявив, что буквально за несколько месяцев 1917 года Россия по своему политическому строю догнала передовые западные страны⁹⁸. Конечно, это было сказано, видимо, слишком сильно, да и процесс демократизации российской государственности уже к концу того же года начал с победой большевиков явно поворачивать вспять. К тому же Ленин вовсе не хотел этим высказыванием сделать комплимент лично Керенскому и возглавляемому им Минюсту, ибо считал главным творцом российской демократии в 1917 г. сам революционный народ. Но то, что в советское время в официальных изданиях эту ленинскую мысль предпочитали не цитировать, отчасти говорит и в пользу признания определенных заслуг в этом процессе Временного правительства и лично Керенского.

Можно понять и причины борьбы Керенского с Милюковым, пытавшимся навязать новой России сохранение агрессивных устремлений свергнутого в феврале царского правительства в отношении Черноморских проливов и упорно твердившим о необходимости соблюдать союзнические обязательства России перед странами Антанты. Гораздо больше тревоги вызывают появившиеся у Керенского планы стать военным министром, не говоря уже о его премьер-

ских амбициях, о чем он откровенно, как масон масону, сообщил в апреле французскому министру-социалисту А. Тома, находившемуся тогда в Петрограде. Эти планы, о реализации которых Керенским более подробно пойдет речь в следующей главе, свидетельствовали о том, что он в погоне за властью и за титулом «спасителя России» уже не соотносил свои амбициозные замыслы с собственными реальными физическими и интеллектуальными возможностями, причем подобное трагическое несовпадение было чревато в будущем и для страны, и для него лично поистине фатальными последствиями. Теперь уже совершенно ясно одно: рассчитывать на то, что воодушевленные его красивыми патриотическими речами войска пойдут в наступление и даже одержат победу над германо-австрийской армией, было пустой и опасной утопией, поскольку в 1917 г. русская армия не могла уже не только побеждать, но часто даже просто удерживать старую линию фронта. Так или иначе, к концу работы первого состава Временного правительства Керенский стал самым влиятельным его членом, а популярность этого «народного министра» была близка к своей высшей точке.

В целом Керенский уже весной 1917 г. отдавал явное предпочтение работе во Временном правительстве, откровенно манкируя своими обязанностями в Петросовете, зампредом председателя которого его избрали еще в конце февраля 1917 г. При этом он откровенно манкировал своими советскими обязанностями, зато добровольно играя роль несуществующего вице-преьера кабинета, считающего, что как единственный представитель демократии в правительстве он имеет полное право вмешиваться во все обсуждаемые дела и регулярно напоминая коллегам, что своим рождением Временное правительство обязано прежде всего Февральской революции. Поэтому позиция Керенского в правительстве была по-своему уникальной и считалась важнее, чем какой-либо другой пост во Временном правительстве.

---

¹ См.: *Карабчевский П.Н.* Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. М., 1991. С. 162–165; *Демьянов А.А.* Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 4. С. 59–60. Карабчевский дал, в частности, крайне негативную оценку выступлениям Керенского в роли адвоката («истерически-плаксивый тон» и большая запальчивость при явном недостатке эрудиции). См.: *Карабчевский П.Н.* Указ. соч. Берлин, Т. 2. 1921. С. 17.

² Кроме Демьянова, товарищами министра юстиции стали левый кадет Г.Д. Скарятин и адвокат (в дальнейшем энес) А.С. Зарудный, который в мае-июне сам возглавлял Минюст. Зарудный был при Керенском первым товарищем министра. Подробнее о нем см.: *Варфоломеев Ю.В.* А.С. Зарудный. Юрист и общественный деятель. Саратов, 2002. С. 92–98.

³ Председателем ЧСК в ранге еще одного товарища министра юстиции стал адвокат Н.К. Муравьев. Подробнее о работе ЧСК см.: *Варфоломеев Ю.В.* Закон и трепет. Саратов, 2006.

⁴ Не случайно Зинаида Гиппиус, пристально следившая за каждым крупным политическим шагом Керенского, которым она тогда искренне восхищалась, называла его «гениальным интуи́том», имея в виду, что он остро чувствует дух времени и меняет в соответствии с ним свои привычки. См.: *Гиппиус З.* Указ. соч. Т. 1. С. 483.

⁵ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 12 марта.

⁶ См.: *Алексинская Т.* 1917 год // Новый журнал. 1968. № 91. С. 194; *Брежко-Брежковская Е.К.* // Там же. 1954. № 38. С. 202–203.

⁷ Писатель Аркадий Аверченко уже в эмиграции спросил однажды у Керенского, знает ли он, с какого момента Россия пошла к гибели? И сам ответил: «С того самого, когда вы, глава России, приехали в министерство и подали курьеру руку». См.: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 102–103. Страсть к рукопожатиям довела Керенского до того, что у него стала болеть рука, и он длительное время носил ее на перевязи.

⁸ Керенский хотел объявить Зимний дворец перешедшим в собственность государства (что и было сделано в результате этой поездки) и посмотреть, годится ли он для проведения будущего Учредительного собрания (этот вариант сразу же отпал).

Своеобразным продолжением посещения Зимнего дворца стала состоявшаяся в тот же день – в воскресенье 5 марта – встреча Керенского с группой видных деятелей литературы и искусства (А.М. Горький, художники А.Н. Бенуа, К.С. Петров-Водкин, М.В. Добужинский, певец Ф.И. Шаляпин, книгоиздатель З.И. Гржебин и др.) по вопросу об охране художественных сокровищ страны. При этом Керенский настолько пленил Бенуа своей манерой разговора, что тот записал в дневнике, что министр юстиции – это несомненный талант и «прирожденный диктатор» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1916–1918 годов. М., 2006. С. 137–140). В дальнейшем Бенуа, как и З. Гиппиус, сильно в Керенском разочаровался.

Горький и Шаляпин от имени той же Комиссии по делам искусств еще раз обращались к Керенскому в связи с намерением Петросовета захоронить убитых во время февральских революционных событий на Дворцовой площади столицы. Рытье могил могло повредить сохранности Зимнего дворца и Александровской колонны, и Керенский своей властью отменил решение Петросовета, так что захоронение 180 погибших прошло 23 марта на Марсовом поле (*Гиппиус З.* Указ. соч. Т. 1. С. 713).

⁹ См.: *Завадский С.В.* На великом изломе // Архив русской революции. Т. 11. С. 14–15. Сенатор Завадский давал Керенскому в целом очень лестную характеристику, отмечая его простоту, искренность и демократизм. Будучи типичным представителем царской бюрократии, он категорически не соглашался с последующими обвинениями Керенского в корыстном использовании власти в личных целях и в прямой причастности к национальному унижению России после заключения Брестского мира. (Там же. С. 18–19.) Вместе с тем Завадский откровенно отмечал и различные профессиональные промахи Керенского как министра юстиции и генерал-прокурора Сената (там же. С. 19, 22, 25, 31, 33–34 и др.). Поскольку Сенат занимался и судебными делами, то министр юстиции с начала XIX в. был одновременно и его генерал-прокурором.

¹⁰ *Гиппиус З.* Указ. соч. Т. 1. С. 483.

¹¹ См.: *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 258.

¹² См.: *Демьянов А.А.* Указ. соч. С. 75. Красочную зарисовку жизни Керенского в его служебной квартире в здании Минюста оставила О.Д. Добровольская – вдова последнего царского министра юстиции Н.А. Добровольского. С разрешения Керен-

ского она некоторое время жила там же, общалась с ним и наблюдала за тем, что происходило вокруг. Добровольская вспоминала, что нового министра посещали разного рода делегации, в том числе от солдат и матросов, говорившие, что верят только Керенскому и признают только его. Запомнилось ей, что Керенский нередко обедал со своим другом депутатом Думы гр. Орловым-Давыдовым и вел. кн. Н.М. Романовым, приезжавшими в дом на Екатерининской ул. Сам новый министр занимал только две комнаты — кабинет и спальню. В кабинете всегда было много красных цветов. В том же доме наверху размещались бывшие политические заключенные, в том числе Е.К. Брешко-Брешковская. Спать Керенский ложился поздно, причем его ночной покой оберегали два министерских служащих, которых в дневное время сменяли двое военных, повсюду сопровождавшие министра. Жена Керенского Ольга Львовна и два его сына лишь навещали министра (см.: *Добровольская О.Д.* Николай II и Керенский // *Новый журнал.* 1974. № 144. С. 165–168).

¹³ *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 14.

¹⁴ До 70 % сотрудников Минюста царского времени остались на своих местах. Примерно та же картина была в Министерстве народного просвещения и в некоторых других ведомствах. См.: *Смирнов Н.Н.* Февраль и российская государственность // *Россия в XIX–XX вв.* СПб., 1998. С. 313.

¹⁵ Судя по журналам заседаний первого состава Временного правительства, Керенский участвовал в 53 его заседаниях: 2, 3, 4 (дважды), 5 (дважды), 6, 7, 9 (дважды), 10–15 (ежедневно), 17, 19, 20 (дважды), 22, 25–30 (ежедневно) марта; 3, 4, 5 (дважды), 6 (дважды), 7, 8, 11–15 (ежедневно), 18, 19, 22, 23, 25–30 (ежедневно) апреля; 1 и 5 (дважды) мая 1917 г. Пропустил он за эти два месяца лишь 10 заседаний. Сами заседания были иногда и короткими, продолжавшимися около часа, и длинными, растягивавшимися на 3 часа и более и заканчивавшимися уже после полуночи. В их повестке дня серьезные вопросы (продовольственный, земельный, подготовка к созыву Учредительного собрания, отношения с Польшей, политика в области печати, выпуск Займа свободы и др.) перемежались с кадровыми и административно-организационными. К сожалению, для историков, в журналах заседаний Временного правительства не фиксировались выступления их участников в ходе дискуссии. Мотивировалось это стремлением «не выносить сор из избы» и желанием представить кабинет министров как коллектив людей, придерживающихся единых взглядов. Не фиксировались в журналах и некоторые заседания, на которых обсуждались острые политические вопросы в период апрельского, июльского и августовского политических кризисов.

Министр-председатель Львов относился к Керенскому с полным доверием и всячески поощрял его активность, считая, что министр юстиции олицетворяет живую связь новой власти с народом, чего ему самому было, как говорится, «не дано». Известен, например, следующий отзыв Львова о Керенском: «Жить и работать во Временном правительстве без веры в чудо было нельзя. И мне казалось, что можно ожидать чуда, скорее, от энтузиазма Керенского, чем от интеллектуальных расчетов Милокова» (см.: *Abraham R.* Op. cit. P. 151). Не случайно в одной из редакций своих воспоминаний Керенский сам назвал себя «вице-премьером» (см.: *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. С. 107), а его друг эсер Зензинов уверял, что он — фактический премьер (см.: *Гиппиус З.* Указ. соч. С. 491).

¹⁶ Так, например, 25 марта Керенский выступал на митинге-концерте в Мариинском театре в пользу жертв революции в присутствии ветеранов революционного движения Г.А. Лопатина, Н.А. Морозова, В.И. Засулич, В.Н. Фигнер и др.

¹⁷ Так, в первой декаде марта Керенский выезжал в Москву, затем в Могилев, Гельсингфорс, а в апреле вместе с Е.К. Брешко-Брешковской в Ревель, где начиналась его адвокатская карьера (см.: *Abraham R.* Op. cit. P. 172).

¹⁸ См.: *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. М., 2006. С. 281–283, 287; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 303 и др.

¹⁹ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта; RPG. Stanford, 1961. Vol. I. P. 196–198.

²⁰ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта; RPG. Vol. I. P. 198–199.

²¹ Так, например, в марте 1917 г. по сравнению с тем же периодом 1916 г. число краж в Петрограде возросло с 600 до 3,2 тыс. См.: *Журавлев В.А., Боев В.М.* Российская государственность и армия в 1917 г. (по материалам печати). СПб., 1999. С. 75.

²² См.: *Керенский А.Ф.* Избранные речи. Пг., 1917. С. 50. Среди документов Департамента полиции было и личное полицейское досье Керенского. Правда, часть дел из архива ДП МВД была уничтожена в первые дни революции, когда в еще не охраняемое здание Департамента полиции ворвалась толпа бунтующих людей. См.: *Демьянов А.А.* Указ. соч. С. 75. Обзор полицейских документов, касающихся Керенского, был сделан в книге «Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции», изданной в июне 1917 г. в Петрограде, чтобы читатели знали: Керенский не пришел после революции на готовое, а «днями и месяцами трудился над подготовкой того переворота, главным деятелем которого ему суждено было стать» (с. 3).

²³ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта, 22 марта, 20 апреля, 16 мая; RPG. Vol. 1. P. 211–212, 224–230 и др.

²⁴ См.: «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 491–492.

²⁵ См.: *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 89–90.

²⁶ В качестве тюремного врача был назначен И.И. Манухин — ученик И.И. Мечникова и друг А.М. Горького, сам сидевший в 1905 г. в крепости за «увлечение освободительным движением». Манухин относился к заключенным в крепость достаточно гуманно и пользовался с их стороны немалым уважением.

²⁷ Что касается Сухомлинова, то 1 мая 1918 г. он был амнистирован по возрасту и состоянию здоровья и уехал сначала в Финляндию, а затем в Германию, где и умер в 1926 г. Напомним, что бывший военный министр был в первый раз арестован по подозрению в государственной измене еще в апреле 1916 г. Но уже в октябре по ходатайству Распутина, которого очень просила об этом жена Сухомлинова, его освободили. Однако, как уже говорилось выше, 28 февраля 1917 г. он был снова арестован, а 10 августа вместе с женой предстал перед судом Временного правительства с участием присяжных. 14 сентября 1917 г. Сухомлинова приговорили к пожизненным каторжным работам (жену его оправдали), но 1 мая 1918 г. амнистировали. См.: *Шульгин В.В.* Последний очевидец. М., 2002. С. 330–363.

²⁸ Николай II выразил желание попрощаться там с приехавшей для этого из Киева в Могилев матерью, М.Ф. Романовой и оставшимися верными ему войсками и ближайшими сотрудниками аппарата Ставки.

²⁹ Николай II приходился двоюродным братом английскому королю Георгу V, а Александра Федоровна — внучкой королеве Виктории, при дворе которой она провела детство и часть юности. Подробнее о всех аспектах истории с арестом царской семьи и самого Николая II см.: Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев,

документы. М., 1990. С. 342–352, 386–394; *Боханов А.Н.* Николай II. М., 1997. С. 374–375, 379–384.

³⁰ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 234.

³¹ См.: Петроградский Совет... Т. 1. С. 201, 218, 220–221, 227.

³² См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 49–50; Известия. 1917. 8 марта. Постановление правительства гласило: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село».

³³ См.: *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 385; Милоков П.Н. Указ. соч. С. 488–489.

³⁴ См.: Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 628; *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 317–318, 320–322, 324–325; Idem. Crucifixion of Liberty. P. 163.

³⁵ В Петропавловской крепости были попытки изнасилования Вырубовой, но в конце концов ей удалось вырваться за границу, так что умерла она только в 1964 г. в Финляндии. ВЧК освободила Вырубову из-за отсутствия состава преступления.

³⁶ *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 18. См. также: *Добровольская О.Д.* Указ. соч. С. 168–169. По ее словам, Керенский по возвращении из Царского Села говорил: «Как жаль, что он (Николай II. — С.Т.) был так мало популярен и так не понят, ведь нам его рисовали совсем иначе». Характерно, однако, что человеческое сочувствие Керенского к царственным узником не сопровождалось у него изменением отношения к государственной деятельности Николая II. Заметим в этой связи, что последний царь часто не вникал в сущность рассматриваемых им вопросов, не любил читать длинных документов и слушать длинные устные доклады (см.: *Соловьева К.А.* Что такое политическая повседневность? // Историк и его время. К 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2011. С. 195–196). Но главный недостаток Николая II как политика заключался в том, что он с огромным трудом признавал необходимость политических компромиссов как генеральную тенденцию всемирного, в том числе и российского, исторического процесса XX в. Вспомним, что ему понадобилась форс-мажорная ситуация 1905 г., чтобы сделать шаг на пути к конституционализму и парламентаризму, а в годы Первой мировой войны он своей неуступчивостью оппозиции явно приблизил Февральскую революцию.

³⁷ О последующих визитах Керенского в Царское Село см.: Дневник императора Николая II. С. 628, 631, 638, 642, 644, 645; *Kerensky A.* Crucifixion of Liberty. P. 171, 210–211.

³⁸ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 321–322.

³⁹ См.: *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 420. Заметим, что Николай II положительно встретил известие о назначении Керенского главой Временного правительства: «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше», — читаем мы в дневнике бывшего царя в записи от 8 июля 1917 г. (с. 642). Обер-гофмаршал кн. П.К. Бенкендорф передавал следующий отзыв Николая II о Керенском после их первой встречи: «Он любит Россию, мне надо было раньше с ним познакомиться. Пошло бы на пользу» (*Керенский А.Ф.* Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 6–7).

⁴⁰ См.: Дневник императора Николая II. С. 644.

⁴¹ См.: *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 414; *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 325–326; *Его же.* Трагедия династии Романовых. С. 138–140; *Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. М., 1991. С. 205–207. Княгиня Палей была женой вел. кн. П.А. Романова. Она назвала в своих

воспоминаниях Керенского ничтожным человеком и настоящим воплощением лживости, поскольку он отказал ей и ее семье в разрешении на выезд в Париж, ссылаясь при этом на неизбежные в таком случае протесты со стороны Петросовета.

¹² За пять месяцев, проведенных Николаем II и его семьей под арестом в Царском Селе, там не произошло никаких серьезных инцидентов. Узники были ограждены от проявлений грубости со стороны охраны и от праздного любопытства посторонних и не испытывали никаких серьезных материальных лишений. Органически не восприимчивая и крайне низко оценивая Николая II как политического руководителя страны, Керенский в определенной мере по-человечески сочувствовал после революции бывшему монарху и его семье. В книге «Правда об убийстве Романовых» (Kerensky A.I. *La vérité sur le massacre des Romanovs*. Paris, 1936. В русском переводе книга вышла под названием «Трагедия династии Романовых») Керенский подробно рассказал о последних годах царствования Николая II, отношениях царской семьи с Распутиным и ее жизни после депортации из Царского Села на восток, но никаких дополнительных подробностей о своей роли в их судьбе не привел. В книге был напечатан путевой журнал поездки Николая II и его семьи в Сибирь (интересно отметить, что сопровождал их до места назначения один из знакомых Керенскому масонов — П.М. Макаров). Естественно, бывший премьер осуждал действия советских властей по отношению к царской семье в конце 1917–1918 гг., которые завершились расстрелом в Ипатьевском доме в Екатеринбурге всех ее членов, включая 14-летнего Алексея Романова и его молодых сестер.

¹³ См.: *Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999. С. 51–52.

¹⁴ При этом Керенскому, несомненно, льстил тот повышенный интерес, который проявляли к нему аккредитованные в Петрограде иностранные дипломаты. Уже в начале марта 1917 г. французский посол в России Морис Палеолог, отметив в своем дневнике отсутствие у членов Временного правительства достаточного политического кругозора, решительности и смелости, сделал единственное исключение для Керенского как «человека действия» (*Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 260–261). Характерно, что Палеолог сразу же поставил своей целью привлечь Керенского на сторону союзников России по Антанте, ибо он один, по его мнению, способен был «втолковать» Петросовету мысль о необходимости продолжения войны и сохранения Антанты. Тогда же французский посол предрек Керенскому роль главной пружины всего Временного правительства. (Там же. С. 251, 261, 278.)

Высоко оценил Керенского и британский посол Джордж Бьюкенен, подчеркивая его «магнетический» ораторский дар и отказ от каких-либо территориальных приобретений для России в результате войны. Он считал Керенского «единственным человеком, который мог бы удержать Россию от прекращения военных действий» (*Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. М., 2006. С. 281). 27 марта, когда состоялась первая личная встреча британского посла с Керенским, последний заявил, что допускает в случае военной необходимости и возможность наступления русской армии на немцев. Это вызвало откровенный восторг Бьюкенена, и они расстались с Керенским друзьями, причем посол заверил русского министра в том, что будет поддерживать его, подтвердив это заявление во время конфликта Керенского с Милюковым (см.: *Колоницкий Б.И.* Британская миссия и А.Ф. Керенский // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 67–68).

Аналогичную позицию по отношению к Керенскому занимал тогда и американский посол в России Д. Франсис (см.: *Francis D.R.* Russia from the American Embassy. New York, 1921. P. 88–89, 99).

Английские лейбористы и французские социалисты тепло поздравили своего русского товарища с назначением на пост министра юстиции (см.: *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 38–39). В ответной телеграмме Керенский подчеркнул, что русские социалисты верят в интернациональную солидарность трудящихся в борьбе за победу над реакционным германским империализмом и за мир (см.: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 280).

⁴⁵ См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 423–424. Еще раньше, 2 марта Родзянко от имени ВКГД призвал армию и флот ни на минуту не ослаблять борьбу с внешним врагом. (Там же. С. 404.)

⁴⁶ Там же. С. 425.

⁴⁷ См.: Известия. 1917. 15 марта (проект обращения был составлен Сухановым).

⁴⁸ См.: Речь. 1917. 23 марта.

⁴⁹ Имеется в виду интервью Керенского, опубликованное 9 марта 1917 г. в лондонской газете «Daily Chronicle».

⁵⁰ Нейтрализация Черноморских проливов, за которую выступал Керенский, предполагала свободу прохода через них военных кораблей всех стран, что заставило бы Россию сохранять все свои укрепленные пункты на Черноморском побережье, а это, как считал Милюков, ложилось бы тяжелым бременем на бюджет страны. Поэтому он и видел выход из этой ситуации в случае победы стран Антанты в захвате Проливов Россией.

⁵¹ Присутствовавший на заседании управляющий делами Временного правительства кадет В.Д. Набоков красочно описал эту сцену в своих воспоминаниях (см.: Архив русской революции. Т. 1. С. 58). См. также: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 290; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 485–486.

⁵² См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 58.

⁵³ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

⁵⁴ В нее входили: Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Стеклов, Филипповский и Суханов, причем в последней декаде марта центральную роль в ней уже играл именно вернувшийся из ссылки Церетели.

⁵⁵ См.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 312–321; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 484–486.

⁵⁶ *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 60.

⁵⁷ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 486.

⁵⁸ См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1. С. 483, 484.

⁵⁹ Там же. С. 585–591.

⁶⁰ Там же. С. 601–605.

⁶¹ См.: «Совершенно лично и доверительно». *Б.А. Бахметев, В.А. Маклаков.* Переписка. 1919–1951. М.: Стэнфорд, 2002. Т. 3. С. 387.

⁶² См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 60; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 490–491.

⁶³ *Тома А.* (1878–1932) — французский политический деятель и историк, социалист. С 1910 г. — член французского парламента, в 1915–1917 гг. министр вооружений. С 1920 г. возглавлял Международное бюро труда при Лиге Наций.

⁶⁴ *Палеолог М.* Указ. соч. С. 310–311.

⁶⁵ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 79–80. В этой связи имеет смысл привести оценку декларации 27 марта, которую дал ей Церетели, сравнивший этот документ с революционным факелом, брошенным в Европу, где он должен разгореться ярким огнем (Известия. 1917. 30 марта).

⁶⁶ Палеолог М. Указ. соч. С. 310.

⁶⁷ Заметим, что незадолго перед этим возвратившийся из-за границы в Петроград Ленин озвучил свои ставшие впоследствии знаменитыми «Апрельские тезисы».

⁶⁸ См.: *Abraham R.* Op. cit. P. 177. Автор ссылается при этом на дневники А. Тома, хранящиеся в парижском архиве.

⁶⁹ См.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 94.

⁷⁰ Речь. 1917. 20 апреля.

⁷¹ См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 63.

⁷² См.: Речь. 1917. 20 апреля; RPG. Vol. III. P. 1098.

⁷³ См. *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 494. Французский министр пробыл в России до начала июня 1917 г., фактически замещая отозванного из Петрограда 16 мая М. Палеолога.

⁷⁴ Речь. 1917. 21 апреля; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 322.

⁷⁵ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 495.

⁷⁶ См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1. С. 219–221; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 101–103.

⁷⁷ В 1917 г. генерал-лейтенанту Лавру Георгиевичу Корнилову было уже 47 лет. Родом из современного Казахстана (Семипалатинская обл.), он был сыном отставного казачьего офицера, продолжившего затем после отставки гражданскую чиновничью службу. Корнилов учился в Омском кадетском корпусе, закончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и Академию Генерального штаба с серебряной медалью. Это опровергает широко распространенное при его жизни мнение, будто этот совершенно несветский, застенчивый, с бурятской внешностью человек был храбрым, но малообразованным и даже несколько туповатым служакой. Затем Корнилов показал себя хорошим военным разведчиком (Персия, Индия), служил в Ташкенте, где его жизненный путь впервые пересекся с семейством Керенских, в Петербурге, Царстве Польском, Китае (русский военный агент) и на Дальнем Востоке.

Корнилов успешно участвовал в Русско-японской войне, а с началом Первой мировой стал командовать дивизией, неизменно проявляя, однако, не только личное мужество и инициативу, но и излишнюю горячность и не всегда оправданное стремление к самостоятельности, что стоило его солдатам немалых ненужных потерь, а самому генералу — длительного австрийского плена (1915–1916 гг.). Уникальный для военного такого чина (в плену оказались 60 русских генералов) побег сделал Корнилова героем дня, и Николай II назначил его сначала командиром корпуса, а вечером 2 марта 1917 г., как раз перед отречением — командующим Петроградским военным округом для «спасения столицы от анархии и террора». Инициатор этого карьерного скачка генерала, председатель Думы монархист Родзянко, видимо, ошибочно рассчитывал на помощь Корнилова в реставрации власти Романовых, однако, оказалось, что новый военный хозяин столицы принял революцию достаточно сочувственно. Но он не мог смириться с начавшимся весной 1917 г. бурным процессом демократизации армии, которая неминуемо, по его мнению, вела ее к разложению. Отношение Корнилова к династии Романовых проявилось, в частности, в том, что 8 марта он лично осуществлял арест императрицы Александры Федоровны в Царском Селе.

Со своего поста Корнилов после событий 20 апреля ушел добровольно, поскольку Исполком Петросовета решил впредь контролировать все его распоряжения как командующего округом, с чем генерал смириться не захотел. В мае он был назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. Подробнее см.: *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006. С. 7–93; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 497.

⁷⁸ См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 222. На том же заседании Керенский обещал Колчаку прислать в Севастополь опытных агитаторов для противодействия процессу политического разложения флота. Это лишний раз доказывает, что министр юстиции часто выходил в тот период за рамки своих прямых служебных обязанностей. (Там же.)

⁷⁹ См.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 109.

⁸⁰ См.: *Abraham R.* Op. cit. P. 181–182.

⁸¹ См.: Петроградский Совет... Т. 2. М., 1995. С. 269–287. Керенский сознательно уклонился от участия в этих заседаниях, не желая ни вступать в конфликт с другими министрами, ни молчать (см.: *Abraham R.* Op. cit. P. 181). Возможно, что на него подействовало и обострение отношений с Петросоветом, и ярость ЦК кадетов по поводу его антимиллюковской позиции. (Ibid. P. 184.)

⁸² Текст «разъяснения» был опубликован 22 апреля в «Вестнике Временного правительства».

⁸³ Известия. 1917. 23 апреля; Петроградский совет... Т. 2. С. 295; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 498–499. Лидеры Петросовета одобрили текст «разъяснения», заявив, что оно «кладет конец» возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, «противном интересам и требованиям революционной демократии». Большевики расценили его совершенно иначе, заявив, что оно свелось к «пустейшим», ничего не меняющим и ни к чему не обязывающим фразам (см.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 324). Тем не менее Петросовет решил и дальше поддерживать правительство при условии усиления контроля за ним.

⁸⁴ См.: *Abraham R.* Op. cit. P. 184.

⁸⁵ См.: Петроградский Совет... Т. 2. С. 370–372; *Старцев В.И.* Революция и власть. М., 1978. С. 216.

⁸⁶ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 243–244; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 498–499.

⁸⁷ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 26 апреля; RPG. Vol. III. P. 1249–1251; *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 42, 64–65.

⁸⁸ Петроградский Совет... Т. 2. С. 416; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 155–156. Против коалиции были и находившиеся еще в эмиграции лидеры меньшевиков Мартов и Аксельрод. Однако Дан, Церетели и Потресов уже склонялись к участию меньшевиков в правительстве. Майская меньшевистская конференция в Петрограде, проходившая уже тогда, когда правительственная коалиция стала фактом, одобрила этот шаг своего руководства (см.: *Меньшевики в 1917 г.* М., 1994. Т. 2. С. 250, 253, 318; *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2000. С. 182). В этом же духе высказалось и большинство эсеров.

⁸⁹ См.: Речи Керенского к войскам и народу. Пг., 1917. С. 16–25.

⁹⁰ См.: *Будницкий О.В.* Василий Алексеевич Маклаков // Российские либералы. М., 2001. С. 524.

⁹¹ Против были 12 большевиков, 3 меньшевика-интернационалиста и 4 левых эсера (см.: Петроградский Совет... Т. 2. С. 418), *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 244). Керенский убедил большинство членов Исполкома в том, что спасти Россию от гибели может только коалиция (см.: Петроградский Совет... Т. 2. С. 479; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 158–159).

⁹² См.: Петроградский Совет... Т. 2. С. 506–509.

⁹³ См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 64; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 500.

⁹⁴ См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 835–836. С мая Гучков стал вновь руководить Центральным военно-

промышленным комитетом. После провала корниловского путча он был арестован, но Керенский приказал освободить его. Затем Гучков в октябре перебрался на Северный Кавказ. Позже финансировал Белое движение, а весной 1919 г. выехал на Запад для переговоров о поддержке странами Антанты белогвардейцев. Умер в эмиграции в 1936 г.

⁹⁵ Получив письмо Гучкова с просьбой об отставке, кн. Львов решил проконсультироваться по вопросу о его преемнике с Верховным главнокомандующим генералом Алексеевым. После совещания с командующими всех фронтов тот довел до сведения Временного правительства, что, по их мнению, «в настоящее время военный министр не должен быть генералом» и выбирать нужно между Керенским и беспартийным горным инженером П.И. Пальчинским, который хорошо зарекомендовал себя в качестве члена Особого совещания по обороне, созданного царем еще в 1915 г., а в 1917 г. стал членом Исполкома Петросовета. Поскольку последний был все же явно недостаточно известен широкой общественности и почти неизвестен на фронте, выбор пал на Керенского. «Ваш долг — занять этот пост, и вы не вправе отказываться», — сказал ему кн. Львов. Как откровенно пишет Керенский в своих воспоминаниях, его уже давно не оставляло предчувствие, что новым военным министром будет он. Тем не менее Керенский не был бы Керенским, если бы публично сознался, что с самого начала хотел этого. Поэтому он изобразил дело так, что принял положительное решение лишь после «нескольких часов мучительной внутренней борьбы», живо представив себе, что без него русско-германский фронт окончательно развалится, запланированное еще до Февральской революции на совещании с союзниками наступление русской армии будет сорвано и «Россия окажется в полной власти немецких претендентов на мировое господство». Как еще раз может убедиться читатель, особой скромностью Александр Федорович Керенский не отличался. См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 259–260.

⁹⁶ Уже упоминавшийся в настоящей работе Я.В. Глинка вспоминал, в каком состоянии «телячьего восторга» по случаю своего нового назначения он застал Керенского 1 мая 1917 г. Это дает основание усомниться в том, что Керенский воспринял свое назначение военным и морским министром не как какую-то вынужденную личную жертву во имя революции, а как тщательно спланированную им самим карьерную акцию с целью расширения собственного влияния на вооруженные силы и повышение своего авторитета и значимости в правящей элите страны. См.: *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 184.

См.: *Николаев А.Б.* Временное правительство // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 143–145.

⁹⁷ *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. М., 2007. С. 256.

⁹⁸ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 198.

Глава 6

«Главноуговаривающий»

Главное отличие нового, коалиционного состава Временного правительства от их предшественников заключалось в появлении в нем теперь уже целой группы министров-социалистов. Помимо Керенского, перешедшего на пост военного и морского министра, в нее вошли: недавно вернувшийся из эмиграции лидер эсеров Чернов (его назначили на один из самых «боевых» тогда постов министра земледелия), меньшевики Скобелев (министр труда) и Церетели (министр почт и телеграфов), причислявший себя к трудовикам Переверзев (министр юстиции) и народный социалист Пешехонов (министр продовольствия). Сохранили свои позиции в новом кабинете кадеты: Некрасов (министр путей сообщения), Шингарев (министр финансов), Мануйлов (министр народного просвещения) и новый член правительства кн. Д.И. Шаховской (министр государственного призрения). Четыре портфеля получили «внепартийные»: кн. Львов (министр-председатель и министр внутренних дел), Терещенко (министр иностранных дел, заменивший Милюкова), В.Н. Львов (обер-прокурор Св. Синода) и Годнев (государственный контролер). Несомненной потерей для нового кабинета стал внезапный уход из него во второй декаде мая Коновалова (министр торговли и промышленности)¹.

Керенский же, несомненно, усилил свои позиции, не только заняв ключевой пост военного и морского министра, но и сохранив тесные связи с «братьями-масонами» Некрасовым и Терещенко и с неизменно блокировавшимися с ним пятью министрами-социалистами, а также Годневым и Львовым-«Синодским». Вдобавок доверительно-благожелательное отношение к Керенскому со стороны главы правительства, проявившееся уже в марте–апреле 1917 г., теперь, после его победы над Милюковым, которая приобрела и некое символическое значение как победа молодого министра-социалиста и радикального демократа Керенского над министром-традиционалистом и к тому же еще и «империалистом» Милюковым, стало еще более уважительным и внимательным. Ведь кн. Львов отлично понимал, какую важную роль играет деятельность нового военного министра в период подготовки наступления на фронте, какую популярность завоевал он в глазах миллионов россиян и насколько популярной выглядела бы в этих условиях любая конфронтация с ним.

Совершенно понятно поэтому, что Керенский и его группа определяли и основные параметры программного документа нового состава правительства — его декларации от 5 мая 1917 г., опубликованной затем в «Вестнике Временного правительства»² и в основных российских газетах того времени. Декларация начиналась с основополагающего тезиса о приверженности России идеям свободы, равенства, братства и мира без аннексий и контрибуций. Далее шли заверения в том, что русская революционная армия не допустит разгрома союзников по Антанте на Западном фронте, о чем не раз говорил Керенский во время своей полемики с Милюковым и что отличало его от позиции крайних интернационалистов и, прежде всего, Ленина³.

Наиболее кратким и малоконкретным, к сожалению, опять был социально-экономический раздел декларации. Правительство обещало всесторонне защищать интересы людей труда, обеспечить в 1917 г. максимально возможные сборы хлебных культур для снабжения армии и городского населения и обратить особое внимание на увеличение прямого налогообложения имущих классов. Планировалось продолжить реформирование органов местного самоуправления как в сельской местности, так и в городах и как можно скорее созвать Учредительное собрание. Правительство брало на себя и обязательство бороться с контрреволюцией и с левацким анархизмом, тоже открывающим дорогу правой опасности.

Лично у Керенского на его новом правительственном посту был непочатый край работы по повышению боеспособности вооруженных сил и подготовке намеченного на июнь наступления на русско-германо-австрийском фронте, что требовало от него частых поездок в действующую армию и тыловые гарнизоны. Поэтому он теперь гораздо реже, чем прежде, бывал на заседаниях Временного правительства⁴. Зато Керенский вошел в состав начавшего функционировать в мае «внутреннего» кабинета, обсуждавшего наиболее важные и сугубо секретные вопросы военного, внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. Его членами стали также Некрасов, Терещенко и Церетели.

Сейчас назначение военными министрами сугубо гражданских лиц, практикуемое во многих странах мира, уже не вызывает удивления не только потому, что самих войн в традиционном смысле этого слова стало гораздо меньше, чем прежде, но и потому, что боеспособность армии все больше и больше зависит от технического оснащения и снабжения вооруженных сил всем необходимым, а в этих вопросах квалифицированные и умные гражданские специалисты часто разбираются даже лучше профессиональных военных. Кроме того, нужно учитывать четко выраженную в наши дни тенденцию к сокращению сроков военной службы и к переходу от обязательного

призыва молодежи в войска к контрактной системе их комплектования. Да и контролировать штатского военного министра политической элите страны зачастую бывает гораздо проще и удобнее, чем генерала-профессионала.

Однако сто лет назад ситуация в России была качественно иной. Затяжная, вяло текущая позиционная война делала ее цели и дальнейшие перспективы малопонятными не только солдатам, но и офицерам, и притупляла у них чувство ответственности за судьбу страны, а радикальные перемены, происходившие в тылу, усиливали стремление солдат поскорее вернуться домой и активно включиться, например, в решение главного вопроса русской деревенской жизни — вопроса о земле. К тому же мощный и совершенно неизбежный после революции процесс демократизации армейской и флотской жизни, в полной мере развернувшийся с весны 1917 г., сопровождался поистине катастрофическим падением воинской дисциплины и авторитета офицеров и генералов у их подчиненных, ростом дезертирства, мародерства, случаев самовольного ухода целых подразделений с боевых позиций и т. д. В этих условиях у многих, в том числе и у Керенского, естественно, могла возникнуть иллюзия, будто главное в создавшейся ситуации — это эффективная идейно-политическая работа в вооруженных силах, призванная разъяснить там политику Временного правительства, поднять боевой дух военнослужащих, пробудить у них чувство гордости за происходящие в стране демократические перемены и ответственности за защиту завоеваний революции от внешнего врага. А как раз в этих вопросах преимущество именно Керенского, сделавшего блестящую политическую карьеру на своем демократизме и умении владеть ярким и убедительным для окружающих словом, было очевидно. На этом фоне такие внешние атрибуты, как необычная полувоенная одежда, отсутствие командирского голоса или неумение ездить на коне при объезде войск отступали далеко на задний план⁵.

Правда, читатель может сказать, что предшественником Керенского на постах военного и (что еще более странно) морского (!) министра был тоже штатский человек — Гучков, но тот все же имел в этом качестве ряд очевидных преимуществ перед своим преемником⁶. Вдобавок Керенский и не мнил себя выдающимся военным стратегом и тактиком, а хотел взять на себя лишь решение наиболее важных кадровых вопросов и руководство политико-воспитательной работой в войсках. Вдохновляло его и то, что кн. Львов, как уже говорилось выше, предварительно согласовал кандидатуру Керенского на пост военного министра с высшим армейским генералитетом⁷. Что же касается предстоящего наступления русской армии, на успех которого он так надеялся, то Керенский считал, что, помимо всего про-

чего, оно поможет занять солдат их прямым делом — борьбой с врагом и отвлечет от политики, страсть к занятиям которой стала весной 1917 г. настоящим бичом русской армии и флота. При этом нового министра не смущало то, что кто-то из офицеров остроумно назвал его не главнокомандующим, а «главноуговаривающим», имея в виду те бесчисленные речи, с которыми он, находясь на большом душевном подъеме, обращался тогда к защитникам Отечества.

В этих условиях очень многое, конечно, зависело от ближайшего окружения Керенского, призванного своими советами помогать ему в работе. Разработку планов военных операций и конкретное руководство войсками Керенский сначала все же доверил 60-летнему Верховному главнокомандующему, участнику Русско-японской и Первой мировой войн генералу от инфантерии М.В. Алексееву, хотя он и не нравился ему своей прошлой близостью к Николаю II. Вопросами технического снабжения армии ведал 52-летний первый товарищ военного министра генерал от артиллерии А.А. Маниковский⁸. Кроме того, у министра было 4 помощника — полковники Г.А. Якубович и кн. Г.Н. Туманов (они, как и Маниковский, занимали те же посты и при Гучкове, а вдобавок министр лично познакомился с ними еще в Военной комиссии ВКГД) и капитаны военно-морской службы Б.П. Дудоров и С.А. Кукель (они отвечали за состояние флота). В июне были назначены и временно управляющие делами обоих министерств: Военного — Якубович и Морского — В.И. Лебедев.

Особым доверием Керенского пользовался начальник кабинета (канцелярии) военного министра, его шурин полковник Генерального штаба (а затем генерал-майор) В.Л. Барановский. Он регулярно докладывал министру о положении дел в вооруженных силах и считался доверенным информатором и своего рода «нянькой» Керенского в военных вопросах. Постоянно при министре находились еще и два адъютанта (от сухопутных и военно-морских сил), выполнявшие как чисто «декоративные» функции, так и некоторые деловые поручения Керенского. Столь значительная «свита» избавляла Керенского от значительной части рутинной министерской работы и освобождала его время для поездок в Ставку и на фронт, которые весной и летом 1917 г. становились все более частыми.

В свою новую должность Керенский вступил еще 2 мая, т. е. до официального обнародования состава коалиционного Временного правительства — случай беспрецедентный! Он, в частности, уже присутствовал 3 мая на совещании, устроенном в комиссии по пересмотру законов и установлений, касающихся военной службы. Там давно лежал проект «Декларации прав солдата», призванной придать официальный и вдобавок относящийся не только к столичному гарнизону, но и ко всем вооруженным силам России статус знаменитому

приказу № 1 Петросовета от 2 марта 1917 г., ставшему своего рода «армейской конституцией» Февральской революции. При этом если демократические элементы армии и флота считали этот документ только минимумом того, чего они ждали от революции, то сторонники старого режима откровенно злобствовали и издевались над основными положениями этого «хамского» документа. В итоге перед своей отставкой Гучков демонстративно отказался подписать подготовленный комиссией текст декларации, оставив эту неприятную миссию на усмотрение преемника.

Взяв на совещании слово, Керенский подчеркнул нетерпимость затягивания споров по этому вопросу, которое ведет к дальнейшему падению дисциплины в войсках и утрате Россией ее бывшего международного престижа. Наш долг, сказал новый министр, не только остановить разложение армии, но и вернуть ей эффективную боевую силу. При этом он старался примирить уже давно выявившиеся полярные точки зрения на проект декларации, выразив надежду на скорое принятие этого принципиально важного документа. Аналогичную мысль Керенский высказал и 4 мая на новом совещании с участием ряда прибывших из Ставки генералов, которые вежливо, но твердо критиковали правительство за излишнюю «мягкость» по отношению к солдатам. В ответ министр дипломатично и примирительно сказал, что должен быть достигнут некий компромисс, причем не нужно обвинять в нынешнем печальном состоянии войск ни правительство и Советы, ни армейскую верхушку.

5 мая Керенский издал наконец свой первый официальный министерский приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «1) Отечество в опасности, и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, невзирая на все тяготы. Никаких просьб от отставках лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу. 2) Самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок (15 мая). 3) Нарушившие этот приказ подвергнуты будут наказанию по всей строгости закона». А на следующий день, 6 мая, появился еще один приказ Керенского с наказами участников того самого апрельского съезда фронтовых делегатов рабочим, солдатам-тыловикам, крестьянам, капиталистам, интеллигенции и женщинам, которые должны были поддержать солдат на фронте морально и материально. Приказ был призван укрепить единство фронта и тыла и сплотить весь народ вокруг правительства⁹.

Но, конечно же, настоящим программным «запевом» в деятельности нового военного министра стала подписанная им 11 мая в поезде по дороге в Киев «Декларация прав солдата»¹⁰. Как и приказ № 1, она

объявляла, что во внеслужебное время все военнослужащие могут «свободно и открыто высказывать свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды». Отменялось отдание солдатами чести офицерам, выводились из употребления некоторые принятые ранее в армейском лексиконе выражения вроде «здравия желаем» и др., а также унижительные для чести и достоинства солдат наказания, прежде всего телесные. Подтверждалось и существование армейских солдатских и флотских матросских комитетов всех уровней. Одновременно в «Декларации» подчеркивалось, что требования воинской дисциплины обязательны в армии и на флоте для всех, а в боевой обстановке — и это было то новое, на чем особенно настаивал Керенский, — воинские начальники могут применять к тем, кто не подчиняется их распоряжениям, все меры дисциплинарного воздействия вплоть до вооруженной силы. Подтверждалось (тоже по личному указанию Керенского) право вышестоящих командиров — только их одних — назначать и смещать офицеров. Тем самым был положен конец всяким разговорам о том, что их якобы должны выбирать сами солдаты.

Таким образом, из приказа № 1 были изъяты те его места, где солдатам предоставлялось право в случаях, когда речь шла о выступлениях политического характера, подчиняться только Петросовету, а распоряжение и контроль за оружием передавались ротным и батальонным комитетам, причем оружие ни в коем случае не должно было выдаваться офицерам. Теперь солдатской «вольнице» и унижительному положению офицерского корпуса должен был прийти конец. И хотя впоследствии Керенский не раз пытался «откреститься» от «Декларации прав солдата», объявлял себя лишь своего рода душеприказчиком своих предшественников в Военном министерстве и в первую очередь Гучкова, реально он был достаточно свободен в своих действиях и вполне сознательно сохранил основной дух приказа № 1, авторы которого впервые увидели в рядовом составе военнослужащих людей и граждан России¹¹.

В итоге «Декларация прав солдата» в редакции Керенского не удовлетворила ни крайне правых, ни крайне левых политиков, да и солдатская масса отнеслась к ней довольно прохладно, не одобряя ни расширения прав офицеров, ни предусмотренные «Декларацией» наказания за нарушение воинской дисциплины вплоть до применения вооруженной силы. Показателем этого было то, что данный документ иногда даже характеризовался большевистски настроенной частью солдат как «Декларация бесправия». Однако в большинстве своем солдаты, еще мало затронутые революционной агитацией, в отличие от офицеров и генералов, воспринимали в мае–июне «Декларацию прав» в целом положительно.

В мае 1917 г., в предверии давно обещанного союзникам, но неоднократно откладывавшегося в связи с революционными событиями в стране, а также экономическими и транспортными трудностями наступления русской армии¹², Керенский предпринял большую, трехнедельную ознакомительно-агитационную поездку по различным частям армии и флота, включая и фронтовые. К ней были приурочены и публикация «Декларации прав солдата», и выход приказа военного и морского министра о подготовке к наступлению от 12 мая¹³. Там, в частности, говорилось, что оно ставит своей целью не захват новых территорий и насилие над завоеванным населением, а спасение своей ставшей наконец свободной страны от врага, и что русский солдат понесет на своих штыках «мир, правду, право и справедливость». Керенский подчеркивал, что для победы армии нужна новая, железная дисциплина, и призывал солдат и офицеров идти вперед, «к свободе, земле и воле». Министр передавал фронтовикам привет и низкий поклон от имени свободного русского народа, но предупреждал, что если они не защитят Россию, то их имена народом будут прокляты¹⁴.

После короткого знакомства 7–9 мая с частями столичного гарнизона¹⁵ Керенский 9 мая приехал в Гельсингфорс, где стояли русские войска и часть кораблей Балтийского военного флота, а потом вместе с гостившим в России французским министром-социалистом А. Тома и полковником Барановским проследовал на Юго-Западный фронт. Им командовал тогда генерал А.А. Брусилов — герой знаменитого прорыва русской армии весной 1916 г., вошедшего в историю под его именем. При этом на железнодорожных станциях к приходу спецпоезда собирались толпы окрестных жителей, искренне приветствовавших «народного министра».

В г. Каменец-Подольске, где располагался штаб Брусилова, министр уже в 9 часов утра 12 мая обошел фронт почетного караула, обменявшись с солдатами положенными после революции приветствиями: «Здорово, товарищи! — Здравия желаем, гражданин министр!» Собравшаяся поблизости толпа местных жителей кричала: «Вождю русской демократии ура! Да здравствует герой Керенский! Ура народному министру!». При этом министр, как писали потом журналисты об этой встрече, раскланивался с толпой и посылал ей воздушные поцелуи¹⁶.

А уже через час он выступал в городском театре на съезде делегатов Юго-Западного фронта. Сначала его приветствовал председатель съезда унтер-офицер Емельянов (его звание должно было наглядно показать, какие демократические перемены произошли в русской армии), заверивший Керенского, что солдаты и офицеры фронта не положат оружия до тех пор, пока не закрепят за собой добытой в ходе революции свободы, и провозгласивший здравицу в честь «первого

борца за свободу военного министра Керенского». Министр, разумеется, не остался в долгу, крикнув в зал: «Да здравствует русская революция! Да здравствует наша революционная русская армия, непобедимая, как воля народа! Ура!»

Начало речи Керенского тоже было необычным. Он заявил, что не хочет навязывать слушателям — «самым свободным солдатам мира» свои взгляды и хочет говорить как гражданин с гражданами и говорить одну только правду, поскольку только в правде человечество найдет счастье¹⁷. В советское время эти слова Керенского обязательно объявили бы дешевой демагогией, но я уверен, что говорил он это вполне искренне, хотя, наверное, не мог бы поручиться за то, что в реальной жизни все будет именно так, как ему представляется. Обращает на себя внимание и еще один ораторский прием, примененный Керенским. «Я мог бы сказать вам: “Идите немедленно домой, где вас ждут земля и воля”, но тогда погибнет армия, погибнет революция, ибо покинуть фронт значит потерять навеки и землю, и волю». Поэтому нужно, наоборот, держать фронт и готовиться к наступлению на врага.

Особую тревогу вызывала у министра эпидемия братаний русских и немецких солдат, распространявшаяся с весны 1917 г. по всему фронту. Он обращал, в частности, внимание своих слушателей на то, что под прикрытием таких братаний нередко таится элементарный вражеский шпионаж. «Бросьте страх! — продолжал Керенский. — Ведь вы революционеры, а я, ваш военный министр, — социалист-революционер». Больше того, он пообещал солдатам, что готов с ружьем в руках пойти впереди них на смерть. Затронул Керенский и такую деликатную тему, как чувство национальной гордости. Он сказал, что русский солдат совершал подвиги и при царизме. «Так неужели при республике армия будет стадом баранов?» — вопрошал Керенский и услышал в ответ мощное: «Нет, никогда, никогда!»

Сделал Керенский и красивый жест в адрес Брусилова, которому суждено будет скоро сменить генерала Алексеева на посту Верховного главнокомандующего, связав похвалы ему с низким поклоном солдатам и всему народу: «Перед вами, генерал, я преклоняюсь и благодарю! И еще кланяюсь той серой массе русского народа, которая п том и кровью создавала нашу страну». Сделал министр и еще один дипломатический реверанс — на этот раз в сторону армейских комитетов и Советов, сказав, что глубоко уважает их и без них ни одной минуты работать просто не сможет и не станет. «Я не могу поверить, — закончил Керенский, — чтобы Россия, свергнувшая проклятый царизм, могла умереть. Я верю в победу. А вы, главнокомандующий (т. е. Брусилов. — С.Т.), будьте спокойны: все пойдут туда, куда вы прикажете». После этого началась общая овация, длившаяся

ся несколько минут. Керенский в изнеможении опустился на стул, а Брусилов обнял его¹⁸.

Да, Керенский не зря с юности увлекался театром. Теперь, в зрелые годы он стал и хорошим режиссером, умеющим сделать из своего выступления-экспромта настоящий спектакль, и достойным этой талантливой режиссуры актером, способным довести своих слушателей до состояния экстаза. Мы столь подробно остановились здесь на одной, наиболее вдохновенной и, может быть, лучшей из всех речей Керенского, произнесенных им на протяжении этой поездки. А их во время майского объезда министром фронтовых частей и тыловых гарнизонов были буквально десятки. Одни из них случались длиннее, другие короче, но модель их всех была одна: Керенский до предела взвизгивал себя, затем передавал этот огромный эмоциональный заряд аудитории и покорял ее внешней простотой и вместе с тем глубоким патриотическим чувством, создавая ощущение необыкновенной своей слитности с солдатской массой, к которой он обращался. В итоге даже такой сдержанный и немногословный человек, как Брусилов, заверил Керенского в любви и уважении к нему солдат и офицеров и в их готовности беспрекословно выполнить все то, что министр прикажет, причем солдаты хором согласились со своим командующим. Завершил же все это действие 13 мая объезд Керенским и Брусиловым на 6-местном автомобиле передовой линии фронта с такими его «фирменными» атрибутами, как щедрые рукопожатия министра с простыми солдатами, посещение землянок и блиндажей и пять коротких речей высокого гостя. В машину ему бросали Георгиевские кресты, аплодировали, пели «Марсельезу», кричали: «За землю и волю! За Россию и революцию, за мир всему миру!»¹⁹

В Керенском солдатам нравилось все: бледное, худое лицо, стройная юношеская фигура, необыкновенная энергетика речи, хрипловатый голос, короткие, рубленые фразы. Привлекал и военизированный костюм министра (френч английского образца, брюки-бриджи, солдатские ботинки на толстой подошве, кепи с высокой тульей). Гипнотически действовала и его привычка пожимать солдатам руки, чего никогда не делали царские генералы. Поэтому министра буквально носили на фронте на руках, целовали его одежду, автомобиль и даже землю, по которой он ходил²⁰. Иначе говоря, то, что происходило во время майской поездки Керенского на фронт и в тыловые гарнизоны, было важной частью всюю проходившего тогда процесса формирования в России культа личности Керенского. Он возник гораздо раньше культов Ленина, Троцкого, а потом — в еще более крупномасштабном и явно сверхгипертрофированном виде — Сталина. До революции, но в гораздо более скромных размерах и формах, нечто подобное происходило только с русскими царями, особенно

с Петром I и Екатериной II. Теперь, в XX в., как видим, настал наконец и черед революционеров.

Результаты поездки Керенского на Юго-Западный фронт высоко оценили Верховный главнокомандующий Алексеев, министр иностранных дел Терещенко и сам военный и морской министр²¹. Вопрос заключался лишь в том, сохранится ли в голове и душе солдат и офицеров след от того патриотического заряда, который покорял их в речах Керенского? Увы, как стало ясно всего через месяц, когда началось наступление русской армии, жизнь дала на него отрицательный ответ. Закономерность здесь оказалась достаточно простой: пока в стране и на фронте сохранялась эйфория от победы Февральской революции, культ Керенского и обаяние его авторитета находили себе все новых и новых сторонников и почитателей; когда же эта эйфория пошла на спад и сменилась разочарованием и недовольством Временным правительством, призывы военного министра оказались забытыми и уже не давали никакого эффекта.

Поездка Керенского на Юго-Западный фронт дала и еще один, неожиданный для Керенского результат: она подтолкнула военного министра к замене 22 мая недавнего яркого монархиста и противника радикального изменения порядков в вооруженных силах Верховного главнокомандующего Алексеева более покладистым и интеллигентным Брусиловым, в котором министр увидел в тот момент наиболее приемлемого для себя Главковерха²².

А 16 мая Керенского уже восторженно встречала солнечная приморская Одесса. В знаменитом на весь мир оперном театре состоялся грандиозный митинг. Военный и морской министр с красной лентой через плечо приветствовал из ложи собравшихся, бросая им алые розы из букета, услужливо поданного ему кем-то из сопровождающих. Затем последовала очередная патетическая речь Керенского, который говорил, что на долю России выпало счастье повторить «чудесную сказку» Великой французской революции, а это бывает только раз в столетие. Русская революция — это чудо, делающее из недавних рабов свободных людей, пророчествовал оратор, подчеркнув, что вся страна объята ныне необыкновенным энтузиазмом. А далее шли уже более прозаические и жесткие истины: без дисциплины мы погибнем, хотя и стремимся к тому, чтобы великие идеи не осквернялись насилием и кровью; только враги советуют народу требовать от власти всего и сразу, но есть и искренние идеалисты, «слишком смотрящие в небо и влекущие нас в бездну анархии»; остановитесь, не расшатывайте новые устои.

А в следующей речи, произнесенной в тот же день Керенским в местном Совете рабочих, солдатских и офицерских депутатов, прозвучала и еще одна очень важная мысль, особенно актуальная для

Украины, где после свержения монархии стали быстро нарастать националистические и сепаратистские настроения: «Будем бороться против всего, могущего разорвать связь между национальностями и рассыпать Россию». Проводя исторические параллели, — а Керенский любил вспоминать и декабристов, и героев революции 1905 г., — он напомнил слушателям о благородных идеалах расстрелянных царскими карателями лейтенанта П.П. Шмидта, призвав аудиторию единым фронтом идти против всех врагов²³.

В Одессе Керенский вновь встретился с командующим Черноморским флотом адмиралом Колчаком, который к тому времени уже вступил в конфликт с матросскими организациями и настойчиво просился в отставку со своего высокого поста. Всю ночь с 16 на 17 мая они провели за откровенной и острой беседой в каюте миноносца, который шел из Одессы в главную военно-морскую базу России на Черном море Севастополь. Колчак, как и многие другие генералы и адмиралы той поры, твердо стоял за жесткую воинскую дисциплину и видел в ней единственную прочную основу нормальной жизни вооруженных сил. Керенский не возражал против этого, но считал, что в основе такой дисциплины должна быть, прежде всего, сознательность солдатско-матросской массы. Колчак в принципе был согласен с таким тезисом, но полагал, что сознательная дисциплина может быть пока только у отдельных солдат и матросов, а не у всей массы военнослужащих в целом, а значит, Керенский — идеалист.

Колчак быстро почувствовал, что министр свято верит в силу слова, особенно своего, тогда как, по его мнению, за почти три прошедшие месяца революционного периода красивые слова и торжественные клятвы уже всем изрядно надоели. В итоге Керенский и Колчак к единому мнению так и не пришли, причем министр просил своего собеседника остаться на посту командующего флотом, а тот упорно на это не соглашался. Характерно, что адмирал показался министру слишком упрямым и прямолинейным, а тот Колчаку — «болтливым гимназистом». Тем не менее утром 17 мая, когда они поднялись в Севастополе на борт линкора «Георгий Победоносец», Керенский, обращаясь к его команде, провозгласил здравицу: «Да здравствует ваш командующий флотом, лучший представитель офицерского корпуса! Ура!» Возможно, именно это и заставило Колчака все же сдаться, сказав Керенскому: «Хорошо, останусь»²⁴.

Таким образом, использовав свой административный ресурс, Керенский склонил Колчака, в сущности, к беспринципному и явно непродуктивному кратковременному компромиссу с матросской «вольницей» и фактически принес этого умного, волевого человека в жертву своим сиюминутным министерским амбициям. Дело в том, что Колчак оказался для него «неудобным», слишком самостоятель-

ным и жестким человеком, и Керенский фактически просто грубо вытолкнул его из российского политического процесса, отправив вскоре в далекую Америку как раз в кульминационный момент развития революции. И кто знает, как сложилась бы наша история, если бы на месте Кернилова оказался летом и осенью 1917 г. Колчак?

Колчак как личность был гораздо сильнее Керенского, который интуитивно чувствовал это и поспешил поскорее избавиться от потенциального соперника. Адмирал же не пошел тогда на открытый конфликт с главой правительства, которым грозило ему неподчинение приказу Керенского выехать в США, поскольку за ним не стояли в то время ни матросские (и тем более солдатские) массы, ни какая-либо сильная военная организация, готовая его поддержать. Трагическая судьба Колчака в годы Гражданской войны имела своей причиной не личные качества адмирала, а те общие обстоятельства, в которых ему пришлось действовать, но анализ которых не входит в задачу автора настоящей работы.

После посещения Севастополя Керенский вновь заехал в Одессу, метеором промелькнул в Киеве, могиловской Ставке и в Петрограде, потом побывал на Северном фронте и 26 мая прибыл в Москву, где в последний раз был перед этим еще в начале марта. И снова всех поразили феерический темп его жизни: за торжественной встречей и митингом на Александровском вокзале последовали: выступление на съезде эсеровской партии, посещение Московского совета и городской думы, а также Кремля, университета и штаба МВО. Затем прошел торжественный митинг-концерт в Большом театре, где Керенский произнес большую и очень эмоциональную речь на тему ответственности тыла перед фронтом и патриотического долга имущих классов перед армией²⁵. Закончил же он этот бурный день еще и выступлением на продовольственном съезде.

27 мая Керенский провел смотр войск московского гарнизона и посетил Александровское военное училище. Там произошел интересный эпизод: руководители училища сказали министру, что юнкера выпускного класса хотели бы назвать свой выпуск именем Керенского, но тот предложил им другое название: «Выпуск свободной революционной России». Неплохо прозвучало и напутствие Керенского будущим молодым офицерам: «Запомните: у вас нет никаких привилегий, кроме одной, — нужна двойная работа и двойная ответственность»²⁶.

Зато второе выступление Керенского 27 мая на проходившем тогда в Москве III съезде «родной» Партии социалистов-революционеров прошло в целом не слишком удачно. В то время многие эсеровские лидеры левого толка (М.А. Натансон, Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова и др.) уже не скрывали своего отрицательного отношения к Керенскому и прямо говорили, что в качестве министра Временного прави-

тельства он обманул их ожидания. Особенно недовольны были они искусственным затягиванием войны и решением аграрного вопроса. Лидер ПСР Чернов занимал более сдержанную, но в общем тоже недружелюбную позицию по отношению к Керенскому, причем здесь явно сказывалось и их соперничество за первенство в партии. Недаром Чернов отказался, в частности, от совместной с военным министром поездки на фронт. За Керенского из популярных эсеровских лидеров были только В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев и Е.К. Брешко-Брешковская.

Когда 1 июня 1917 г. на съезде проходили выборы в ЦК ПСР, Керенского «прокатили» 136 голосами против 134. Одной из причин отрицательных результатов голосования послужил и обнародованный правительством в тот день указ о суровых наказаниях за дезертирство из вооруженных сил. Дело в том, что эсеры-интернационалисты как противники продолжения войны отнюдь не считали тогда это преступлением и видели в упомянутом указе проявление отхода Керенского от прежних революционных принципов. По словам Суханова, они считали, что Керенский как «партийный человек» — явно ненадежен²⁷, хотя официально его неизбрание в ЦК ПСР объяснялось перегруженностью военного министра государственными делами.

Краткое приветственное выступление Керенского на съезде вечером 26 мая в целом понравилось его товарищам по партии. Он сказал, что рад почувствовать себя просто ее рядовым членом, подобно путнику в жаркий день стремящемуся припасть к холодному, освежающему источнику и испытать живительную влагу, которую может дать ему родная партия. Керенский пообещал прийти на съезд еще раз утром 27 мая, но это второе выступление оказалось уже довольно пустым, многословным и малосодержательным, что, несомненно, отразилось и на результатах его баллотировки при выборах в ЦК ПСР. Из него было ясно только одно: социализм, в верности которому Керенский порой не прочь был поклясться, был для него чем-то весьма абстрактным и неактуальным в данный момент для России, переживавшей демократическую, а отнюдь не социалистическую революцию. Недаром он призывал товарищей по партии не повторять ошибок и неоправданных увлечений 1905 г. и подчеркнул, что «железные законы экономического развития» заставили тогда и заставляют теперь революционеров отказаться от «утопических для слабого (российского. — С.Т.) капитализма задач и примкнуть к задачам демократическим». Отсюда Керенский делал вывод, что Россия просто не может преследовать в идущей мировой войне никаких завоевательных, империалистических целей и ведет войну исключительно оборонительную. Тем самым Керенский ответил на поступивший к нему вопрос делегатов съезда о том, ведет ли после свержения

царизма Россия чисто оборонительную войну или в ней есть некая «примесь», связанная с агрессивными устремлениями буржуазии в союзных странах Антанты?

Делегатов интересовал и еще один вопрос: выступает ли Керенский во Временном правительстве как член Партии социалист-революционеров или просто как один из министров, не связанных какими-либо доктринальными обязательствами. Оратор предпочитал в ответ не углубляться в данную проблему, но самоуверенно заявил: «Смею заверить... моих друзей (делегатов съезда. — С.Т.), которые думают, что я иду на поводу у буржуазии, что они очень и очень ошибаются»²⁸. Правда, жизнь показал, что чем дальше, тем больше Керенский, свято исповедовавший центристскую идею *общенациональной*, т. е. рабоче-крестьянско-интеллигентско-буржуазной, русской революции, забывал о «несвоевременных», как ему казалось, требованиях трудящихся масс и объективно старался не слишком задевать интересы буржуазии, т. к. именно такая позиция в условиях России 1917 г. представлялась ему единственно реалистичной и правильной. В итоге появление Керенского на эсеровском съезде, показавшем укрепление левоинтернационалистского крыла ПСР, не принесло удовлетворения ни ему самому, ни его формальным товарищам по партии, чувствовавшим, что «их» Керенский остался уже где-то в прошлом.

В целом поездка Керенского на фронт, в Одессу, Севастополь, Киев и Москву была удачной. Однако в ходе ее были и эпизоды, омрачавшие его настроение. Так, на Северном фронте, на передовой в районе Риги какой-то солдат сказал министру: «Если начнется наступление, то все мы погибнем, а мертвому уже не нужны ни земля, ни воля. Поэтому правительство должно поскорее заключить мир». Обращаясь к командиру полка, где служил этот солдат, Керенский приказал немедленно отчислить его из вооруженных сил и отправить домой, в деревню, чтобы все знали там, что их односельчанин трус, отказавшийся защищать русскую землю. Потрясенный этим виновник происшествия на глазах у Керенского упал в обморок, а позже министру сообщили, что он попросил прощения, обещая в дальнейшем стать образцовым военнотружущим. Характерно, однако, что прапорщик того же полка XII армии, где произошел этот инцидент, взявшийся объяснять министру его причину, сказал: «Теперь уже энтузиазма у нас нет и наступать мы не можем, т. к. прибывающие маршевые роты (пополнения. — С.Т.) приносят вредные, разлагающие настроения»²⁹.

Не случайно 1 июня 1917 г. был опубликован правительственный указ от 30 мая о наказаниях за дезертирство, отказ выполнять приказы начальства и за открытый мятеж, а также за подстрекательство к этим

преступлениям, призванный стать грозным предупреждением всем, кто накануне наступления подрывает воинскую дисциплину. Виновым в нарушении этого указа грозила отправка на каторгу, отстранение от участия в предстоящих выборах в Учредительное собрание, лишение права на владение имуществом и права на земельную собственность (для солдат из крестьян это было особенно важно в связи с будущей аграрной реформой и разделом помещичьих земель). Что касается семей дезертиров и других нарушителей воинского долга, то им грозило лишение казенных пособий семьям военнослужащих. Непокорные воинские части подлежали немедленному расформированию³⁰. Конечно, Керенский был не столь наивен, чтобы рассчитывать на полное исполнение всех пунктов данного указа, но других рычагов для пресечения подобных дисциплинарных нарушений законов военного времени в его распоряжении уже просто не было.

За свою неудачу на съезде ПСР Керенский взял впечатляющий реванш на I Всероссийском съезде Советов (3–24 июня 1917 г.)³¹, открывшемся в день 10-й годовщины роспуска Николаем II и Столыпиным II Государственной думы. Съезд совпал с апогеем культа Керенского, который оказался в центре внимания делегатов и гостей советского форума, ловивших буквально каждое слово своего лидера и не скупившихся на аплодисменты после его выступлений. Он был в неплохой физической форме и в хорошем настроении, хотя, по образному выражению Степуна, уже «ощутимо натягивал вожжи», как бы прощаясь с безбрежной митинговой демократией мартовских дней³².

В предверии наступления русских войск на фронте Керенский вовсю демонстрировал свой патриотизм и уже на первом заседании съезда публично отмежевался от швейцарского социал-демократа Роберта Гримма, не без оснований заподозренного в связях с немцами и высланного за это из России³³. Большое впечатление на делегатов произвел и успех Керенского в полемике с Лениным (это была их первая и последняя личная встреча³⁴) по вопросу об отношении к Временному правительству и о перспективах русской революции, причем Керенский, в противовес большевикам, защищал политику кабинета Львова, что вызвало одобрительную реакцию большинства участников съезда и явное неудовольствие Ленина.

Во второй день работы съезда, 4 июня Церетели, защищая новый, коалиционный состав Временного правительства, заявил: в данный момент в России нет политической партии, претендующей на переход в ее руки *всей государственной власти*. «Есть!» — немедленно крикнул с места в ответ Ленин. А потом, уже выступая со съездовской трибуны, лидер большевиков развил эту мысль и высказался еще и за арест 50 или даже 100 крупнейших российских миллионеров, получающих по 500–800 % прибыли на вложенный капитал. Он рас-

критиковал также нежелание Временного правительства дать независимость Финляндии и Украине и его намерение бросить русскую армию в наступление на австро-германские войска³⁵.

Не ответить на это Ленину Керенский просто не мог, потому что воспринял ленинские слова как полемику не только с Церетели, но и с ним (при этом Керенский называл Ленина товарищем и гражданином, а тот своего оппонента — просто министром). Военный министр напомнил слушателям, что и Великая французская, и Первая русская революции закончились для тех, кто их совершал, довольно печально, а потому сейчас нужно не «развивать» февральско-мартовский переворот дальше, как предлагают большевики, а закреплять уже достигнутые успехи, чтобы товарищ Ленин мог и дальше произносить свои речи здесь в Петрограде, а не возвращаться опять в Швейцарию.

По поводу же предложения Ленина об аресте нескольких десятков русских капиталистов Керенский, заверив аудиторию в своем якобы глубоком уважении к доктрине марксизма и лично к Карлу Марксу и его ученикам, сказал, что «таких элементарных и детских вещей никогда марксизм никому не предлагал. Вероятно, сам гражданин Ленин забыл, что такое марксизм... Такой человек не может называться социалистом, потому что социализм никогда не предлагал переносить вопросы экономической борьбы, вопросы борьбы классов и их экономические отношения в плоскость, где пользуются рецептами первобытных правителей, азиатских деспотов — арестовывать людей». При этом Керенский сравнил большевиков с «держимордами старого режима», предлагавшими в качестве методов классовой борьбы арестовывать и убивать людей³⁶.

Приговор, вынесенный Керенским большевизму и его вождю Ленину, был суров и безальтернативен: «...Когда вы бессознательным, безумным союзом с реакцией уничтожите нашу (Временного правительства. — С.Т.) власть, вы откроете двери подлинному диктатору, который вам покажет то же, как вы предполагаете обращаться с капиталистами, который нас арестует, и вновь мы окажемся с разбитым корытом. И вот наш долг, долг российской демократии, сказать: не повторяйте ошибок истории, вас зовут на путь, который... приведет Россию к новой реакции, к новым потокам демократической крови!»³⁷

По воспоминаниям Суханова, в глазах большинства делегатов съезда Советов Керенский выглядел как блистательный победитель Ленина, а сам лидер большевиков даже не стал возражать своему оппоненту и как-то незаметно исчез из зала³⁸. Впрочем, Ленин был не из тех партийных лидеров, которые так легко сдаются своим противникам. 9 июня, когда Керенский вновь появился на съезде, вождь большевиков принял участие в обсуждении вопроса о войне и заявил, что без свержения власти буржуазии выхода для России из империа-

листической войны нет, причем в том случае, если бы с мировой революцией вышла заминка, то, совершив новую, теперь уже антиимпериалистическую революцию, наша страна повела бы революционную войну с шансами на успех 99 из 100³⁹.

В ответ Керенский, развивая мысли, высказанные им на съезде 4 июня, сказал, что «в самом отсталом в капиталистическом развитии государстве», каким является в данное время Россия, совершить «первый скачок от полуразвитого капиталистического государства в государство социалистическое» — это фантастика. Нужно же сейчас совсем другое: закрепить победу над царизмом и создать из новой, революционной России «авангард демократического социалистического движения в Европе», заставить с Россией считаться за границей и делом доказать, что русская революция — это не распад, растление и авантюра, а начало новой жизни. Для этого же, по мнению Керенского, нужно реально демократизировать Россию и ее армию и провести наступление на фронте, ибо пассивная оборона — это «добровольное согласие на разгром». При этом военный министр самоуверенно заявил: «Разум армии и разум армейской демократии со мной, и я с ними», и поэтому нужно, чтобы съезд уполномочил правительство «принимать все меры для того, чтобы не дать возможности через анархию слева восторжествовать нашим подлинным врагам справа». Ответом Керенскому были шумные рукоплескания и крики: «Браво!»⁴⁰

Керенский подтвердил также, что Россия готова заключить всеобщий (но не сепаратный) мир⁴¹, и вновь ехидно поинтересовался, почему Ленин не остался в Германии, чтобы помочь там развитию революционного процесса? В итоге на съезде, как и следовало ожидать, вновь была принята 12 июня эсеро-меньшевистская резолюция, одобрявшая внешнюю политику Временного правительства и подчеркивавшая, что вопрос о наступлении на фронте должен решаться «исключительно с точки зрения чисто стратегической». Естественно, что решать его должны будут армейское командование и военный министр.

Съезд Советов, особенно учитывая фактор двоевластия, стал крупным событием в политической жизни страны и дополнительно активизировал деятельность левых, социалистических партий и самих трудящихся масс, стремившихся подтолкнуть делегатов и их руководителей к более смелым и решительным действиям. В дни его работы произошел ряд событий, показавших, что в столице набирают силу большевизм и анархизм. Так, 5 июня анархисты заняли в Петрограде типографию газеты «Русская воля» и покинули здание только тогда, когда их окружили войска. Аналогичная ситуация сложилась 10 июня со штурмом гвардейцами и казаками дачи быв-

шего царского министра П.Н. Дурново, тоже самовольно занятой после Февральской революции анархистами. С большим трудом удалось принять решение и о выселении штаб-квартиры Ленина и Петербургского комитета большевиков из особняка знаменитой балерины М.Ф. Кшесинской, но провести его в жизнь все же оказалось практически невозможно.

Большой переполох на съезде, особенно после речи Ленина 9 июня, вызвало намерение большевиков провести 10 июня в Петрограде крупную антиправительственную демонстрацию. 9 июня Керенский срочно выступил на съезде еще раз, чтобы опровергнуть слухи о продвигании к Петрограду каких-то казачьих частей и попросить петроградский военный гарнизон «оставаться спокойным и не идти на провокацию, откуда бы она ни исходила». «Еще раз повторю, — закончил он, — что никакие воинские части не могут двигаться и не двинутся никуда в другом направлении, как только в одном: в направлении на фронт»⁴².

В этой напряженной обстановке поздно вечером 9 июня съезд запретил на период с 10 по 13 июня проведение в Петрограде любых уличных манифестаций, что заставило ЦК большевиков в ночь на 10 июня отменить свое прежнее решение о проведении демонстрации. Наконец 12 июня съезд решил в виде некоторой «компенсации» за предыдущий запрет всех манифестаций все же разрешить проведение такой демонстрации в воскресенье 18 июня. Но если меньшевики и эсеры демонстрировали в тот день под лозунгом «Доверие министрам-социалистам — поддержка Временному правительству!», то большевики написали на своих транспарантах: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Ни сепаратного» мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!»

Между тем приближалось время начала запланированного и активно готовившегося Керенским наступления русских войск. 13 июня перед отъездом на фронт военный министр издал следующий приказ по войскам столичного гарнизона: «Я уезжаю из Петрограда и хотел бы верить, что, пока я буду делать вне Петрограда то, что мне подсказывает мой революционный долг (он имел в виду руководство наступлением. — С.Т.), вы, товарищи, пока меня здесь не будет, не нанесете удара в спину мне и революции»⁴³. Как показали последовавшие вскоре за этим события, Керенский оказался в данном случае слишком самонадеянным.

14 июня, за 4 дня до начала наступления военный министр опять прибыл на Юго-Западный фронт, в г. Тарнополь, чтобы в последний раз уточнить некоторые детали предстоящей операции. Но здесь его ждал неожиданный и очень неприятный сюрприз — встреча с Грена-

дерским и Павловским гвардейскими полками, которые оказались не только «ненадежными» (об этом Керенского предупредили заранее), но и вообще отказались ему повиноваться. Поэтому он вынужден был сразу же перевести разговор с гвардейцами в чисто дисциплинарную плоскость: «Я министр, вы должны выполнять все мои распоряжения». Но из этого ничего не вышло. Главным оппонентом Керенского оказался польский аристократ на русской службе и явный большевик по своим взглядам капитан К. Дзевалтовский — человек отчаянно смелый, дерзкий и неуправляемый. Он был дважды ранен, имел 8 боевых наград и готов был резать правду-матку в глаза даже самому министру.

Его подчиненные встретили и проводили Керенского свистом, а Дзевалтовский предупредил, что его люди читали все речи высокого гостя и их интересуют только два вопроса: взаимоотношения Временного правительства с Советами и недавний указ о дезертирах. Министр уклонился от ответа на первый вопрос, а по поводу дезертирства заметил, что его нынешних слушателей эта проблема вообще не касается, поскольку они не дезертиры. Керенский добавил, что месяц назад подписал «Декларацию прав солдата», которую отказался подписать Гучков, и одним этим уже сказано все. Чувствовалось, что он пришел в бешенство и находится на грани нервного срыва. Обращаясь к окружившим его гвардейцам, Керенский спросил их, позволили ли бы они себе стоять перед Сухомлиновым вот так, как стоят сейчас перед ним, — скрестив руки и критикуя его приказы? И сам же ответил за них: «Конечно, нет, потому что вы рабы и трусы!»

Дальше последовала дежурная фраза из лексикона министра: «Я верю в здравый смысл трудовых масс и знаю, что настоящий солдат — это смелый революционер, идущий на смерть за свободу, равенство и братство. А если вы не верите мне, то знайте, что вслед за мной придет настоящий диктатор» (теперь это был у него новый излюбленный аргумент). В итоге разговора не получилось, и Керенский вынужден был бесславно покинуть этот импровизированный митинг с сильно испорченным настроением и очень серьезными сомнениями в успехе предстоящего наступления⁴⁴, тем более что случаев отказа идти в бой (пусть и не таких вызывающих) были немало. Что же касается этих непокорных частей, то они были сняты с передовой и переведены в резерв.

16 июня Керенский отдал приказ о переходе русских войск в наступление, в котором говорилось: «Воины, Отечество в опасности! Свободе и революции грозит гибель. Время настало, и армия должна выполнить свой долг. Верховный главнокомандующий ваш, обвеянный победами вождь, признает, что каждый день дальнейшего промедления только усиливает врага и что лишь немедленным и решительным

ударом мы можем разрушить его планы. Поэтому, в полном сознании великой ответственности перед Отечеством, я от имени свободного народа и его Временного правительства призываю армии, укрепленные силой и духом революции, перейти в наступление. Пусть все народы знают, что не по слабости говорим мы о мире. Пусть знают, что свобода увеличила нашу мощь. Офицеры и солдаты! Знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг во имя свободы, во имя светлого будущего Родины, во имя прочного и честного мира. Приказываю вам: «Вперед!»⁴⁵.

В тот же день русские войска начали артподготовку, а весь следующий день, 17 июня Керенский объезжал полки, которым назавтра предстояло первыми идти в бой. С утра 18 июня он внимательно следил за тем, как наступление началось, и даже поднимался на аэроплане в воздух, чтобы с высоты лучше видеть цепи наступающих бойцов и общую панораму боя. В тот же день в Петрограде прошли несколько патриотических демонстраций и митингов. Сохранившиеся фотографии запечатлели два из них: на одной «отец русского марксизма» Плеханов сфотографировался с митингующими на фоне большого портрета Керенского, на другой — возле такого же портрета военного министра стоит командир женского батальона смерти Мария Бочкарева⁴⁶.

Наступление, которое в принципе давно уже не было секретом и сразу же превратилось из чисто военной в военно-политическую акцию, началось на Юго-Западном фронте, который за первые 12 дней боев продвинулся на 25–30 км. Были захвачены тысячи пленных и большое количество орудий, минометов и пулеметов противника. Особенно отличилась при этом 8-я армия генерала Корнилова, переведенного на фронт по его просьбе в мае 1917 г. 27 и 28 июня она захватила города Галич и Калуж, и Керенский лично вручил ее полкам новые красные знамена (красный цвет символизировал связь армии с революцией). Но успех этот был достигнут в основном усилиями ударных подразделений (пионерами в их создании тоже были «корниловцы»), которые понесли большие потери. Поэтому их наступательный порыв, не поддержанный вдобавок соседями и не подкрепленный резервами, быстро выдохся, а после сильного контрудара германских войск 6 июля превратился в отступление с большими потерями, напоминавшее паническое и беспорядочное бегство.

Чтобы остановить его, Корнилов самочинно отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя их трупы с соответствующими надписями на дорогах и в различных видных местах. Были сформированы ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирством, насилиями и грабежами. Корнилов запретил также в прифронтовой полосе всякие митинги, требуя разгонять

их силой оружия. И хотя рвение Корнилова не было поддержано тогда командующими других армий, оно было по достоинству оценено начальством. Его твердые, но при этом не экстремистские взгляды очень понравились комиссарам Временного правительства в 8-й армии — сначала эсеру Борису Савинкову⁴⁷, а когда последний стал комиссаром всего Юго-Западного фронта, — эсеру М.М. Филоненко⁴⁸. Они увидели в Корнилове достойного кандидата на роль будущего военного диктатора России и решили, несмотря на провал наступления, всячески продвигать его по служебной лестнице.

Общая численность потерь русской армии убитыми, ранеными и попавшими в плен за время июньско-июльских боев превысила 150 тыс. человек⁴⁹. Линия фронта стабилизировалась только к 15 июля. Объясняя причины этих неудач, Керенский ссылался на пораженческие настроения солдат под влиянием большевистской агитации, первоклассное состояние войск противника, а также на то, что союзники поставляли России бракованные тяжелые орудия и мало самолетов. Он даже потребовал отзыва с фронта британского военного атташе генерала Нокса, который открыто выражал свою неприязнь к русской армии и лично к Керенскому и становился неким центром оппозиции среди офицеров-фронтовиков, пока требование Керенского об отзыве Нокса не было удовлетворено⁵⁰.

Почти до конца месяца военный министр находился на фронте, но резкое обострение конфликта Временного правительства с Центральной украинской радой заставило Керенского 29 июня срочно выехать в Киев, где его уже поджидали другие члены «внутреннего» кабинета Терещенко, Некрасов и Церетели, тоже срочно командированные из Петрограда на Украину. Дело в том, что после Февральской революции там стало быстро нарастать национальное движение, и уже в начале апреля прошел Всеукраинский национальный съезд, на котором был создан украинский национальный парламент — Украинская Центральная Рада. А 10 июня Украина провозгласила свою автономию и объявила о создании собственного правительства — Генерального секретариата во главе с известным писателем и драматургом социал-демократом В.К. Винниченко⁵¹.

Требования «бунтарей» включали в себя замену русских чиновников на украинских, украинизацию Церкви и вооруженных сил⁵². Рада предъявляла претензии на включение в состав Украины Бессарабии, Крыма и Кубани, признание ее субъектом международного права и конфискацию имущества «москвофильских» организаций. Однако Временное правительство в апреле и мае отклонило эти притязания и твердо стояло на том, что решение вопроса об автономии Украины должно быть отложено до созыва Учредительного собрания, с чем Рада, однако, не согласилась.

Ситуация особенно обострилась после начала наступления русской армии 18 июня, когда Рада стала открыто угрожать развалом фронта и расколом армии. Это и потребовало приезда в Киев Керенского и других министров Временного правительства для переговоров с президентом Рады историком М.С. Грушевским, Винниченко и секретарем по военным делам социал-демократом С.В. Петлюрой. Переговоры растянулись на три дня, и лишь 30 июня было достигнуто соглашение, согласно которому делегация Временного правительства дала предварительное согласие на признание автономии Украины и Генерального секретариата, а Рада обязалась до созыва Учредительного собрания не форсировать провозглашения украинцами своей независимости. Заметим, что Украина оказалась таким образом первым — раньше Польши и Финляндии — национальным регионом Российской империи, поставившим вопрос о полном отделении от России. Украинская сторона по соглашению от 30 июня обещала также пополнить состав Рады представителями русских, евреев и поляков, т. е. тех национальных меньшинств, которые жили на территории Украины.

Но когда российская делегация 2 июля вернулась в Петроград, то на заседании Временного правительства разразился бурный скандал. В своем докладе об итогах киевских переговоров Керенский в жесткой форме потребовал не вносить изменений в текст достигнутого им, Терещенко и Церетели соглашения, но министры-кадеты взбунтовались и отказались голосовать за ратификацию киевских договоренностей⁵³, возмущившись, в частности, и формой поведения Керенского⁵⁴. Правда, соглашения были все-таки одобрены, но акция 4-х членов кабинета, вышедших после этого в отставку, тем не менее положила начало серьезному правительственному кризису, растянувшемуся на целых 3 недели, причем и кн. Львов усидел в премьерском кресле лишь до 7 июля.

Но гораздо серьезнее было то, что происходило в те дни на улицах Петрограда⁵⁵. 3 июля там началось «полувосстание» 1-го пулеметного полка, который сильно «разбух» после революции в количественном отношении и насчитывал к июлю уже около 20 тыс. человек, т. е. столько, сколько обычно бывает в целой дивизии. При этом полк находился под сильным влиянием большевиков и анархистов. После начала июньского наступления Керенский потребовал, чтобы значительная часть пулеметчиков с 500 пулеметами срочно была отправлена на фронт, однако полковой комитет отказался выполнять приказ до тех пор, пока война не примет «революционного характера»⁵⁶. Реально же сильно «разбалованные» длительным пребыванием в Петрограде пулеметчики просто не хотели менять привольную, с крайне слабой дисциплиной столичную жизнь на опасную и тяже-

люю фронттовую обстановку. Поэтому с утра 3 июля на петроградских улицах появились грузовики с солдатами-пулеметчиками, объезжавшими заводы и казармы, призывая рабочих и солдат присоединяться к начинающемуся восстанию. Кроме того, пулеметчики разыскивали лично Керенского, в котором видели своего главного врага, но он совершенно случайно ускользнул от них: поезд с министром отошел от перрона на несколько минут раньше, чем к вокзалу подкатил грузовик с надписью на борту: «Первая пуля — Керенскому»⁵⁷.

К вечеру 3 июля положение в столице стало еще более тревожным. Петроград стремительно погружался в хаос, причем часть большевистских руководителей (Ленин в городе отсутствовал) готова была использовать этот благоприятный, по их мнению, момент для захвата власти⁵⁸. А рано утром следующего дня, 4 июля из Кронштадта, где с самого начала революционных событий 1917 г. царствовала матросская вольница, в Петроград прибыл 10-тысячный «десант» вооруженных до зубов матросов во главе с большевиком Федором Раскольниковым. Кронштадтцы прошли по всему городу, и когда в одном месте их колонна была обстреляна неизвестными, то это послужило сигналом к ответному пулеметному и ружейному огню. Среди матросов были убитые и раненые⁵⁹. Днем кронштадтцы подошли к Таврическому дворцу и попытались арестовать лидера эсеров, министра земледелия Чернова, которого буквально спас от расправы вовремя подоспевший Троцкий. Лишь 6 июля, когда в Петроград для подавления беспорядков стали прибывать с фронта по приказу Керенского верные правительству войска, кронштадтцы покинули столицу, а Раскольников позже был арестован. Тем не менее «Кронштадтская республика» фактически просуществовала до конца 1917 г.

Между тем 5 июля без прямого указания Временного правительства и его главы кн. Львова в печати появились сенсационные, но до конца не проверенные материалы о связях Ленина и его ближайшего окружения с германской разведкой⁶⁰. Еще накануне, вечером 4 июля эта информация была доведена до сведения части солдат и офицеров столичного гарнизона, собранных на Дворцовой площади, причем их реакция, как и предполагалось, оказалась совершенно убийственной для большевиков. В дальнейшем, по мере распространения по Петрограду и по стране в целом немедленно подхваченной властями версии о Ленине-шпионе, несмотря на всю неопределенность и шаткость выдвинутых против вождя большевиков обвинений, антибольшевистская истерия — иного слова здесь не подберешь — сделала свое дело и на время крайне негативно сказалась на положении ленинской партии на политическом поле страны.

Однако продолжалось это очень недолго, тем более что проведенное Временным правительством расследование причин событий

3–4 июля и роли в них большевиков никаких неопровержимых доказательств связи Ленина с немцами не дало. Справедливости ради нужно сказать, что многие меньшевики и эсеры из ВЦИК Советов явно не хотели еще тогда «добивать» своих товарищей-большевиков, да и Керенский еще не направил тогда на них и лично на Ленина всю свою энергию верховного защитника демократии и государственного порядка в стране⁶¹.

Керенский уезжал из Петрограда в Ставку вечером 3 июля, когда беспорядки в столице еще не достигли своего пика. Дополнительную информацию он получил рано утром 4 июля, но не придал ей особого значения, полагая, что в столице достаточно надежных войск. Правда, уже вечером того же дня кн. Львов лично попросил его срочно вернуться назад, однако и на этот раз Керенский лишь посоветовал ему немедленно прекратить беспорядки вооруженной силой и наказать виновных, но в Петроград не вернулся⁶². Только к вечеру 6 июля он прибыл в столицу из Киева, причем еще утром того же дня в Петрограде уже появился сборный сводный отряд солдат и офицеров Северного фронта, сформированный по инициативе председателя армейского комитета 5-й армии, молодого адвоката А.А. Виленкина. Командиром же отряда стал эсер поручик Г.П. Мазуренко. Воинские части, принимавшие 3–4 июля участие в мятеже, подлежали расформированию, фильтрации и отправке частью под арест, частью на фронт или в тыловые гарнизоны, причем эта процедура коснулась и зачинщиков выступления из 1-го пулеметного полка.

6 июля появились и два правительственных указа репрессивно-го характера: о привлечении к судебной ответственности всех участников и руководителей вооруженных выступлений против государственной власти и о наказаниях за публичные призывы к убийству, грабежу, разбою и «к неисполнению распоряжений властей»⁶³. Таким образом, Львов выполнил советы Керенского, что позволило арестовать ряд видных революционеров — все более сближавшихся с большевиками Троцкого и С.Г. Луначарского, а также таких большевиков, как Каменев, А.М. Коллонтай, В.А. Антонов-Овсеенко, Ф.Ф. Раскольников, Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко, С.Г. Рошаль и др. Многие из них сыграли потом видную роль в октябрьские дни, обеспечив победу Ленина и заняв видное положение в правящей советской и военной верхушке⁶⁴.

В итоге к моменту возвращения Керенского в Петроград во второй половине дня 6 июля с беспорядками в столице было в основном уже покончено. Но военный министр очень хотел покрасоваться в роли победителя и выразил пожелание, чтобы для его торжественной встречи вдоль улиц, по которым он проезжал, были выстроены для приветствия войска из отряда Мазуренко. Однако ВЦИК Сова-

тов, поддержанный на этот раз кн. Львовым, счел подобное показное мероприятие неуместным, и оно было отменено. Поэтому Керенский явился на заседание Временного правительства, что называется, «на взводе» и потребовал немедленно принять решение об аресте Ленина, Зиновьева и других видных большевиков. Окончательно же он взорвался, когда на заседании правительства появились представители ВЦИК Советов и стали выражать опасения, что большевиков — этих «заблуждающихся», но честных борцов начнут преследовать еще до тщательного расследования выдвинутых против них обвинений, а это неизбежно бросит тень и на правительство. В знак протеста против подобной «мягкотелости» военный министр даже демонстративно ушел с заседания правительства, поскольку почувствовал, что ситуация складывается явно не в его пользу: дело в том, что отъезд Керенского из столицы в Ставку вечером 3 июля был воспринят многими как трусливое бегство из охваченного беспорядками Петрограда, а его отказ вернуться туда 4–5 июля — как еще один признак слабости и неуверенности в себе.

Однако в ночь на 7 июля было получено сообщение о начале мощного контрнаступления германских войск. Теперь против немедленного преследования и арестов большевиков уже никто больше не возражал, и Керенский несколько успокоился, тем более что утром 7 июля он стал министром-председателем, сохранив за собой и посты военного и морского министра. С помощью «братьев-масонов» Некрасова и Терещенко и министров-социалистов Чернова и Церетели Керенский искусно создал обстановку, в которой уже давно тяготившийся властью премьер Львов решил подать наконец в отставку. Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стало заявление Чернова и Церетели о необходимости срочно провозгласить Россию демократической республикой, форсировать проведение выборов в Учредительное собрание и провести ряд крупных социальных преобразований, включая и аграрную реформу⁶⁵. Львов же был не согласен с планом подобного ускорения столь радикальных перемен, но главное заключалось в том, что он не хотел идти на решительные меры карательного характера, прикрывая их своим именем. Одному из своих друзей премьер прямо сказал: «Чтобы спасти ситуацию, нужно было бы разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог сделать этого, а Керенский может»⁶⁶.

Правда, здесь Львов ошибся, но так или иначе, мечта Керенского наконец исполнилась: он стал премьером, а Некрасов — его заместителем. Церетели же, оставаясь министром почт и телеграфов, занял еще и пост управляющего МВД (напомним, что кн. Львов совмещал посты премьера и министра внутренних дел), взяв на себя одну ответственности за исполнение намеченных правительством анти-

большевистских акций. Таким образом, в политической биографии Керенского открылась новая страница. Теперь ему принадлежала вся полнота власти, хотя в российских условиях 1917 г. это было понятие достаточно относительное.

Что касается итогов деятельности первого коалиционного состава Временного правительства, то они выглядели довольно скромно. В печати появилось прямое объявление о том, что в основу предстоящей аграрной реформы будет положен главный принцип эсеровской программы социализации земли — вся она должна будет перейти в руки тех, кто ее обрабатывает, т. е. крестьян. Но о том, когда же это наконец произойдет, вновь не было сказано ни слова. Было создано давно обещанное волостное земское управление, избираемое на основе всеобщего избирательного права. Земства обрели новые функции (юридическая помощь населению, руководство школьным делом, организация бирж труда, заведование милицией), причем надзор за законностью их действий был возложен на комиссаров Временного правительства. Аналогичные функции получали и городские думы. Был повышен также подоходный налог с богатых (до 30 вместо прежних 12,5 %). Вместе с тем выполнение главной задачи правительства в военной сфере, за которую отвечал лично Керенский, — проведение наступления русской армии оказалось провалено, хотя военный министр и остался руководителем вооруженных сил страны и не понес никакой персональной ответственности за развал фронта.

В целом положение в стране оставалось более чем сложным. Еще 18 июня З. Гиппиус записала в дневнике: «Везде разруха, развал, распущенность. “Большевизм” пришелся по нраву нашей темной, невежественной, развращенной рабством и войной массе... На фронте разложение, неповиновение и бунты... В тылу забастовки... — преступные в данный момент. Украина и Финляндия самовольно грозят отложиться... [Советы] почти так же бессильны, как правительство». Выхода из этой ситуации Гиппиус не видит. Состав Временного правительства вызывает у нее лишь улыбку, да и Керенский, по ее мнению, не сможет исправить ситуацию: «Остановится. Испугается. Носители власти должны не бояться своей власти. Только тогда она будет настоящая. Ее требует наша историческая минута. И такой власти нет. И, кажется, нет для нее людей»⁶⁷.

В этих условиях назначение Керенского на пост главы правительства, которого он так жаждал сам и которое старательно готовил, было последней ставкой российских «верхов» на стабилизацию ситуации в стране в целом еще демократическими, но не останавливающимися уже и перед применением силы методами. Это был аванс Керенскому, который ему еще предстояло «отработать». Вопрос заключался, однако, в том, сможет ли он это сделать? Ведь впереди у Керен-

ского — теперь уже премьера — были трудные времена. Ситуация в стране, на фронте и в отношениях с союзниками была сложнее, чем весной 1917 г., когда к власти пришел кн. Львов. Росло и количество проблем, с которыми Керенскому предстояло иметь дело: экономика, транспорт, наука и культура. Увеличивалось и количество противников, борьба с которыми требовала все больше сил и отвлекала от конструктивной государственной работы. Словом, жизнь жестоко мстила новому премьеру за самонадеянность и тщеславие, а его прыжок в премьерское кресло напоминал прыжок в политический омут, который накрыл его с головой.

---

¹ Причиной этого стали его разногласия с Шингаревым и Скобелевым по вопросу о формах и пределах вмешательства государства в регулирование экономики. Пост министра торговли и промышленности остался вакантным, а его обязанности выполнял управляющий этим министерством кадет В.А. Степанов.

² Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая; Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. М., 1959. С. 229–230. Проект декларации разрабатывал Некрасов, а утверждали его на совместном заседании Временного правительства ВКГД и Исполкома Петросовета 3 мая (см.: Петроградский Совет... Т. 2. С. 520–522).

³ Второй пункт декларации гласил: «В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступательных действиях будут являться важнейшей задачей Временного правительства».

В декларации говорилось также: «Во внешней политике Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов». Ставя все точки над *i*, кн. Львов суммировал смысл этой части декларации в словах: «Страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой» (Новая жизнь. 1917. 7 мая).

⁴ Так, в мае — начале июля, т. е. до своего назначения министром-председателем, Керенский участвовал только в заседаниях правительства 6, 8, 29–31 мая, 1–3, 7, 8, 12, 13 июня и 7 июля, т. е. всего в 13 заседаниях, пропустив по вполне уважительным причинам целых 42 заседания (см.: Журналы заседаний Временного правительства. М., 2002. Т. 2). Во время отсутствия Керенского в заседаниях правительства участвовали его помощники по военному ведомству.

⁵ Командовавший в начале военной карьеры Керенского Петроградским военным округом генерал П.А. Половцов вспоминал, что новый военный министр лишь однажды осмелился, как положено ему по должности, сесть на коня для объезда войск. При этом его сопровождали два конюха — один вел под уздцы самого коня из царской

конюшни, на которого Керенский с трудом взгромоздился, а второй шел сзади, чтобы в случае падения не дать ему оказаться на земле. В дальнейшем министр объезжал войска уже только на автомобиле. Легко представить себе, что думали солдаты и офицеры, наблюдавшие за этой комичной сценой. См.: *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 102–103.

⁶ Гучков, закончивший историко-филологический факультет Московского университета, тем не менее не был для армии совершенно посторонним человеком: в 1885–1886 гг. он служил в гвардии, в 1899 г. участвовал в англо-бурской войне на стороне буров, а в 1903 г. воевал в Македонии с турками. Наконец в 1904–1905 гг. Гучков занимался организацией помощи раненым во время Русско-японской войны. Кроме того, в III Государственной думе он был членом комиссии по государственной обороне, а с 1915 г. возглавлял Центральный военно-промышленный комитет. Правда, Гучков был почти на 20 лет старше Керенского, не обладал его ораторским талантом и в 1917 г. отнюдь не был так популярен в вооруженных силах, как его преемник.

⁷ Генералитет при этом рассчитывал на то, что у Керенского будут хорошие помощники из числа кадровых военных, которые компенсируют отсутствие у нового министра необходимых специальных знаний. Кроме того, генералы понимали, что в глазах солдат демократ Керенский будет выглядеть гораздо предпочтительнее «буржуя» Гучкова. Однако подобные прогнозы, увы, либо не оправдались вообще, либо их эффект оказался очень кратковременным (см.: *Деникин А.И.* Очерки Русской смуты. М., 2006. Т. 1. С. 470–471).

⁸ А.А. Маниковский (1865–1920) высоко ценил своего нового патрона и считал, что «спасение — в Керенском. Вот национальный вождь, который сосредоточивает на себе любовь, всю веру страны. Если бы вы знали, — говорил он, — как в каждом слове этого человека чувствуется воля, железная энергия, ум и горячая любовь к Родине. Пока он действует, Россия еще не погибла» (*Корнев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Т. 7. С. 18–19).

⁹ Русский инвалид. 1917. 5 и 9 мая (орган Военного министерства, оставшийся с этим странным названием и после Февраля); *Керенский А.Ф.* Россия в переломный момент истории. С. 263. Во втором приказе Керенский довел до сведения военнослужащих просьбы солдат-фронтовиков к тем, кто оставался в тылу. У крестьян, например, солдаты-фронтовики просили дать армии больше хлеба и фуража, у рабочих — оружия и боеприпасов, у капиталистов — больше пожертвований на общественные нужды и т. д. См. также: *Катков Г.М.* Дело Корнилова. М., 2002. С. 41–43.

¹⁰ См.: Русский инвалид. 1917. 14 мая; RPG. Vol. II. P. 880–883.

¹¹ Как вспоминал Деникин, он слышал не одну речь Керенского, где тот с гордостью говорил о своей смелости, выразившейся в издании «Декларации прав солдата», которую не осмелился подписать Гучков и против которой протестовал весь командный состав армии и флота (*Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 377).

¹² Подробнее см.: *Мировые войны XX века.* Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 202–210.

¹³ См.: Русский инвалид. 1917. 14 мая

¹⁴ Там же. Последнее предупреждение Керенского было вызвано тем, что после Февральской революции в 10-миллионной русской армии усилились массовое дезертирство и пацифистские настроения, несовместимые с самой идеей наступления.

¹⁵ В торжественный ритуал подобных встреч входили: обход Керенским рядов солдат и офицеров, небольшая речь министра и групповое фотографирование на память.

¹⁶ См.: *Ассиар Л.В.* Керенский на фронте. М., 1917. С. 14–17. Нечто аналогичное повторялось затем и в других местах по маршруту поездки Керенского.

¹⁷ Там же. С. 16–19.

¹⁸ Там же. С. 19–23.

¹⁹ См.: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 363–364.

Степун Ф.А. (1884–1965) — выдающийся русский философ и публицист. В годы Первой мировой войны служил в артиллерии, был ранен, долго лечился в госпитале. С июля по сентябрь 1917 г. возглавлял политотдел Военного министерства и был редактором его газеты «Русский инвалид» (потом «Армия и флот свободной России»). Работал вместе с Б.В. Савинковым, встречался по службе с Керенским. В ноябре 1922 г. был выслан в Германию, где и жил до смерти.

²⁰ См.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 314.

²¹ См.: *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 472; *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 169 (телеграмма Терещенко послу России в США Б.А. Бахметеву). Керенский посвятил этой поездке целый раздел в своих воспоминаниях «Россия в поворотный момент истории». (С. 269–272.)

По воспоминаниям Деникина, в жизни Керенского это был яркий, но очень кратковременный период, когда «не только широкие круги населения, но и русское офицерство подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство... тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него (Керенского. — С.Т.) спасения армии» (*Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 239). Тем горше было потом разочарование, когда наступление, едва начавшись, захлебнулось и провалилось.

²² Одновременно с Алексеевым в отставку был отправлен и командующий Западным фронтом генерал В.И. Гурко, замененный Деникиным, что свидетельствовало, помимо всего прочего, о стремлении Керенского как-то маскировать свои личные симпатии и антипатии в кадровых вопросах.

²³ См.: Речь. 1917. 17 мая; *М. Гу-ов.* Друг народа гражданин Александр Федорович Керенский. Слова и дела. М., 1917. С. 45–46.

²⁴ См. показания арестованного в ходе Гражданской войны Колчака на следствии в Иркутске в январе 1920 г. // Архив русской революции. Т. 10. С. 229–230. В дальнейшем конфликт между Колчаком и матросами-черноморцами, с одной стороны, и офицерами — с другой, после небольшой паузы, связанной с поездкой адмирала Николаев на судостроительные заводы, продолжал обостряться. По словам Колчака, визит Керенского в Севастополь не произвел на моряков большого впечатления, и они стали уже прямо обвинять своих командиров в контрреволюционном заговоре. При этом и для самого Колчака исключения теперь уже не делалось. На одном из митингов адмиралу сказали, что он как потомок богатых прусских помещиков стоит за продолжение войны и некоторыми своими приказами прямо ослабляет Черноморскую эскадру. 6 июня делегатское собрание матросов отстранило адмирала от командования флотом и решило, что все офицеры, включая Колчака, должны сдать свое личное оружие. В ответ взбешенный и потрясенный подобной несправедливостью адмирал бросил полученную им в 1904 г. за участие в обороне Порт-Артура золотую саблю в море, заявил, что не желает больше командовать флотом, и отправил Керенскому телеграмму с обвинением матросов в бунте. В ответ кн. Львов и Керенский потребовали от Колчака срочно выехать в Петроград для «личного доклада», но в то же время распорядились возвратить офицерам их оружие и «водворить на Черном море порядок, подчинение закону и воинскому долгу».

В столице Колчак сделал доклад правительству и довольно долго потом ждал возвращения из Севастополя специальной правительственной комиссии, созданной для расследования данного инцидента. В правительственных сферах явно не понравилась опубликованная 13 июня в петроградской «Маленькой газете» статья А.А. Суворина-сына, где говорилось: «Пусть кн. Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство Победы». Точно так же не устроила Временное правительство и резкая постановка Колчаком вопроса о том, что нужно либо заключать сепаратный мир, либо вводить смертную казнь, чтобы восстановить в вооруженных силах порядок.

В итоге расследования сомнения в законности действий Колчака отпали, и было решено, что адмирал возглавит группу русских военных моряков, которой предстоит выехать в США, чтобы поделиться опытом работы по минному делу и по борьбе с подводными лодками противника и рассказать о планах проведения десантных операций на Босфоре. 27 июля адмирал выехал из Петрограда и до 12 октября находился в США. См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 234–242; *Зырянов П.Н.* Колчак. М., 2006. С. 330–349; *RPG. Vol. II. P. 891.*

²⁵ Поездку Керенского в Москву и, в частности, его выступление в Большом театре подробно проанализировал Б.И. Колоницкий в статье «Керенский как “новый человек” и новый политик: к изучению генеалогии культа личности» // Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX – XX в.). Международные коллоквиумы. Научные доклады. СПб., 2010. С. 131–137.

Обращают на себя, в частности, внимание следующие слова Керенского из его речи в Большом театре: «Пусть смеются над нами. Мы останемся романтиками и великими мечтателями». (Там же. С. 132.) Здесь уместно напомнить о характерных особенностях ораторского искусства Керенского, в полной мере проявившихся в его речи 26 мая. Французский посол в Петрограде М. Палеолог вспоминал: «Я признаю..., что молодой трибун Совета (рабочих и солдатских депутатов. — С.Т.) необыкновенно красноречив. Его речи, даже самые импровизированные, замечательны богатством языка, движением идей, ритмом фраз, широтой периодов, лиризмом метафор, блестящим бряцанием слов. И какое разнообразие тона! Какая гибкость позы и выражения! Он поочередно надменен и прост, льстив и запальчив, повелителен и ласков, сердечен и саркастичен, насмешлив и вдохновлен, ясен и мрачен, тривиален и торжественен. Он играет на всех струнах; его виртуозность располагает всеми силами и всеми ухищрениями. Простое чтение его речей не дает никакого представления о его красноречии, ибо его физическая личность, может быть, самый существенный элемент чарующего действия его на толпу... Ничто не поражает так, как его появление на трибуне с его бледным, лихорадочным, истерическим, изможденным лицом. Взгляд его, то притаившийся, убегающий, почти неуловимый за полузакрытыми веками, то острый, вызывающий, молниеносный. Те же контрасты в голосе, который — обычно глухой и хриплый — обладает неожиданными переходами, великолепными по своей пронзительности и звучности. Наконец, временами таинственное вдохновение, пророческое или апокалипсическое, преобразует оратора и излучается из него магнетическими токами. Пламенное напряженное лицо, неуверенность или порывистость его слов, скачки его мысли, сомнамбулическая медленность его жестов, его остановившийся взгляд, судороги его губ, его торчащие волосы делают его похожим на мономана или галлюцинирующего. Трепет пробегает тогда по аудитории». Однако вслед за этим М. Палеолог заключает: «Но что за этим театральным красноречием, за этими подвигами трибуны и астра-

ды? — Ничего, кроме утопии, комедианства и самовлюбленности!» (*Палеолог М.* Указ. соч. С. 328–329).

С одной стороны, Палеолог, на мой взгляд, прав в том, что рано или поздно речи Керенского приедались, могли показаться слишком театральными и, в сущности, едва ли не бесполезными. Однако не видеть их, пусть временного, но мощного воздействия на аудиторию было бы большой ошибкой, несомненно, умаляющей значение Керенского как политика.

Свидетелем этого яркого, во многом театрализованного, выступления Керенского стал английский дипломат и разведчик Брюс Локкарт, работавший в 1912–1918 гг. в России и являвшийся в 1917 г. генеральным консулом Великобритании в Москве. В книге воспоминаний «История изнутри» (М., 1991) он описывает несколько своих встреч с Керенским, называя его вождем Февральской революции и «одним из величайших, в своем роде, ораторов в истории». Особенно подробно переданы им впечатления от выступлений только что побывавшего на фронте Керенского в Большом театре 26 мая, где тот с подлинным душевным надрывом излагал слушателям свое, по определению Локкарта, «Евангелие страданий», призывая их ради победы над врагом принести дополнительные жертвы и брать пример с солдат на фронте и с бедняков в тылу, которые стойко переносят выпавшие на их долю испытания, тогда как богачи апатичны и уже ни во что не верят. Реакция слушателей на речь Керенского потрясла Локкарта: люди кричали «ура»!, плакали, женщины бросали на сцену свои украшения, желая помочь этим делу обороны страны.

Вместе с тем Локкарт подметил, что 2-часовая речь Керенского уже через 2 дня была забыта и в этом заключалась, по его мнению, трагедия Керенского как политика. (Указ. соч. С. 162–165.) Локкарт считал, что Керенский вел «безнадежную борьбу, пытаясь загнать обратно в окопы нацию, уже покончившую с войной», и не оправдал «невозможных чаяний» русского общества того времени. В итоге, как считал Локкарт, финальное поражение Керенского было неизбежным. (Там же.)

²⁶ Русский инвалид. 1917. 30 мая.

²⁷ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 250.

²⁸ См.: Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. М., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 238–240; 254–264, особенно с. 258–259.

²⁹ См.: Русский инвалид. 1917. 26 мая; *Ассуар Л.В.* Указ. соч. С. 26, 28; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 229.

³⁰ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 1 июня; Русский инвалид. 1917. 3 июня; *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 265, 268. Для разъяснения солдатам смысла данного указа Керенский как министр издал 31 мая особый приказ на эту тему.

³¹ В работе съезда участвовали около 1100 делегатов, 70 % которых приходилось на долю социалистов. Эсеров на съезде было 285, меньшевиков — 248, большевиков — 105 (см.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1930. Т. 1. С. 21).

³² *Стенун Ф.А.* Указ. соч. С. 380.

³³ Р. Гримм сопровождал при возвращении из эмиграции в Россию группы русских социалистов (более 250 человек), включавшую Мартова, Натансона, Луначарского и других социалистов-интернационалистов. Во время пребывания в России Гримм по поручению своего правительства зондировал возможности проведения сепаратных мирных переговоров между Германией и Россией, что вызвало возмущение большинства делегатов съезда. Подтверждение неблагоприятной подоплеку приезда Гримма

в Россию мы находим в книге Г.Л. Соболева «Тайна “немецкого золота”» (СПб.; М., 2002. С. 84–85).

³⁴ Из семейных преданий Керенский, несомненно, знал, какую благородную роль сыграл его отец Ф.М. Керенский в судьбе юного Владимира Ульянова, закончившего симбирскую гимназию, которой руководил Керенский-старший. Вскоре после казни старшего брата Александра, обвиненного в подготовке убийства Александра III весной 1887 г., судьба диплома В. Ульянова висела буквально на волоске. От Керенского зависела выдача ему положительной характеристики для получения золотой медали и поступления в Казанский университет. В обстановке, когда почти все симбирское общество отвернулось от семьи «цареубийцы» Ульянова, Керенский подписал ему очень лестную характеристику, что и решило тогда проблему.

В дальнейшем А.Ф. Керенский, конечно же, слышал об Ульянове-Ленине и его месте в российском революционном движении, хотя никаких упоминаний об этом в его мемуарах или в других источниках не обнаружено. Что касается Ленина, то депутат Думы Керенский до 1915 г. практически не привлекал к себе его внимания. Есть лишь одно, относящееся еще к 1913 г. упоминание Лениным думского выступления «мелкого буржуа», как он его тогда назвал, Керенского в защиту идеи культурно-национальной автономии (см.: Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 177). В январе 1915 г. лидер большевиков упомянул о том, что в думской речи (26 июля 1914 г. — С.Т.) «одного из самых левых среди русских трудовиков» Керенского прозвучали «патриотические мотивы» (ПСС. Т. 26. С. 118), а летом 1915 г. в ленинской брошюре «Социализм и война» можно было прочитать, что партия трудовиков в Думе отказалась вотировать военные кредиты, но «устаами своего вождя Керенского» огласила тем не менее патриотическую декларацию, оказавшуюся «чрезвычайно на руку» монархии (ПСС. Т. 26. С. 330). Осенью 1915 г. Ленин отнес трудовиков (не называя прямо Керенского) к представителям «революционного шовинизма» — течения среди меньшевиков и неонародников, представители которого выступали за революцию в России для достижения победы над Германией (ПСС. Т. 49. С. 151; Т. 27. С. 50). Однако более боевые речи Керенского осени 1916 — зимы 1917 г. в Думе Ленин предпочел «не заметить», хотя уже допускал тогда участие Керенского в составе будущего российского правительства (ПСС. Т. 30. С. 243).

Зато сразу же после Февральской революции и вступления Керенского в состав Временного правительства, которому Ленин сразу же выразил недоверие, он не очень мотивированно заявил, что *особенно* подозревает Керенского в измене революции (ПСС. Т. 31. С. 30). В мартовских письмах к И.Ф. Арманд и Я.С. Ганецкому Ленин давал поистине уничтожающую характеристику Керенского: «революционер, но пустомеля, лгунишка, обманщик рабочих», «пустой болтун», «прямой агент и слуга буржуазии», «опаснейший агент империалистической буржуазии, проводящий империализм, т. е. защиту и оправдание грабительской и завоевательной со стороны России войны под прикрытием моря звонких фраз и пустых посулов» (ПСС. Т. 49. С. 414, 419, 421). Об объективности подобных оценок читатель может судить сам.

³⁵ См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 65, 70 и след.; Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 263–276.

³⁶ Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 78. Хотя Ленин тут же предложил осудить Керенского за такое непарламентское выражение, как «держиморды», председатель заседания грузинский меньшевик Е.П. Гегечкори и большинство делегатов съезда с этим предложением не согласились.

³⁷ Там же. С. 81.

³⁸ См.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 262. Керенский (как военный министр всего лишь с месячным стажем работы) удостоился на съезде Советов похвалы даже такого морально чистого человека, как лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов, назвавшего его работу на фронте «гениальной». Другие делегаты называли Керенского «самым популярным человеком в России», «красой и гордостью революции» и т. д. См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 259, 116, 163, 176, 183 и др.

³⁹ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 32. С. 277–291.

⁴⁰ Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 328–333.

⁴¹ Идею сепаратного мира отвергал на съезде и Ленин.

⁴² Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 383.

⁴³ Цит. по: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 177.

⁴⁴ См.: Революционное движение в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. С. 365–366; *Abraham R.* Op. cit. P. 215–216.

⁴⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 20 июня. В тот же день, 16 июня было опубликовано там же и обращение военного министра Керенского «Всем гражданам России», призванное пробудить у них патриотические чувства.

⁴⁶ В мае 1917 г. Керенский по долгу службы познакомился через Родзянко с «русской Жанной д'Арк» — 28-летней малограмотной крестьянкой-сибирячкой Марией Бочкаревой, которая в конце 1914 г. получила лично от Николая II разрешение служить вместе с мужчинами в действующей армии. Столь необычное ее решение предопределили не сложившаяся женская судьба, бедность, твердый волевой характер и сильные религиозно-патриотические настроения, захватившие с началом войны многих россиян, особенно женщин. На фронте Бочкарева ходила в штыковые атаки, выносила с поля боя раненых, была несколько раз сама ранена, награждена 4 Георгиевскими крестами и медалями и получила звание унтер-офицера.

После Февральской революции Бочкарева загорелась идеей формирования женского батальона смерти, чтобы пристыдить недисциплинированных и трусливых солдат-мужчин и особенно дезертиров. По совету Керенского она выступила в конце мая на нескольких массовых митингах в Петрограде, призывая женщин записываться в это новое воинское подразделение. Ее агитация имела немалый успех, и в мае–июне «смертницами» стали чуть ли не 2 тыс. жительниц столицы, из которых в конечном счете в батальоне осталось около 500 — в основном русские девушки с высшим и средним образованием («легкомысленных» быстро отсеивали), а само это экзотическое формирование получило имя его основательницы (см.: *Дроков С.* Предисловие к русскому изданию книги воспоминаний М.Л. Бочкаревой «Яшка». М., 2001. С. 15. Яшкой по просьбе самой Бочкаревой ее называли с 1915 г. солдаты-сослуживцы. Свои воспоминания она продиктовала во время поездки в США в 1918 г. И. Дон Левиному, который издал их на английском языке в 1919 г.).

Однако очень скоро у Бочкаревой начались неприятности, поскольку многие ее бойцы после появления «Декларации прав солдата» потребовали выборов в батальонный комитет, чему их «старорежимная» командирша решительно (вплоть до брани и мордобоя) воспротивилась. Известия об этом дошли до Керенского, который вызвал Бочкареву в Военное министерство и поставил жесткое условие: «Я требую, чтобы завтра же в батальоне был комитет, чтобы вы вежливо обращались с девушками и перестали их наказывать! Иначе я сотру вас в порошок!» В министерском кабинете стоял при этом страшный крик, Керенский и Бочкарева стучали по столу кулаками, а последняя, выбегая в приемную, дала волю эмоциям и дерзко хлопнула дверью. (Там же. С. 234.)

Тем не менее все это сошло тогда Бочкаревой с рук, и 21 июня батальону в присутствии Керенского были вручены освященные в Исаакиевском соборе красные революционные боевые знамена. Сама Бочкарева получила саблю с золотыми украшениями, а Керенский лично прикрепил к ее гимнастерке новенькие погоны прапорщика. Бочкареву подняли на руки, в честь нее звучали здравицы. А вскоре женский батальон отправился на Западный фронт, где состоялась новая встреча Бочкаревой с Керенским, в ходе которой она вновь наотрез отказалась выполнить его приказ о создании в батальоне комитета и дерзко объявила, что не хочет больше служить под началом такого министра. Бочкарева сорвала с гимнастерки офицерские погоны, швырнула их в лицо Керенскому и сказала, что уезжает домой. Взбешенный министр приказал расстрелять Бочкареву, но в боевой обстановке скоро забыл об этом, а она, в свою очередь, «забыла» об отъезде домой. (Там же. С. 263–264.) В итоге батальон Бочкаревой продолжал участвовать в боях, но сама она в начале июля получила ранение и надолго оказалась в петроградском госпитале. Там ее навестил ставший к тому времени уже премьером Керенский, галантно вручивший героине большой букет цветов. В последний раз Бочкарева встретилась с Керенским только в октябре 1917 г., причем премьер произвел на нее уже очень тяжелое впечатление.

После установления советской власти женский батальон расформировали, а в начале 1918 г. по поручению организации георгиевских кавалеров Бочкарева установила связь с бежавшим на Дон Корниловым, по его поручению в мае выезжала в США, чтобы просить президента В. Вильсона ускорить отправку американских войск в Россию, а потом — в Англию, где встречалась с У. Черчиллем и королем Георгом V. В конце августа она вернулась в Россию, в ноябре сформировала по поручению Колчака санитарный отряд, но в январе 1920 г. была арестована, предана советскому революционному суду и в мае расстреляна.

⁴⁷ Борис Савинков (1879–1925) 9 апреля 1917 г. вернулся в Россию из Франции, куда уехал еще в 1911 г. После начала мировой войны он добровольцем вступил во французскую армию и активно участвовал в боевых действиях против германских войск на Западном фронте. На родине 19 июля он был назначен товарищем военного министра и управляющим Военным министерством, где стал фактически замещать Керенского. Это была сложная, неординарная личность: социалист по убеждениям, профессиональный революционер, талантливый писатель, он претендовал на роль гениального «сверхчеловека», призванного спасти Россию от хаоса, анархии и большевизма. Керенского Савинков считал безвольной тряпкой и хотел «подпереть» его сильным и волевым генералом типа Корнилова, готовым направить всю свою энергию на достижение их политического союза.

⁴⁸ Эсер Максимилиан Филоненко был инженером по образованию, но в годы войны служил в армии, дойдя до чина штабс-капитана. Как и Савинков, которому он стремился во всем подражать, Филоненко представлял собой законченный тип авантюриста и карьериста и активно помогал Савинкову в выдвижении Корнилова на руководящую роль в русской армии.

⁴⁹ См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 211.

⁵⁰ См.: Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. С. 278–279.

⁵¹ Подробнее см.: Булдаков В.П. Этнос и хаос. С. 290–295; Бондаренко Д.Я., Крестовская Н.Н. Переговоры Временного правительства и Украинской Центральной Рады весной и летом 1917 г. // Отечественная история. 2002. № 2.

В.К. Винниченко (1880–1951) был сыном крестьянина-батрака. В 1902 г. за участие в студенческом движении его исключили из Киевского университета, а в 1903 г.

он дезертировал из русской армии и бежал за границу. Винниченко активно участвовал в украинском национальном движении, став в 1907 г. членом ЦК Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). С 1914 г. он нелегально жил в России, весной 1917 г. стал одним из организаторов Украинской Центральной Рады, а в июне возглавил первое украинское национальное правительство — Генеральный секретариат. Винниченко выступал сначала за национально-территориальную автономию Украины, а потом за ее полную государственную независимость. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Подробнее см.: *Общественная мысль Русского зарубежья*. Энциклопедия. М., 2009. С. 243–245.

⁵² Керенский, в частности, согласился на создание украинского полка им. Богдана Хмельницкого точно так же, как и на формирование эстонского национального батальона и латышских стрелков.

⁵³ Министры-кадеты Шингарев, Мануйлов, Шаховской и главноуправляющий Министерством торговли и промышленности кадет Степанов заявили о неправомерности правительственной делегации в составе Керенского, Некрасова, Терещенко и Церетели подписывать подобную декларацию, подчеркивая, что форму государственного устройства Украины и ее взаимоотношения с Россией может определить только будущее Учредительное собрание и поэтому делегация превысила свои полномочия. Кроме того, этот демарш кадетов был продиктован также их стремлением снять с себя ответственность за провал июньского наступления на фронте.

⁵⁴ Взбешенный Керенский кричал, что в то время, как на фронте десятки тысяч солдат отдают свои жизни за Родину, министры-дезертиры делают правительство банкротом. «На вас кровь, кровь!» — гневно повторял он (см.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 2. С. 156–159).

⁵⁵ Подробнее см.: *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 132–149. Нарисованная здесь картина событий 3–4 июля 1917 г. в Петрограде представляется более полной и объективной, чем та, которую давала советская историография. См. также: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 186–196.

⁵⁶ Пулеметчики ссылались при этом на данное Временным правительством 2 марта обещание не выводить из столицы воинские части, активно участвовавшие в революции.

⁵⁷ *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 282. Очень интересен рассказ адмирала Колчака, который как раз 3 июля буквально «ловил» Керенского по всему Петрограду, чтобы подписать у него необходимые для поездки в США документы. Их встреча произошла за завтраком, но разговор Керенского с Колчаком был прерван появлением делегации 40-летних солдат, просивших министра продлить полученный ими, согласно его приказу, отпуск для участия в уборке урожая. Торопившийся на заседание правительства Керенский передоверил решение данного вопроса Колчаку, но когда тот вместе с делегатами от солдат «поймал»-таки министра в Марининском дворце, тот все-таки не согласился удовлетворить их просьбу, к которой присоединился и Колчак. Не подписал он и документы адмирала, так что Колчаку пришлось приехать вечером на вокзал, сесть вместе с Керенским в поезд и только там, по дороге на Украину решить волновавший его вопрос (см.: *Архив русской революции*. Т. 10. С. 237–239). Характерно, что, получив отказ Керенского продлить их отпуск, солдаты в свои части все равно не вернулись.

⁵⁸ Вечером 3 июля прошло совещание городской большевистской верхушки — членов ЦК и ПК РСДРП(б), а также делегатов общегородской большевистской конференции и представителей ряда петроградских заводов и полков столичного гарни-

зона. Они высказались за выступление рабочих и солдат на улицу под лозунгом «Вся власть Советам!» Позже, уже ночью был выдвинут призыв к организации 4 июля мирной (но вооруженной) демонстрации. Фактически это был если не прямой призыв к восстанию, то санкция на проведение решительных антиправительственных действий. Будучи фанатиком революции и, несомненно, стремясь к власти, Ленин не мог устоять перед искушением мысленно проиграть сложившуюся 3–4 июля ситуацию и решить, стоит или не стоит попробовать совершить тот переворот, к которому так стремились в тот момент некоторые его соратники. Однако трезвый политический расчет взял у Ленина верх над романтическим порывом, и он, вернувшись в полдень 4 июля в Петроград, отбросил мысль о поддержке идеи восстания. Этим он разочаровал некоторых своих товарищей по партии, у которой, по мнению вождя большевиков, еще не было тогда необходимых для победы сил.

⁵⁹ По данным петроградских медиков, всего 3 и 4 июля были убиты и ранены более 700 человек (Известия. 1917. 5 июля). З. Гиппиус увеличивает эту цифру почти до тысячи человек. (Указ. соч. Т. 1. С. 518.)

⁶⁰ Львов, Некрасов и Терещенко прямо обвиняли министра юстиции Переверзева в том, что он скоропалительно и без консультации с ними передал бывшему большевику Г.А. Алексинскому для публикации в печати показания некоего прапорщика Ермоленко, который, попав в германский плен, был завербован немецкой разведкой и направлен ею в Петроград, но при переходе линии фронта сдался русским военным властям. Ермоленко и сообщил им о якобы шпионских связях Ленина с немцами. Преждевременная публикация его показаний помешала довести до конца начатое ранее Некрасовым, Терещенко и Керенским с подачи уже многократно упоминавшегося выше А. Тома (опиравшегося на данные французской разведки) расследование о переводе в Россию из Швеции немецких денег для Ленина (см.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 305–306; *Его же.* Потерянная Россия. С. 31–34).

Характерно, что 4 июля Керенский в телеграмме Львову и сам был за ускорение публикации компромата на большевиков (см.: Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 290). Но затем, вернувшись 6 июля из Ставки в Петроград, он присоединился к обвинениям в адрес своего протеже Переверзева в «излишней самостоятельности», что и привело последнего к поспешной отставке. Переверзеву инкриминировалось, в частности, то, что его торопливость помешала захватить с поличным видного большевика Ганецкого, который намеревался приехать как раз тогда в Петроград. Его хотели там арестовать и получить признание о переводе крупных денежных сумм якобы германского происхождения большевикам-ленинцам в столицу. Но поскольку большевики заранее узнали о планах Переверзева, то приезд Ганецкого был отменен, а Ленин и Зиновьев успели скрыться. Сами большевики объясняли получение денег от Ганецкого тем, что он организовал в Стокгольме свой бизнес, доходы от которого и передавал большевикам. Но Керенский до конца жизни был уверен, что Ленин находился в связи с немцами и получал от них материальную помощь на подготовку столь желанной ему социалистической революции (см.: *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 424–429). Правда, он делал при этом одну существенную оговорку: «Ленин, конечно, не был в техническом смысле слова германским агентом. Он был фанатиком мировой пролетарской диктатуры. Эта цель делала нравственным для него все без исключения средства. Он для своих целей воспользовался помощью германского правительства так же, как и канцлер Бетман-Гольвег и Людендорф воспользовались им для своих целей» (см.: *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 213). Заметим, что аналогичной точки зрения придерживался и Плеха-

нов. Однако оперативно проведенное Временным правительством по горячим следам июльских событий 1917 г. расследование никаких убедительных доказательств этой версии не обнаружило, а сами большевики и лично Ленин, естественно, все отрицали (как, впрочем, позже и германские власти времен Веймарской республики, запретившие видному немецкому социал-демократу Э. Бернштейну серьезно заниматься этой проблемой). В советской историографии данная тема вообще долгое время находилась под запретом, и историкам разрешалось только кратко упоминать о злостной клевете, возведенной русской и мировой буржуазией на Ленина и партию большевиков. После распада СССР и ликвидации КПСС все запреты на научный анализ проблемы «немецкого золота», вложенного Германией в подготовку, проведение и закрепление победы октябрьского большевистского переворота 1917 г., были сняты. Это очень быстро привело к появлению ряда работ как антибольшевистской, так и (очень редко) пробольшевистской направленности. Среди последних отметим книгу В.Т. Логинова «Неизвестный Ленин». (М., 2010).

Лучшим отечественным исследованием на эту тему является книга видного петербургского историка старшего поколения Г.Л. Соболева «Тайна “немецкого золота”» (СПб.; М., 2002). Он допускает факт финансовой поддержки большевиков со стороны кайзеровской Германии в 1915–1918 гг. (особенно уже в послеоктябрьский период), но твердо убежден в том, что решающего влияния на судьбы русской революции, имевшей, прежде всего, глубокие внутренние причины, эти «золотые вливания» из-за границы не оказали. При этом Соболев не считает данную проблему уже раз и навсегда решенной, а мнения тех или иных зарубежных и российских историков по этому вопросу — истиной в последней инстанции. Интересно отметить, что к аналогичному выводу пришли в свое время и известный русский историк-эмигрант С.П. Мельгунов (см. его книгу «Золотой немецкий ключ большевиков», изданную в Париже в 1940 г., где прямо говорится, что тайна эта едва ли будет когда-либо раскрыта), и отошедший после 1991 г. от коммунистических взглядов Д.А. Волкогонов в книге «Ленин: политический портрет» (М., 1994). Любопытно, что параллельно с версией о «немецком золоте» большевиков распространялись и слухи о Керенском как немецком агенте (см.: Соболев Г.Л. Указ. соч. С. 245), хотя обосновать их никто не мог.

В современной России, где уже привыкли к тому, что зарубежные финансовые вливания постоянно сопровождают внутривнутриполитическую борьбу в СССР и в России, новое молодое поколение относится к подобным сообщениям о Ленине и Керенском довольно равнодушно, но литература на эту тему еще продолжает выходить. Что касается современной западной историографии антиленинского направления, то обращает на себя внимание переводная книга: Шиссер Г., Траунтман И. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции (М., 2004). Из российских изданий подобного рода см.: История России. XX век. 1894–1939 / под ред. проф. А.Б. Зубова. М., 2009. С. 366, 405 и др. (здесь большевикам приписывается получение уже десятков миллионов немецких марок).

⁶¹ Керенский сам рассказывал уже в эмиграции одному из западных журналистов, как в 1917 г. один военный за 150 тыс. руб. предлагал ему доставить Ленина в любом виде — живым или «в мешке», т. е. мертвым, но он решительно отказался, ссылаясь на то, что демократия и подобные приемы борьбы с политическими оппонентами несовместимы. См.: Иоффе Г.З. Керенский и Ленин // Новый журнал. 2010. № 261. С. 227–228.

⁶² См.: Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 290.

⁶³ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 7 июля. Керенский настоял тогда на том, чтобы была определена и мера наказания виновным в виде 3 лет тюремного заключения (см.: Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 293).

⁶⁴ Всего, по воспоминаниям министра юстиции, в третьем коалиционном составе Временного правительства П.Н. Малянтовича, в связи с событиями 3–5 июля в Петрограде были арестованы 480 человек, из которых 219 вскоре, правда, отпустили за недостатком улик (см.: *Малянтович П.Н.* Революция и правосудие. Несколько мыслей и воспоминаний. М., 1918. С. 112).

⁶⁵ См.: *Церетели И.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 151–155; *Abraham R.* Op. cit. P. 224.

⁶⁶ Ibid. P. 225. Для печати Львов представил «облагороженную» версию своего решения: «Нужна сильная власть, а для ее создания нужно сочетание таких факторов власти, которые сходятся в лице Керенского. В армии он признанный вождь, в стране он символ революции. В действительности он владеет реальной силой...» (Утро России. 1917. 12 июля).

После отставки Львов жил в Москве и Оптиной пустыни, а при большевиках — в Сибири (в 1918 г. он был временно арестован), откуда в октябре 1918 г. выехал в США. Закончил жизнь в 1925 г. в Париже, где и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

⁶⁷ *Гуппиус Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 515, 517.

Глава 7

Во главе государства

Итак, исполнилась наконец мечта всей его жизни. Маленький, болезненный мальчик из Симбирска и Ташкента стал наконец-то первым лицом в Российском государстве. Сбылось, свершилось! Пусть все не так торжественно, как хотелось бы, но сбылось. Да, ради этого стоило жить! Так или примерно так думал Александр Керенский в те дни.

Новая страница в политической биографии Керенского началась с переезда правительства и его самого в Зимний дворец¹. Таким образом, премьер сполна получил проценты со своего смелого согласия возглавить кабинет министров в той острейшей кризисной обстановке, которая сложилась в начале июля 1917 г. в России. Второй коалиционный состав Временного правительства был пышно назван 9 июля ВЦИК Советов правительством «спасения революции», приказы которого «будут законом для всех», получив неограниченные полномочия для восстановления дисциплины в армии и борьбы со всеми проявлениями контрреволюции и анархии в тылу. Правда, ВЦИК обязал министров-социалистов не реже двух раз в неделю отчитываться перед ним о своей деятельности, но настоять на выполнении этого решения не сумел. Это означало, что Керенский ускоренным темпом шел по пути к установлению личной власти над всей страной.

Несмотря на то что замена премьера не сопровождалась пока полным обновлением состава кабинета министров и Керенский не считал себя обязанным публично выступать с официальной правительственной декларацией, 9 июля в «Вестнике Временного правительства» появилось скромное по объему сообщение «От Временного правительства». Его главной задачей были объявлены борьба с внешним врагом и охрана государственного порядка от любых анархических и контрреволюционных покушений на него, не останавливаясь при этом перед применением самых решительных мер, направленных на пресечение беспорядков. Правительство заявляло о намерении уже в августе пригласить союзников по Антанте на конференцию по согласованию шагов, связанных с продолжением военных действий и будущим переходом от войны к миру. Объявлялось и о намерении созвать Учредительное собрание не позже 17 сентября 1917 г., продолжить реформу городского и земского самоуправления, издать постановле-

ние об отмене сословных делений общества, прежних гражданских чинов и орденов, а также созвать постоянно действующее Экономическое совещание. В планах Временного правительства были также разработка законопроекта о 8-часовом рабочем дне и введении всех видов социального страхования для людей, занятых в сфере наемного труда. На очереди были и законы о профсоюзах, биржах труда и трудовом арбитраже. Был обещан полный отказ от столыпинской землеустроительной политики при решительном пресечении самочинных захватов земли².

Первым публичным появлением Керенского как премьера стало его участие в похоронах 7 донских казаков, убитых в июльские дни в Петрограде. Церемония происходила в Казанском соборе на Невском и потом в Александро-Невском монастыре, причем премьер участвовал в выносе гробов после отпевания и обратился к участникам похоронной процессии с речью, выдержанной в тонах, подобающих уже именно главе государства. Это был призыв к бескорыстным жертвам во имя Родины, к труду и порядку в стране и заверение в том, что Временное правительство будет всеми силами защищать независимость и целостность свободной России. Любые анархические попытки нарушить порядок, сказал Керенский, будут беспощадно подавляться в знак памяти о невинных жертвах событий, свидетелем которых стала столица в первые июльские дни³.

После недавнего правительственного кризиса Керенскому хотелось самому подобрать членов нового кабинета министров, ориентируясь в первую очередь на личные достоинства тех или иных претендентов и на те отношения, которые складывались у них с главой правительства. Однако ВЦИК Советов, претендовавший на контроль за деятельностью Временного правительства в целом и каждого его члена в отдельности, настаивал на том, чтобы кандидаты на министерские посты как минимум разделяли те программные заявления, которые содержались в упомянутом уже правительственном сообщении от 8 июля, подготовленном Церетели и Черновым. С другой стороны, руководство партии кадетов, остававшейся в глазах Керенского самым желанным политическим партнером при формировании обновленного состава правительства, отнюдь не хотело делегировать в его состав своих представителей на тех условиях, которые фигурировали в этом документе. Речь шла, прежде всего, о том, чтобы не форсировать провозглашения России демократической республикой и проведения радикальных социальных реформ до соответствующих решений Учредительного собрания. Кроме того, кадетов совсем не устраивал «селянский министр» эсер Чернов, «разжигавший», по их мнению, в стране аграрные беспорядки, с чем никак не хотел согласиться Керенский, и без того задетый обострением своих личных

отношений с руководством ПСР на недавнем съезде. Все это крайне затрудняло процесс формирования второго коалиционного состава Временного правительства, тем более что 15 июля премьер вынужден был опять срочно уехать в Ставку на важное совещание по армейским делам, состоявшееся на следующий день.

Возвратившись из Могилева, Керенский решил в полной мере использовать свой административный ресурс и действовать более решительно, как и подобает первому лицу в государстве, повторив тот же самый прием, который он уже использовал в апреле, во время первого кризиса Временного правительства. Тогда он единолично подал в отставку, заставив кн. Львова сделать наконец выбор между собой и Милюковым. Теперь, с позиций своей премьерской силы, он решил усилить нажим на ВЦИК Советов и партию кадетов, прибегнув к известному из русской истории приему Ивана Грозного, который еще во второй половине XVI в. поставил своих бояр перед выбором: либо он останется царем при условии введения на Руси опричнины, либо боярам придется искать себе нового повелителя вместо исчезнувшего из Москвы в неизвестном направлении Грозного. После заявления Керенского об отставке и его тайного отъезда 21 июля в Царское Село перед российской политической элитой тоже ребром встал вопрос: либо наделить премьера правом единолично подбирать министров, отвечающих за свои поступки только перед главой правительства, либо передать всю власть в стране в руки Советов, т. е. социалистам. В итоге социализм и социалисты оказались для нее страшнее Керенского, который таким образом обрел монопольное право решать вопрос о том, кто будет управлять Россией. Для этого ему понадобилось, правда, больше двух недель, но 25 июля у страны опять появился полностью укомплектованный кабинет министров из 15 человек.

Керенский еще более укрепил в нем свое положение, сохранив посты министра-председателя и военного и морского министра⁴. Посты министров иностранных дел, финансов, продовольствия, труда, земледелия и юстиции сохранили, соответственно, Терещенко, Некрасов⁵ (теперь он значился уже не кадетом, а радикальным демократом), Пешехонов, Скобелев, Чернов и энес А.С. Зарудный (он стал министром юстиции уже в июле после отставки Переверзева). Кадеты сохранили за собой прежние 4 министерских поста, хотя заняли их новые люди: П.П. Юренев (министр путей сообщения), Ф.Ф. Кошкин (государственный контролер), академик С.Ф. Ольденбург (министр народного просвещения), А.В. Карташев (обер-прокурор Св. Синода, а с августа — министр исповеданий). МВД перешло в ведение эсера Н.Д. Авксентьева, Министерство торговли и промышленности — близкого к социалистам беспартийного С.Н. Прокопови-

ча, почт и телеграфов — меньшевика А.М. Никитина, а Министерство госпризнания (т. е. социального обеспечения) — радикального демократа И.Н. Ефремова. В итоге в составе Временного правительства были теперь снова 4 кадеты, 7 социалистов и 2 радикальных демократа. Сохранился и масонский, традиционно послушный премьеру министерский сектор (Керенский, Терещенко, Некрасов, Ефремов).

Наиболее сложно складывались отношения Керенского с двумя, казалось бы, очень близкими ему по партийной принадлежности фигурами — эсерами Черновым и Савинковым, что лишний раз доказывало примат личного фактора над идейным родством. Кадеты также составляли в этом министерском концерте слабое звено, что сразу же обнаружилось в конце августа в дни корниловского путча. Если же учитывать масштабы личности каждого министра, его управленческий опыт и способность к коллективной работе в правительстве, то состав 2-го коалиционного кабинета был заметно слабее своих непосредственных предшественников, ибо Керенскому явно не хотелось допускать к власти людей сильнее себя.

Сам он задним числом допускал в своих воспоминаниях, что, возможно, сделал ошибку, возглавив в конце июля кабинет министров и пытаясь тем самым сохранить свой престиж лидера нации в глазах народа⁶. Трудно сказать, чего в таких признаниях было больше — искреннего сомнения, раскаяния в сделанной ошибке или несколько наивного и показного политического кокетства? В исторической ретроспекции ясно одно: не спустившись вовремя с мнивших его как магнитом вершин власти, Керенский упустил шанс остаться в отечественной истории деятелем, заслуживающим хотя бы частично позитивной характеристики. Не арестовав летом 1917 г. Ленина и освободив осенью из тюрьмы Троцкого, доверив пост Верховного главнокомандующего «неуправляемому» Корнилову и не форсировав проведение осенью выборов в Учредительное собрание, Керенский, несомненно, внес и значительный личный «вклад» в подготовку своего ставшего в конце октября неизбежным политического падения. Но летом 1917 г. Керенский просто отгонял от себя любые мысли о своем физическом и интеллектуальном несоответствии той ноше, которую он фактически добровольно на себя взвалил, дав согласие заменить кн. Львова на премьерском посту.

Керенский-премьер видел выход из сложной внутривластной ситуации в стране в лавировании между усилением мер репрессивного характера и попытками создать у народа иллюзию продолжения либерально-демократических реформ. К первым его подталкивали провал июньского наступления на фронте и июльские события в Петрограде, ко вторым — собственная репутация демократа и социалиста и наивная вера в возможность достижения социального мира в

стране. Так, 12 июля по требованию ряда генералов была восстановлена на все время войны смертная казнь на фронте. Усилился цензурный контроль за публикациями материалов, освещающих ход военных действий. За критику властей можно было сразу же закрывать теперь любые собрания и съезды.

В то же время шла своим чередом выработка положения о выборах в Учредительное собрание, хотя сроки его созыва опять были перенесены теперь уже на 28 ноября (выборы же должны были состояться 12 ноября). 14 июля было принято постановление «О свободе совести», где говорилось, что пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к тому или иному вероисповеданию. Был введен институт условно-досрочного освобождения заключенных (тюрьмы были переполнены), ограничивались ночные работы для женщин и подростков моложе 17 лет, вводились пособия рабочим по болезни, делались попытки бороться через биржи труда с безработицей⁷.

В качестве премьера Керенский впервые всерьез столкнулся с экономическими проблемами, которых с каждым месяцем становилось все больше. Наследство, полученное в этой области его правительством от своих предшественников, было очень тяжелым. Шел процесс массового закрытия заводов и шахт, выходило из строя их машинное оборудование, объем промышленного производства и показатели производительности труда катились вниз. Были нарушены нормальные экономические связи между различными отраслями производства и между городом и деревней, вконец подорвана вся система денежного обращения. Эмиссия бумажных денег за один только 1917 г. была близка к показателям всего дореволюционного военного периода, а реальная покупательная способность рубля за время существования Временного правительства упала с 27 до 6–7 коп.

Особенно болезненной была продовольственная проблема, и прежде всего снабжение хлебом армии и городов. Хлеб в России был, но полное расстройство транспорта, откровенное нежелание деревни продавать хлеб государству по твердым ценам и фактический срыв введенной в марте хлебной монополии все чаще делали угрозу голода вполне реальной. Так, например, в Петрограде суточная норма выдачи хлеба на человека колебалась в пределах 300–200 г., цены на него росли, а в очередях приходилось стоять уже по нескольку часов. Перманентно возникали трудности и со снабжением действующей армии (там, правда, хлеба выдавали по 800–600 г. в день), но с подвозом продовольствия тоже бывали задержки.

Выход из кризиса явно лежал за пределами тех возможностей, которые были в распоряжении премьера, поскольку одними его «уговорами» (а ими, как мы видели, не удалось уже добиться успе-

ха июньского наступления на фронте) поправить дело было нельзя. Что касается экстраординарных мер внеэкономического принуждения и нажима на буржуазию, помещиков и зажиточных крестьян, то они были неприемлемы для Керенского, выступавшего за «неприкосаемость» на данном этапе буржуазных отношений собственности, а чего-либо другого ни сам Керенский, ни его окружение предложить не могли. В итоге в июле правительству пришлось пойти на очередную уступку имущим классам, повысив в рамках хлебной монополии в два раза цены на зерно, закупавшееся государством у помещиков и крестьян⁸.

Не получалось у Керенского и с налаживанием отношений с военной верхушкой, что было очень важно для него и как главы государства, и как военного министра, тем более что ситуация на фронте по сравнению с весной 1917 г. значительно ухудшилась. Уже 8 июля только что назначенный командующим Юго-Западным фронтом генерал Корнилов с подачи Савинкова и Филоненко направил Керенскому и Главкому Брусилову телеграммы следующего содержания: «Нахожу безусловно необходимым обращение Временного правительства и Совета (ВЦИК Советов. — С.Т.) к войскам с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер вплоть до введения смертной казни на театре военных действий. Иначе вся ответственность [ляжет] на тех, которые словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия»⁹. Однако Керенский, который сам инициировал в марте отмену смертной казни в России, предпочел в своем ответе Корнилову обойти этот больной вопрос молчанием, хотя и санкционировал применение оружия для наведения порядка в отступающих войсках¹⁰.

Здесь столкнулись два подхода к данной проблеме — чисто военный (без принуждения и страха в армии не будет порядка) и сугубо политический (нельзя брать назад то, что было завоевано в ходе Февральской революции, да и сама дисциплина должна быть не формальной, а сознательной). Первый подход отстаивали Корнилов, Савинков, Колчак и большинство русских генералов, второй — Керенский, причем сторонники обоих подходов были по-своему одновременно и правы, и неправы: то, что дисциплина нужна армии, как воздух, было бесспорной истиной, но вводить на фронте столь суровое наказание, как смертная казнь, было в 1917 г. уже довольно опасно, настраивая солдат против власти, чего откровенно и боялся Керенский. Однако Корнилов и его единомышленники были уверены в своей правоте и очень упрямы, в чем премьер смог убедиться, получив 11 июля следующую телеграмму командующего Юго-Западным фронтом, которая наконец произвела на него должное впечатление.

Неутомимый и отнюдь не бесталаный ординарец, а фактически секретарь Корнилова Завойко создал здесь яркую эмоциональную картину происходящего в армии, начав телеграмму словами: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражения, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным правительством, или, если оно этого не сумеет сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые, сняв бесчестие, вместе с тем уничтожат завоевания революции и потому тоже не смогут дать счастья стране».

В таком решительном тоне Корнилов к Керенскому никогда прежде не обращался. Он не просто требовал введения на фронте смертной казни и создания военно-полевых судов, но и грозил в случае невыполнения этого требования самовольно сложить с себя командование Юго-Западным фронтом, причем Савинков добавил к тексту телеграммы, что поддерживает все сказанное Корниловым «от слова до слова»¹¹. Мало того, видимо, стараниями того же Завойко (или Савинкова) этот документ попал на страницы либеральной газеты «Русское слово» и получил достаточно широкую огласку. 11 июля к Корнилову присоединился и Брусилов, тоже направивший Керенскому письмо по данному вопросу.

На этот раз Керенский сдался, и 12 июля подписал постановление о введении на время войны смертной казни через расстрел за измену Родине, бегство с поля сражения, уклонение от участия в бою и переход на сторону неприятеля. Одновременно на фронте создавались революционные военно-полевые суды для вынесения таких смертных приговоров из офицеров и солдат на паритетных началах. Однако на практике применение смертной казни сколько-нибудь широкого распространения тогда не получило, поскольку было чревато открытыми солдатскими бунтами¹².

Как уже говорилось выше, 15 июля Керенский, Терещенко и Савинков отправились в Ставку на встречу с командной верхушкой вооруженных сил, поскольку только-только стабилизировавшееся после начала 6 июля контрнаступления противника положение на фронте оставалось крайне сложным. Недаром бывший Верховный главнокомандующий генерал Алексеев сравнил это совещание с консилиумом врачей у постели тяжело больного человека¹³. В совещании участвовали также Брусилов, Деникин, Рузский, Лукомский, Савинков и др. Корнилову было разрешено не приезжать в Ставку

(на его фронте шли бои), и он высказал свое мнение по обсуждаемым вопросам в очередной, на этот раз вполне миролюбивой телеграмме.

Сам Керенский уже с утра 16 июля находился в крайне раздраженном состоянии, обидевшись на Брусилова, который произвольно расширил состав участников совещания и вдобавок не встретил его, как положено, на вокзале и явился с докладом только по дополнительному требованию премьера¹⁴. В итоге тот впервые предстал перед цветом российского генералитета в крайне невыгодном для себя свете — мелочным, капризным, обидчивым и чересчур нервным человеком. Из-за этого открытие совещания задержалось на целый час, а потом разговор затянулся до полуночи.

В ходе совещания Керенский услышал много для себя неприятного, но особенно поразила его большая, тщательно продуманная речь Деникина¹⁵, с которым, по-существу, согласились и другие генералы. Командующий Юго-Западным фронтом, сменивший на этом посту Корнилова, направил свой главный удар прямо на премьера, сказав, что не нужно видеть причину разложения армии в одном только большевизме. Ведь большевизм — это только «червь на гноящейся армейской ране», а разрушили армию те, кто недавно приняли деструктивные законы, регулирующие ее жизнь (намек на «Декларацию прав солдата»), не зная, что нужно для нормального существования вооруженных сил. Эти люди, продолжал Деникин, унизили русских офицеров, третируя их, как своих слуг. Вы бросили старые царские знамена, овеянные славой былых побед, в грязь, закончил Деникин, обращаясь к Керенскому, но вы должны их теперь поднять, если у вас есть разум, и дать нам, генералам, возможность вести под ними наши войска вперед, к новым победам над врагом.

Деникин предложил вернуть в армию единоначалие, оградить ее от политики, постепенно упразднить солдатские комитеты и институт комиссаров Временного правительства, создать отборные карательные части для борьбы с дезертирами и паникерами, ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыловых частей и гражданских лиц, совершающих такие же преступления, как и те, кого таким образом наказывают на фронте.

От Керенского потребовалась вся его выдержка, чтобы дослушать Деникина до конца. Он пытался оправдываться, защищать политику Временного правительства и даже пошел на прямую ложь, заявив, что если бы он был военным министром во время подготовки «Декларации прав солдата», то она якобы никогда бы не появилась на свет, поскольку это «наследство» он получил от Гучкова. Говорил Керенский и о том, что он тоже хочет видеть в России сильную, дисциплинированную армию, вовсе не держится за свое кресло и готов

распустить комитеты и отозвать всех комиссаров, назначенных Временным правительством. Но затем последовал, однако, излюбленный демагогический прием премьера: «Я убежден, — закончил он, — что после моего ухода в России завтра же начнется полная анархия и резня всех начальников». Исходя из такой перспективы, Керенский предложил подойти к обсуждаемым вопросам с учетом реального соотношения сил и решить, что можно сделать сейчас, а чего пока сделать нельзя, ибо резкие переходы от одной крайности к другой недопустимы. В конце премьер даже поблагодарил Деникина «за смелое и искреннее слово»¹⁶.

Корнилов в своей телеграмме участникам совещания¹⁷ подчеркнул необходимость продолжения чистки командного состава (вплоть до предания суду), введения смертной казни не только на фронте, но и для военнослужащих в тыловых гарнизонах, запрещения в вооруженных силах митингов, картежной игры и распространения большевистской агитационной литературы. Вместе с тем по вопросу о дальнейшей судьбе армейских комитетов и института комиссаров Временного правительства на фронтах Корнилов высказался гораздо осторожнее Деникина: он предложил сохранить и комитеты, ограничив, однако, их полномочия решением чисто хозяйственных и внутриармейских вопросов, и правительственных комиссаров в войсках, чем весьма порадовал Керенского.

В итоге никаких конкретных решений на совещании 16 июля принято не было. Ясно было одно: Керенский не понравился генералитету, а генералитет — Керенскому. В выигрыше остались только Савинков и ... Корнилов. Последний в общем и целом приглянулся премьеру сравнительной умеренностью своих взглядов, что дало возможность Савинкову на обратном пути из Могилева в Петроград успешно «обработать» Керенского в пользу его назначения Главковерхом, поскольку тот мог бы соединить твердость в наведении в армии порядка с признанием завоеваний Февральской революции и стремлением как-то примирить солдат с офицерами.

Что касается Савинкова, то он вел очень сложную политическую игру. Создается впечатление, что он не претендовал на роль какого-то единоличного диктатора, а стремился создать систему рычагов воздействия на режим личной власти Керенского и «управления» его действиями через противостоящую премьеру сильную личность типа Корнилова, с которым Керенский так или иначе вынужден был бы считаться больше, чем с другими генералами и политиками. Эту линию Савинков последовательно и проводил, подталкивая через Корнилова Керенского к более решительным мерам борьбы с большевизмом и анархизмом, в которых ему виделась тогда главная угроза для

России. Однако полная человеческая и политическая аморальность Савинкова и его возведенный в квадрат оппортунизм делали этого эсеровского экс-боевика довольно ненадежным партнером как для Керенского, так и для Корнилова. Оба они были достаточно амбициозны, самолюбивы и эгоистичны, так что ставшая для Савинкова идеей-фикс стратегия их союза постоянно висела буквально на волоске и, как показали последующие события, была обречена в конечном счете на провал. Не случайно в результате неудачного корниловского путча 27 августа — 1 сентября окончательно рухнули политические карьеры не только Корнилова, но и Савинкова, да и Керенский как глава государства и политик оказался обреченным на тяжелую затяжную агонию.

Пока же 19 июля родился указ Керенского о назначении генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова Верховным главнокомандующим вместо столь разозлившего премьера 16 июля в Ставке Брусилова. При этом Корнилов проделал путь от одного из командармов до Главковерха меньше чем за две недели. Савинков стал управляющим Военным министерством, т. е. фактически министром, Филоненко — правительственным комиссаром при Ставке Верховного главнокомандующего («комиссарверхом», по тогдашней терминологии). Жизнь показала, однако, что все три эти назначения оказались неудачными. Керенский плохо разбирался в людях и пробовал совместить несовместимое, часто оказываясь в итоге в проигрыше. Корнилов, Савинков и Филоненко были в политике людьми разных весовых категорий и совершенно разных психоментальных качеств. Всем им не хватало верности данному слову, последовательности в поступках и преданности какой-либо определенной идее, что в полной мере испытал на себе их патрон Керенский, который и сам был, впрочем, политическим импрессионистом чистой воды. Так или иначе, можно сказать, что «кадровик» из премьера вышел неважный, причем расплачиваться за сделанные им ошибки пришлось и ему самому, и всей России.

Савинков, Филоненко и Завойко, играя на человеческих слабостях и недостаточной интеллигентности Корнилова, продолжали усиленно разжигать его честолюбие, стараясь постоянно противопоставлять генерала Керенскому и обратно, и создавать между ними все новые и новые конфликтные ситуации. Так, только что назначенный Главковерх сразу же направил премьеру телеграмму, где говорилось, что он примет новое назначение только в том случае, если правительство согласится с рядом его условий: Главковерх будет отвечать не перед петроградской властью, а «перед своей совестью и перед народом»; сам будет назначать высших военачальников, а жесткие меры борьбы с анархией будут распространены не только на фронт, но и на те мест-

ности в тылу, где расквартированы «пополнения для армии» (т. е. на значительную часть тыловых районов России)¹⁸.

Закулисные вдохновители Корнилова, расчетливо нагнетавшие обстановку в армии, могли быть довольны: Керенский опять был взбешен и хотел сразу же расстаться с новым Главковерхом, но признавать свои ошибки тоже было не в его характере. Да и обстановка в петроградских «верхах» оставалась пока недостаточно определенной, т. к. переговоры о составе Временного правительства, как мы уже видели, явно затягивались. Учитывал премьер и то, что другие члены его кабинета, фактически уже находившиеся в отставке, но продолжавшие условно исполнять свои обязанности, относились к Корнилову более благосклонно или, по крайней мере, индифферентно, а Савинков, полусхуля, полусерьезно, «пояснил» премьеру: вероятно, Корнилов сгоряча просто не разобрался в том, какую бумагу ему «подсунул» Завойко.

В итоге инцидент был замят¹⁹, хотя с учетом последующих событий конца августа — начала сентября 1917 г. очевидно, что Керенский в данном случае допустил очередную очень серьезную ошибку, создав у Корнилова иллюзию безнаказанной возможности успешного продолжения с премьером политики ультиматумов. В результате уже 20 июля последний вновь пригрозил отставкой со своего поста, будучи недоволен тем, что Керенский назначил его преемником на посту командующего Юго-Западным фронтом генерала В.А. Черемисова, не согласовав предварительно с ним эту неприятную Корнилову кандидатуру. И снова Керенскому пришлось уступить, заменив Черемисова Деникиным.

К концу июля Керенский уже не мог не чувствовать, что споткнулся на Корнилове, и споткнулся основательно. Казалось бы, простой инстинкт самосохранения должен был подсказать ему, что нужно либо избавиться от упрямого и непокорного генерала, либо заключить с ним политический союз. Первый, самый простой вариант решения этой проблемы постоянно вертелся у Керенского в голове, но осуществить его он так и не решился. Во-первых, это значило бы расписаться в собственном бессилии, а пойти на такую позорную капитуляцию премьер никак не хотел. Во-вторых, мысленно перебирая всю «генеральскую колоду», Керенский не видел никакой подходящей кандидатуры для замены Корнилова. Больше всего на этот пост подходил Деникин, но после совещания 16 июля в Ставке и его речи на нем перешагнуть через свое уязвленное самолюбие Керенский не мог. В-третьих, — и это, видимо, было главным — премьер уже начал бояться Корнилова, в руках которого была теперь фактически вся русская армия и который, вдохновляясь с помощью своего окру-

жения примером Наполеона, мог бы тоже установить в России свою диктатуру и покончить с русской революцией как таковой. По этой же причине боялся Керенский и союза с Корниловым, который мог очень скоро почувствовать вкус к личной власти и сбросить его, Керенского, в историческое небытие. В итоге премьеру оставались лишь его бесконечные колебания, а Корнилов с 24 июля обосновался наконец в Ставке и решил продолжить «осаду» Керенского, которого он и не уважал, и не очень-то боялся.

Назначение на пост Верховного главнокомандующего, успех предыдущих ультиматумов, предъявленных Керенскому, и пример Деникина, оставшегося после на шумевшей речи 16 июля на своем посту, — все это побудило Корнилова обобщить с помощью ближайших помощников свои предложения по наведению порядка на фронте в форме адресованной правительству записки-меморандума и представить их в Петроград. 3 августа генерал лично доставил их в столицу. Разговор его с Керенским получился трудным, резким и острым, причем тот даже попытался в своей излюбленной манере спровоцировать Главковерха вопросом, не считает ли он, что премьеру вообще не стоит в данной обстановке сохранять свой пост? Но если Керенский задал его в чисто гипотетической форме («Ну, положим, я уйду, что же из этого выйдет?»), то Корнилов воспринял все всерьез, ответив, что хотя репутация главы правительства в общественном мнении и пошатнулась, но об отставке он даже и думать не должен. Что касается «Записки» Корнилова, из-за которой тот и приехал в столицу, то Керенский, чтобы отвязаться от надоедливой Главковерха, решил отдать ее «на доработку» тем же Савинкову и Филоненко. Желая «позолотить пилюлю», Керенский, правда, сказал, что предлагаемые Корниловым и его окружением меры в принципе приемлемы, но изложены в слишком вызывающей редакции. Поэтому принять их сейчас значило бы вызвать взрыв среди солдат и в тылу, и тогда сохранение Корнилова на посту Главковерха стало бы невозможным. Реально же премьера категорически не устраивало предложение о введении смертной казни в тылу, что грозило и его личной репутации демократа, и взаимоотношениям с лидерами Советов²⁰. В итоге, выступая в тот же день на заседании правительства, Корнилов вынужден был по просьбе премьера ограничиться лишь обзором положения на фронтах, высказав мрачное предположение, что следующий удар немцы нанесут по Риге²¹.

Слухи об афронте, постигшем Главковерха в Зимнем дворце 3 августа, быстро разносились по правым офицерским и казачьим организациям²², причем «доброжелатели» даже сообщили Корнилову, что отставка его «наверху» уже предreshена. Что касается указанных во-

енных организаций, то они одна за другой стали принимать резолюции в поддержку любимого генерала, угрожая в случае его отставки «отдать боевой клич» своим подчиненным и защитить Корнилова.

Савинков же и Филоненко вполне сознательно «доработали» документ, вышедший из Ставки и адресованный правительству, таким образом, что он принял еще более вызывающе-ультимативный вид. Речь в нем теперь шла уже о создании спецлагерей для подлежащих расформированию «ненадежных» воинских частей, запрещении забастовок и митингов на железных дорогах, оборонных предприятиях и шахтах, отправке на фронт рабочих, не выполняющих установленные им нормы выработки, и т. д. Нарушителям грозила немедленная отправка на фронт²³. Когда каким-то образом выдержки из записки Корнилова в редакции Савинкова–Филоненко просочились в «Известия», левая пресса подняла шум по поводу прямой угрозы военной контрреволюции, нависшей над страной.

Следующая встреча Керенского с Корниловым состоялась 10 августа. К тому времени премьер уже познакомился с доработанной «Запиской» Главковерха и откровенно заявил главному куратору Корнилова Савинкову, что ни при каких обстоятельствах ее не подпишет. Тот в ответ подал премьеру заявление о своей отставке, но одновременно решил вызвать Корнилова в Петроград для нового и более откровенного разговора с Керенским, хотя ни Главковерх, ни премьер этой встречи явно не хотели: первый ожидал отставки и не желал ехать в столицу, а второй стремился отсрочить объяснения с генералом и даже приказал отправить ему телеграмму с требованием отложить поездку, но тот уже успел к тому времени выехать в столицу, и телеграмма его в Могилеве не застала.

Главковерх «на всякий случай» взял с собой отряд верных охранников-текинцев (туркмен) в живописных красных халатах и с пулеметами, которые были расставлены в вестибюле Зимнего дворца, где происходила беседа Корнилова с Керенским. Последний, решив показать генералу, кто есть кто, с порога отложил объяснение до вечернего заседания правительства. Однако вместо него вечером состоялась неофициальная встреча Корнилова с «братьями-масонами» Керенским, Терещенко и Некрасовым, причем даже Савинкова на эту беседу уже не пригласили. В итоге никакого решения тогда принято не было, но дополнения к первоначальному тексту «Записки», сделанные Филоненко и согласованные с Савинковым, одобрения Керенского не получили, и их предложено было опять дополнительно проработать, чтобы избежать открытого социального конфликта в стране и, в частности, прямой конфронтации с железнодорожниками и промышленными рабочими²⁴.

Ночью с 10 на 11 августа состоялась большая беседа премьера с Корниловым с глазу на глаз. Керенский убеждал генерала, что между ним и Временным правительством нет принципиальных расхождений в понимании работы в армии, добавив, что чья-либо попытка установить в России единоличную диктатуру будет обречена на неудачу, т. к. уже на другой день диктатор останется без железных дорог, телеграфа и главное — без армии. Корнилов не возражал, хотя и бросил, по воспоминаниям Керенского, одну загадочную фразу: «Ну, что же, может быть, и на диктатуру придется пойти!» На прощанье же генерал якобы сказал премьеру, что если его будут принуждать к отставке, то он не может поручиться за меры, к которым ему тогда придется прибегнуть²⁵.

В ту же ночь Керенский имел и еще один очень нелегкий разговор — на этот раз уже с Савинковым, заявление которого об отставке он еще так и не подписал, видимо, надеясь уговорить его остаться управляющим Военным министерством²⁶. Керенский буквально кричал на собеседника, обвиняя его едва ли не в заговоре против правительства. Это была настоящая истерика: «Вы — Ленин только с другой стороны. Вы террорист. Ну, что же, приходите, убивайте меня. Вы выходите из правительства? Ну, что же! Теперь вам открывается широкое поле независимой политической деятельности». Схватился Керенский с Савинковым и из-за Филоненко: первый говорил, что не может его терпеть и не доверяет ему, а второй невозмутимо отвечал: «А я доверяю и стою за него». Далее Керенский упрекал своего заместителя еще в каких-то мелочах и при этом чертил карандашом на заявлении Савинкова об отставке три буквы — К., С., К.²⁷ и наконец произнес: «Есть К. (Керенский. — С.Т.), оно остается, а других К. и С. не будет». Приняв отставку Савинкова, Керенский заметил: «Вы напрасно возлагаете надежды на триумвират». При этом он снова прокричал, что никогда не подпишет «Записку» Корнилова — Савинкова — Филоненко.

Однако уже на следующий день, 11 августа Керенский столкнулся с требованием кадета Кокошкина вынести этот документ на обсуждение правительства в полном составе (в противном случае тот угрожал отставкой) и вынужден был дать на это свое принципиальное согласие²⁸. Колебался Керенский и в вопросе об отставке Савинкова, заставив его взять свое заявление обратно²⁹. Итогом вечернего заседания правительства 11 августа стало туманное признание возможности осуществления предлагаемых в «Записке» Корнилова мер, но с «учетом обстоятельств времени и места»³⁰. А это означало только, что данный вопрос опять повис в воздухе, причем министрам явно так и не удалось сломить сопротивление премьера, тем более что за-

седание это происходило накануне отъезда его участников в Москву на так называемое Государственное совещание, которое, по мысли Керенского, должно было прояснить обстановку в стране.

Проведение подобного парадного мероприятия было обусловлено новым переносом срока созыва Учредительного собрания — теперь уже на 28 ноября и желанием правительства и, прежде всего, лично Керенского «произвести смотр политическим силам в стране и установить точнее их удельный вес в государстве»³¹. Проще говоря, Временное правительство, которое никто не избирал и которое никому не было подотчетно, явно искало точки опоры и поддержки общественности, чтобы как-то создать иллюзию некоего национального единения власти и всего российского общества³².

12 августа в московском Большом театре собрался весь цвет политической, общественной, культурной, хозяйственной и военной элиты России³³. Не было только откровенных монархистов и почти загнанных в подполье большевиков. Поэтому Государственное совещание даже сравнивали с «Земским собором Всея Руси». В левой половине зала Большого театра размещалась, образно говоря, Россия демократическая, рабоче-крестьянская, советская и социалистическая, в правой — либеральная и буржуазная, причем «визитки» и сюртуки явно преобладали над демократическими косоворотками и солдатскими гимнастерками. Представители армейских комитетов, например, сидели налево, а командный состав вооруженных сил — направо. Аналогичное разделение было и в президиуме, располагавшемся на сцене: Керенский — в центре, министры-социалисты налево от него, министры-«капиталисты» — направо. За спиной премьера на протяжении всего Совещания стояли два офицера-адъютанта — один в военной сухопутной, другой — в военно-морской форме. Все было парадно, торжественно, но как-то напряженно.

Сам Керенский прибыл в Москву утром в день открытия Совещания и разместился не где-нибудь, а в царском Большом кремлевском дворце. Настроение у премьера было неважное: накануне «раскрыли» (дело оказалось дутым) монархический заговор с участием великих князей П.А. и М.А. Романовых. Тревожили Керенского и многочисленные письма на его имя из провинции с очень нелицеприятными оценками ситуации в стране. В одном из них, например, говорилось: «Россию можно спасти от гибели только кулаком, палкой и плетью... Разгоните Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а вместо этого составьте Всероссийский военный совет». Другой корреспондент писал: «Берите назад свободу с революцией, нам лучше жилось прежде, без свободы, без товарищей... Ни к чему эта свобода,

да будь она проклята с вами вместе, если мне придется целую неделю обходиться без хлеба и голодному ложиться спать»³⁴.

Не радовали премьера ни его отношения с Корниловым и Савинковым, ни даже внешний вид августовской Москвы, где шла частичная забастовка, организованная по почину большевиков, не ходили трамваи, не работали рестораны. Большой театр был окружен тройным кордоном из солдат и юнкеров из опасения возможных эксцессов. Циркулировали и неясные слухи о возможности появления в Первопрестольной каких-то войск и о предстоящем военном перевороте³⁵.

Совещание должно было открыться вступительной речью министра-председателя, о которой в историографии давно сложилось отрицательное мнение как об очень слабой, бездарной, однобоко-эмоциональной и лишенной всякой конкретики³⁶. Мне же представляется, что Керенский в тот день выжал из себя максимум возможного и вполне заслужил те аплодисменты (а они вспыхивали в его честь в зале почти 30 раз), которые свидетельствовали об одобрении, по крайней мере частью аудитории, тех или иных пассажей его полуторачасовой речи. От конкретики же Керенский отказался вполне сознательно, поскольку после него выступали те, кто отвечал за конкретные участки народного хозяйства и за состояние армии — министры внутренних дел Авксентьев, торговли и промышленности Прокопович, финансов — Некрасов, Верховный главнокомандующий Корнилов и др.³⁷ Что касается излишней эмоциональности, то ее действительно было хоть отбавляй, но таков уж был Керенский.

Понимая всю катастрофичность обстановки на фронте и в тылу, он избрал для своей вступительной речи тональность откровенного разговора о тяжелом положении страны, ничего не приукрашивая и никаких быстрых перемен к лучшему не обещая. Нарисованная им картина действительно была совершенно безрадостной: «Голодающие города, все более и более расстраивающийся транспорт, ... падение производства в промышленности... Процесс распада и распыления на все новые и новые враждующие между собой партии и группы сталкиваются со все более и более поднимающим голову стремлением некоторых национальностей государства Русского искать спасения... в стремлении все больше и определеннее отмежевать свою судьбу от нас...»³⁸

Премьер, очевидно, отдавал себе отчет в том, что в его распоряжении нет никаких чудодейственных средств для быстрого излечения России от терзавших ее недугов. Военная диктатура? Но она, по твердому убеждению Керенского, привела бы лишь к вспышке беспощад-

ной с обеих сторон Гражданской войны³⁹. Сепаратный мир? Но он поспорил бы Россию с союзниками по Антанте, чего премьер никак не хотел. Огосударствление всего национального богатства страны? Но решение об этом могло бы принять, по его твердому убеждению, только будущее Учредительное собрание, до созыва которого оставалось еще несколько месяцев. Пока же ему оставалось только *грозить* противникам Временного правительства и *справа, и слева* «железом и кровью» подавить любое их покушение на дестабилизацию обстановки и свержение Временного правительства и *взывать к национальному единству и примирению антагонистических классов* ради спасения Родины. Именно это Керенский и делал на Государственном совещании, хотя, видимо, уже предчувствовал, что успех этих угроз и увещаний очень проблематичен. При этом он выступал как настоящий государственный деятель, пытаясь доказать, что спасение России состоит в отказе от сугубо личных, своекорыстных интересов отдельных лиц и целых классов и в понимании необходимости жертвовать ими ради общего дела, ради блага страны в целом.

Керенский подчеркивал, что на смену периоду разрушения старого государства, — а это было главным в первые месяцы революции — пришел теперь период организации, консолидации и защиты всего, что было завоевано в феврале–марте 1917 г. Поэтому он резко критиковал линию финнов на отделение от России и крайние автономистские устремления украинцев, продемонстрировав еще раз свою приверженность идее сохранения территориальной целостности Российского государства. Особо остановился Керенский на ситуации в вооруженных силах. Обращаясь к делегатам Совещания с фронта, премьер напомнил им, что является их военным министром и верховным вождем, передающим солдатам и офицерам волю всего Временного правительства, и что «нет воли и власти в армии выше воли и власти Временного правительства». При этом обязанности, подчеркнул он, должны быть и у тех, кем командуют, и у тех, кто командует. Эти слова прозвучали как скрытое предостережение Корнилову и «корниловцам», хотя Главковерх к тому времени еще не приехал в Москву. Ему же были адресованы и слова Керенского о том, что тех, кто ставит правительству ультиматумы (здесь Керенский, несомненно, имел в виду обращение Корнилова к Временному правительству, где генерал выдвигал ряд условий принятия им поста Главковерха), он, Керенский, сумеет подчинить воле верховной власти и ее главы⁴⁰.

Корнилова сначала вообще не хотели видеть на Государственном совещании, мотивируя это для вида сложной обстановкой на фронте. На самом же деле Керенский больше всего опасался, что его глав-

ный в тот момент соперник огласит на Совещании свою закрытую «Записку» правительству, отклоненную премьером, Терешенко и Некрасовым 10 августа, и потребует немедленного осуществления предложенных там мер. Но Корнилов все же прибыл в Москву 13 августа явочным порядком, опять со своими верными охранниками-текинцами и их пулеметами, причем ночевал он не в городе, а в своем стоявшем на путях специальном поезде, очевидно, опасаясь ареста. В итоге Керенский вынужден был продолжить с непокорным генералом их явно затягивавшуюся игру, поставив лишь одно условие: Корнилов будет говорить на Совещании только о положении на фронте.

Главковерх появился в Первопрестольной как восходящая политическая звезда, причем участники Государственного совещания явно «ждали не столько “слова” Керенского, сколько “дела” Корнилова»⁴¹. Недаром уже при встрече генерала на Александровском (ныне Белорусском) вокзале кадетский златоуст Ф.И. Родичев прямо призвал Корнилова «спасти Россию», пообещав, что благодарный народ увенчает его за это славой. Миллионерша Морозова публично упала перед генералом на колени, а группа офицеров вынесла его на руках на привокзальную площадь, куда был подан автомобиль. Хорошо продуман был и следующий шаг Корнилова: он сразу же побывал в Иверской часовне на Красной площади, где истово молился о спасении Родины.

Положенного протокольного визита Керенскому Корнилов не нанес, и тому пришлось первому позвонить генералу по телефону прямо в поезд, чтобы попросить его 14 августа не выходить в своей речи на Совещании за рамки анализа фронтовой ситуации. То же самое Керенский повторил Корнилову еще раз за кулисами Большого театра перед началом его речи, напомнив при этом о воинской дисциплине. Генерал неохотно согласился, оговорив, что остальное за него «доскажет» Атаман Войска Донского А.М. Каледин⁴².

Речь Главковерха, которую он зачитал 14 августа, была подготовлена с помощью Филоненко и Завойко и выгодно отличалась от речи Керенского своей краткостью и прямолинейностью. Когда Керенский предоставил ему слово, все сидевшие в правой части партера встали, а те, кто сидел слева, остались на своих местах. Правые истово кричали: «Хамы! Встаньте!», а левые презрительно отвечали им: «Холопы!» В развале армии Корнилов однозначно винил в своей речи правительство и его политику, предрекая новые потрясения и поражения на фронтах (действительно, через неделю немцам была сдана Рига). Он не стал приукрашивать состояния армейской дисциплины и упомянул о таких негативных моментах, как расправы солдат с офицерами, самовольное оставление боевых позиций, непо-

виновение приказам. Вопреки данному Керенскому обещанию Главковерх все же кратко изложил содержание своей «Записки», которую он представил правительству 10 августа, подчеркнув, что в плане суровости наказаний за невыполнение воинского и гражданского долга по спасению страны от врага разницы между фронтом и тылом быть не должно. Это был прямой намек на необходимость восстановления смертной казни и в тылу. Закончил же Корнилов прямым предостережением власти, лично Керенскому и обществу в целом: «Времени терять нельзя... Нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер»⁴³.

Суть же корниловской программы наведения порядка в армии и стране, как и обещал Главковерх Керенскому, открыто изложил за него Каледин, требовавший от имени 12 казачьих войск России удаления из армии всякой политики и упразднения Советов и комитетов. Он выразил сомнение в том, что нынешний состав Временного правительства способен выправить сложившееся на фронте катастрофическое положение, поскольку это, по его словам, могла бы сделать «только власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы». В тылу Каледин предлагал осуществить такие меры, как всеобщая трудовая повинность населения, нормировка зарплаты рабочих и служащих и прибылей предпринимателей, приведение в соответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, сохранение строгого порядка в землепользовании и арендных отношениях. Каледин выступал также против национального сепаратизма. Россия должна быть единой, говорил он⁴⁴.

Не могла не заинтересовать слушателей речь одного из лидеров российских торгово-промышленных кругов П.П. Рябушинского. Он стремился создать впечатление, что положение рабочего класса за время войны не ухудшилось, а улучшилось, что если «наше постылое прошлое нас всех размежевывало», то теперь общее горе России должно всех россиян, в том числе рабочих и предпринимателей, объединить, ибо иначе Россия погибнет. По мнению Рябушинского, в настоящее время страной управляют три стихии — «несбыточная мечта, невежество и демагогия», а в речи Керенского он не почувствовал того внутреннего убеждения и действительного энтузиазма, которые сейчас особенно нужны стране. Таким образом, и Рябушинский никакой реальной и классово не ангажированной программы выхода России из кризиса не представил. Это говорил современный, образованный, прогрессивно мыслящий буржуа-республиканец, не видев-

ший, однако, в России никаких других перспектив, кроме культурного, «правильно организованного» капитализма⁴⁵.

Интересно отметить, что на парадном Государственном совещании по инициативе Керенского присутствовала и группа старых революционеров — 75-летний анархист кн. П.А. Кропоткин, 73-летняя эсерка Е.К. Брешко-Брешковская, 72-летний бывший народоволец Г.А. Лопатин и 60-летний марксист Г.В. Плеханов. О последнем нужно сказать особо. «Отец русского марксизма», как его часто тогда называли, относился к Керенскому с изрядной долей иронии и даже некоторого презрения, сравнивая его со слезливым французским поэтом-романтиком А. Ламартином, тоже ставшим в революционном 1848 г. министром. При этом Плеханов язвительно именовал Керенского даже не Ламартином, а Ламартинкой, т. е. лицом, скорее, женского, чем мужского пола, а по манере произносить свои речи он напоминал ему французскую актрису Сару Бернар, выступающую в каком-нибудь уездном русском Царевококшайске. Тем не менее Плеханов говорил, что, «пока нет другого правительства, забивать насмерть существующее значило бы играть на руку Ленину»⁴⁶.

Однако он был явно польщен тем, что 22 июля 1917 г. Керенский лично (он ездил к Плеханову из Царского Села вместе с Савинковым) предложил ему пост министра, хотя это назначение и не состоялось, как это уже было в апреле и мае из-за сопротивления Петросовета. Тем не менее Плеханов решил воспользоваться приглашением на Государственное совещание и 15 августа выступил в Большом театре с речью, рассказав остроумную ирландскую притчу о двух котях, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни хвосты. Под котами Плеханов подразумевал буржуазию и пролетариат, причем первую он призывал торопиться с проведением социальных реформ, а второго — к умеренности в своих экономических требованиях. Войну с Германией Плеханов требовал продолжать до победного конца, вызвав этим призывом аплодисменты многих участников Совещания⁴⁷.

Довольно разумную комплексную программу вывода России из социально-экономического кризиса предложил на Совещании лидер Петросовета меньшевик Чхеидзе (реальным ее автором был меньшевик Ф.И. Дан). Но слушали его плохо, т. к. для реализации изложенных в ней требований буржуазия должна была пойти на значительные материальные жертвы. Чхеидзе предлагал, в частности, установить твердые цены и регулировать заработную плату рабочих, ввести налог на предметы роскоши, разграничить в армии права офицеров, комиссаров и Советов, не допускать разрешения национального вопроса путем «обособления от России отдельных ее частей» и др.⁴⁸

Всего на Совещании выступили 84 оратора, среди которых были еще Родзянко, Милюков, Гучков, Маклаков, Церетели и др. Заключительная речь Керенского, произнесенная им уже далеко за полночь 15 августа, была намного короче вступительной. Оратору не раз аплодировали, а в конце даже кричали: «Да здравствует революция! Да здравствует российская республика! Да здравствует Керенский! Ура!» Но ничего нового премьер не сказал и даже производил на некоторых слушателей впечатление человека, находящегося под влиянием наркотиков, действие которых закончилось еще до конца его речи⁴⁹. Керенский признал, что если правительство будет осуществлять «драконовские меры», то начнется Гражданская война, в которой мы все, возможно, погибнем. Поэтому нужно до конца придерживаться линии на примирение всех, кого еще можно примирить, отбрасывая все то, что выгодно только какой-либо одной части общества. Главной же задачей момента является, по Керенскому, сохранение боеспособности армии и укрепление основ экономической и финансовой жизни страны⁵⁰.

Концовка же речи премьера вообще была комком его эмоций и выглядела довольно бессвязно: «Мне часто говорят, — сказал Керенский, — что я слишком верю и много мечтаю... Я попробую меньше верить — ведь часто эту веру, которая не имеет пределов, веру в человека, в его душу, в его совесть и разум ставят в вину власти, — ставят в вину, что она недостаточно управляет, т. к. управляют все без веры, в подозрении, в сомнениях в честность ко всем и в борьбе за власть во что бы то ни стало. Этого не было и этого не будет! ... Но пусть будет то, что будет. Пусть [мое] сердце станет каменным, пусть замрут все струны [моей] веры в человека, пусть засохнут все те цветы и грезы о человеке, о которых сегодня, с этой кафедры говорили и их топтали. Так [лучше их] я сам затопчу! Не будет этого. Я брошу далеко ключи от [своего] сердца, любящего людей, я буду думать только о государстве». Стоит отметить, что когда Керенский говорил о своем намерении подавить в себе все эти столь естественные для любого тонко чувствующего человека порывы, из зала ему кричали: «Не надо!», «Не можете вы этого сделать — ваше сердце вам этого не позволит!»⁵¹ Закончив свою речь, находившийся под конец в состоянии протрации Керенский буквально упал в свое кресло. Больше говорить было не о чем, да он уже и не мог.

Совершенно очевидно, что это был нервный срыв, вызванный переутомлением последних недель и напряженной обстановкой на самом Государственном совещании. В результате Керенский «сломался» и потерял самообладание, причем драматизм ситуации состоял в том, что все это случилось на глазах двухтысячной аудитории, среди которой

была значительная часть элиты тогдашней России. Если учесть претензии Керенского на роль национального лидера, то этот эпизод выглядел как его позорный публичный провал на высшем уровне. Между тем буквально через несколько часов премьеру предстояло еще присутствовать на открытии Поместного собора Русской православной церкви в Успенском соборе Московского Кремля, причем уклониться от участия в этой торжественной церемонии он не мог⁵².

Государственное совещание не оправдало возлагавшихся на него правительством и его главой надежд, хотя его состав, казалось бы, был очень тщательно подобран и отфильтрован⁵³. После Совещания окончательно стало ясно, что напряженность в стране не уменьшается, а с каждым днем нарастает. Не случайно, возвратившись 17 августа из Москвы в Петроград и встретившись с Савинковым, Керенский в отчаянии сказал ему: «На Московском совещании я убедился, что власть правительства совершенно подорвана — оно не имеет ее». Более чем странно звучала и другая фраза премьера, адресованная Савинкову и произнесенная Керенским с какой-то странной улыбкой: «Я... больной человек. Нет, не то. Я умер, меня уже нет. На этом совещании я умер»⁵⁴. Конечно, в этих словах была немалая доля театральности, тем более что Керенскому очень хотелось помириться с Савинковым, а для этого сначала его «разжалобить». Но общее подавленное состояние премьера Савинков уловил совершенно правильно.

О настроениях Керенского в то время можно найти немало интересного в дневнике Зинаиды Гиппиус. Уже 14 августа, например, она сравнивает его с вагоном, сошедшим с рельсов. «Вихляется, качается болезненно — и без красоты малейшей. Он близок к концу, и самое горькое, если конец будет без достоинства». Поэтесса считала, что перед Керенским в августе 1917 г. открываются два пути: или быть вместе с Корниловым и Савинковым, или, если у него нет для этого необходимой силы, — уйти из Большой политики. Но Керенский хотел найти некий третий, промежуточный путь, которого в реальной действительности, по мнению Гиппиус, не было. 18 августа она зафиксировала в дневнике свое согласие с полученной ею информацией, будто Керенский хочет стать министром без портфеля, но уже 22 августа в ее окружении возникла новая идея: Керенский передает власть «более способным» людям вроде Савинкова, а сам становится «надпартийным президентом Российской республики». Однако на это захавший к Мережковским премьер тоже отреагировал отрицательно, поскольку перспектива потерять реальную власть и превратиться в чисто декоративную политическую фигуру его явно не прельщала. При этом он откровенно признался, что его идеалом является централизм, стремление «идти посередине»,

бороться и с «большевиками левыми», и с «большевиками правыми», т. е. с «корниловцами», которых в данный момент он боялся больше, чем Чернова или Ленина.

Близкий друг Гиппиус Дмитрий Философов тогда же советовал Керенскому громить большевиков и помнить, что он избранник всей демократии, а не одних только социалистических партий. С этим Керенский согласился, признав, что его опора — в демократии. «Да ведь мы ничего социалистического и не делаем, — добавил он. — Мы просто ведем демократическую программу». На это Философов едко заметил, что этой программы не видно, она никого не удовлетворяет. «Да властвуйте же наконец!» — в сердцах воскликнул он. — Как президент вы должны составлять подходящее министерство». Но и этого Керенский не хотел, поскольку ему, как он сказал, не хочется изображать нового самодержца. В итоге он закончил разговор ничего не значащей и поразительно беспомощной фразой: «Да, трудно, трудно...»⁵⁵

Подобные настроения Керенского во многом объяснялись еще и резким ухудшением положения дел на фронте, где 20 августа была сдана немцам Рига, что создавало прямую угрозу Петрограду. Поэтому уже на следующий день правительство решило: 1) приступить к подготовке намеченного на конец ноября своего переезда в Москву; 2) передать войска Петроградского военного округа в подчинение Корнилову; 3) выделить, однако, войска, расквартированные в столице с ее окрестностями, в особую военную единицу и подчинить их непосредственно Временному правительству; 4) срочно вызвать с фронта отряды надежных войск в распоряжение правительства⁵⁶. При этом п. 3 данного решения явно противоречил п. 2, что свидетельствовало о полном недоверии Керенского Корнилову. Об этом же говорил и отказ премьера санкционировать решение последнего о создании подчиненной Главковерху Особой петроградской армии с включением в нее кораблей Балтфлота и гарнизона такой стратегически важной и особо укрепленной крепости, как Кронштадт.

Тем не менее, маскируя свою антикорниловскую позицию и еще пытаясь как-то улучшить отношения с Верховным главнокомандующим, Керенский решил срочно откомандировать в Ставку Савинкова и Барановского, которые встретились там 23–24 августа с Корниловым. Главковерх с большим трудом поддался их уговорам поддержать Керенского, якобы готового подписать наконец ставшую уже знаменитой его «Записку» в редакции Савинкова–Филоненко. Корнилов не скрывал, что не верит больше Керенскому и не считает его заслуживающим доверия политиком. Однако он готов был сделать еще одну попытку найти подобие соглашения с ним. В «обмен» Кор-

нилов обещал убрать по просьбе премьера из Могилева «Союз офицеров армии и флота», о заговорщической деятельности которого к тому времени Керенский уже достоверно знал, а также не посылать на помощь Временному правительству персонально слишком «боевого» генерала Крымова в качестве командира нескольких снятых с фронта казачьих частей и особенно «Дикую» дивизию (1350 шашек), сформированную после начала Первой мировой войны из добровольцев с Северного Кавказа и пользовавшуюся репутацией сборища настоящих головорезов. Прощаясь с Савинковым, Корнилов попросил передать Керенскому, что он «будет его (Керенского. — С.Т.) всемерно поддерживать, ибо это нужно для блага Отечества»⁵⁷.

Керенский с удовлетворением воспринял доклад Савинкова об итогах его поездки в Ставку и был как будто доволен обещанием Корнилова выполнить все перечисленные выше просьбы премьера. Но что за этим стояло? Превращение Керенского в «корниловца» и готовность заключить союз с Главковерхом? Или стремление усыпить бдительность Корнилова и взять инициативу в борьбе с ним в свои руки?

С одной стороны, есть искушение признать успех Савинкова, ставшего любой ценой добиться союза Керенского с Корниловым, или правоту Ленина, искренне считавшего премьера «скрытым корниловцем». С другой — возможна и тонкая игра Керенского в притворную дружбу с Корниловым, рассчитанная на отрыв генерала от его ближайшего окружения. Возможна и сознательная дезинформация Савинкова о будто бы достигнутой им договоренности с Корниловым. Какую из этих версий выбрать, какая достовернее, какая правдоподобнее? Кто знает?

Но если учесть упорное нежелание Керенского расставаться с тактикой политического центризма и его принципиальный отказ вводить в тылу смертную казнь⁵⁸ и если не забывать, что премьер так и не пошел на полный разрыв с советскими лидерами и к тому же ненавидел Корнилова как более сильную, чем он, личность, то вариант союза «двух К.», т. е. Керенского и Корнилова, видимо, отпадает, и остается лишь вариант игры премьера с Главковерхом, причем игры в его, Керенского, пользу и при сохранении им еще и имиджа последовательного демократа.

Корнилов тоже продемонстрировал 23–24 августа игру с Савинковым, ибо соглашаясь удовлетворить просьбы Керенского относительно Крымова и «Дикой» дивизии, он и не думал их выполнять. «Корниловцам» же временное «примирение» с Керенским тоже позволило замаскировать их выполненное задолго до этого намерение использовать «крымовцев» в целях будущего государственного переворота, открыто ссылаясь теперь на требования самого премьера уси-

лить оборону Петрограда после падения Риги. Таким образом, игру вели тогда и Керенский, и Корнилов.

Но все это только мое предположение, ибо возможности расширять подлинный смысл своей тактики в 20-х числах августа Керенский нам не оставил. Но здесь мы прервемся и оставим на время Керенского в тот самый момент, когда читатель уже приготовился к благополучному разрешению конфликта между правительством и Ставкой, а на самом деле этот конфликт лишь подошел к своей кульминации. Ведь вечером 26 августа в Зимнем дворце совершенно неожиданно грянул гром, позволивший тем не менее премьеру все же избежать в русской истории клички «Керенский-краватый».

---

¹ Контраст в поведении крайне амбициозного Керенского и гораздо более скромного кн. Львова, довольствовавшегося правительственной резиденцией в Марининском дворце, очевиден и лишний раз характеризует их обоих в чисто человеческом плане. Заседания кабинета министров происходили теперь в Малахитовом зале Зимнего дворца, а служебная квартира премьера переместилась в апартаменты Александра III, расположенные там же на третьем этаже бывшей главной резиденции русских царей (это дало основание острякам называть премьера Александром IV). Керенский жил там с Е.В. Бирюковой, бросив тем самым открытый вызов общественности и ее официальной морали.

Личная канцелярия премьера располагалась в покоях Александра II, а доклады он принимал в императорской библиотеке. Во фрейлинских комнатах на том же третьем этаже размещались адъютанты главы правительства и военного министра, а также Е.К. Брешко-Брешковская, с которой Керенский никак не хотел расставаться с весны 1917 г. (об их очень теплых, почти родственных взаимоотношениях см.: *Колоницкий Б.И.* Легитимация через жизнеописание: биография А.Ф. Керенского (1917 год) // История и повествование. М., 2006. С. 267–268).

Красный флаг, поднятый над Зимним дворцом, свидетельствовал о том, что его новый хозяин находится в Петрограде, а отсутствие флага — о том, что Керенский покинул столицу. Для передвижения по городу и в поездках по стране он пользовался автомобилями из царского гаража и бывшим царским поездом. Немалую роль в переезде Керенского в Зимний сыграл и фактор его личной безопасности, т. к. считалось, что соседство дворца с Главным штабом вооруженных сил на Дворцовой площади делает резиденцию премьера относительно более безопасной.

Согласно данным Особых журналов Временного правительства (т. 3–4. М., 2004), в июле–августе 1917 г. Керенский председательствовал на его заседаниях 24 раза (11, 12, 18, 20, 25, 26, 27, 29 июля, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 19, 22, 23, 24, 29, 30 и 31 августа), некоторые заседания с участием Керенского, например 26 августа, в Особых журналах отражения не получили.

² Текст сообщения см. также: Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 295–297.

³ См.: Речь 1917. 16 июля.

⁴ Реально заниматься текущими делами Военного и Морского министерств стали их управляющие — новый фаворит Керенского Савинков и Лебедев (оба эсеры).

⁵ Некрасов остался и заместителем министра-председателя.

⁶ См.: *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. С. 234.

⁷ См.: *Российский либерализм... Энциклопедия.* С. 147.

⁸ См.: *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 357, 360, 461–462, 463 и др.

⁹ Цит. по: *Мартынов Е.И.* Корнилов (попытка военного переворота). М., 1927. С. 25–26. Генерал Мартынов служил в царское время вместе с Корниловым в войсках пограничной стражи и вместе с ним находился в австрийском плену в 1915–1916 гг. В цитируемых телеграммах легко угадывается почерк литературного «редактора» многих корниловских документов В.С. Завойко и прозрачный намек на самого Керенского, который слишком долго собирался перейти к решительным мерам борьбы с теми, кто разваливал фронт, и считался многими военными их соучастником.

Завойко был сыном адмирала, отличившегося во время Крымской войны и получившего в награду имение в Подольской губ. Он закончил Царскосельский лицей, затем занимался разного рода земельными спекуляциями в Юго-Западном крае, нефтедобывающим бизнесом, банковскими операциями, журналистикой, издательским делом и т. д. — словом, брался решительно за все, в чем видел выгоду. В 1917 г. Завойко решил заняться и политикой, сделав ставку на Корнилова. Недаром он выпустил тогда большим тиражом брошюру «Первый народный Главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов» и в конце концов втерся в доверие делавшего блестящую служебную карьеру генерала. О политических взглядах Завойко см.: *Исторический архив.* 2011. № 4. С. 115–137.

¹⁰ См.: *Революционное движение в России в июле 1917 г.* С. 298–299. Утром 8 июля теперь уже премьер Керенский издал указанный приказ, где говорилось, что «все преступные элементы, занятые письменной или устной пропагандой и подстрекательством к неповиновению и отказу выполнять боевые приказы, должны быть немедленно изгнаны из армии». См. также: *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму. М., 2006. С. 29. 13 июля военный министр и министр внутренних дел получили право закрывать газеты и журналы, подстрекающие к неповиновению военным командирам, к мятежу и гражданской войне.

¹¹ *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 28; *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 27–28.

¹² См.: *Революционное движение в России в июле 1917 г.* С. 300–301 (на флоте смертная казнь за подобные преступления была введена 31 июля). О практике применения этого постановления Временного правительства см.: *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 гг. Л., 1926. С. 97–98, 107. Степун, работавший тогда в политуправлении Военного министерства, вспоминал позже, как он принес однажды на подпись Керенскому только что вынесенный на фронте смертный приговор и как тот тут же заменил высшую меру наказания тюремным заключением на небольшой срок (*Степун Ф.А.* Указ. соч. С. 403).

¹³ Материалы совещания см.: *Красная летопись.* 1923. № 6. С. 15–51; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 507–522 (стенограмма совещания была разослана всем его участникам).

¹⁴ По воспоминаниям Брусилова, Керенский рвал и метал, говоря, что генералы «разбавались» и их надо подтянуть и что Брусилов его не желает знать, а «прежних» глав правительства встречали, часами простаивая на вокзалах в любую погоду, и т. д. (*Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1943. С. 244–245).

¹⁵ А.И. Деникин (1872–1947) — потомственный русский военный. В 1899 г. успешно закончил Академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-японской войне, а затем занимал ряд штабных и командных должностей в различных частях и соединениях. В период Первой мировой войны генерал Деникин командовал «Железной» бригадой, а с сентября 1916 г. — корпусом. После Февральской революции был начальником штаба Верховного главнокомандующего Алексеева, летом командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Участвовал в выступлении Корнилова, целиком разделяя его взгляды, за что и был арестован. В 1918 г. стал одним из основателей Белого движения. С апреля 1920 г. находился в эмиграции, пребывая во многих странах Европы и США. С 1920 г. работал над капитальным пятитомным мемуарным и аналитическим историческим трудом «Очерки Русской смуты», переизданным в постсоветской России. Перезахоронен в Москве.

¹⁶ См.: Красная летопись. 1923. № 6. С. 41–44; Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 524; Брусилов А.А. Указ. соч. С. 245.

¹⁷ Ее текст был, вероятно, согласован Корниловым с Савинковым и Филоненко, занимавшими, по сравнению с Деникиным и другими генералами, более гибкую и приемлемую для Керенского позицию. Интересная деталь: в личном письме Деникину Корнилов выразил свою полную солидарность с его выступлением на совещании в Ставке. «С искренним и глубоким удовольствием я прочел (по разосланной ряду генералов стенограмме совещания. — С.Т.) ваш доклад... Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством...» (Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 524).

¹⁸ См.: Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 34.

¹⁹ См.: Керенский А.Ф. Потерянная Россия. С. 78. Премьер передал через Филоненко Корнилову, что его условия — правда, с некоторыми оговорками — будут приняты. В частности, ответственность Главковерха перед народом, на чем настаивал Корнилов, была приравнена к его ответственности перед Временным правительством, которое должно было контролировать и все кадровые назначения, сделанные Главковерхом. Позже Керенский сожалел, что не настоял на немедленной отставке Корнилова после получения его телеграммы-ультиматума от 19 июля (см.: Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. С. 50), но хорошо известно, что сожаления, которые выражены постфактум, в истории в расчет не принимаются.

²⁰ См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 2. С. 188. При этом Керенский тут же предрек в случае своей отставки полный коллапс российской жизни («дороги (железные. — С.Т.) остановятся, телеграфы не будут действовать» и т. д.), не забыв рассказать потом об этом в своих воспоминаниях (Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. С. 81; Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 46–47).

²¹ На Корнилова очень тяжелое впечатление произвел один из эпизодов этого заседания, когда Керенский шепотом попросил его воздержаться от оглашения некоторых секретных сведений оборонного характера. А после заседания Савинков «доверительно» сообщил генералу, что есть основания подозревать министра земледелия Чернова и его знакомых в связях с немцами. Корнилова это еще больше утвердило в его мнении, что доверять правительству нельзя и нужно переходить к каким-то самостоятельным действиям. Вернувшись в Ставку, он без согласования с Керенским и Савинковым отдал распоряжение снять с Румынского фронта конный корпус генерала Крымова, а также «Дикую» дивизию, которые он хотел перебросить поближе к Петрограду с тем, чтобы в дальнейшем эти части можно было направить (смотря по

обстановке) либо на Северный, либо на Западный фронты, либо в Петроград или в Москву с целью подавления там возможных революционных выступлений. Однако о подлинных целях такой передислокации войск Главковерх тогда умолчал.

11 августа, возвратившись в Ставку, Корнилов признался начальнику своего штаба генералу Лукомскому, что у него действительно есть некоторые секретные соображения, суть которых состоит в том, что указанные части он хотел бы оставить в своем личном распоряжении, чтобы использовать их для наведения порядка в Петрограде против большевиков, которые, видимо, готовят (вероятнее всего, 27–28 августа) повторение июльских событий. Большевиков во главе с Лениным Корнилов считал германскими шпионами и был уверен, что во имя блага России с ними пора покончить.

«...Я убежден, — пояснил он, — что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены, а если чудом Временное правительство останется у власти, то при благосклонном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов останутся безнаказанными... Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет... разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался... Конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями Родины, как следует. Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета...»

Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ними договориться. Но вперед ничего никому говорить нельзя, т. к. г. г. Керенские, а тем более Черновы на все это не согласятся и всю операцию сорвут. Если бы мне не удалось договориться с Керенским и Савинковым, то возможно, что придется ударить по большевикам и без их согласия. Но затем они же будут мне благодарны, и можно будет создать необходимую для России твердую власть, независимую от всевозможных предателей. Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся».

После этого Лукомский сказал Корнилову, что вполне разделяет его взгляды и пойдет с ним до конца. Но дальше, как вспоминал тот же Лукомский, ни Корнилов, ни Крымов, ни он сам конкретной подготовкой этой операции якобы не руководили, что и явилось позже причиной ее срыва. См.: *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 104–108.

Итак, к концу первой декады августа Корнилов «дозрел» до понимания необходимости более решительных действий против Керенского, хотя и допускал еще возможность определенного соглашения с премьером. Однако Главковерх не только не покончил со своими колебаниями (идет ли он с Керенским, без него или даже против него?), но и недооценил некоторых качеств премьера, т. к. в реальной действительности, помимо ненависти к большевизму и страха перед ним, у главы правительства сохранялись еще и демократические иллюзии и отвращение к военной диктатуре и лично к Корнилову.

²² Наиболее крупными из них были «Союз офицеров армии и флота» и «Республиканский центр». Первый возник в мае 1917 г. под эгидой тогдашнего Верховного главнокомандующего Алексеева как своего рода «профсоюз» армейского офицерства и базировался в могилевской Ставке. В его руководстве быстро оформилась тайная группа по подготовке военного переворота и координации действий различных офицерских союзов правого толка, сложившихся на фронте, в Петрограде и Москве. Ведущую роль в «Союзе» играл полковник Л.Н. Новосильцев (1872–1934) — член аристо-

кратической московской семьи, окончивший Александровскую военно-юридическую академию. После выхода в отставку в 1902 г. он участвовал в земском движении, входил в кадетскую партию и был депутатом от нее в I и IV Государственных думах. В годы Первой мировой войны Новосильцев снова воевал на Юго-Западном и Западном фронтах. «Союз офицеров» выступал за создание ударных батальонов для борьбы с разложившимися воинскими частями и дезертирами, а также за восстановление руководящего положения офицерства в вооруженных силах и противодействие новым революционным выступлениям.

«Республиканский центр» (название это было условным и чисто случайным) тоже возник в мае 1917 г., но уже в Петрограде, причем руководили им сугубо штатские лица, близкие к торгово-промышленным и финансовым кругам, которые и финансировали его деятельность. По мере возможности эта центральная организация руководила и координировала деятельность «Союза офицеров армии и флота», «Военной лиги», «Союза георгиевских кавалеров», «Комитета ударных батальонов», «Союза воинского долга», «Лиги личного примера» и других более мелких объединений и групп подобного рода. В середине июля «Республиканский центр» распространил в тылу и на фронте декларацию с призывом создать в России сильную власть, восстановить дисциплину в армии, прекратить деятельность большевистских шпионских групп, довести войну до победного конца и созвать Учредительное собрание. Численность членов «Республиканского центра» доходила до 4 тыс. человек.

Еще одним центром подготовки контрреволюционных сил стала киевская организация под руководством генерала Крымова, который на рубеже 1916–1917 гг. входил в группу заговорщиков, готовивших сугубо монархический по своему характеру дворцовый переворот с целью отстранения от власти Николая II. Подробнее см.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов М., 1989. С. 52–63.

²³ См.: *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 50–51.

²⁴ См.: Там же. С. 53.

²⁵ См.: *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 81–85; *Его же.* Потерянная Россия. С. 80.

²⁶ Содержание этой беседы, со слов самого Савинкова, записала в своем дневнике Зинаида Гиппиус, с которой Савинков был тогда очень откровенен. См.: *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 532–533.

²⁷ То есть Керенский, Савинков, Корнилов.

²⁸ См.: *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 56; *Миллюков П.Н.* История Второй русской революции. М., 2001. С. 288.

²⁹ См.: *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 534.

³⁰ См.: *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 289. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии по делу о корниловском путче Керенский заявил, что лично он всегда был против введения смертной казни в тылу (см.: Дело генерала Корнилова. Т. 2. С. 52–53).

³¹ *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 56.

³² Решение о проведении Государственного совещания в древней столице России Москве (это тоже было неким символом верности древним национальным традициям) было принято 31 июля 1917 г. См.: Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 327.

³³ Состав участников Совещания, заданный сверху, выглядел так: от Государственной думы всех созывов — 488 человек, от Советов и Всероссийского крестьянского союза — 329, кооперативов — 313, профсоюзов — 176, торгово-промышленных

организаций и банков — 150, армии и флота — 176 и т. д., всего 2414 человек (Государственное совещание. Стенографический отчет. М.: Л., 1930. С. XXIV).

³⁴ Цит. по: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Керенский, Корнилов, Ленин. М., 1995. С. 112.

³⁵ Такие передвижения войск к Москве действительно имели место, но 7-й Оренбургский казачий полк и конный корпус из Финляндии были остановлены еще на подходе к Москве командующим МВО А.И. Верховским. Кем они были вызваны, так и осталось неизвестным. Очевидно, это было сделано на случай военного переворота во время Государственного совещания, но расследования по этому делу не проводилось. См.: *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 102.

³⁶ Октябрист Н.В. Савич, присутствовавший на Совещании, писал, например, в своих воспоминаниях, что Керенский мог бы и вообще не выступать, т. к. его речь была «бессодержательным набором слов» (*Савич Н.В.* Воспоминания. Дюссельдорф: СПб., 1993. С. 251). В то же время Суханов оценил речь Керенского гораздо объективнее. По его словам, в ней «было немного великодержавности, немного... патриотизма и целое море мешанской, обывательской публицистики. Впрочем, пышно-расплывчатые фразы Керенского дышали неподдельной искренностью и искренней любовью к Родине и свободе. Несомненно, в этой речи он дал высокие образцы политического красноречия. И опять был на высоте Великой французской революции, но — не русской» (*Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 62).

³⁷ Нарисованная ими картина состояния экономики страны и армии была довольно безрадостной. Министр торговли и промышленности Прокопович сетовал на колоссальный рост военных расходов, поглощающих до половины доходов народного хозяйства, отмечал рост цен, увеличение прибылей капиталистов и земельной ренты у помещиков при падении зарплаты рабочих, т. е. чрезвычайную поляризацию доходов «верхов» и «низов» общества. Нужда в хлебе, по его словам, ощущается уже в 9 губерниях, а в Туркестане дело уже дошло до настоящего голода. Прокопович предупредил также, что никаких иллюзий об улучшении состояния транспорта питать нельзя. Тем не менее он заявил, что вмешательство рабочих в управление производством недопустимо, беспомощно призывая капиталистов отказаться от «излишней» прибыли (см.: Государственное совещание. С. 21, 23, 30 и др.).

Министр финансов Некрасов с порога объявил, что правительство не стремится «создать частную хозяйственную инициативу» и «насаждать государственный социализм». Выход же из тяжелого положения он видел в резком сокращении государственных расходов и радикальном пересмотре бюджета страны. Поистине убийственно выглядели в его докладе цифры, характеризующие рост ежемесячного выпуска бумажных денег (во второй половине 1914 г. — 219 млн руб., в начале 1917 г. — 423 млн, а в марте—июле уже 832 млн. (Там же. С. 34, 35 и др.)

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ См.: *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 102.

⁴⁰ Государственное совещание. С. 15.

⁴¹ *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 97.

⁴² А.М. Каледин (1861—1918) — донской казак, сын полковника. Окончил Академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны командовал дивизией, корпусом, армией. Генерал от кавалерии, он сам водил войска в бой. В июне 1917 г. был избран Донским войсковым атаманом. Участвовал в корниловском движении, но избежал ареста. В январе 1918 г. сложил с себя полномочия Войскового атамана и застрелился.

⁴³ Государственное совещание. С. 66.

⁴⁴ Там же. С. 73–76.

⁴⁵ Там же. С. 253–255.

⁴⁶ См.: *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 187. Нечто созвучное мысли Плеханова о «женском» начале в психологии Керенского можно найти, например, и у З. Гиппиус: «Да, фатальный человек; слабый... герой. Мужественный... предатель, — писала она. — Женственный... революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови — убийца. И очень, очень, весь — несчастный» (*Гиппиус З.* Указ. соч. Т. 1. С. 606).

В январе 1918 г. она же отмечала «женскую интуицию — интуицию мгновения» Керенского, его «вполне женскую слабость». «Его взметнуло вверх. И там ослепило, ибо и честолюбие у него необыкновенно женское, цепкое, упрямое, тщеславное, невыдержанное, неумное, даже не хитрое. Но тем оно безмернее... Подозрительность, недоверие, страх все больше кидали, швыряли, шатали Керенского, заставляли его делать бессмысленное и беспорядочные прыжки. Направо — налево. Туда — сюда. Нет-нет — да-да!» (Там же. Т. 2. С. 55.)

⁴⁷ См.: Государственное совещание. С. 232–236.

⁴⁸ Там же. С. 77–86; *Меньшевики в 1917 году.* М., 1995. Т. 2. С. 288–297.

⁴⁹ См.: *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 246.

⁵⁰ Государственное совещание. С. 304–305.

⁵¹ Там же. С. 306–307.

⁵² См.: *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX века — 1918 год). Исследования и материалы. М., 2011. С. 458.

⁵³ Большевики, например, сначала тоже хотели участвовать в Государственном совещании, огласить свою антиправительственную декларацию и потом демонстративно покинуть зал Большого театра. Однако под нажимом ВЦИК Советов, опасавшегося скандала, они отказались от своего намерения (см.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 61).

Симптоматичным было и демонстративное молчание в Большом театре эсера Чернова, который мог бы рассказать о том, как готовится аграрная реформа. Он сидел в президиуме Совещания, но не проронил ни слова, поскольку начавшийся ранее его конфликт с членом ПСР Керенским явно разрастался.

⁵⁴ *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 539 (запись сделана со слов Савинкова). Обращаясь к нему, Керенский сказал: «Теперь вы не имеете права уходить из правительства, свобода и Родина требуют, чтобы вы остались на своем посту». (Там же.) Своей цели премьер добился, и до 1 сентября Савинков оставался в его команде.

⁵⁵ Там же. С. 536, 537, 541, 546, 548–550.

⁵⁶ См.: *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 89.

⁵⁷ См.: *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму С. 126; Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 561. Финальная фраза Корнилова о готовности поддержать Керенского объяснялась тем, что он всерьез воспринял заверения Савинкова в готовности премьеры подписать подготовленный им законопроект, составленный на основе «Записки» Корнилова. Между тем о своем принципиальном нежелании вводить смертную казнь в тылу и на этом основании об отказе ее подписывать Керенский откровенно заявил Савинкову еще 8 августа 1917 г., сказав, что «ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах *«не подпишет такой документ»* (Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 81–82). Однако, когда 17 августа Керенский неожиданно попросил Савинкова подготовить на основании «Записки» законопроект о мероприятиях по наведению порядка в тылу,

включая и пункт о введении там смертной казни, Савинков без достаточных оснований воспринял это поручение премьера как свою победу, не допуская и мысли о том, что премьер может скоро опять передумать. Эту свою уверенность Савинков передал 23–24 августа в Ставке и Корнилову, который тоже поверил в искренность намерений Керенского, «растаял» от этого и выразил готовность поддерживать премьера. Между тем по возвращении в Петроград из Ставки Савинков 25–26 августа 4 раза предлагал Керенскому подписать соответствующий документ, но безуспешно (см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 304).

⁵⁸ 20 августа в беседе с журналистами заместитель Керенского Некрасов откровенно признал, что «штатская (т. е. относящаяся не к армии, а к тылу часть программы генерала Корнилова неприемлема не только для *левых* членов Временного правительства, но и для *центра* и, смею думать, даже для большинства правой части населения». Однако уверенность Некрасова в том, что данное разногласие является чисто тактическим и потому соглашение по данному вопросу будто бы вполне возможно, оказалась ошибочной (см.: *Миллюков П.Н. История Второй русской революции.* М., 2001. С. 322).

Глава 8

Несостоявшийся мятеж

Тезис о разгроме контрреволюционного «корниловского мятежа» 27 августа — 1 сентября 1917 г. как один из факторов, приблизивших победу большевиков в октябре 1917 г., десятилетиями переходил из одной советской исторической работы в другую. В постсоветский период в качестве противовеса ему было реанимировано высказанное еще по горячим следам событий мнение, согласно которому генерала Корнилова нельзя считать ярким контрреволюционером и что никакого «мятежа» фактически не было. Главным же виновником событий конца августа 1917 г. был объявлен сам премьер Керенский, спровоцировавший Верховного главнокомандующего Корнилова на активный протест против его «безосновательного» смещения с занимаемого им поста¹. Тем важнее еще раз обратиться к документальным и мемуарным источникам, чтобы отбросить крайности обеих вышеприведенных точек зрения и постараться приблизиться к истине.

Сам Корнилов, даже будучи арестован 1 сентября и давая показания Чрезвычайной следственной комиссии по своему делу, никогда не признавал самого факта существования какого-то «корниловского мятежа», направленного против Временного правительства и лично против Керенского. Объясняя причины отправки им казачьих войск и «Дикой» дивизии из кавказских горцев к Петрограду, он ссылался на распоряжение Временного правительства от 21 августа 1917 г. об усилении обороны столицы после сдачи немцам Риги и на слухи о намерении большевиков приурочить к полугодовщине Февральской революции 27 августа вооруженное восстание с целью захвата власти², которое Крымов по его приказу должен был безжалостно подавить³.

«Мятеж» Корнилова — а этот термин сразу же был пущен в ход самим Керенским — вызвал недоумение уже у ряда современников, считавших выступление Корнилова, скорее всего, «недоразумением», поскольку оно не сопровождалось ни боями корниловских и правительственных войск, ни человеческими жертвами и фактически не затронуло Петроград. Кроме того, сам Корнилов сдался практически без борьбы; следствие по его делу не увенчалось обвинением в государственной измене, которая карается смертными приговорами; до суда дело так и не дошло, а Корнилов и его «подельники» просто тихо исчезли в ноябре из тюрьмы в г. Быхове, а потом активно включи-

лись в Белое движение. Одним словом, создается вполне обоснованное впечатление, что никакого реального мятежа Корнилова просто не было, а была лишь плохо организованная, начавшаяся раньше назначенного времени и закономерно закончившаяся провалом попытка (но только попытка) генеральского путча, причем решающую роль в его срыве сыграл отпор, данный ему всеми демократическими силами России, включая большевиков.

Как известно из Новой и Новейшей истории, во многих странах мира военные круги нередко брали (и берут) на себя инициативу проведения государственных переворотов и приходили в результате к власти. Однако в России к весне 1917 г. уже порядком забыли о дворцовых гвардейских переворотах XVIII в. и о выходе декабристов на Сенатскую площадь в 1825 г. В итоге элитные русские военные круги не откликнулись в конце 1916 г. на призывы Гучкова принять участие в подготовке заговора против Верховного главнокомандующего императора Николая II, считая это не только изменой ему лично, но и изменой Родине, которая уже третий год подряд вела тяжелую, в основном оборонительную, войну с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, хотя престиж династии Романовых в их глазах к тому времени уже катастрофически упал.

Однако к лету того же года, когда возникшая после Февральской революции революционно-демократическая эйфория подошла к концу, уступив место суровой и достаточно мрачной повседневности, ситуация и в тылу, и на фронте резко изменилась. Бурно прогрессирующий после свержения монархии процесс демократизации армии и флота, неизбежно сопровождавшийся резким падением воинской дисциплины и обострением давнего антагонизма между рядовым и командным составом вооруженных сил, а также сугубо дилетантская позиция Временного правительства в военных вопросах дали свои плоды. Налицо были не всегда продуманная, а часто откровенно волюнтаристская практика частой смены командующих фронтами, армиями, корпусами, дивизиями и полками; приниженное положение значительной части вполне лояльного по отношению к революции офицерского корпуса перед лицом быстро поднявшей голову солдатской и матросской массы; незаслуженное выдвижение на руководящие посты в вооруженных силах разного рода «революционных» карьеристов, что во многом изменило и настроения военной верхушки⁴.

Она достаточно презрительно относилась к Временному правительству и, в частности, к «слизняку» и «бонапартенку» Керенскому, заигрывавшему с рядовым составом армии и флота и часто откровенно унижавшему опытных военных профессионалов, на-

пример Алексева, Брусилова или Колчака. Поэтому не случайно в высших армейских кругах все чаще стала возникать мысль о том, что спасением для России, «заигравшейся» после Февральской революции в демократию, было бы установление военной диктатуры, способной утратить распоясавшуюся «чернь», «подтянуть» и фронт, и тыл и активизировать действия русской армии против германо-австрийских войск.

Активно шел в то время и упоминавшийся уже выше процесс создания в стране различных военно-патриотических организаций, в основном правого толка, на которые мог бы опереться будущий кандидат в военные диктаторы. В поисках подобной руководящей фигуры выбор останавливался то на генерале Алексееве, то на адмирале Колчаке, а после назначения в июле 1917 г. Верховным главнокомандующим генерала Корнилова именно он быстро превратился в достойного, как казалось многим, соперника зарвавшегося Керенскому. Понятно поэтому, почему где-то в конце июля к Корнилову, обосновавшемуся наконец в могилевской Ставке, пришла целая делегация от «Союза офицеров» во главе с его руководителем Новосильцевым, решившая прозондировать отношение нового Главковерха к возможности захвата им высшей государственной власти. На прямой вопрос, не считает ли он возможным принять на себя единоличное правление в стране, последовал достаточно уклончивый, но все же обнадеживший делегацию ответ: в будущем, при известных условиях, такое решение может им быть принято, хотя лично он, Корнилов, власти и не ищет. После такого разговора руководство «Союза офицеров» стало называть себя «корниловской группой», поскольку даже уклончивые ответы Корнилова их, видимо, в целом удовлетворили⁵.

Примерно в то же время в Ставке состоялась беседа с глазу на глаз между Корниловым и захватившим в Могилев новым командующим Юго-Западным фронтом генералом Деникиным. По воспоминаниям последнего, Главковерх сказал ему: «В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают, что хотят, я устраняюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?» В ответ Корнилов услышал: «В полной мере». После этого генералы сердечно обнялись и расстались⁶.

Интересно, однако, и еще одно очень важное наблюдение Деникина, вынесенное им в ходе июльской беседы с Корниловым:

Главковерх и его ближайшее окружение уже склонялись к возможности установления единоличной военной диктатуры, но при этом допускали возможность как своего соглашения с Керенским, так и насильственного устранения последнего от власти. Эта «раздвоенность» позиции Корнилова сохранялась фактически вплоть до 27 августа 1917 г., когда сам Керенский, единолично сняв Главковерха с поста, отрезал и себе, и ему дорогу к соглашению между армией и властью. Эти колебания Корнилова отражались и на слабой практической подготовке путча, отпугивая этим его потенциальных союзников в гражданской среде, откровенно боявшихся впутываться в подобную авантюру⁷. При этом ближайшее окружение Главковерха в Ставке, Крымов, руководство «Союза офицеров» и некоторые другие контрреволюционные военные организации были настроены даже более решительно и бескомпромиссно по отношению к Временному правительству и его главе, чем сам Корнилов.

Однако итоги Государственного совещания в Москве 12–14 августа, где часть участников открыто солидаризировалась с Корниловым и Калединым, явно ободрили «заговорщиков». Вдобавок сдача немцам Риги, о чем уже говорилось выше, сделала положение Керенского еще более шатким. К тому же к 18 августа казаки Крымова, направленные по приказу Корнилова «на всякий случай» к Петрограду, уже были у Пскова и Великих Лук (сам Крымов, находившийся в тяжелом моральном состоянии из-за серьезных семейных неурядиц, задержался до 26 августа в Ставке), а «Дикая» дивизия сосредоточилась 19 августа в районе станции Дно. В этих условиях 22 августа Корнилов вновь напомнил Керенскому о себе телеграммой, где говорилось: «Мой долг предупредить и заявить, что я не вижу спасения страны вне немедленного осуществления мероприятий, указанных в докладе моем Временному правительству (3 и 10 августа. — С.Т.), и что каждый день промедления в его осуществлении равносителен новому гвоздю, вбиваемому в гроб, усиленно приготавливаемый для погребения нашей несчастной Родины». Однако Керенский и на этот раз предпочел отмолчаться⁸.

Тем временем после Государственного совещания заговорщики из «Союза офицеров» явно активизировали свою деятельность, направив в столицу полковника В.И. Сидорина, который вместе с руководителем военного отдела «Республиканского центра» полковником Л. Дюсемитьером распределил между прокорниловскими организациями деньги, полученные от Путилова и других финансовых воротил на проведение переворота. Одновременно с разных фронтов в Петроград начали вызывать боевых офицеров для подготовки к участию в подавлении восстания, якобы намеченного большевиками на

последние числа августа. Они должны были захватить стратегически важные объекты столицы и ждать подхода крымовских казаков, чтобы совместно ударить по внутренним врагам правительства, прежде всего по большевикам⁹.

Деникин вспоминал, что в 20-х числах августа к нему в Бердичев приехал офицер с личным письмом от Корнилова. Он сообщил, что в конце августа, по «достоверным» сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков, генерал Крымов подавит его и заодно покончит с Советами. Одновременно в столице будет объявлено военное положение и опубликованы законы, вытекающие из корниловской программы. Корнилов просил Деникина откомандировать в Ставку несколько десятков офицеров — официально для изучения бомбометного и минометного дела, а фактически для отправки в Петроград, в офицерский отряд. Как пишет Деникин, распоряжение об отправке офицеров он отдал, но осуществить его до 27 августа вряд ли успели¹⁰.

Керенский утверждал в своих воспоминаниях, что он уже в дни Государственного совещания в Москве знал, что готовится государственный переворот, и знал даже имена некоторых его руководителей (якобы кроме Корнилова). Признавая позже, что он сделал большую ошибку, не сказав об этом прямо на Совещании, Керенский объяснял это своим нежеланием «шокировать армию и страну в целом рассказом о заговоре, который находился лишь в стадии подготовки»¹¹. Такое поведение Керенского действительно было, как представляется, ошибкой, ставшей заслуженной расплатой за его амбициозность, явную переоценку собственных сил и недооценку сил сторонников Корнилова.

Между тем события, связанные с заговором Корнилова и «корниловцев», приняли неожиданно совершенно новый оборот, связанный с появлением на сцене еще одного важного персонажа, и мы можем продолжить рассказ о взаимоотношениях Керенского с Корниловым, прерванный в самом конце предыдущей главы. 22 августа в кабинет Керенского в Зимнем неожиданно пришел его старый знакомый, бывший депутат III и IV Государственных дум, а в марте–июле 1917 г. — обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов¹². У него была репутация порядочного, но несколько «странного» человека — не то «дурака», не то «сумасшедшего», что в полной мере проявилось и в связи с выступлением генерала Корнилова. Отношение Львова к Керенскому тоже было довольно сложным: он и восхищался премьером, и был обижен тем, что тот не взял его в третий состав Временного правительства, но перевешивали у него все же искренние опасения за жизнь главы государства и желание быть ему полезным.

Во второй половине августа 1917 г. Львов неожиданно оказался вовлечен в круговорот событий, связанных с отношениями между Керенским и Корниловым, которых он во что бы то ни стало хотел примирить, тем более что первый являлся, по его мнению, олицетворением Февральской революции и никакая власть без него в России в то время была якобы просто невысказима. После Государственного совещания в Москве от одного своего знакомого — прокорниловски настроенного И.А. Добрынского¹³ Львов узнал о подготовке в Ставке военного переворота, а 21 августа получил от него же информацию о том, что Корнилов решил наконец стать военным диктатором¹⁴. Заинтересованный и обеспокоенный Львов после этого срочно выехал в Петроград, чтобы предупредить Керенского о назревающих в Ставке событиях. Одновременно Львов получил исходившее из Ставки поручение передать в столице кадетским руководителям просьбу подготовить к 27 августа отставку министров-кадетов с целью опять, как и в начале июля, спровоцировать правительственный кризис и еще более затруднить тем самым положение Керенского. Это поручение Львов выполнил, немедленно по приезде в Москву встретившись с членом кадетского ЦК В.Д. Набоковым¹⁵.

22 августа состоялась и встреча Львова с Керенским. Он сказал премьеру, что представляет группу влиятельных лиц¹⁶, считающих полезным расширение состава Временного правительства за счет некоторых деятелей, которые после Февральской революции «как-то отошли в тень». Керенский как будто не нашел в информации Львова ничего особенно для себя интересного, но на вопрос собеседника, можно ли передать содержание их разговора тем, кто его послал в столицу, ответил согласием. Сделал ли он это по легкомыслию или умышленно, затевая какую-то новую, провокационную по своему характеру политическую игру, — сказать трудно. Но результаты беседы Львов — Керенский 22 августа дали возможность экс-министру в дальнейшем изображать себя неким «связником» между премьером, московской группой общественных деятелей, а затем и между Керенским и Ставкой, чего премьер ему никоим образом не поручал.

Так или иначе, Керенский дал почувствовать Львову, что поднятая последним в разговоре с ним тема возможной реорганизации правительства близка премьеру, что он заинтересован в получении дальнейшей информации по этому вопросу и — как минимум — не запрещает своему собеседнику продолжать его челночные операции между Петроградом и Москвой. При этом и Керенский, и Львов умолчали 22 августа о том, что им известно о заговоре в Ставке (а они оба об этом из разных источников уже знали), и это красноречиво говорило о недоверии их друг к другу. Уверен, что Керенский

дорого бы дал за то, чтобы узнать содержание беседы Львова с Набоковым утром того же дня, о чем уже говорилось выше. Тем не менее узел их новых и довольно странных, чтобы не сказать больше, отношений был завязан, и продолжение беседы обязательно должно было последовать.

Не мог Керенский даже и предположить, что буквально на следующий день, 23 августа «один из русских друзей» британского посла в Петрограде Д. Бьюкенена (им был, как выяснилось, Путилов) проинформирует его о том, что уже на 26 августа запланирован арест членов Временного правительства и роспуск Петросовета. Путилов добавил также, что заговорщики поддерживают несколько крупных банкиров и промышленников, генерал Корнилов и один армейский корпус. Бьюкенена просили содействовать успеху заговора, предоставив его организаторам британские броневики и оказав им содействие (в случае провала) в том, чтобы быстро скрыться из Петрограда. Бьюкенен категорически отказался сделать это и посоветовал заговорщикам воздержаться от исполнения своих намерений, ибо подобное предприятие, по его мнению, «не только обречено на провал, но будет сразу же использовано большевиками». Будь Корнилов мудрым человеком, продолжал Бьюкенен, «он бы подождал, пока большевики не выступят первыми, а потом бы пришел и уничтожил их»¹⁷.

Как видим, заговорщики в Ставке, не обращая внимания на продолжавшиеся колебания Корнилова, откровенно ориентировали своих сторонников в столице на то, что вопрос о перевороте уже окончательно решен, и даже называли его примерную дату. И еще одна очень важная деталь: получив столь важную информацию, Бьюкенен не счел нужным немедленно передать ее Керенскому. А это значит, что его политические акции в глазах британского посла, по сравнению с весной 1917 г., уже резко упали, а акции Корнилова, наоборот, резко пошли вверх, поскольку в странах Антанты после провала летнего наступления русской армии и июльских событий в Петрограде былого доверия к Керенскому больше не было.

Между тем неугомонный Львов, вообразив себя великим дипломатом и спасителем Керенского, ненадолго заехал в Москву, чтобы рассказать там о «поручении», якобы данном ему премьером, и тут же отправился в сопровождении Добрынского в Могилев. Довольно странно, но достаточно осторожный и подозрительный Главковерх принял Львова и откровенно стал обсуждать с ним, едва знакомым ему человеком, возможные варианты реорганизации правительственной власти в стране. А Львов изложил ему целых три возможных варианта такой реорганизации: 1) Керенский уходит из правительства, 2) Керенский остается во главе сильно обновленного кабинета ми-

нистров и 3) в России устанавливается военная диктатура. Как это ни невероятно, Корнилов не только не выставил Львова за дверь, но откровенно сказал, что в создавшейся ситуации предпочел бы третий вариант, хотя, в какой форме будет осуществляться такая диктатура — единоличной или коллективной, еще для себя не решил. По мнению генерала, все это следовало бы обсудить в Ставке — самом подходящем и надежном для такого разговора месте — с Керенским и Савинковым, которых ему хотелось бы оставить в обновленном правительстве: первого в качестве министра юстиции (ведь он был раньше известным в стране адвокатом), а второго — в качестве военного министра, поскольку он в настоящее время фактически им и является, выступая в роли управляющего Военмином.

Побеседовав 25 августа с Корниловым, а потом с Завойко, Львов пришел в ужас. Главковерх сообщил ему о грядущем большевистском восстании в Петрограде, с которым правительство Керенского, по его мнению, в одиночку не справится и должно уступить место военному диктатору¹⁸. Завойко же чуть ли не открытым текстом сказал Львову, что если Керенский приедет в Ставку, на чем настаивает Корнилов, то его, скорее всего, там убьют. В итоге в Петроград Львов повез следующие предложения Корнилова (Керенский воспринял их как «ультиматум»): 1) объявить столицу на военном положении, 2) передать лично ему, Корнилову, всю военную и гражданскую власть в стране и 3) отправить в отставку всех действующих министров, временно передав управление министерствами их товарищам¹⁹. Для окончательного же решения всех этих вопросов Корнилов приглашал Керенского и Савинкова немедленно прибыть в Ставку.

О серьезности намерений заговорщиков говорил и тот факт, что Завойко зачитал Львову заготовленный уже на случай путча текст воззвания Корнилова к армии и его специальное обращение к солдатам с обещанием в случае успеха дать каждому из них за поддержку переворота по 8 дес. земли²⁰. Сильно подействовала на Львова и вся обстановка, царившая в Ставке и свидетельствующая о том, что там решили немедленно действовать, хотя и предпочли бы все же мирно договориться с Керенским об уходе его с поста.

Возвратившись 26 августа в Петроград и встретившись вечером того же дня с премьером²¹, Львов еще более повысил градус его подозрительности и нервозности, всячески подчеркивая ультимативный характер предложений Корнилова и *неизбежность* гибели премьера в случае его приезда в Ставку. Выслушав этот доклад, премьер пришел в состояние нескрываемого бешенства от того унижения, которое предстояло бы ему испытать в Могилеве, и ужас перед перспективой своей неминуемой там насильственной смерти. Не случайно одной из клю-

чевых в разговоре с Львовым 26 августа стал яростно-саркастический выкрик Керенского прямо в лицо собеседнику: «Неужели вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова?» Кроме того, Керенский прекрасно понимал, что установление в стране неприкрытой военной диктатуры обязательно встретит сопротивление значительной части (если не большинства) политически активных россиян и полное крушение его собственной карьеры как национального лидера и героя революции, чем он очень дорожил и гордился. Поэтому решение пришло к нему молниеносно: с Корниловым нужно наконец любыми способами покончить раз и навсегда. И если Львов может засвидетельствовать все это, — тем хуже для Корнилова и самого Львова как нежелательного (с точки зрения Керенского) свидетеля в этом деле. Поэтому премьер теперь знал: никаких новых попыток выяснения отношений с Главковерхом, немедленное объявление его изменником, увольнение от должности и получение для себя от правительства чрезвычайных полномочий для борьбы с Корниловым и «корниловцами»!

Начать же премьер, в котором сразу же проснулся юрист с более чем 10-летним стажем, решил с того, чтобы задокументировать рассказ Львова о требованиях Корнилова и, кроме того, попытаться на всякий случай проверить, верно ли тот передал ему слова Главковерха. И когда ничего не подозревавший Львов по требованию Керенского зафиксировал в письменном виде данное ему Корниловым поручение, премьер буквально вырвал из его рук этот документ, чтобы огласить на предстоящем заседании правительства. Затем Керенский предложил Львову немедленно направиться вместе с ним в здание Военного министерства на Мойке, где находился переговорный радиотелеграфный пункт, чтобы связаться с Корниловым, которому предстояло либо подтвердить, либо опровергнуть содержание своих требований, переданных премьеру через бывшего обер-прокурора Синода. Но поскольку подготовка сеанса связи с Могилевом требовала некоторого времени, Керенский примерно на час отпустил Львова²², обязав его приехать к 8 часам вечера прямо на Мойку.

Абсолютно секретный по своему содержанию разговор Керенского со Ставкой²³ шел через солдат-телеграфистов, и поэтому обе стороны говорили так, чтобы посторонние не могли понять, о чем идет речь. Кроме того, когда крайне неорганизованный Львов опоздал к назначенному часу на Мойку, Керенский решил один говорить с Корниловым от имени их обоих. И когда Корнилов увидел в Могилеве на телеграфной ленте «проверочный!» вопрос мнимого Львова (а на самом деле самого Керенского), подтверждает ли Главковерх то, что он передал через Львова главе правительства, то, не раздумывая, от-

ветил утвердительно. При этом суть своих предложений он расшифровывать не стал, а просто еще раз повторил адресованную премьеру и Савинкову просьбу как можно скорее приехать в Могилев²⁴. На этом разговор закончился, дав Керенскому возможность утверждать впоследствии, что Корнилов — изменник и его нужно немедленно сместить с поста Верховного главнокомандующего.

Естественно, говорить о морально-этической стороне поведения Керенского в данном эпизоде даже не приходится: это была явная провокация и плохо прикрытый подлог, на который в дальнейшем обращали внимание и многие современники, и историки. Однако премьеру это как будто не смущало, и он рассуждал, видимо, примерно так: Корнилов — его политический и личный враг, а в политике дозволено все. Больше того, с ведома Керенского содержание этого радиотелеграфного разговора было вскоре широко растиражировано в печати, чтобы дезинформировать общественное мнение. При этом для Корнилова подобное провокативное поведение премьеры оказалось совершенно неожиданным и в последние дни августа 1917 г. явно выбило его из привычной колеи.

Выходя из здания Военного министерства, Керенский столкнулся с подъехавшим на Мойку, хотя и с опозданием Львовым, и они вместе возвратились в Зимний дворец. Там премьер разыграл еще один спектакль, заставив Львова (в присутствии заранее спрятанного за ширмой в кабинете Керенского свидетеля) еще раз повторить требования Корнилова — как видим, премьер-юрист очень заботился о сборе улик против Корнилова, а затем приказал арестовать его как пособника государственному изменнику, хотя обвинить его лично практически было и не в чем²⁵.

К тому времени в Зимнем уже началось очередное вечернее заседание правительства, продолжавшееся до 5 часов утра 27 августа²⁶. Однако появление запоздавшего к началу Керенского, сообщившего последние новости, резко изменило его ход. По требованию премьеры все министры немедленно подали в связи с возникшей чрезвычайной обстановкой в отставку (но временно все они, кроме кадета Кокошкина, продолжали выполнять свои обязанности), а Керенский получил карт-бланш на борьбу с Корниловым. В ту же ночь в Могилев ушла телеграмма с приказом Корнилову немедленно сдать должность генералу Лукомскому и немедленно прибыть в Петроград²⁷. Характерно, что отставка, а точнее увольнение Главковерха, была оформлена в спешке юридически безграмотно: решение о человеке такого ранга, как Корнилов, должно было принять правительство в целом, а не

лично Керенский; на документе не было исходящего номера и даты, а перед фамилией Керенского — указаний на его должность²⁸. Впрочем, Керенскому, видимо, было в тот момент уже не до формальностей.

Реакция окружающих Керенского лиц на события 26 августа была неоднозначной. Так, Савинков — едва ли не самый активный сторонник сближения и союза Корнилова с Керенским и Керенского с Корниловым — считал все случившееся «недоразумением», свалив всю вину за него на Львова²⁹. Эту оценку разделяли Милуков, Терещенко, Маклаков, Кишкин и ряд других деятелей⁴⁰. Однако были и оценки прямо противоположного свойства: Набоков, например, прямо назвал поведение Керенского «постыдным»⁴¹, а известный, русский религиозный писатель и антибольшевик И.А. Ильин, высланный в 1922 г. из Советской России на «философском пароходе», буквально заклеил в 1924 г. поведение Керенского в письме генералу П.Н. Врангелю: «Корнилов был предан не только дураком и полуподлецом Керенским, а и дураком и совершенным подлецом Савинковым...»⁴²

27 августа противоборствующие стороны потратили на последние попытки кончить дело миром. И если Керенский демонстративно остался в стороне от переговоров со Ставкой, то Маклаков и Савинков, хотя и безрезультатно, усердствовали вовсю. При этом Корнилов прямо заявил последнему, что «в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью» (здесь опять чувствуется подсказка Завойко) он с поста Главковерха не уйдет⁴³. Но еще до окончания этих радиотелеграфных переговоров по инициативе Некрасова в редакции петроградских газет и в провинцию был передан текст обращения Керенского к россиянам с обвинением Корнилова в измене и в попытке установить в России порядок, противоречащий завоеваниям Февральской революции⁴⁴. Премьер после отказа Лукомского принять должность Главковерха обратился с тем же приказом к командующему Северным фронтом генералу В.Н. Клембовскому⁴⁵ и объявил Петроград на военном положении. Население столицы премьер призвал к сохранению порядка, а всех чинов армии и флота — к исполнению своего долга и защите Родины от врага.

Корнилов (опять прибегнув к помощи Завойко) ответил Керенскому в тот же день обвинением во лжи и провокации, ставящей на карту всю дальнейшую судьбу Отечества. Действия премьера он заливчато объяснял давлением «большевистского большинства Советов» (?) и стремлением действовать «в полном согласии с планами

германского генерального штаба» (?). Генерал клялся в верности Великой России, в своем желании довести войну до победы над врагом и добиться созыва Учредительного собрания, где россияне сами решат свою дальнейшую судьбу⁴⁶.

Ночь с 27 на 28 августа была, по собственному признанию премьера, одной из самых тяжелых в его жизни: покинутый своими прежними соратниками, он остался в Зимнем чуть ли не в одиночестве, чувствуя, что вот-вот все может рухнуть⁴⁷. В Петрограде никто толком ничего не знал, идущие якобы на столицу полки Крымова в ображении обывателей превращались в целые армии, а в юнкерских училищах уже прямо готовились к предстоящим боям. И все-таки Керенский устоял, еще раз доказав, что обладает поразительной цепкостью в борьбе за личную власть.

Правда, на совещании министров, состоявшемся в Зимнем в 4 часа утра 28 августа, уже прямо раздавались голоса в пользу замены Керенского генералом Алексеевым, а верный Терещенко неожиданно предложил снять со своих постов и Корнилова, и Керенского⁴⁸. Это был настоящий «бунт на корабле». Если раньше только сам «капитан» (Керенский) позволял себе иногда кокетливо намекать на свою возможную отставку или даже пару раз писать заявление о ней (апрель и июль 1917 г.), будучи уверен, что ее не примут, поскольку без него будет только хуже, чем при нем, то теперь ему прямо указали на дверь. И сделали это ближайшие соратники, включая Некрасова, Терещенко и Кишкина. При этом Керенский снова пускал в ход такие аргументы, как «народ не поймет», «народ не пойдет за другими лидерами» и т. д. Зрелище было, прямо скажем, довольно жалким и унижительным для премьера.

Днем того же дня, 28 августа, Керенский встретился с кадетом Кишкиным, приехавшим в столицу по его вызову, причем тот по поручению ЦК партии кадетов тоже предложил премьеру «для предотвращения, по-видимому, неизбежной гражданской войны» передать полномочия главы правительства генералу Алексееву. «Народ не пойдет за Алексеевым», — парировал этот совет Керенский. Тогда Кишкин выдвинул идею создания Директории тоже с участием Алексеева, но Керенский твердо ответил: «Нет, власть отдать я не могу»⁴⁹.

Идею передачи власти Алексееву поддержал и Некрасов. Однако и его доводы не убедили премьера в необходимости отказа от своего поста. Свои посреднические услуги в переговорах с Корниловым Керенскому предлагали 28 августа Милюков⁵⁰, а также послы Англии, Франции и Италии, но Керенский их не принял. Целая комедия была

разыграна им с Советом казачьих войск, тоже предложившим премьеру свои услуги: сначала премьер согласился принять их посредничество, но затем все же отказался от него. Отказ ждал и ВЦИК Советов, советовавший создать чисто советское правительство без кадетов⁵¹.

Это топтание на месте могло бы продолжаться еще довольно долго, если бы 29 августа в ситуации не произошел перелом. С трудом добравшийся 28 августа до Луги Крымов не смог собрать там разбросанные в разных местах части своих войск и начать их продвижение на столицу. В Бердянске были арестованы генералы Деникин и Марков. Аресты «корниловцев» прошли в Киеве, Одессе, Минске. К концу дня 29 августа появилось следующее правительственное сообщение: «Мятежная попытка генерала Корнилова и собравшейся вокруг него кучки авантюристов остается совершенно обособленной от всей действующей армии и флота... За исключением командующего Юго-Западным фронтом генерала Деникина, все остальные командующие сохранили верность Временному правительству и обратились с соответствующими призывами к вверенным им войскам... Дальнейшее движение («крымовских». — *С.Т.*) эшелонов остановлено, связь между ними прекращена. ...Из провинции отовсюду получают сведения о полной верности войск и населения Временному правительству, а от всяких общественных организаций — заявления о решимости поддерживать правительство...»⁵²

Свой окончательный успех в борьбе с Корниловым Керенский связывал с назначением авторитетного в армии генерала Алексеева на пост Верховного главнокомандующего. Сначала генерал ответил на просьбу премьера отказом. Но утром 30 августа Керенский лично приехал к Алексееву. Сначала тот разразился 15-минутной громовой речью, обвинив главу правительства в попустительстве развалу армии, фронта и всей страны в целом. Бледный, как полотно, Керенский стойчески выдержал этот гневный монолог и тихо сказал то единственное, чем можно было пронять Алексеева: «А все-таки Россию спасти надо». На что после недолгого молчания генерал ответил: «Я в вашем распоряжении»⁵³.

Тем не менее Алексеев не согласился занять пост Верховного главнокомандующего и стал лишь начальником его штаба вместо Лукомского, так что пост Главковерха вынужден был занять сам Керенский, подписавший в тот же день, 30 августа свой первый приказ в этой новой должности. Он гласил: «Безумная попытка военного мятежа бывшего Верховного главнокомандующего и ничтожной кучки генералов закончилась полной неудачей, и виновные в мятеже предаются

военно-революционному суду. Бескровная ликвидация мятежа доказала великий разум русского народа, его армии и флота в лице генералов, адмиралов, офицеров, солдат и матросов, оставшихся верными перед лицом грозного врага своему долгу перед Родиной и законным ее правительством.

Вступая в должность Верховного главнокомандующего, я заявляю о своем полном доверии всем чинам армии и флота..., вынесшим на своих плечах тяжкие испытания последних дней. Полугодовой опыт свободной жизни не мог не убедить каждого, что всякие крайние неразумные требования, неисполнимые в данную минуту, откуда бы такové требования ни исходили, приводят лишь к потрясениям государства... Пусть помнит каждый, кто бы он ни был — генерал или солдат, что малейшее неподчинение власти будет впредь беспощадно караться. Довольно играть судьбой Государства... Все наши помыслы и силы должны быть устремлены, прежде всего, на защиту Родины от врага внешнего, стремящегося поработить ее.

Министр-председатель, Верховный главнокомандующий А. Керенский»⁵⁴.

По настоянию Алексеева Керенский покинул наконец посты военного и морского министра и назначил на них военных, а не штатских лиц — 30-летнего генерал-майора А.И. Верховского и 44-летнего контр-адмирала Д.Н. Вердеревского⁵⁵. Одновременно 30 августа последовали и приказы об «отчислении от должностей» с преданием суду генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова, ибо здесь Керенский был неумолим. Наконец, в ночь на 31 августа была создана и Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию дела Корнилова и его сторонников под председательством главного военно-морского прокурора И.С. Шабловского⁵⁶. При этом Керенский не скрывал, что хотел бы поскорее закрыть корниловскую историю вынесением смертных приговоров, которые он мог бы потом смягчить или вообще отменить.

Договорившись с Алексеевым об участии последнего в ликвидации выступления Корнилова, Керенский настаивал на его скорейшем отъезде в Могилев для ареста бывшего Главковерха. Но если Керенский жаждал только возмездия, то Алексеев хотел предупредить Корнилова от новых непродуманных поступков, по возможности облегчить участь бывшего Главковерха и его соратников и явно не торопился с отъездом. Он не симпатизировал премьеру и не уважал его, а Корнилова, наоборот, считал не предателем и мятежником, а одним из лучших и самых честных русских генералов⁵⁷. Поэтому он хотел сначала связаться с Корниловым по радиотелеграфу и выяснить его планы, а потом обязательно узнать, что же случилось с войсками Кры-

мова, который явно не выполнил поставленной ему задачи по взятию Петрограда⁵⁸.

В итоге в Ставку Алексеев выехал только вечером 31 августа, когда Корнилов сообщил ему, что готов без сопротивления оставить пост Главковерха⁵⁹, а о Крымове стало известно, что он застрелился. Вечером 1 сентября Корнилов был арестован вместе с Лукомским, несколькими другими генералами и полковниками, а также Аладьиным. Перетрусивший Филоненко еще 27 августа был отпущен Корниловым в Петроград для отчета и отстранен там Керенским от должности «комиссарверха». Завойко был отправлен Корниловым к Каледину, но по дороге арестован. Оба они затем разными путями оказались в эмиграции. Генеральский заговор был ликвидирован.

В мою задачу не входит подробное рассмотрение конкретных действий корниловских войск, направленных в августе 1917 г. к Петрограду⁶⁰. Скажу лишь, что «мятеж», — если его можно таковым считать, — был подготовлен и проведен очень плохо и беспорядочно, а сопротивление ему «снизу» неожиданно оказалось и для Корнилова, и для Керенского, который отнюдь не планировал подключать к его ликвидации демократические силы, достаточно оперативным, дружным и эффективным. В итоге в идейно-политическом плане провал корниловского путча продемонстрировал убедительную победу демократии над самой идеей военной диктатуры⁶¹.

Нужно прямо сказать, что настоящих заговорщиков-путчистов из Корнилова и людей ближайшего его окружения не вышло, а четкого плана действий у них вообще не оказалось. Целый день 27 августа ушел в Ставке на совершенно безрезультатные переговоры по радиотелеграфу с Петроградом и был «корниловцами» практически потерян. Сам Корнилов объяснял свою пассивность в конце августа сильным приступом лихорадки⁶² и не выехал к Крымову ни поездом, ни на автомобиле, не говоря уже о вполне возможном полете на самолете. Он не смог наладить с крымовцами надежной связи⁶³ и обеспечить реальные выступления в их поддержку Каледина и Деникина. Не привел Корнилов в действие и те силы, которые были в его распоряжении в самой Ставке — трехбатальонный Корниловский полк из «ударников» капитана Неженцева (около 2,7 тыс. бойцов), составивший его личную охрану Текинский конный полк (более 800 человек), батальон Георгиевских кавалеров (1 тыс. человек) и 5 рот из состава Польского корпуса. Таким образом, имел место своеобразный паралич воли Корнилова, заранее обрекавший его на поражение.

Генерал слишком долго колебался между подчинением и неподчинением Керенскому и слишком связывал свое выступление со слухами о предполагаемых действиях большевиков. Поэтому, когда

премьер первым нанес ему удар своей гневной телеграммой об отставке, а выступление большевиков не состоялось, он просто-напросто растерялся. Вдобавок Корнилов практически оказался без реальных союзников в Петрограде⁶⁴, а сверх того все демократические силы страны неожиданно объективно оказались на стороне Керенского и дали заговорщикам быстрый и дружный отпор⁶⁵.

Недооценил Корнилов и своего главного личного врага Керенского: его цепкости в борьбе за удержание личной власти, беззастенчивости в применении крайних средств дискредитации политических противников, коварства и способности манипулировать (и жертвовать) даже своими ближайшими союзниками Савиновым и Некрасовым в случае их расхождения с его собственной позицией. Премьер оказался смелее, решительнее и настойчивее, но вместе с тем и нечистоплотнее в политическом отношении, чем думали многие, в том числе и Корнилов. Он сумел пережить критические для него дни 27 и 28 августа, не ушел в отставку и уже со следующего дня перешел в наступление.

Однако победа Керенского над Корниловым, главными факторами достижения которой стали совсем не политическая мудрость и тактическое превосходство премьера над «корниловцами», а плохая организация заговора и пассивность его участников после начала путча, оказалась победой поистине Пирровой. Усилилась политическая изоляция премьера от правящей и военной элиты, особенно офицерского корпуса, на который обрушились репрессии властей и самосуды солдат, использовавших прокорниловские настроения части офицеров для расправы с ними. Реформаторский потенциал Керенского к сентябрю 1917 г. был практически исчерпан, и народным массам он из-за своей бесполезности был уже просто не нужен. Не случайно о нем все чаще говорили теперь с раздражением и откровенным презрением, так что недавний кумир стремительно превращался в героя анекдотов и сплетен.

Обращает на себя внимание глубокий и многоплановый анализ причин краха выступления Корнилова в августе 1917 г., данный генералом Деникиным в его «Очерках Русской смуты», написанных и изданных в эмиграции в 1920-е гг.⁶⁶ Очень любопытны также и «мысли вдогонку» корниловскому выступлению, высказанные в те же 1920-е гг. в еще малоизвестной пока историкам сугубо личной переписке между двумя русскими политическими деятелями-эмигрантами — бывшими послами Временного правительства в Париже и Вашингтоне В.А. Маклаковым и Б.А. Бахметевым, несколько раз возвращавшимся к этому вопросу, причем особенно важны в данном случае воспоминания и мысли Маклакова⁶⁷.

Приведенные в примечаниях мнения Деникина и Маклакова еще раз показывают, насколько сложны были события конца лета 1917 г. и как непросто складывалась даже у современников концепция корниловского путча и как быстро порой менялись их оценки. Одни считали его антидемократическим заговором, а другие — трагическим недоразумением, порожденным нарушением привычного баланса политических сил в стране и неустойчивым переходным характером того строя, который установился в России после Февральской революции. Однако совершенно ясно, что современники событий были далеки от идеализации как Корнилова, так и Керенского, затрудняясь, правда, обвинить во всем одного и целиком оправдать другого.

Уже в дни путча и вскоре после него, особенно в большевистских кругах (и не только там), в большом ходу была версия, согласно которой Керенский тоже был скрытым «корниловцем» и, если быть справедливыми, то нужно говорить о некоем контрреволюционном тандеме Керенский — Корнилов. Эта версия перешла затем и в официальную советскую историографию, которая утверждала, что их союз развалился лишь в самый последний момент, поскольку каждый из участников сам захотел стать единоличным диктатором. Однако у нас нет достаточных оснований для подобных далеко идущих утверждений. При этом главное состоит в том, что отношение Керенского к двоевластию и сосуществованию Временного правительства с Советами было довольно сложным. С одной стороны, Петросовет и ВЦИК Советов действительно часто раздражали премьера своей независимостью и критикой правительства, но с другой, — сохраняя меньшевистско-эсеровскую линию на сотрудничество с властью и лично с Керенским, руководство ВЦИК Советов служило последнему известным «громоотводом» от народного недовольства. И это последнее обстоятельство в конечном счете перевешивало все остальное при определении премьером своей политической позиции. Поэтому и в дни корниловского путча, несмотря на явный крен вправо, Керенский в интересах самосохранения все же решил остаться верным идеалам демократии. При всей напряженности в своих отношениях с Советами премьер пошел и на созыв Демократического совещания в сентябре (а это была инициатива меньшевиков), и на сохранение пяти социалистов в последнем составе Временного правительства.

Очень симптоматично, что споры по поводу оценок корниловского выступления 27 августа — 1 сентября продолжают и в постсоветский период⁶⁸. Последний по времени всплеск интереса к Корнилову, его путчу, а заодно и к Керенскому был связан с 20-летием августовских событий 1991 г. в СССР. При этом раздавались голоса в защиту Корнилова как истинного патриота России, победа которого над

Керенским помогла бы сохранить в 1917 г. завоевания демократии и помешать приходу к власти большевиков. Одновременно ряд участников телевизионного диспута «Исторический процесс» не жалели сил, чтобы заклеить позорную роль в корниловских событиях Керенского, который предал генерала и в своих карьерных целях способствовал его поражению, причем открыто проводилась параллель между поведением Генсека ЦК КПСС Горбачева в 1991 г. и двурушника Керенского в 1917 г.

Представляется, что подобные исторические параллели, как всегда, достаточно рискованны. У нас нет никаких оснований для идеализации Корнилова, его программы и самого путча, который, впрочем, в ряде отношений очень напоминал бездарные действия «гекачепистов» 1991 г. Оба августовских путча — и 1917, и 1991 г. — фактически предрешили падение, соответственно, Керенского и Горбачева, но первый все же достаточно активно выступал против Корнилова, а второй прибыл в Москву с «отдыха» в Крыму только после провала путчистов. Зато, в отличие от Керенского, вынужденного на 50 с лишним лет покинуть пределы России после октябрьской победы большевиков, Горбачев остался на Родине, до сих пор возглавляет Фонд своего имени и даже пытается участвовать в политической жизни современной России, хотя от его былого авторитета давно уже не осталось и следа, а его активная прозападная позиция вызывает у многих россиян глубочайшее возмущение.

При всем обилии мнений по вопросу о причинах, характере, результатах и последствиях выступления Корнилова против Временного правительства в конце августа 1917 г. автор настоящей работы считает, что антиправительственный заговор в военной среде, несомненно, имел место, но организован он был очень неумело, подилетантски. Присваивать ему имя Корнилова можно лишь с большой натяжкой и в настоящий мятеж он не вылился. Победили в этих событиях демократические силы, а не Керенский, и это по существу предрешило его падение в октябре 1917 г. При этом поведение самого премьера накануне, в дни путча и после выступления военных вполне соответствовало тому центристскому политическому курсу, которого он в 1917 г. придерживался, но совершенно не соответствовало остроте момента и ожиданиям масс. В итоге его личная победа над «корниловцами» уже таила в себе зародыши близкой гибели «керенщины» как дискредитировавшей себя модели демократической власти. Последняя должна была уступить место либо другой демократической модели (но уже без Керенского), причем ненадолго, либо большевистской диктатуре, что и произошло в действительности.

¹ Это мнение высказывали в 1917 г. Милюков, Маклаков, Савинков, генералы Алексеев и Деникин и др. В 2003 г. в предисловии к первому полному двухтомному изданию материалов Чрезвычайной следственной комиссии, созданной в конце августа 1917 г. по личному указанию Керенского для подготовки юридической базы к предстоящему (но так и не состоявшемуся) суду над Корниловым и его сообщниками, уже прямо говорилось о том, что подлинным виновником всей «корниловской истории» был не кто иной, как сам премьер Керенский (см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 31). Это была фактически первая полуофициальная реабилитация Корнилова и «корниловцев» в России. Материалы следствия вышли в серии документальных публикаций «Россия. XX век» под редакцией правой руки Горбачева А.Н. Яковлева, превратившегося во время «перестройки» из главного идеолога коммунизма в главного антикоммуниста.

² О ложности этой версии свидетельствует не только обращение ЦК РСДРП(б) к рабочим и солдатам Петрограда от 27 августа 1917 г. с опровержением слухов об организации большевиками каких-то антиправительственных выступлений (см.: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 474), но и ряд других фактов. Трудно представить себе, чтобы в отсутствие ушедшего в июле в глубокое подполье Ленина кто-либо из большевистских руководителей взял бы на себя смелость принять подобное стратегическое решение, да и реальных сил на такое выступление у РСДРП(б) тогда еще не было. Тем не менее слухи об этом действительно циркулировали в 20-х числах августа и в Петрограде, и в Ставке. Но знаменательно, что сам Керенский ни в своих воспоминаниях, ни в книге «Дело Корнилова» (1918 г.), где он попытался задним числом прокомментировать и дополнить личными воспоминаниями свои показания ЧСК по делу Корнилова, не только не писал, но, наоборот, категорически опровергал версию о подготовке большевиками государственного переворота в конце августа или в начале сентября 1917 г. (см.: Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. С. 110–111). Характерно, что эти обвинения в адрес большевиков подхватил, например, Р. Пайпс (см. его кн.: Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 121), хотя данная им в этом же труде характеристика Керенского, на мой взгляд, достаточно справедлива. (См.: Там же. Т. 1. С. 330–331; Т. 2. С. 87–88, 110–111, 117–118, 138, 162–163.)

³ В проекте приказа, заранее заготовленного Крымовым на случай вступления его войск в Петроград, за сопротивление военным был обещан расстрел на месте. «Предупреждаю всех, что на основании повеления Верховного главнокомандующего войска не будут стрелять в воздух», — говорилось в этом документе (см.: Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 434).

⁴ Уже в мае, т. е. при Керенском, был уволен командующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский; по причине «недемократичности» та же участь постигла генерала Н.Н. Юденича. В дальнейшем этот процесс продолжался, причем появившиеся в середине мая комиссары Временного правительства неквалифицированно пытались вмешиваться в процесс управления войсками. Подробнее см.: Солнцева С.А. 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. № 3.

⁵ См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 85–86.

⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 535.

⁷ Приехавший в первой декаде августа в Москву представитель Ставки сообщил, что готовится переворот с целью свержения Временного правительства и установления

в стране военной диктатуры, причем, если Керенский пойдет вместе с военными, — тем лучше, а если нет, — то обойдутся и без него. Однако из рассказа сразу же стало ясно, что пока к перевороту еще ничего не готово, и поэтому Родзянко уклонился от какого-либо участия в заговоре военных.

Аналогичная судьба постигла и члена руководства «Союза офицеров» капитана В.И. Роженко, который тоже приезжал в Москву для участия в происходившем там 8–10 августа совещании 300 общественных деятелей с участием того же Родзянко, Милюкова, Струве и др. Капитан рассказал им, что между Керенским и Корниловым назревает конфликт, причем последний не подчинится приказу о своем смещении с поста Главнокомандующего, если ему будет предъявлено такое требование. А это значит, что произойдет вооруженный конфликт, исход которого решит только сила. В случае успеха Корнилова, заявил Роженко, правительство Керенского будет свергнуто и установится режим военной диктатуры.

Участовавший в совещании полковник Новосильцев подчеркнул, что руководимый им «Союз офицеров» поддерживает такие планы. Однако никаких конкретных обещаний помощи «корниловцы» от московских общественных деятелей не получили и ушли с совещания явно разочарованными. Милюков же прямо заявил, что кадеты сами не имеют опоры в массах и поэтому помочь Ставке ничем не могут. Участники совещания восприняли выступления Роженко и Новосильцева как авантюрный блеф и попросту «замыли» этот вопрос, не сделав для себя никаких практических выводов, хотя в Ставку и ушла приветственная телеграмма, где говорилось, что на Корнилова с надеждой и верой смотрит вся мыслящая Россия. См.: *Савиц Н.В.* Воспоминания. Дюссельдорф: СПб., 1993. С. 249–250; Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 360.

Официально на совещании общественных деятелей в Москве была принята написанная Милюковым резолюция, где прямо говорилось, что правительство должно признать ложность своего прежнего политического курса и изменить его, порвав «со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность». Под этими утопиями понимались взгляды лидеров партий социалистической ориентации, якобы совпадающие по своим объективным результатам с намерениями внешнего врага. Позитивная программа участников московского совещания сводилась примерно к тому же, о чем говорили генералы на совещании в Ставке 16 июля и что повторил затем в своей «Записке» Корнилов, с добавлением пунктов о необходимости обеспечить права личности и собственности, не разрушать территориальную целостность России и возродить у россиян веру в союзников по Антанте. А 18 июля на частном совещании членов Государственной думы Милюков прямо заявил: «Мы считаем необходимым, чтобы министр-председатель или уступил место, или, во всяком случае, взял бы себе в помощники авторитетных военных деятелей и чтобы эти авторитетные деятели действовали с подобающей самостоятельностью и независимостью».

Внутри ЦК партии кадетов большинство членов высказывалось за военную диктатуру, и 20 августа он проголосовал за «хирургическую операцию», т. е. за переворот при условии союза Корнилова с Керенским. Тем не менее какая-либо реальная помощь Партии народной свободы Корнилову не планировалась, и тактика партии в данном случае формулировалась так: *сочувствие, но не поддержка*. Подробнее см.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 186–204.

Во время Государственного совещания в Москве Корнилов провел 13–15 августа в своем поезде несколько неофициальных деловых встреч с генералом Алексеевым,

финансовыми воротилами Путиловым и Вышнеградским, лидерами правых и кадетов в IV Думе Пуришкевичем и Милюковым. На квартире члена кадетского ЦК врача Н.М. Кишкина Главковерх, внутренне уже готовый к своему смещению с этого поста, откровенно заявил, что не подчинится такому приказу Керенского и совершит «насильственный переворот». При этом участники встречи заверили Корнилова в своей моральной поддержке. Прямой же помощи, кроме финансистов, Корнилову не обещал никто.

Милюков, например, тем не менее считал, что и отговаривать Главковерха от антиправительственного выступления не стоит и что определенные шансы на успех у него все-таки есть (член ЦК кадетов Маклаков занимал прямо противоположную позицию). См.: «Совершенно лично и доверительно». *Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков*. Переписка. 1919–1951. Т. 3. М.; Стэнфорд, 2001. С. 345–354.

⁸ Телеграмма цит. по: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Керенский, Корнилов, Ленин. С. 123. По мнению Милюкова, после сдачи Риги Корнилов уже «не хотел больше ждать и не возлагал больше надежд на правительство Керенского» (*Милюков П.Н.* История Второй русской революции. С. 324).

⁹ Позже, в 1937 г., выяснилось, что офицеры-заговорщики собирались поддержать корниловский путч в самом Петрограде имитацией большевистского выступления — разгромом Сенного рынка, магазинов и т. д. (см.: *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 436).

¹⁰ См.: *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 549–550. В общем и целом эта акция успеха не имела: часть офицеров отказалась ехать в Петроград, часть не попала в столицу из-за приостановки по приказу Керенского железнодорожного сообщения в первые же дни путча, а добравшиеся до столицы, как потом выяснилось, весело проводили время в кутежах, но практически ничем не помогли «корниловцам». См.: *RPG. Vol. III. P. 1528–1538.*

¹¹ *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 315–316; *Его же.* Прелюдия к большевизму. С. 76–78; *Его же.* Потерянная Россия. С. 81. Несоблюдение заговорщиками элементарных правил конспирации, разглашение этой тайны на совещаниях общественных деятелей, а также донесения сохраненной Керенским контрразведки сделали информацию о корниловском заговоре вполне доступной премьеру. На допросе в ЧСК по делу Корнилова он показал, что уже за месяц до путча, если не раньше, получил сведения о заговоре в Ставке (без упоминания имени Корнилова) от различных офицеров-информаторов и штатских лиц. (См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 170–171.)

Тот факт, что Керенский попросил Савинкова передать Корнилову его просьбу не назначать Крымова командующим войсками, которые по решению правительства от 21 августа нужно было направить к Петрограду для усиления его обороноспособности на случай германского наступления, а также не включать в этот контингент «Дикую» дивизию, также свидетельствует о том, что премьер был в курсе событий в Ставке и планов Главковерха.

¹² В.Н. Львов (1872–1934) был потомственным дворянином, выпускником юридического и историко-филологического факультетов Московского университета и вольнослушателем Московской духовной академии. Это был крупный землевладелец (4,6 тыс. дес. земли). В III и IV Думах он возглавлял умеренно-консервативную фракцию Центра и комиссию по делам РПЦ. В 1920–1922 гг. был в эмиграции, затем вернулся на родину и в начале 1930-х гг. был репрессирован.

¹³ Добрынский служил при царе в Министерстве земледелия под руководством Кривошеина, затем обосновался в 1917 г. во Владикавказе, работал в Красном Кресте и был связан с прокорниловским «Союзом георгиевских кавалеров». См.: RPG. Vol. III. P. 1558.

¹⁴ См.: Ibid. P. 1560.

¹⁵ См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁶ Назвать их Львов отказался, но Керенский и сам знал, что братья Владимир и Николай Львовы принадлежат к московским либеральным и умеренно-консервативным кругам, оказавшим на Государственном совещании теплый прием Корнилову. (См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 328–329; *Его же.* Прелюдия к большевизму С. 139–143.)

¹⁷ См.: *Бьюкенен Д.* Указ. соч. С. 329–330. Задним числом посол писал в своих мемуарах, что, если бы министр иностранных дел Терещенко был в то время в Петрограде, он убедил бы Керенского не доводить дело до окончательного разрыва с Корниловым. Во-первых, генерал не был ультрареакционером, и спасение России, как считал Бьюкенен, заключалось как раз в союзе Керенского с Корниловым, а во-вторых, военный переворот в тех условиях был совершенно бесперспективен. Сам Верховный главнокомандующий, по мнению посла, решил, якобы на выступление против правительства только тогда, когда получил приказ Керенского о смещении со своего поста, но люди в его окружении давно вынашивали планы смены правительства и хотели использовать Корнилова как свое орудие. В итоге Бьюкенен делал следующий вывод: «Все это время его (Керенского. — С.Т.) политика была слабой и нерешительной... В Керенском уживаются два человека: один — глава правительства и патриот, другой — социалист и идеалист. Пока верх берет первый, он издает приказы о строгих мерах и говорит об установлении железной дисциплины, но как только он начинает прислушиваться к увещаниям последнего, он снова опускает руки и смиряется с тем, что его приказы остаются лишь на бумаге. Более того, боюсь, что, как и Совет, он никогда не хотел создания действительно сильной армии, поскольку, как он однажды заметил мне, он никогда не станет своей рукой ковать оружие, которое может быть использовано против революции». (Там же. С. 338.)

¹⁸ В окружении Корнилова уже всюду шел дележ портфелей в будущем кабинете министров. Пост военного министра предназначался безальтернативно Савинкову. Завойко претендовал на должность министра финансов, Филоненко — министра внутренних дел. Выплыло вдруг даже имя Плеханова как будущего министра труда. А вот пост министра иностранных дел хотели передать сравнительно недавно появившемуся рядом с Корниловым Аладьиным.

Аладьин А.Ф. (1873–1927) — одна из наиболее колоритных и вместе с тем «темных» фигур корниловского движения — вел свое происхождение из зажиточных крестьян Симбирской губ. Он имел среднее и незаконченное высшее медицинское образование. В 1896 г. был арестован за социал-демократическую агитацию среди рабочих Казани, приговорен к 3 годам ссылки на Крайний Север, но бежал за границу и побывал во Франции, Бельгии и Англии. Вернувшись в 1905 г. по амнистии в Россию, Аладьин вновь включился в революционное движение и в I Государственной думе вошел в Трудовую группу. В последующие 10 лет он вновь жил в Англии, получил там чин лейтенанта британской армии и, как предполагают, стал агентом английской разведки. В 1917 г. Аладьин вернулся в Россию, примкнул к «корниловцам», а после провала их путча находился вместе с ними 2 месяца в Быховской тюрьме. Затем участвовал в Белом движении. Умер в эмиграции.

Что касается Керенского, то относительно его роли после победы путчистов среди них единого мнения не было. Так, он мог стать и вице-премьером при Корнилове, и одним из членов Директории (если бы Корнилов не захотел стать единоличным диктатором), но сам Корнилов, видимо, предпочитал видеть бывшего премьера на посту министра юстиции, о чем попросил 25 августа Львова уведомить Керенского. Подробнее см.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 365–368.

¹⁹ См.: *Керенский А.Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 467.

²⁰ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 367.

²¹ Подробнее об этой встрече Львова с Керенским см.: Там же. С. 330–335; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 95–99.

²² Впоследствии выяснилось, что Львов в это время встречался с кадетами Милюковым и Головиным и рассказывал им о разговоре с Керенским (о своем визите в Ставку он сообщил Милюкову еще днем, до беседы с премьером), так что лидер кадетской партии был целиком и полностью в курсе всего происходящего.

²³ Содержание разговора Керенского с Корниловым по аппарату Юза 26 августа см.: Дело генерала Л. Корнилова. Т. 1. С. 465–471; *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. С. 295–302.

²⁴ Керенский пообещал приехать в Могилев 28 августа.

²⁵ Свою первую арестантскую ночь Львов провел в Зимнем дворце, слушая, как Керенский распевает этажом ниже арии из опер — признак огромного душевного подъема и торжества победителя. Затем Львов был переведен в тюрьму, где и пробыл до конца октября.

²⁶ О ходе этого заседания Временного правительства см.: Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 444–445. Отставка Кокошкина входила в план (согласованный через Львова) между «корниловцами» и ЦК кадетов. Очень интересна фраза, брошенная Керенским после окончания заседания и случайно услышанная в кулуарах бывшим командующим столичным военным округом Половцовым: «Ловко я их подловил, притворился с ними заодно, — они себя и выдали с головой» (см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 548). Это лишний раз подтверждает, что Керенский сознательно спровоцировал Львова на откровенность, чтобы получить от него (как якобы своего единомышленника и доверенного лица) полную информацию о беседе с Корниловым.

²⁷ Лукомский сразу же сообщил в Петроград об отказе принять это назначение и посоветовал Керенскому найти общий язык с Корниловым, угрожая в противном случае «взрывом в армии». (См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 336.)

²⁸ В Ставке сначала даже не поверили в подлинность телеграммы, поскольку были уверены, что после встречи Корнилова с Савинковым 23–24 августа все спорные вопросы сняты. После отъезда Львова 26 августа в Могилеве утвердили состав Совета народной обороны (Корнилов, Керенский, Алексеев, Колчак, Филоненко) и нового Совета министров. В Петроград ушла телеграмма Савинкову с твердым обещанием, что войска Крымова 28 августа подойдут к столице, и с просьбой объявить ее с 29 августа на военном положении. Были направлены и телеграммы Родзянко, Милюкову и Г.Е. Львову с приглашением приехать в Могилев не позднее 29 августа. (См.: *Катков Г.М.* Дело Корнилова. С. 210–211.)

В тот же день Крымов наконец отбыл из Ставки к вверенным ему казакам, а перед этим Корнилов подписал приказ о создании Петроградской особой армии. Он преду-

смаатривал введение военного положения в Петрограде, Кронштадте, Петроградской и Эстляндской губерниях и в Финляндии. Крымов же подготовил и уже упоминавшийся выше собственный «расстрельный» приказ по войскам 3-го конного корпуса.

²⁹ См.: Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 451 (запись разговора Савинкова с Корниловым 27 августа). Отмежевавшись от Корнилова, Савинков быстро встал на сторону Керенского и 27 августа был назначен им военным губернатором Петрограда и и. о. командующего Петроградским военным округом, оставаясь управляющим делами Военного министерства. Однако уже 30 августа он без объяснения причин (они так и остались в дальнейшем неизвестными) подал в отставку со всех этих постов. 9 октября Савинков был исключен из ПСР, поскольку не пожелал объяснить свою роль в событиях конца августа 1917 г. Характерно, что приход к власти большевиков Савинков объяснял позже исключительно «слабостью и неразумием» Керенского.

³⁰ См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 306.

³¹ См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 50.

³² Цит. по: *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999. С. 151.

³³ Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 451.

³⁴ См.: Там же. С. 445. Газеты напечатали это воззвание вечером 27 и утром 28 августа.

³⁵ Клембовский тоже отказался от предложенного ему поста Главковерха.

³⁶ См.: Архив русской революции. Т. 5. С. 120; Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 446. 28 августа Корнилов обратился к народу по телеграфу с новым воззванием, где говорилось: «Очнитесь, люди русские, от безумия, ослепления и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина». Перед «лицом всего народа» он опять приглашал в Ставку членов Временного правительства, чтобы совместно с ним составить Совет народной обороны (см.: Архив русской революции. Т. 5. С. 118–119). Но и это обращение Корнилова осталось без ответа.

³⁷ См.: *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 102.

³⁸ См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 306.

³⁹ Цит. по: *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 200.

⁴⁰ Милюков даже уговорил Алексеева возглавить правительство, но этот вопрос так и остался 28 августа открытым. Об остроте ситуации свидетельствует тот факт, что в ночь с 28 на 29 или утром 29 августа Милюков написал передовую статью для утреннего номера кадетской «Речи», который должен был увидеть свет 30 августа. Там он предлагал правительству немедленно вступить в переговоры с уже вошедшим (!) в город Корниловым, цели которого якобы «не имеют ничего общего с целями контрреволюции». Провал корниловского путча изменил, однако, планы ЦК партии кадетов. «Речь» вышла 30 августа с белой полосой вместо передовой Милюкова, а сам он по совету Керенского, переданному ему через Набокова и М.М. Винавера, выехал в Крым, устранившись на некоторое время от руководства партией и газетой «Речь». Покинули столицу также Кокошкин, Тыркова и некоторые другие прокорниловски настроенные кадетские лидеры (см.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 392–393; *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 202–203).

В последние годы в отечественной историографии справедливо была высказана мысль о несовместимости кадетского либерализма с идеей установления в России военной диктатуры. Поэтому Партия народной свободы не могла быть ни инициатором, ни активным соучастником корниловского выступления, ограничиваясь лишь сочув-

ствием генералу. Поэтому призыв Милюкова к переговорам Временного правительства с Корниловым от 30 августа отражал лишь его личную точку зрения (см.: *Егоров А.Н.* Кадеты и выступление генерала Л.Г. Корнилова // *Вопросы истории.* 2005. № 8. С. 165).

⁴¹ См.: *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 103.

⁴² Вестник Временного правительства. 1917. 29 августа.

⁴³ См.: *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 308; *Вырубов В.В.* Воспоминания о корниловском деле // *Минувшее.* М.; СПб., 1993. Т. 12. С. 17. В.В. Вырубов — племянник кн. Львова, товарищ министра внутренних дел, председатель Особого совещания по координации деятельности общественных организаций на фронте, потом помощник начальника штаба Главковерха Алексеева.

⁴⁴ Армия и флот свободной России. 1917. 1 сентября.

⁴⁵ Верховский обратил на себя внимание Керенского еще в мае 1917 г. во время его поездки по стране и был назначен командующим Московским военным округом. В дни корниловского путча он подкупил Керенского готовностью лично идти с войсками на Могилев, чтобы арестовать Корнилова. Что касается Вердеревского, то в июле он был даже отдан под суд за невыполнение требования Керенского прислать в охваченный волнениями Петроград 4 броненосца для демонстрации силы Временного правительства. Теперь же он был полностью реабилитирован.

⁴⁶ В состав ЧСК были включены три военных юриста, а для придания ей более демократического вида — два меньшевика и представитель казачества. Большинство членов комиссии были настроены по отношению к Корнилову довольно доброжелательно и даже сочувственно. К 25 октября 1917 г. работа комиссии закончена не была, а в ноябре обвиняемые, пользуясь неразберихой в связи со сменой власти в стране, тихо скрылись из тюрьмы в г. Быхове и затем включились в Белое движение. Тем не менее ЧСК продолжала существовать до июня 1918 г.

⁴⁷ См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 460–461. В этом письме Алексева Милюкову от 12 сентября 1917 г. говорилось, что «дело Корнилова не было делом кучки авантюристов» и опиралось «на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции...» Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства, причем «участие самого Керенского бесспорно», однако все эти люди в дальнейшем отступили от Корнилова. Алексеев просил Милюкова начать кампанию общественности в защиту Корнилова и оказать материальную помощь семьям арестованных.

⁴⁸ Оказавшись только в ночь на 28 августа в Луге, Крымов попал в очень сложное положение. Из Петрограда ему приказывали немедленно приостановить наступление на столицу. К тому же железнодорожники блокировали дальнейшее продвижение составов с крымскими войсками, т. к. об этом еще 27 августа позаботился Керенский. «Дикая» дивизия под влиянием агитации делегатов Мусульманского съезда, проходившего в те дни в Петрограде, решила воздержаться от участия в антиправительственных действиях и 31 августа направила к Керенскому делегацию с «покаянием». Сильные колебания были и у крымских казаков.

Сам Крымов получил 30 августа приказ Керенского прибыть в Петроград для объяснений и решил не искушать дальше судьбу, тем более что связи с Корниловым у него не было. В ночь на 31 августа он встретился в столице с Алексеевым (тот специально задержался для этого в Петрограде), а затем утром — с Керенским, Якубовичем, Тумановым, Шабловским и др. В своих воспоминаниях Керенский постарался придать этой беседе более или менее благопристойный вид и даже назвал Крымова честным и благородным человеком, который покинул его кабинет вполне свободным (см.: *Ке-*

ренский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. С. 369–371). Однако, по другой версии, этот разговор происходил совершенно в иной атмосфере: Керенский с криком грозил сорвать с Крымова погоны, а тот якобы ответил ему: «Не ты, мальчишка, мне их дал, не ты и сорвешь!» (см.: Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 292). В конце беседы Крымов получил приглашение явиться в 5 часов дня в ЧСК к Шабловскому для дачи показаний. Вместо этого он отправился на квартиру своего друга и там застрелился, оставив предсмертную записку Корнилову, содержание которой нам неизвестно. Однако нетрудно догадаться, что Крымов упрекал там Главковерха в бездействии и фактическом устранении от совместно затеянной ими акции (адъютант Крымова уже в эмиграции рассказал Гучкову, что его начальник после рокового выстрела успел сказать ему: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил» (см.: Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 126). Председатель ЧСК Шабловский слышал слова выходявшего из кабинета Керенского Крымова: «Последняя карта во имя спасения Родины бита — жить больше не стоит» (RFG. Vol. III. P. 589).

⁴⁹ В связи с отказом Лукомского и Клембовского принять назначение на этот пост Корнилов до 30 августа сохранял право оперативного руководства войсками на фронте. О сложных обстоятельства поездки Алексева в Могилев см.: Катков Г.М. Указ. соч. С. 127–138. Чувствуя сочувствие Алексева Корнилову, Керенский готов был даже продублировать его миссию в Ставку путем отправки туда дополнительных воинских подразделений для ареста Корнилова и несколько раз лично и через Барановского снова и снова напоминал генералу о необходимости ускорить арест бывшего Главковерха (Abraham R. Op. cit. P. 283–284).

⁵⁰ Подробнее см.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год... С. 132–144. Единственное подобию боя между крымовскими и правительственными войсками произошло за все это время только вечером 28 августа у станции Антропшино, но и «корниловцы» (чеченцы и ингуши), и правительственные войска после первых же выстрелов отошли в разные стороны, причем о человеческих жертвах с обеих сторон ничего не известно. По оценке Милюкова, «дело было решено настроением войск. Никто не хотел кровопролития и не желал жертвовать собой ни с той, ни с другой стороны». Солдаты Крымова не знали в массе своей, зачем их ведут на Петроград. (См.: Милюков П.Н. История Второй русской революции. С. 90–91.) В дни корниловского выступления солдаты в результате самосуда убили несколько генералов и офицеров в Выборге, Гельсингфорсе и Або. (Там же. С. 103–104.)

В советской историографии было несколько монографий о корниловском контрреволюционном мятеже. См.: Капустин М.И. Заговор генералов. Из истории корниловщины и ее разгрома. М., 1968; Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. М., 1977; и др. При этом советские историки в значительной мере раздули масштабы заговора контрреволюционных сил, фактически проигнорировали колебания Корнилова и слишком упростили линию поведения последнего, поскольку решимости выступить против Керенского ему явно не хватало и до последнего момента генерал рассчитывал на союз с премьером, в возможности которого его пытался уверить Савинков.

⁵¹ Суханов определял смысл корниловского заговора как стремление к установлению диктатуры имущих классов без всяких компромиссов со средними слоями и мешанскими верхами демократии (см.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 104). И если двоевластие еще создавало иллюзию и даже некоторую реальность участия рабочих, солдат и крестьян во власти, то с победой Корнилова об этом можно было бы забыть.

⁵² См.: Милюков П.Н. История Второй русской революции. С. 89.

⁵³ В единственном дошедшем до нас письме Корнилова Крымову от 30 августа последнему давалась лишь туманная инструкция «действовать самостоятельно» в духе указаний, данных ему еще 26 августа 1917 г. (см.: Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 469).

⁵⁴ На это специально обращал внимание Милюков в «Истории Второй русской революции» (с. 88), подчеркивая, что неудача Корнилова во многом объяснялась, в частности, и бездействием петроградских офицерских организаций.

⁵⁵ Уже в ночь на 28 августа ВЦИК Советов принял решение о создании Комитета народной борьбы с контрреволюцией (в дальнейшем он стал называться Военно-революционным комитетом) из представителей меньшевиков, эсеров, энесов и третиовавшихся ими прежде большевиков. По инициативе последних было признано необходимым формирование для защиты Петрограда от корниловских войск вооруженных отрядов Красной гвардии. Аналогичные структуры создавались и в других местах, причем они не были распущены и после ликвидации «корниловщины» и стали опорой большевиков при захвате ими власти.

Под утро 29 августа ВЦИК принял резолюцию, дававшую «товарищу Керенскому» право на формирование нового правительства для борьбы с заговором Корнилова, и обещавшую премьеру «самую энергичную поддержку в этой борьбе» (см.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 112–114). Ударом для Керенского стал при этом отказ меньшевиков и эсеров от правительственной коалиции с кадетами. А 31 августа тот же ВЦИК выдвинул идею созыва в сентябре так называемого Демократического совещания с участием представителей Советов, городских дум, земств, армейских комитетов, профсоюзов железнодорожников, учителей, служащих и т. д. — всего 1500 человек.

У большевиков была особая позиция по всем этим вопросам: «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость...», — писал Ленин (ПСС. Т. 34. С. 120). 1 сентября Ленин в статье «О компромиссах» обосновал идею создания советского правительства (без кадетов и без большевиков), что, по его мнению, создавало возможность для дальнейшего мирного развития революции (ПСС. Т. 34. С. 133–139), но ВЦИК Советов отказался от своего же прежнего предложения о создании чисто советского правительства, отверг ленинский план и высказался в поддержку правительства Керенского. Ленин же через несколько дней тоже взял свое предложение обратно. Поскольку к осени 1917 г. большевизм оправился от ударов, нанесенных ему в июле правительством Керенского, позиция Ленина и руководства большевистской партии во многом способствовала провалу корниловского путча.

Большевики с самого начала были уверены в том, что Керенский замешан в авантюре Корнилова, что он — «корниловец» (см.: Петроградский Совет... М., 2003. Т. 4. С. 342, 475).

Твердую негативную позицию в отношении выступления Корнилова заняли меньшевики. «Корнилов и все генералы, которые идут за ним, и все те из имущих классов, которые им сочувствуют, — предатели и изменники Родины», — говорилось в обращении ЦК меньшевиков от 29 августа 1917 г. — «...Временное правительство — это *правительство революции*, и всякий удар по нему, всякий подкуп под него направлены против революции». (Меньшевики в 1917 году. М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 121.)

Меньшевики-интернационалисты («мартовцы») Петрограда 1 сентября требовали: 1) Роспуска Государственной думы и Государственного совета и провозглашения России демократической республикой; 2) скорейшего созыва Учредительного со-

брания; 3) немедленного пополнения общероссийского земельного фонда помещичьими владениями для передачи их народу; 4) борьбы за скорейший всеобщий мир. Они предлагали в течение недели созвать в Петрограде Всероссийский съезд всех демократических организаций (Советов, городских дум, кооперативов, национально-демократических организаций, профсоюзов), который до Учредительного собрания стал бы высшим источником власти, определяющим состав и политику правительства. До его созыва Временное правительство должно работать в прежнем составе, но без кадетов. Все меры по борьбе с контрреволюцией и поддержанию порядка в стране должны проводиться Временным правительством с согласия ВЦИК Советов. В случае несогласия правительства с этими предложениями меньшевики-интернационалисты предлагали создать Комитет общественного спасения. (Там же. С. 145–146.)

⁵⁶ По мнению Деникина, корниловское выступление было — если не заранее, то уже в первые его дни — обречено на провал. Во-первых, сам Корнилов слишком долго надеялся, что ему удастся убедить Керенского в необходимости союза с армейской верхушкой для обуздания революционной, «совдеповской» вольницы. Эти надежды, истоки которых нужно искать и в «неполитическом» складе ума и характера генерала, парализовали его волю и ограничивали сферу поиска союзников в задуманной им попытке давления на Временное правительство. Да и в дни самого «мятежа» Корнилов слишком быстро опустил руки и смирился со своей изоляцией в могилевской Ставке. Деникин считал, что «появление Корнилова с двумя надежными полками решило бы участь Петрограда. Но оно, добавлял он, вряд ли было выполнимо технически, поскольку нужно было обеспечить продвижение эшелонов с этими частями от Могилева к Петрограду на расстояние в 650 верст.

Во-вторых, Корнилов, имея все основания не верить стремлению высшего командного состава вооруженных сил поддержать его и дружно выступить против Временного правительства, даже не стремился придать своему выступлению общеармейского характера, ограничивая сферу его подготовки одним Юго-Западным фронтом. В итоге ему не хватило ни *единомышленников*, ни *времени* для настоящей подготовки «мятежа».

В-третьих, Корнилов не получил реальной поддержки ни от союзников России по Антанте, казалось бы, крайне заинтересованных в его победе над Керенским и в активном продолжении борьбы на русско-германском фронте, ни — и это еще важнее — от русской общественности, которая, во выражению Деникина, «внезапно и бесследно сгинула». Деникин не жалеет красок, чтобы показать полную безнравственность поведения Керенского в сложившейся ситуации и провокационную сущность позиции премьера 26 августа, фактически подтолкнувшего Корнилова к выступлению. Победу Керенского над Корниловым Деникин считал преддверием победы большевиков над Временным правительством в октябре, ибо Керенский своим поведением по отношению к Корнилову и «корниловцам» оттолкнул от себя и либеральные элементы российского общества, и офицерство, так что возглавляемый им кабинет министров в сентябре–октябре лишь регистрировал тот распад, который переживало государство, будучи не в силах его предотвратить (см.: *Деникин А.И.* Очерки Русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 60, 62, 63, 52–53, 82–83).

⁵⁷ Еще в 1921 г. Маклаков писал Бахметеву, что презирает «великую» мартовскую революцию 1917 г., которая «при трусости тех людей, которые ею управляли (в том числе и Керенского. — С.Т.), при их мягкотелости и отсутствии веры в собственное дело» могла бы после того, как среди военных прошла бы «первая оторопь», привести

к удачному военному перевороту. «Корнилов виноват только в том, что пошел слишком рано» (курсив мой. — С.Т.). («Совершенно лично и доверительно». Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 47.)

Затем в 1923 г. Маклаков развил эту мысль, написав Бахметеву, что «в известный момент (конец лета 1917 г. — С.Т.) революционная демократия, т. е. Советы, стали неспособны даже Керенскому. Однако и Керенский чувствовал, что сам он бессилён с ними справиться, что для этого нужна сабля, и пытался столкнуться с Корниловым. Ведь в той первой стадии планов, от которой потом Керенский отрёкся, Корнилов должен был действовать в его интересах, должен был создать диктатуру правительства, разорвавши с хвостом всяких революционных комитетов. Этот план не удался, потому что окружающие Корнилова дали ему толчок в другую сторону, и Корнилов выступил и слишком рано, если он хотел получить власть в свои руки, и слишком неловко, если он хотел выместить Советы на славу Керенскому. На этом эта попытка и провалилась». (Там же. Т. 2. С. 14–15.)

Наконец, в сентябре 1927 г., т. е. к 10-й годовщине корниловского путча, Бахметев уже прямо задал своему постоянному адресату и confidentу Маклакову три вопроса: 1) было ли выступление Корнилова в конце августа 1917 г. военным заговором, неизвестным Временному правительству и направленным на его свержение и установление военной диктатуры? 2) согласовал ли Керенский свои действия и, в частности, отправку 27 августа телеграммы о смещении Корнилова с поста Главковерха с Временным правительством? 3) правда ли, что выступление генерала остановило конструктивную работу правительства по восстановлению дисциплины в армии и открыло большевикам возможность для подготовки октябрьского переворота? Далее Бахметев прямо общался, что беседовал с рядом бывших русских офицеров, оказавшихся в эмиграции, которые рассказали ему, что в результате столкновения Корнилова и Керенского Временное правительство своими действиями само подорвало всякий авторитет военного командования, ибо оно не наказало Корнилова и не доказало его вины («было ни то, ни се, сумбур и неясность»), чем большевики, естественно, и воспользовались.

16 сентября 1927 г. Маклаков ответил Бахметеву большим письмом, где уделил вопросу о Корнилове и «корниловщине» несколько машинописных страниц. По его мнению, не имели места ни военный заговор Корнилова как таковой, ни его провокация с последующим предательством генералов Керенским. Корнилов, как считал Маклаков, никогда не был политиком и воспринял приход к власти Временного правительства с надеждой на перелом в ходе войны в лучшую для России сторону. Однако эти надежды скоро лопнули, и армия стала разлагаться еще быстрее, чем прежде. Вступая в должность Главковерха в июле 1917 г., Корнилов не ставил правительству никаких политических условий, а требовал себе только полной свободы действий вплоть до введения смертной казни на фронте и самостоятельности в выборе своих сотрудников, с чем Керенский, хотя и неохотно, но все же согласился. Однако премьер пошел, как всегда, «средней дорогой», раздражая этим и правых, и левых. Отсюда и Корнилов, и правительство сделали вывод, что, пока в стране сохраняется двоевластие, восстановить порядок в армии не удастся.

И в самом правительстве, и Корнилов, и многие другие генералы считали, что вопрос о восстановлении порядка в армии упирается в проблему устранения влияния Петросовета и ВЦИК Советов на власть. Поэтому выступление Корнилова не было выступлением военного против штатских, а сделалось выступлением одной группы политических партий, общественных организаций и их руководителей против другой

группы. Среди поддерживавших Корнилова были, например, и кадеты, а на августовском совещании общественных деятелей в августе 1917 г. было единогласно принято решение о несменяемости Корнилова на посту Главковерха и о необходимости принятия властью всех его предложений.

По мнению Маклакова, Савинков сам подталкивал Корнилова к выступлению, а 26 августа объявил все происходящее «недоразумением», но уже на следующий день он активно включился в подавление «корниловщины», как бы заметая этим следы своего участия в подготовке выступления генерала. Что касается Керенского, то Маклаков теперь был склонен акцентировать внимание на его легкомыслии и крайней эмоциональности, затрудняющих точное определение позиции премьера. Последний, по мнению Маклакова, в августе 1917 г. уже ненавидел всю советскую систему, ругая ее «скверными словами», но, чувствуя свое бессилие, не решился стряхнуть с себя влияние Советов путем прямого их роспуска. Поэтому Керенский вел себя крайне двусмысленно, создавая у многих окружающих, в том числе, вероятно, и у Корнилова, впечатление, будто *«даже Керенский вовсе не противник результатов переворота»*.

Не обошел Маклаков молчанием и объективно провокаторскую роль В.Н. Львова с его «легендарной глупостью», подчеркнув, что никто никогда не узнает, что он точно говорил Корнилову 25 августа от имени Керенского. Кроме того, Маклаков повторил свой тезис о плохой организации корниловского выступления, подчеркнув, что, с военной точки зрения нужно было сначала закончить сосредоточение войск Крымова на ближних подступах к Петрограду, а потом уже объявлять войну Керенскому. «Основная причина всего корниловского дела, — писал он, — лежит, конечно, в том, что громадное большинство правящих людей и групп, не исключая не только Керенского, но даже и разумных социалистов вроде Прокоповича, понимали необходимость крутой перемены и даже необходимость для этой перемены быть в союзе со здоровой частью армии... Вся "корниловщина" — естественный продукт правовой и политической анархии этого момента, и изображать ее сейчас в виде военного заговора против устанавливающегося демократического строя значит совершенно исказить перспективу».

По справедливому мнению Маклакова, в России тогда не было ни обязательного для всех закона, ни сформированного в соответствии с этим законом правительства, ни ясного понятия о гражданском долге и о том, что является его нарушением. Поэтому в случае победы Корнилова он и его правительство имели бы не меньше прав на власть, чем свергнутое им правительство Керенского. В итоге последний, по словам Маклакова, смотрел на Корнилова так же, как тот смотрел на него, и каждый искренне считал другого, а не себя и заговорщиком, и предателем. Таким образом, Маклаков не стал выступать ни в роли обвинителя Корнилова, хотя и указал на его ошибки и просчеты, ни в роли обвинителя Керенского в лицемерии, неискренности и аморальности ради сохранения своей власти, пытаясь тем самым примирить всю русскую эмиграцию.

Подводя итог, Маклаков признал, что в последние месяцы своего правления Керенский «взялся за ум», стремясь восстановить в России законность, порядок и интересы государства. Но попытка эта была тщетной. Керенский увидел, что массы шли за ним только тогда, когда он разрушал царское прошлое и делал ставку на демократию, но стали отворачиваться от него, когда он заговорил о необходимости умеренности в социальных притязаниях народа, об обязательности жертв со стороны и высших, и низших классов и о продолжении войны. В результате Керенскому не верили ни прежнее господствующее меньшинство, ни массы, считавшие его изменником. «Если бы Керенский соединился с Корниловым... то такой переворот мог бы удался, но кон-

чился бы падением Керенского в пользу более правой реакции, либо очень скоро, под главенством Керенского, потерял бы свои завоевания и приобретения и вернулся бы в прежнее русло...» Так или иначе, заканчивал свой анализ Маклаков, думать, что созывом Учредительного собрания можно было бы спасти Россию от развала — это просто иллюзия. (См.: Там же. Т. 3. С. 341, 345–354.)

⁵⁸ См.: Гребенкин И.Н. Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. Автор статьи справедливо считает, что к концу августа 1917 г. подготовка «заговора» не продвинулась дальше подбора кадров «заговорщиков», а сам Корнилов был довольно неудачным кандидатом на роль организатора подобной акции, причем не на высоте оказалось и ближайшее его окружение. Гребенкин подчеркивает провокационный характер поведения Керенского, но считает, что за спиной Корнилова стояли тщательно законспирированные внутренние и внешние контрреволюционные силы, стремившиеся использовать его для замены действующего премьера более решительным политиком правого толка. По мнению Гребенкина, эта сторона «корниловщины» не прояснена до конца до сих пор. Но в любом случае даже успех Корнилова оказался бы крайне недолговечным и никак не способствовал бы приостановке процесса падения популярности премьера в различных слоях населения России. (С. 115, 116, 121.)

Глава 9

Политическая агония

Этот термин принадлежит Милюкову и был применен им в «Истории Второй русской революции» к сентябрьско-октябрьскому, «послекорниловскому» и самому неудачному периоду в жизни и государственной деятельности Керенского в 1917 г.¹, с чем вполне можно согласиться. Очень скоро выяснилось, что получить признательные показания от главарей путчистов не удастся, убедить их самих и сочувствующих им в антигосударственном характере намерений «корниловцев» — тем менее, а пойти на расправу с Корниловым и его поделщиками Керенский никогда не решится. Точно так же стало ясно, что никаких планов дальнейших демократических преобразований России у команды премьера нет, ее отношения с союзниками по Антанте не складываются, причем дела большевиков опять пошли в гору. В итоге правительство явно начало метаться между «закручиванием гаек» и уступками демократическим силам, что всегда производит на общество плохое впечатление и наталкивает его на мысль о неустойчивости и беспомощности власти.

Нарушив наконец свято исповедовавшийся им прежде принцип «непредрешенства» будущих постановлений Учредительного собрания, Керенский настоял 1 сентября (вторично после июльской неудачи) на официальном объявлении России демократической республикой², которая фактически существовала в стране уже с марта 1917 г. Однако этот акт отнюдь не вылился во всенародный праздник, на что, видимо, надеялся премьер, и был встречен народом без всякого восторга, поскольку мало что меняло в его повседневной жизни.

Вместе с тем в тот же день, 1 сентября, Керенский настоял на том, чтобы «впредь до окончательного формирования кабинета и в связи с чрезвычайными обстоятельствами настоящего момента» была сформирована Директория из пяти министров — его самого, Терещенко, Верховского, Вердеревского и Никитина³. Впервые эта идея возникла еще в дни корниловского путча, и 28 августа данный план даже попал в газеты⁴, но затем, когда власть Керенского зашаталась, создание Директории отложили. Однако после попытки путча и ее крушения настойчивость Керенского все же взяла верх, тем более что теперь он мог быть вполне уверен в послушании своих коллег-«директоров». Деятельность Директории не оставила каких-либо документальных следов, но не надо забывать, что одновременно с ней продолжало ра-

ботать (правда, в неполном составе после отставки ряда министров в конце августа) и Временное правительство⁵, готовившее, в частности, документы, связанные с созывом Учредительного собрания.

5 сентября Керенский, Верховский и Вердеревский, т. е. все новое руководящее военное трио, на несколько дней выехали в Ставку. Поездка эта выглядела вполне закономерной, ибо взаимоотношения правительства и армейской верхушки оставляли желать много лучшего. Сам путч, переход на сторону Корнилова командующего Юго-Западным фронтом Деникина, откровенное сочувствие «корниловцам» Каледина и Алексеева, отказ Лукомского и Клембовского занять место смещенного Главковерха, более осторожная, но тоже в общем прокорниловская позиция командующих Западным и Румынскими фронтами генералов Балужева и Щербачева — все эти факты смыкались для Керенского в одну более чем тревожную цепочку. А сколько скрытых «корниловцев» оставалось еще в офицерском корпусе! Кроме того, налицо был ряд серьезнейших проблем более общего характера: боеспособность армии была невысокой; в ее рядах скопилось много солдат старших возрастов, которых пора было отпустить домой; в серьезную проблему превращалось и снабжение армии продовольствием. Обо всем этом пора было серьезно думать и принимать достаточно радикальные решения, на что в одиночку Керенский решиться, видимо, уже не мог.

По приезде в Могилев новый Верховный потребовал от Алексеева произвести «чистку» Ставки от прокорниловских элементов, но тот отказался сделать это и подал в отставку, порекомендовав Керенскому заменить его 40-летним начальником штаба Западного фронта генералом Н.Н. Духониным⁶. Итогом этой поездки нового руководства вооруженными силами России в Ставку стало датированное 9 сентября извещение «От Временного правительства армии и флоту» за подписями Керенского, Верховского и Вердеревского⁷. Выступление Корнилова квалифицировалось в этом документе как мятеж, вновь подорвавший начавшее было восстанавливаться доверие нижних чинов к своим командирам. Далее там декларировалась необходимость замены всех военачальников, неспособных обеспечить выполнение армией ее задач по защите республики, и тем более явных «корниловцев» верными правительству офицерами и воинскими частями с преданием замешанных в мятеже суду. Подтверждалось, что выборные солдатские и матросские комитеты будут сохранены, но командный состав будет иметь полную свободу действий в сфере оперативного руководства войсками и их обучения. Участникам солдатских самосудов над командным составом Керенский, Верховский и Вердеревский грозили наказанием, а запланированная «чистка» Ставки, естественно, вскоре была проведена.

Но больше всего премьера, а теперь еще по совместительству и Верховного главнокомандующего, занимала, конечно, судьба Корнилова, которого содержали в местной гостинице «Метрополь»⁸. Председатель ЧСК Шабловский сделал Керенскому подробный доклад о ходе следствия, подчеркнув, что бывший Главковерх ни в чем не сознается. Затем 7 сентября прошло совещание премьера с членами ЧСК, где прямо столкнулись две позиции: Керенский подталкивал следователей к принятию решения о предании путчистов военно-революционному суду (с последующим вынесением смертных приговоров, обещая, правда, их не утвердить), а военные юристы настаивали на гражданском суде с участием присяжных и в конце концов добились своего (забегая вперед, скажем, что суд этот так никогда и не состоялся)⁹.

С самими арестованными Керенский встретиться не пожелал и вообще очень долго уклонялся от личной дачи показаний по их делу. Сделал он это лишь 8 октября в Зимнем дворце в бывшей царской библиотеке с окнами на Неву. При этом премьер сидел в весьма неприличной позе, задрал ногу на ногу, и положив их поперек кресла, упираясь в подлокотники спиной и ногами. Беседа проходила в очень нервной обстановке. Керенский давал пространные, но туманные ответы на задаваемые ему вопросы, а когда один из следователей потребовал от него четко сказать по поводу одного из эпизодов дела «да» или «нет», он в очередной раз сорвался на крик. Керенский раздраженно заявил, что в былые времена никто вообще не посмел бы допрашивать главу правительства. После этого допрос прекратили, но даже стенографистка (старая знакомая Керенского) сказала премьеру, что ей стыдно за его поведение¹⁰.

Керенский задним числом уверял общественность, что знал о заговоре Корнилова уже за месяц, если не больше, до путча. Но тогда, естественно, возникал ряд «неудобных» для него вопросов: почему не были заранее приняты превентивные меры, в чем причины растерянности правительства 26–28 августа, почему Керенский так долго терпел Корнилова на посту Главковерха и даже пытался через Савинкова найти с ним общий язык? Эти вопросы задавали тогда многие, но в ответ премьер лишь нервничал и злился.

Кроме того, в сентябре Керенский столкнулся с очень неприятными для себя публично высказанными подозрениями и даже прямыми обвинениями в соучастии в подготовке корниловского путча, высказанными его бывшим другом, редактором газеты «Новая жизнь» Сухановым¹¹ и лидером эсеров Черновым¹². Правда, их обвинения как бы повисли тогда в воздухе, но, безусловно, получили общественный резонанс и изрядно испортили настроение премьера. К счастью для Керенского, он не знал тогда, что напишет после путча о нем в своем

дневнике некогда искренне восхищавшаяся им Зинаида Гиппиус¹³, контакты с которой у него вдруг оборвались. Не радовала премьера и регенерация большевизма, который в июльские дни, казалось, сошел с российской политической сцены. Правда, Ленин по-прежнему находился «в бегах», но Троцкий (а он теперь примкнул к большевикам и быстро становился второй после Ленина фигурой в этой ультра-радикальной партии) после своего под залог освобождения из тюрьмы 4 сентября уже 25 сентября сменил Чхеидзе на посту председателя Петросовета, причем и весь этот влиятельный орган стал с того времени пробольшевистским. 9 сентября была освобождена из-под домашнего ареста большевичка Александра Коллонтай. Все это свидетельствовало о том, что большевизм на глазах возрождается, как сказочная птица Феникс из пепла, а Временное правительство вынуждено принимать все это уже просто как некую данность.

Отголоски и призраки корниловского путча преследовали Керенского и дальше. 14 сентября в столичном Александринском драматическом театре открылось то самое Демократическое совещание, созвать которое ВЦИК Советов предложил еще в последние дни августа, когда премьерское кресло под премьером впервые ошутимо зашаталось. Весь антураж этого форума призван был еще раз напомнить участникам о связи российской демократии с Февральской революцией. Если во время августовского Государственного совещания в Большом театре в Москве тон задавали позолота ярусов и парадных лож и великолепная хрустальная люстра, то теперь в Александринке в убранстве зала доминировали красные, революционные тона. Красный плюш обивки кресел, бесчисленные красные знамена, покрытый красным кумачом стол президиума, красная трибуна — все это создавало приподнятое, праздничное настроение в ожидании каких-то радикальных демократических перемен.

Состав участников Совещания был достаточно пестрым: приглашения на него получили городские думы, земства, кооперативы, профсоюзы, фабзавкомы, но среди почти 1600 делегатов абсолютно преобладали социалисты — главенствовали эсеры (532) и меньшевики (172), у большевиков было 136 мандатов¹⁴. Были на Совещании и явные кадеты, и особенно прокадетски настроенные делегаты от городских дум, кооперативов и земств, что предвещало острую борьбу по вопросу о том, создавать ли новое правительство, как и прежде, по принципу коалиции или сделать его однородно-советским, без участия кадетов?

Керенский пришел на открытие Совещания, чтобы приветствовать его от имени правительства. Он снова заработал дежурные аплодисменты, однако его речь сопровождалась несколькими очень симптоматичными скандалами, свидетельствовавшими о значи-

тельном сдвиге так называемого общественного мнения влево. Когда в самом начале своего выступления Керенский самоуверенно и несколько кокетливо заявил, что не начнет его, пока не убедится в отсутствии в зале клеветников, критикующих его поведение в дни «корниловщины» и его «диктаторские замашки», в зале вдруг раздались выкрики: «Есть! Есть!» Получило отпор и заявление премьера о том, что это он «уничтожил» выступление Корнилова: его слова «уточнили» из зала в том смысле, что это сделали демократия и Советы, и Керенскому пришлось с этим согласиться. Кто-то из представителей вооруженных сил напомнил о введении им 12 июля смертной казни в армии, но в ответ на это премьер поспешил уточнить, что как Верховный главнокомандующий он не утвердил еще ни одного смертного приговора.

Чувствуя враждебность значительной части аудитории, Керенский решил свернуть свою речь, заявив в заключение, что он пытался говорить с аудиторией как человек, но поскольку человека в России не всегда понимают, то он скажет теперь от лица власти и тоном власти: «Кто осмелится покушаться на свободу республики, кто осмелится занести нож в спину русской революции, тот узнает власть Временного правительства, правящего доверием всей страны». Эти слова министра-председателя были встречены аплодисментами, но уже не такими бурными, как бывало раньше, и Керенский поспешил сойти с трибуны, галантно поцеловав на ходу руку сидевшей в президиуме известной революционерке-народнице Вере Фигнер¹⁵. И еще один характерный штрих: во время выступления Керенского какой-то солдат протиснулся к трибуне и крикнул прямо в лицо премьеру: «Вы — горе России»¹⁶.

Затем 15 сентября началось обсуждение самого «больного» на тот момент вопроса — вопроса о коалиции. Чернов повел за собой крестьянскую курию, высказавшись за коалицию без кадетов. Против коалиции высказались рабочие и представители Советов, за — земцы и кооператоры. Большевики были за переход власти к Советам, причем Ленин, скрывавшийся в Финляндии, прислал письмо в Петроград, где требовал арестовать «всех мерзавцев», собравшихся в Александринском театре, однако ЦК большевиков такую ультра-радикальную тактику своего вождя тогда не поддержал¹⁷. Меньшевики же в крайне незначительном большинстве были за коалицию, как и эсеры.

19 сентября на итоговом пленарном заседании при голосовании по принципиально важному вопросу о том, как нужно формировать Временное правительство — с участием кадетов или без них, Демократическое совещание оконфузилось. Сначала на голосование был поставлен проект резолюции в целом, и за возможность новой

коалиции (не уточняя, кого и с кем именно) высказались 766, против 688 делегатов, а воздержались 38¹⁸. Таким образом, Керенский вполне мог истолковать результаты этого вотума в пользу своей любимой идеи блока с кадетами. Но затем оказалось, что руководители Совещания «забыли» о двух поправках к проекту, запрещающих создание правительственной коалиции с участием кадетов, а когда эти поправки были наконец проголосованы, то стало ясно, что коалиции с кадетами большинство участников Совещания не хочет. Повторное же итоговое голосование показало, что запутавшиеся делегаты выступают уже вообще против (по разным причинам) всякой коалиции вообще¹⁹. В результате возник тупик, выход из которого поручили искать президиуму Совещания, пополненному по такому экстремному случаю представителями его партийных фракций²⁰.

Но тут уже Керенский показал, что реальная власть пока находится все-таки в его руках и он знает, как распутывать такие ситуации. 20 сентября министр-председатель заявил, что больше доверяет результатам первоначального голосования в пользу создания коалиционного правительства, а в однородный социалистическо-советский кабинет он лично даже не войдет²¹. Это был настоящий ультиматум разгневанного премьера, решившего говорить с «товарищами демократами» не с демократических позиций, а с позиций грубой силы. В итоге решение вопроса о власти, ради чего, собственно говоря, и собиралось Демократическое совещание, было передано сконструированному на нем на пропорциональной основе из всех групп и фракций его участников Предпарламенту (Временному совету Российской республики) в составе 313 человек (по 15 % от численности каждой фракции и группы Совещания)²².

В итоге Керенский решил формировать новый кабинет по собственному усмотрению, и к вечеру 25 сентября закончил эту работу, еще раз продемонстрировав свою приверженность идее коалиции, отвергнутой Демократическим совещанием. Состав третьего по счету коалиционного Временного правительства выглядел так: министр-председатель и Верховный главнокомандующий — А.Ф. Керенский (теперь он уже не объявлял себя эсером), заместитель министра-председателя и министр торговли и промышленности — А.И. Коновалов (кадет), министры: иностранных дел М.И. Терещенко (беспартийный), военный — А.И. Верховский, морской — Д.Н. Вердеревский (оба беспартийные), внутренних дел — А.М. Никитин (бывший меньшевик, которому ЦК этой партии предложил покинуть в конце сентября ее ряды за отказ поддержать забастовку железнодорожников), труда — К.А. Гвоздев (меньшевик), юстиции — П.Н. Малянтович (меньшевик), продовольствия — С.Н. Прокопович (внефракционный социал-демократ), финансов — профессор М.В. Бернацкий (радикал-

демократ), народного просвещения — профессор С.С. Салазкин (беспартийный), государственного призрения — Н.М. Кишкин (кадет), гос. контроля — С.А. Смирнов (кадет), исповеданий — А.В. Карташев (кадет), путей сообщения — А.В. Ливеровский (беспартийный), председатель Экономического совета при правительстве — С.Н. Третьяков (беспартийный). Через неделю министром земледелия был назначен С.Л. Маслов (эсер). Таким образом, в этом последнем и самом слабом в деловом отношении составе Временного правительства было 5 социалистов, 4 кадет и 7 беспартийных — факт знаменательный!

Как и положено, последний состав Временного правительства выступил с официальной декларацией. Ее лейтмотивом были торжественные обещания подготовить день в день открытие Учредительного собрания, а до этого проводить «действенную внешнюю политику», направленную на достижение всеобщего мира, исключая насилия с чьей бы то ни было стороны; добиваться подъема воинской дисциплины и боеспособности армии, а также проводить меры по государственному регулированию народного хозяйства (твердые цены на основные промышленные товары), изменить систему налогообложения (в частности, ввести налог на предметы роскоши). Национальным меньшинствам было обещано реальное обеспечение в местах постоянного проживания права пользоваться родным языком в школе, суде, органах местного самоуправления и при контактах с местными органами государственной власти. В заключение населению сообщалось о скором создании Временного совета Российской республики (Предпарламента)²³.

Сам Керенский находился в то время в очень плохой физической форме: утренняя депрессия сменялась к вечеру судорожной активностью, жаждой деятельности и встреч с разными людьми. При этом большинство начатых дел оставались незаконченными. Шли слухи о наркозависимости премьера. Изменился он и внешне: потухшие глаза, опухшее лицо... Между тем уже на следующий день, 26 сентября Керенского ожидала незапланированная встреча с послами стран Антанты Бьюкененом, французом Нулансом и итальянцем Карлотти²⁴. Вместе с премьером их принимали Коновалов и Терещенко, переводивший речь дуайена дипломатического корпуса в Петрограде Бьюкенена. Тот поздравил Керенского с завершением формирования нового состава правительства, а затем в недопустимой для дипломата форме стал внушать премьеру, что его правительство должно поддерживать строгий порядок в стране, обеспечить подъем промышленного производства и нормальную работу транспорта, восстановить дисциплину в армии. Послы заявили, что последние события в России (корниловский путч) внушают опасения, способна ли она продолжать войну, и поэтому общественное мнение трех союзных стран мо-

жет потребовать от своих правительств отчет о результатах материальной помощи российскому партнеру. А это означало, что поставки оружия могут быть ограничены, а кредиты заморожены.

Позже Керенский вспоминал: «Я был искренне возмущен таким ультиматумом союзников о восстановлении порядка, подорванного безумными действиями Корнилова... Внутри меня бушевала ярость. Я испытывал страшное искушение принять ноту и опубликовать ее вместе с комментарием о том, кто, когда и каким образом помогал Корнилову. Но такой шаг означал бы конец нашего союза и вынудил бы выставить охрану вокруг всех союзных посольств. И я заставил себя сохранять спокойствие». В итоге премьер предложил послам считать, что их ноты как бы не было, и не публиковать ее ни в России, ни в трех союзных столицах. Это предложение и было принято, хотя послы удалились не в лучшем расположении духа. Керенский также сказал им, что нынешнее тяжелое положение России в значительной мере обусловлено тем наследием, которое новая, демократическая Россия получила от России царской. Он обратил внимание и на то, что союзники не всегда обеспечивают своевременные поставки военного снаряжения для русской армии, и в заключение счел своим долгом напомнить послам, что Россия все же является великой мировой державой²⁵.

Терещенко дал указание российским послам в Англии, Франции, Италии и США сообщить о случившемся министрам иностранных дел соответствующих стран, что и было сделано, причем американскому госсекретарю Р. Лансингу была выражена благодарность за то, что посол США в России не принял участия в демарше трех своих западных коллег. В конце концов британский и итальянский послы получили указания из своих столиц извиниться перед Россией за акцию 26 сентября, а французский — нет²⁶.

5 октября через британского разведчика, будущего известного писателя С. Мозма, Керенский передал премьеру Великобритании Д. Ллойд Джорджу устное личное послание. Он жаловался на враждебность английской печати к России, настаивал на расширении британских поставок оружия и просил заверить премьера Ллойд Джорджа, что несмотря на предстоящее сокращение русской армии, западные союзники могут рассчитывать на ее помощь во время своего наступления на Западном фронте в 1918 г. Кроме того, Керенский просил заменить Бьюкенена другим послом типа француза А. Тома, а также предложить немцам мир без аннексий и контрибуций, который, по мнению русского премьера, наверняка будет ими отвергнут, но зато даст ему возможность уговорить русских солдат сражаться предстоящей зимой с врагом²⁷.

Заканчивая этот сюжет, нельзя не сказать, что в конце сентября — начале октября немцы провели крупную военно-морскую операцию «Альбион» в районе Моонзундских островов в Балтийском море. В ходе ее ими были захвачены острова Эзель, Моон и Даго. И германская, и русская эскадры понесли немалые потери, в частности моряки-балтийцы потеряли крейсер «Слава» и миноносец, но стоявшая неподалеку английская эскадра не пришла при этом на помощь русским морякам, так что стало очевидно: на помощь союзников России надеяться не приходится.

Октябрь 1917 г. стал для Керенского последним месяцем его правления в стране. Он постоянно недомогал, а в начале октября даже слег в постель. За весь этот месяц отмечен лишь один случай его присутствия на заседании Временного правительства — 17 октября. Тем не менее 7 октября Керенский лично открыл первое заседание Предпарламента — Временного совета Российской республики в Мариинском дворце²⁸. Он сделал краткий обзор положения на фронте, внутренней и международной ситуации и выразил надежду, что благодаря новому совещательному органу правительство станет теперь ближе к народу. Премьер подчеркнул, что от всех россиян как никогда прежде требуются ныне жертвы, порядок и труд, закончив речь встреченной аплодисментами патетической фразой: «Все здесь братья, и один без другого погибнет в неравном бою» и призывом к членам Предпарламента сказать правительству «по чести и по совести» всю правду о положении дел в стране²⁹.

Но героем дня стал новый председатель Петросовета большевик Троцкий, обвинивший Временное правительство в проведении контрреволюционной политики и назвавший кабинет Керенского «правительством народной измены», а сам Предпарламент — совершенно безвластным бесправным учреждением. В конце его речи прозвучали четкие и ясные призывы: немедленный честный демократический мир, власть — Советам, земля — народу, немедленный созыв Учредительного собрания. После этого большевики покинули зал театра под крики: «Мерзавцы! Идите в свои запломбированные немецкие вагоны!» Большевикам кричали: «Счастливого пути», а они отвечали: «Еще увидимся».

Между тем, скорее всего, в тот же день — 7 октября Ленин тайно вернулся в Петроград, а 10 октября состоялось заседание ЦК РСДРП(б), принявшее решение о подготовке антиправительственного восстания, подтвержденное затем на заседании 16 октября. Против этого решения были только два члена ЦК большевиков Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев (18 октября первый из них в газете «Новая жизнь» более чем прозрачно открыто намекнул на подготовку большевиками

восстания и на наличие разногласий по этому вопросу внутри большевистской верхушки)³⁰.

Второе заседание Предпарламента состоялось 10 октября и было посвящено состоянию обороны страны. Военный министр Верховский, явно не оправдывавший тех надежд, которые месяц назад возлагал на него Керенский, заявил, что в армии после «корниловщины» выросла настоящая пропасть между солдатами и офицерами, которым не очень понятны цели затянувшейся войны. Верховский доложил Предпарламенту о предстоящих в вооруженных силах реформах: сокращении их численности за счет увольнения военнотружущих старших возрастов, прибавке денежного довольствия офицерам, введении института штрафных полков, упорядочении работы дисциплинарных судов и т. д. В конце своего выступления министр потребовал, чтобы к «анархической преступной толпе» применялось оружие и притом применялось, «не задумываясь и не стесняясь».

Выступил на заседании и Керенский, считавший программу Верховского слишком радикальной. Он подчеркнул, что армия не должна защищать интересы только имущих классов, а должна служить всему народу и государству в целом, охранять завоевания революции, честь, независимость и свободу России. Защищал, в частности, Керенский и армейские комитеты, поскольку они служат буфером между офицерами и солдатами, накопившими друг к другу слишком много ненависти и старых обид, и которых просто нельзя поэтому оставлять «с глазу на глаз». Мира, по его словам, можно будет добиться только тогда, когда у России вновь будет сильная армия. Премьер признал, что «корниловщина» сорвала наметившуюся было совместную работу командиров, комитетов и правительственных комиссаров и вновь повергла вооруженные силы в состояние того хаоса, который был в них в конце апреля — начале мая, т. е. до того момента, когда он стал военным и морским министром. В заключение Верховный главнокомандующий призвал хотя бы на месяц забыть партийную и классовую рознь и помогать армии и ее укреплению. Только тогда, по его мнению, «мы вернемся на мировую сцену с влиятельным и решительным голосом и скажем: “Мы имеем силу и мы кончаем эту войну!”»³¹.

Слушавший это выступление премьера Суханов, вспоминал, что Керенский «кланялся и направо, и налево, играл в демократизм и патриотизм, очень угодил большинству, но не сказал ничего членораздельного»³². Показателем разнородности состава Предпарламента стал и тот факт, что ни один из предложенных на заседании вариантов проекта итоговой резолюции по докладу Верховского не набрал при голосовании необходимого числа голосов.

13 октября Предпарламент собрался вновь по тому же самому поводу, и Керенскому пришлось потратить немало сил, чтобы создать

у слушателей иллюзию какого-то улучшения ситуации на фронте. В связи с распространением слухов о возможности сдачи Петрограда немцам и скором переезде правительства в Москву он заверил членов Предпарламента, что Учредительное собрание сможет спокойно работать в столице всю зиму 1917–1918 гг. Как мог, ответил премьер и на слухи о предстоящем большевистском восстании, якобы приуроченном к 20 октября, когда должен был открыться II съезд Советов. Он заверил, что никаких оснований для паники нет и что «всякая попытка противопоставить воле большинства и Временного правительства насилие меньшинства встретит достаточное противодействие». С нескрываемой тоской и даже с каким-то чувством обреченности Керенский сказал: «Я человек обреченный, мне уже безразлично, и смею сказать: это совершенно невероятная провокация, которая сейчас готовится в городе большевиками... Нет сейчас более опасного врага революции, демократии и всех завоеваний свободы, чем те, которые под видом демократических лозунгов, под видом углубления революции... развращают и, кажется, развратили уже массы до того, что они перестали отличать борьбу с властью от погромов...»³³

14 октября Керенский вновь уехал в Ставку, а через два дня, 17 октября, по его возвращении в Петроград, Временное правительство собралось наконец, чтобы обсудить только один, но зато самый важный, по общему мнению, в тот момент вопрос — «Большевики» с докладом Кишкина. При этом обсуждался уже и план конкретных превентивных действий власти в этой драматичной и тревожной обстановке. Кишкин, Терещенко, Гвоздев, Салазкин, Третьяков и другие министры требовали отказаться от выжидательной позиции. Их настроение в лаконичной, красочной форме выразил Третьяков, сказавший: «Больше так продолжать нельзя, сидеть в дураках больше нельзя», а Терещенко и Малянтович даже полагали, что можно самим вызвать солдат, находящихся в Петрограде, на преждевременное восстание и подавить его. Лишь Верховский и Прокопович предлагали подождать начала большевистского выступления, т. к. у правительства реальной силы для обуздания ленинцев нет (военный министр сказал об этом без обиняков и попросил о своей отставке).

Предлагалось, в частности, закрыть большевистские газеты, призывающие к восстанию, разгонять массовые митинги, на которых тон задают большевики, особенно в цирке «Модерн», возбудить против сторонников Ленина уголовное преследование, наконец ввести в Петрограде военное положение и назначить персонального диктатора. При этом Никитин заявил, что Керенскому поручать такую роль нельзя, на что премьер немедленно отреагировал так: «Выступление (правительства. — С.Т.) должно быть в руках политических. Должен быть даже штатский, пользующийся широким доверием,

а Полковников (в сентябре–октябре — командующий столичным военным округом, предложенный на роль диктатора Никитиным. — *С.Т.*) ему подчинен и исполнитель приказаний». Характерно, однако, что Керенский на этот раз свою кандидатуру уже не предлагал. На этом заседании и закончилось, причем Гвоздеву было дано поручение попробовать либо вообще отменить через ВЦИК намеченный на 20 октября съезд Советов, или хотя бы отодвинуть срок его открытия на более позднюю дату³⁴.

На следующий день попытка Верховского получить отставку с поста военного министра получила продолжение на заседании ЦК кадетской партии, но опять окончилась безрезультатно³⁵. Наконец 20 октября Верховский выступил в Мариинском дворце на заседании двух комиссий Предпарламента — по обороне и по иностранным делам и прямо предложил сократить численность армии с 10 до 7 млн человек путем демобилизации военнослужащих старше 40 лет при усилении борьбы с дезертирами и погромщиками в тылу. Второе его предложение сводилось к тому, чтобы безотлагательно начать переговоры о заключении сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией, поскольку, как прямо сказал Верховский, «мы не можем сражаться». Сообщение об этом попало в печать, и в результате опубликовавшая его газета была закрыта, а самому министру предложили уйти в «отпуск по состоянию здоровья». 22 октября Верховский сдал должность товарищу министра Маниковскому и покинул Петроград³⁶.

Примерно в это же время, за 4–6 дней до победы большевиков, Набоков спросил у Керенского, как он относится к возможности большевистского выступления, о котором все тогда говорили. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло», — ответил тот. «А уверены ли вы, что сможете с ним справиться?» — продолжал Набоков. И получил в ответ: «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены»³⁷. Эпизод поразительный и совсем в стиле прежнего Керенского, каким он был до «корниловщины». Но теперь это было только смешно.

Следующая вспышка активности произошла у Керенского только поздно вечером 23 октября, когда он вдруг преобразился и, находясь опять в Штабе округа (теперь он казался ему самым безопасным местом в Петрограде), потребовал арестовать большевистский ВРК (правда, его тут же уговорили повременить с этой мерой), закрыть две большевистские и две правые газеты. Ночью он лично отправился в штаб столичного военного округа на Дворцовой площади, откуда направил телеграммы в военные училища и школы прапорщиков, расположенные в Петрограде и его окрестностях, с приказом выступить на защиту Временного правительства.

А утром 24 октября после бессонной ночи Керенский в последний раз выступил в Предпарламенте. Бледный, возбужденный, с воспаленными от бессонницы глазами, он неожиданно произнес длинную речь, сделав в ней упор на доказательство намерения большевиков совершить государственный переворот и цитируя при этом их газету «Рабочий путь» и «фельетоны государственного преступника Ульянова-Ленина». Со своей стороны, Временное правительство, по словам премьера, готовясь к Учредительному собранию, обсуждает вопрос о передаче крестьянам земли и отправляет в Париж на межсоюзническую конференцию делегацию, которая поставит перед странами Антанты вопрос о мерах, направленных на прекращение войны³⁸.

Премьер заверил членов Предпарламента, что предприняты все необходимые меры для борьбы с «изменниками Родине и Революции» и отдан приказ об аресте «государственного преступника Ульянова». Керенский признал, однако, что «часть населения Петербурга находится в *состоянии восстания*... Правительство, и я в том числе, предпочитает быть убитым и уничтоженным, но жизнь, честь и независимость государства не предаст».

Речь Керенского была настоящим криком отчаяния человека, загнанного на край пропасти. В заключение он попросил у Предпарламента поддержки: «Я прошу от имени страны, я требую, чтобы сегодня же, в этом дневном заседании Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания!», — закончил Керенский³⁹. Ответом ему была овация, от участия в которой воздержались только меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и левые эсеры.

Именно после этого заседания состоялась и неожиданная последняя встреча двух бывших друзей, а теперь — политических антиподов Керенского и Суханова, причем последний почти ежедневно шельмовал премьера на страницах своей «Новой жизни». И все же Керенский молча и с мрачным видом протянул Суханову руку... Больше они уже не видели друг друга никогда. А утром того же дня Керенский встретился еще с одним старым приятелем — В.Б. Станкевичем, который был недавно назначен комиссаром Временного правительства при Ставке, и со странной улыбкой сказал ему: «А у нас тут вооруженное восстание». В ответ тот только рассмеялся, т. к. не заметил на петроградских улицах ничего необычного. Но это впечатление оказалось ошибочным.

Попросив у Предпарламента поддержки, премьер опять направился в Штаб столичного военного округа, откуда попытался руководить действиями оставшихся верными ему юнкеров. Они заняли основ-

ные мосты через Неву и начали их разводить, взяли под контроль электростанцию, вокзалы, правительственные учреждения. Но это был лишь временный и призрачный успех. А тем временем Предпарламент никак не мог договориться о том, что же ответить Керенскому? Вечером, после заседаний партийных фракций, его члены собрались вновь, но теперь меньшевики и эсеры были уже против премьера: осудив действия большевиков, они тем не менее обвинили само Временное правительство в том, что оно довело страну до такого страшного кризиса. В итоге за доверие правительство высказались 102, воздержались — 26, а против оказались 123 «предпарламентария»⁴⁰. Они потребовали от Керенского немедленно объявить о начале мирных переговоров, передаче всей помещичьей земли в ведение земельных комитетов и о создании, наряду с Временным правительством, Комитета общественного спасения.

С этим в 23 часа 24 октября Дан, Авксентьев и Гоц пришли в Зимний и ознакомили премьера с резолюцией Предпарламента. В ответ они услышали, что Керенский слагает с себя полномочия министра-председателя и передает власть председателю Предпарламента Авксентьеву. Правда, несколько успокоившись, он взял это свое решительное заявление обратно, но добавил, что возглавляемый им кабинет министров не нуждается в наставлениях и «сам справится с восстанием»⁴¹.

Почти бессонную ночь с 24 на 25 октября Керенский вместе с Коноваловым опять провели в Штабе округа на Дворцовой в безрезультатных телефонных переговорах с воинскими частями, казаками и организациями, которые еще могли бы оказать поддержку правительству. Затем премьер вернулся в Зимний, попробовал собрать разбросанные бумаги, около часа, не раздеваясь, полежал в полусне на диване и, разбуженный адъютантом, вновь пошел в Штаб округа. На столе остался раскрытый томик Чехова и недопитый стакан чая в серебряном подстаканнике. Видимо, Керенский рассчитывал опять вернуться во дворец, но ошибся...

К этому времени большевики уже захватили Главпочтамт, телефонную станцию, Госбанк, вокзалы. В Штабе округа не было уже никакой охраны. Чувствовалось, что на смену одной эпохе идет другая. Утром Керенский спонтанно принял решение немедленно лично выехать навстречу войскам Северного фронта, вызванным на защиту Петрограда и находившимся, как ему ошибочно думалось, в пути. Запущенная позже большевиками в средствах массовой информации для дискредитации бывшего премьера версия, согласно которой он якобы бежал из столицы в женском платье, не имела под собой никакой почвы. Керенский уезжал в сером драповом пальто, на собственном роскошном автомобиле иностранной марки в сопровождении

второй машины с американским флажком на радиаторе, которую на время одолжило его адъютанту посольство США. В ней разместились пять человек, включая двух адъютантов Керенского. Провожали его Коновалов, Малянтович и Кишкин⁴².

Обе машины беспрепятственно покинули Петроград и взяли курс на Гатчину, а затем на Лугу. Однако никаких войск, направляющихся в Петроград, Керенский так и не встретил. Ему и в голову не приходило, что его давний недоброжелатель командующий Северным фронтом, генерал Черемисов отменил его приказ⁴³. Поэтому, добравшись поздно вечером 25 октября до Пскова и встретив там своего шурина Барановского и комиссара Северного фронта меньшевика В.С. Войтинского, Керенский первым делом подписал приказ Верховного главнокомандующего по армии за № 3141, в котором говорилось: «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели, требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым; для выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания в настоящее время впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнять свой долг перед истерзанной Родиной. Нужно помнить, что малейшее нарушение существующей организации армии может повлечь непоправимые бедствия, открыв фронт для нового удара противника. Поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность армии, поддерживать полный порядок, охраняя армию от новых потрясений и не колебать взаимное полное доверие между начальниками и подчиненными. Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного главнокомандующего впредь до изъяснения воли Временного правительства Республики. Приказ прочесть во всех ротках, командах, сотнях, эскадронах и батареях, на судах и во всех строевых командах. А. Керенский»⁴⁴.

Однако выполнять этот приказ уже мифического Верховного главнокомандующего никто не собирался. Поставив крест на Черемисове, Керенский с помощью Барановского и Войтинского связался с генералом П.Н. Красновым⁴⁵, в распоряжении которого было несколько казачьих сотен, и 26 октября направил его части к Петрограду. 28 октября они были уже в Царском Селе, но Керенский быстро убедился в их ненадежности. Казаки смотрели на бывшего премьера с недоверием и плохо скрытой враждебностью и больше всего хотели домой, на Дон. Особенно больно кольнул Керенского случай, когда один из красновских офицеров откровенно отказался пожать ему руку, коротко объяснив: «Я корниловец»⁴⁶.

Не оправдались надежды Керенского и на столичных юнкеров, которые под руководством Комитета спасения Родины и революции⁴⁷ должны были поднять восстание в Петрограде. Оно действительно началось 29 октября, но к вечеру того же дня было подавлено большевиками. На следующий день казаки Краснова в бою под Пулковом не смогли одолеть красные части и были отведены в Гатчину, где находился Керенский. К нему приезжали туда Чернов, Савинков⁴⁸, Войтинский, Станкевич, один из лидеров Всероссийского железнодорожного союза (Викжеля) В.А. Плансон и др., дававшие бывшему премьеру самые противоречивые советы: вступить в переговоры с большевиками, начатые Викжелем, пробираться в могилевскую Ставку и собирать там еще верные ему и антисоветски настроенные войска и т. д. Керенский был полностью деморализован, практически бездействовал и держался на одних транквилизаторах. Надежды на красновских казаков больше не было, и когда 1 ноября избранный на II съезде Советов одним из руководителей вооруженных сил новой Советской России большевик П.Е. Дыбенко вместе с отрядом матросов появился в Гатчине, чтобы договориться с казаками о выдаче ими Керенского⁴⁹, последний понял, что его игра проиграна. Сначала он хотел даже покончить жизнь самоубийством⁵⁰, но потом, воспользовавшись царившей в Гатчинском дворце суматохой, сумел бежать от туда, переодевшись простым матросом.

Перед этим он передал свой премьерский пост в распоряжение подпольного Временного правительства⁵¹ и стал сугубо частным лицом, находящимся на нелегальном положении, поскольку II Всероссийский съезд Советов еще 26 октября принял постановление о его аресте. Сначала больше двух месяцев изменивший свою внешность Керенский (он отпустил бороду) скрывался в глухих районах северо-запада России. 40 дней он провел в маленьком лесном домике супругов Болотовых — у родственников того самого матроса Вани, который помог ему бежать из Гатчины, а позже и установить связь с Петроградом.

8 и 9 ноября Керенскому тайно привезли из столицы свежие номера «Новой жизни» Горького–Суханова и левозеро-вского «Дела народа». Там были прямые обвинения в адрес Ленина и Троцкого (их теперь обычно упоминали вместе) в авантюризме и псевдореволюционном фанатизме, ведущем к анархии и гибели пролетариата и революции. Накануне выборов в Учредительное собрание «Дело народа» задавало большевикам вопросы: где свобода слова, где свобода печати, где неприкосновенность личности, без которых невозможны подлинно демократические выборы? Эти материалы побудили бывшего премьера обратиться ко всем россиянам с открытым письмом,

попавшим 22 ноября на страницы «Дела народа». В нем, в частности, говорилось:

«Опомнитесь! Разве вы не видите, что они (большевики. — С.Т.) воспользовались простотой вашей и бесстыдно обманули вас?.. Все лицо земли русской залито братской кровью, вас сделали убийцами, опричниками... Вам обещали хлеб, а страшный голод уже начинает свое царство, и дети ваши скоро поймут, кто губит их... Шайка безумцев, проходимцев и предателей душит свободу, предает революцию, губит Родину нашу. Опомнитесь все, у кого еще осталась совесть, кто еще остался человеком! Будьте гражданами, не добивайте собственными руками Родины и революции, за которую восемь месяцев боролись! Оставьте безумцев и предателей! Вернитесь к народу, вернитесь на службу Родине и революции!

Это говорю вам я — Керенский. Керенский, которого вожди ваши ославили “контрреволюционером” и “корниловцем”, но которого “корниловцы” хотели предать в руки дезертира Дыбенко и тем, кто был с ним. Восемь месяцев, по воле революции и демократии, я охранял свободу народа и будущее счастье трудящихся масс. Я вместе с лучшими привел вас к дверям Учредительного собрания. Только теперь, когда в России царствуют насилие и ужас ленинского произвола — его с Троцким диктатура, — только теперь и слепым стало ясно, что в то время, когда я был у власти, была действительно свобода и действительно правила демократия, уважая свободу каждого, отстаивая равенство всех и стремясь к братству трудящихся.

Опомнитесь же, а то будет слишком поздно и погибнет государство наше. Голод и безработица разрушат счастье семей ваших, и снова вы вернетесь под ярмо рабства. Опомнитесь же!»⁵²

Это было последнее обращение Керенского к россиянам. Но его надежды на то, что сограждане опомнятся и очнутся, не оправдались. Абсолютное большинство из них даже не узнали об этом обращении своего бывшего лидера, а те, кто узнал, либо не смогли, либо не захотели откликнуться на него. Игра Керенского была безнадежно проиграна.

После домика Болотовых экс-премьер нашел пристанище в полностью отрезанном от внешнего мира лесном новгородском поместье богатого лесопромышленника З. Беленького, потом перебрался в психиатрическую больницу на окраине Новгорода, а затем в охотничий домик около Бологого. Ко времени открытия Учредительного собрания Керенский 1 января 1918 г. тайно приехал в Петроград, собираясь выступить перед его депутатами с речью об итогах работы Временного правительства. Но и этот его план провалился⁵³.

После разгона Учредительного собрания Керенский в январе — начале марта 1918 г. жил сначала в Финляндии, а затем снова

в Петрограде и Москве, откуда в июне 1918 г. на английском военном корабле с подложными сербскими документами прибыл в Англию для переговоров с Ллойд Джорджем об усилении вооруженной помощи западных держав в ликвидации советской власти⁵⁴. Однако делать ставку на Керенского Запад уже не захотел.

В эмиграции Керенский провел более 50 лет (в 1918–1920 гг. он жил в Англии, в 1920–1940 гг. — в Париже, с 1940 г. до конца жизни — в США). Он пытался активно участвовать в общественно-политической жизни российской эмиграции, но она отнеслась к нему в целом достаточно неприязненно. Керенский писал мемуары, читал лекции, издавал собственные газету и позже еженедельник «Дни» (1922–1933 гг.) и еженедельник «Новая Россия» (1936 г.), сумев привлечь к сотрудничеству лучшие литературные силы старой России, бежавшие в эмиграцию, — Гиппиус, Мережковского, Бальмонта, Бунина и др. Вел Керенский и преподавательскую работу в университетах США и Европы, где читал курсы лекций по истории России. Увековечил он себя и изданием в 1961 г. в США трехтомника документов Временного правительства, которым историки всего мира пользуются и до сих пор.

Как политик Керенский в те годы уже мало кого интересовал. Он стойко ненавидел не только большевиков и советскую власть, но и остатки русских монархистов и белогвардейцев. Однако после нападения Гитлера на СССР Керенский призвал всех эмигрантов из России «поставить крест над вчерашним днем» и поддержать СССР, отстаивающий свое существование как независимого государства. Он даже зондировал возможность своего приезда в Москву для встречи со Сталиным, но ответа не получил⁵⁵. А в 1960-е гг. бывший глава Временного правительства уже сам отказался побывать на родине, т. к. каяться и отречься от своего прошлого он не захотел. Умер совершенно ослепший Керенский в 1970 г. в возрасте 89 лет в Нью-Йорке, а похоронен в Лондоне, где жила еще тогда его первая жена О.Л. Керенская-Барановская.

---

¹ См.: Милюков П.Н. Указ. соч. С. 113, 435.

² Вскоре, 6 октября, прекратила наконец свое существование и IV Государственная дума. Что касается Государственного совета, то он был упразднен в конце декабря 1917 г.

³ Журналы заседаний Временного правительства. М., 2004. Т. 4. С. 266. Меньшевик А.М. Никитин был министром почт и телеграфов, а позже, с 23 сентября — и министром внутренних дел. Само появление Директории, существовавшей с 1 по 25 сентября и имевшей своим прототипом Директорию времен Великой французской революции (1795–1799), свидетельствовало о явном угасании демократического по-

тенциала российской власти, возникшей весной 1917 г. Директория в России служила лишь прикрытием для личной власти, а точнее безвластия Керенского.

⁴ Тогда планировалось включить в состав Директории Керенского, Некрасова, Терещенко и Савинкова. Однако Некрасов и Савинков вскоре выпали из доверенной «обоймы» Керенского как «ненадежные», а Терещенко, отношение к которому министра-председателя тоже стало гораздо более прохладным, чем прежде, поскольку тот посмел усомниться в дни путча в незыблемости прав своего патрона и «брата-масона» на правительственный «престол», был все же прощен. В отличие от Некрасова, «сосланного» из Петрограда в Финляндию в качестве генерал-губернатора, Терещенко был сохранен в сентябре–октябре в правительстве как руководитель МИД и даже на короткое время (первые две декады сентября) являлся заместителем министра-председателя, часто выезжавшего в Ставку.

⁵ В работе правительства участвовали в тот период Керенский, Терещенко, Ефремов, Карташев, Никитин, Прокопович, Верховский, Вердеревский и управляющие МВД, МПС, Минфином, Минпросом, Минюстом, Минпродовольствия, Минтруда, Минземледелия. При этом Керенский лично присутствовал только на 6 заседаниях Временного правительства из 10 — 1, 3, 14, 19, 21 и 24 сентября (см.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4). 16 сентября министром финансов был назначен радикальный демократ М.В. Бернацкий, а министром народного просвещения — кадет С.С. Салазкин. 19 сентября министром путей сообщения стал беспартийный А.В. Ливеровский.

⁶ В своем рапорте на имя Верховного главнокомандующего Керенского Алексеев откровенно написал, что сочувствует идее Корнилова воссоздать в России сильную и эффективную власть. Свою миссию по ликвидации конфликта между правительством и Ставкой генерал считал выполненной и не хотел больше насиловать свою совесть выполнением тех задач, осуществление которых, по его мнению, могло принести стране только вред.

⁷ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 10 сентября.

⁸ Позже, в конце сентября в ожидании суда Корнилова вместе с 32 другими арестованными по делу о заговоре перевели в маленький городок Быхов в 50 км от Могилева. Там они не испытывали никаких лишений и вели довольно привольный образ жизни в католическом монастыре. В ноябре, уже после большевистского переворота в Петрограде, воспользовавшись царившей в стране и в армии неразберихой и приказом Духонина об освобождении быховских узников, Корнилов и другие генералы беспрепятственно покинули Быхов и затем приняли участие в Белом движении.

⁹ См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 448.

¹⁰ На допросе в следственной комиссии Керенский вел себя очень нервно и даже вызывающе, уходил от ответов по существу на задаваемые ему вопросы, обрывал членов комиссии, делал им выговоры. По воспоминаниям члена ЧСК Н.П. Украинцева, «прищуренный, с рукой за бортом френча, плюющийся, он кричал о том, что он видит, как хотят его поставить в положение обвиняемого, что он удивляется, как это комиссия не ценит возможности допрашивать главу правительства...» (Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 493).

Характерно, что, получив для прочтения стенограмму своих показаний ЧСК от 8 октября, Керенский не вернул ее, а в 1918 г., скрываясь от ВЧК, опубликовал этот документ (сгладив в нем многие невыгодные для себя моменты) в книге «Дело Корнилова» (она была издана в 1919 г. на английском языке под более красочным названием «Прелюдия к большевизму»). Однако прояснить свою роль в отношениях с Корнило-

вым накануне путча автор так и не захотел, но вынужден был признать, что генерал был искренним патриотом России, хотя его политическая неопытность фактически и сыграла тогда на руку большевизму. Себе Керенский ставил в заслугу то, что он много раз пытался «сдержать» Корнилова «вопреки подстрекательствам коварных врагов свободы или просто политических мошенников», но это ему не удалось (см.: *Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006. С. 7*).

После выхода книги Керенского группа офицеров Ставки собиралась подготовить ответ ему, включив в него материалы членов ЧСК, ряда боевых генералов и офицеров — сподвижников Корнилова и Алексеева, а также некоторых бывших членов Государственной думы. В предисловии предполагалось указать, что Керенский «сознательно извратил истину в деле Корнилова, не имея мужества взять на себя вину за грандиозную ошибку, совершенную одним человеком». Издание этой брошюры в обстановке Гражданской войны оказалось, однако, невозможным. (Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 395–396, 493).

По воспоминаниям полковника Украинцева, никаких действительных доказательств мятежных замыслов Корнилова на момент 26–27 августа Керенский, как свидетельствовали его показания ЧСК, не имел, и только внутреннее осознание им своей неправоты может объяснить его неуклюжее желание срочно собрать прямо 26 августа как можно больше документов-улик против Корнилова. Поведение Керенского на заседании Временного правительства после ареста Львова Украинцев расценил как «наскок» на коллег-министров с целью ошеломить и вырвать у них согласие на передачу ему одному чрезвычайных полномочий для борьбы с Корниловым, а сам этот арест — как стремление убрать опасного для себя свидетеля всего происшедшего. В то же время Украинцев признался, что поведение Керенского во всей этой истории так и осталось для членов ЧСК загадкой (см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 391, 392, 393, 396). Характерное признание юриста-профессионала!

¹¹ См.: Новая жизнь. 1917. 28 сентября.

¹² 3, 10 и 15 сентября в левозероградской газете «Дело народа» были опубликованы статьи Виктора Чернова по итогам корниловского путча. В них критиковалась двусмысленная позиция Савинкова и Керенского накануне и во время выступления Корнилова, поскольку в их действиях действительно было немало внутренних противоречий и непоследовательности. Так, например, Чернов выражал удивление по поводу того, что к ликвидации «корниловщины» был привлечен в качестве главного исполнителя генерал Алексеев — сам убежденный «корниловец». Много загадок своим однопартийцам задали и Савинков с Керенским, которые то работали вместе, то ссорились, то опять мирились, причем Савинков очень долго пытался «свести» Керенского с Корниловым, потом порвал с последним, а затем без всяких объяснений разошелся и с Керенским.

«Что это? — спрашивал Чернов. — Какой злой дух мог подсказать Керенскому такое поведение? Неужели он не понимает, к чему его толкают? Кто окружает Керенского, какой атмосферой он дышит?» Чернов прямо ставил вопрос: не означает ли назначение Алексеева начальником штаба Главковерха поиска худого мира с заговорщиками? Может быть, писал он, после того, как самого Корнилова выдали с головой, теперь начали шадить «корниловцев»?

Надо сказать, что попытки Керенского самооправдаться и, в свою очередь, очернить деятельность Чернова во Временном правительстве, предпринятые премьером в правозероградской газете «Воля народа» 5 сентября, не производили на читателей ожидаемого премьером впечатления. Керенский выбрал для ответа на обвинения в своей

адрес два малозначущих эпизода: 1) свое рукопожатие с командиром «Дикой» дивизии Багратионом во время приема делегации от нее для «покаяния» в участии в путче и 2) тот факт, что генерала Крымова, вызванного к премьеру 31 августа для объяснения своего поведения в связи с путчем, не обыскали и оставили у него револьвер, из которого он в тот же день и застрелился (как будто Крымов не мог бы достать другое оружие, если решил покончить жизнь самоубийством).

Первый эпизод Керенский объяснил тем, что он принимал не лично «корниловца» Багратиона, а целую делегацию от «Дикой» дивизии, с каждым членом которой он поздоровался за руку. Относительно Крымова премьер ответил, что генерал своим поведением в тот день не дал ему никакого повода для производства подобного обыска. О своих же сложных отношениях с Савинковым и Алексеевым Керенский умолчал. Зато он обвинил Чернова в том, что тот неправильно представил случай с неосуществленным намерением Временного правительства уже после июльских событий 1917 г. объявить Россию республикой, поскольку он был всецело за такое решение, но срочный отъезд в Ставку якобы помешал ему проконтролировать его исполнение (?). Со своей стороны, Керенский указал Чернову на то, что, раздув «антиреволюционное» значение его приказа о наказаниях за дезертирство из действующей армии, тот сознательно торпедировал избрание премьера в ЦК ПСР.

В номере «Воли народа» от 15 сентября была опубликована редакционная статья в защиту Керенского, где говорилось, что тот вошел в мировую историю как самое светлое, прекрасное явление и что его дискредитация Черновым наносит вред не только Керенскому, но и всей ПСР. В защиту премьера выступила в «Воле народа» и Брешко-Брешковская. В итоге Чернов вынужден был на время отойти от работы в ЦК ПСР, но его отношения с Керенским от этого, естественно, не улучшились. (См.: *Abraham R. Op. cit.* P. 289–290.)

¹³ Интересно отметить, как изменилось отношение к Керенскому З.Н. Гиппиус. 1 сентября 1917 г. она записала в дневнике: «Ни секунды не была "на стороне Корнилова" (Гиппиус считала, что никакого корниловского «мятежа» вообще не было. — С.Т.). ...Но и на стороне Керенского — рабом большевиков я бы тоже не осталась... Я уже совершенно не верю в полезность каких-либо действий около него (Керенского. — С.Т.). Теперь или ничего не делать, или свергать Керенского». Если уж «валиться в яму», продолжала она, то, пожалуй, лучше без него, чем с ним. «*Керенский — самодержец-безумец и теперь раб большевиков*».

7 сентября Гиппиус добавляет к этому, что одним голым безумием и истерикой действий Керенского не объяснишь, как и заведомой злой хитростью и желанием свалить врага, ибо он «не так хитер и ловок, недалновиден». Страх за себя и свое положение тоже не объясняют до конца сложившуюся ситуацию. «Я решила, — пишет она, — что тут была сложность (сложение. — С.Т.) всех трех импульсов: и безумия, и расчетливого обмана, и страха. Сплелись в один роковой узор и были покрыты тем "керенским вдохновением", когда человек собой уже не владеет и себя не чувствует». (*Гиппиус З.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 557–558, 562.)

¹⁴ См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 201–202.

¹⁵ См.: *Воля народа.* 1917. 15 сентября; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 179–180; *Милюков П.Н.* История Второй русской революции. С. 468.

¹⁶ См.: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 299–300.

¹⁷ Там же. С. 301. ЦК большевиков постановил тогда это письмо Ленина сжечь (см.: *Логинов В.Т.* Указ. соч. С. 387–389).

¹⁸ См.: Известия. 1917. 20 сентября; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 192.

¹⁹ Против коалиции были 813, за — 180, воздержались — 80 делегатов. (Там же.)

²⁰ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 400–402.

²¹ См.: Там же. С. 403.

²² В начале октября 1917 г. его состав был расширен до 555 человек (135 эсеров, 92 меньшевика, 58 большевиков, 30 энесов, 75 кадетов и т. д.). Обсуждать Предпарламент мог только те вопросы и законопроекты, по которым правительство сочтет нужным получить его заключение (см.: *Российский либерализм... Энциклопедия.* С. 758–759).

²³ Вестник Временного правительства. 1917. 26 сентября.

²⁴ Американский посол Фрэнсис достаточно быстро разочаровался в «слабом», но «слишком тщеславном» Керенском, хотя США оказывали его правительству серьезную финансовую помощь в виде кредитов. Поэтому в дни корниловского выступления он считал более предпочтительным, не выступая открыто в пользу генерала, добиваться союза Керенского и Корнилова для борьбы с большевизмом (см.: *Francis D.R.* Op. cit. P. 157).

²⁵ *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 375–376. Добавим, что проявленное весной 1917 г. Бьюкененом восхищение Керенским постепенно сменялось у англичан скепсисом, а ориентация на Керенского — ориентацией на более сильного и еще «не выдохшегося» Корнилова. После провала июньского наступления русских войск Керенский, в свою очередь, выражал недовольство задержками с поставкой Англией России военной техники. Активную и вызывающую антирусскую позицию занимал английский военный представитель в России генерал Нокс, который был вскоре отозван на родину по просьбе русского премьера. В связи с началом корниловского путча официальный Лондон выступал за примирение Керенского и Главковерха и инициировал выступление Бьюкенена с предложением о посредничестве между Керенским и Корниловым, отклоненным русским премьером. (См.: *Колоницкий Б.И.* Британская миссия... С. 69–71.)

²⁶ См.: Там же. С. 72.

²⁷ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 407; *Колоницкий Б.И.* Британская миссия... С. 74; *Сазновский Е.В.* Миссия Сомерсета Мозма в России в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1987. № 5. Мозм выполнил поручение Керенского тогда, когда тот уже перестал быть премьером.

²⁸ Председателем Предпарламента был избран эсер Авксентьев, его заместителями — энес Пешехонов, кадет Набоков и меньшевик В.Н. Крохмаль, а секретарем — эсер М.В. Вишняк. Предпарламент работал в Марининском дворце, где раньше заседало Временное правительство.

²⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 8 октября; См. также: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 235–237.

³⁰ Подробнее см.: *Логинов В.Т.* Указ. соч. С. 426–455.

³¹ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 11 октября.

³² *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 242.

³³ Вестник Временного правительства. 1917. 14 октября; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 244.

³⁴ См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. С. 263–265; Исторический архив. 1960. № 5. С. 83–85; RPG. Vol. III. P. 1733 и след. Открытие II съезда Советов было перенесено на 25 октября.

³⁵ См.: *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 82.

³⁶ См.: Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962. С. 220–230.

В ходе ночного радиотелеграфного разговора Керенского с начальником штаба Главковерха Духониним 22 октября премьер сказал, что «отпуск» Верховского, из которого он уже на работу не вернется, вызван «болезненным утомлением», результатом которого стали его «труднообъяснимые» и «нетактичные» заявления, особенно на секретном заседании комиссий по обороне и по иностранным делам Предпарламента. Мне пришлось взять на себя скорейшую ликвидацию этого инцидента, заявил Керенский, поскольку за него могли ухватиться и правые элементы, и большевики (Архив русской революции. Т. 7. С. 281). Как видим, правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы не предавать это дело широкой огласке. В советское время Верховский с 1919 по 1931 г. служил в Красной армии, а в 1938 г. был расстрелян.

³⁷ *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 36.

³⁸ На конференцию в Париже, намеченную после ряда отсрочек на конец октября 1917 г., предполагалось направить российскую делегацию в составе около 20 человек, включая не только министра иностранных дел Терещенко, но и председателя комиссии по иностранным делам Предпарламента меньшевика Скобелева. 7 октября в «Известиях» была опубликована инструкция последнему от имени ВЦИК Советов. В ней снова провозглашался принцип мира без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение, содержались требования нейтрализации всех морских проливов, а также Суэцкого и Панамского каналов, постепенного всемирного разоружения и создания, в соответствии с пожеланием американского президента В. Вильсона, Лиги мира. Непременным условием заключения мирного договора объявлялся вывод немецких войск из оккупированных районов России, причем были даны гарантии полного самоопределения Польше, Литве и Латвии.

«Наказ» был встречен в стыки Милюковым, продолжавшим настаивать на переходе Черноморских проливов России, а также представителями торгово-промышленных кругов, военной верхушкой и послами стран Антанты в России. Особый протест во Франции и Англии вызывало намерение включить в состав делегации России Скобелева (см.: *Васюков В.С.* Указ. соч. С. 438–462). В итоге 18 октября Скобелев отказался ехать в Париж вместе с Терещенко, а после событий 25 октября вопрос об участии России в межсоюзнической конференции в Париже вообще отпал.

³⁹ См.: *Известия.* 1917. 25 октября; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 308–309.

⁴⁰ См.: Там же. С. 314, 392.

⁴¹ См.: Там же. С. 314–315; *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 421–422; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 2. С. 200; *Дан Ф.И.* К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. М., Л.: 1926. С. 131.

⁴² См.: *Малянтович П.Н.* Указ. соч. С. 192–193. З. Гиппиус еще 8 октября предсказывала, что Керенский в последнюю минуту «ударит молчком», а вечером 25 октября со злорадством констатировала: «улизнул-таки». (См.: *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 577, 589.)

На состоявшемся в тот же день в Гельсингфорсе съезде делегатов Балтфлота большевики провели резолюцию, где говорилось, что нужно требовать от ВЦИК Советов «немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, антиполитического авантюриста Керенского как лица, позорящего и губящего своим бесстыдным политическим поведением в пользу буржуазии великую ре-

волюцию, а также вместе с нею весь революционный народ... Бонапарту-Керенскому, предавшему революцию, шлем проклятия. Долой коалицию — власть Советам во имя Учредительного собрания!» (*Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 262.)

Таков был бесславный финал политической карьеры Керенского.

⁴³ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 423–424.

⁴⁴ Октябрьская революция. Мемуары. М., 1991. С. 413–414.

⁴⁵ Краснов командовал после самоубийства Крымова 3-м конным корпусом и встретился с Керенским в Пскове в ночь с 25 на 26 октября. Он не питал к Керенскому никакого уважения, презирал его «полководческий» дилетантизм и вечное позерство. Тот же попытался разыграть перед Красновым роль уверенного в себе политического вождя, заявив: «Вся армия стоит за мною против этих негодяев (большевиков. — *С.Т.*). Я сам поведу ее, и за мною пойдут все. Там (в Петрограде. — *С.Т.*) никто им не сочувствует» (*Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. С. 150).

Краснов вспоминал, что Керенский, несмотря на свой жалкий вид, попытался произнести перед его казаками речь, пересыпая ее шаблонными клише вроде: «Завоевания революции в опасности», «Русский народ — самый свободный народ в мире», «Революция совершилась без крови, а безумцы-большевики хотят полить ее кровью» и т. д. Однако во время речи Керенского раздавались такие, например, крики слушателей: «Неправда! Большевики не этого хотят!», «Товарищи, вас обманывают!» (Там же. С. 152–153.)

⁴⁶ Там же. С. 154.

⁴⁷ В комитет вошли члены президиума Предпарламента и Комитета безопасности Петроградской городской Думы, ЦК меньшевиков, эсеров, энесов и др.

⁴⁸ В ходе нескольких бесед с Керенским в Гатчине Савинков раскрылся с самой невыгодной для себя стороны, в полной мере показав свой политический и человеческий цинизм. 30 октября он заявил Керенскому, что не разделял и не разделяет его политику и что пребывание бывшего премьера у власти давно кажется ему губительным для России, ибо тот является одним из виновников распада страны и прихода к власти большевиков. Савинков даже предлагал Краснову арестовать Керенского, но генерал не согласился на это, считая такой поступок бесчестным и недостойным солдата. (См.: *Миллюков П.Н.* История Второй русской революции. С. 649.)

⁴⁹ Дыбенко в шутку предлагал казакам обменять «вашего Керенского» на «нашего Ленина» и уговорил их пойти на такую «сделку», что и подтолкнуло Керенского к бегству из Гатчинского дворца. См.: Октябрьская революция. Мемуары. С. 173–174.

⁵⁰ Поскольку у Керенского болела рука, он боялся, что не сможет застрелиться сам, и хотел поручить это своим адъютантам, но в последний момент ему все же удалось бежать из Гатчины в матросской форме и больших темных очках, закрывших лицо бывшего премьера.

⁵¹ В ночь на 26 октября члены Временного правительства были арестованы в Зимнем дворце и доставлены в Петропавловскую крепость. Подпольное Временное правительство состояло из оставшихся на свободе товарищей министров.

⁵² С некоторыми стилистическими разночтениями это обращение было воспроизведено в «Истории Второй русской революции» Миллюкова (с. 328), а затем в мемуарах Керенского «Россия в поворотный момент истории» (с. 437–438). Цитируется мною по мемуарам Керенского.

⁵³ Керенский хотел выступить там 5 января 1918 г. на открытии созванного наконец большевиками Учредительного собрания. Однако ЦК эсеров не разрешил ему

сделать это. Формально такой запрет мотивировался заботой о его безопасности, но главное, видимо, заключалось в том, что, обладая в Учредительном собрании большинством голосов и рассчитывая на избрание своего лидера Чернова его председателем, эсеровское руководство не хотело усложнять ситуацию выступлением Керенского, которое могло обернуться крупным политическим скандалом и усилением нажима новой власти на их партию. К тому же было хорошо известно, что Керенский и Чернов уже давно не находили общего языка.

⁵⁴ Подробнее об эмигрантском периоде в жизни Керенского см.: *Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории.* С. 424–438, 447–469; *Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В.* Указ. соч. С. 151–242; *Федюк В.П.* Указ. соч. С. 351–369; *Abraham R.* Op. cit. P. 317–339.

⁵⁵ *Abraham R.* Op. cit. P. 371; *Новиков Г.Н.* Указ. соч. С. 210–211.

Заключенные Еще раз о феномене Керенского

1917 год стал главным в жизни Керенского, хотя ему довелось прожить после этого еще более полувека. На протяжении одного этого года у него было все — победы и поражения, взлеты и падения, слава и унижение. Сначала Керенский ненадолго стал поистине культовой фигурой, сравниться с которой по популярности, пожалуй, не смог тогда в России ни один политик. Затем началась нисходящая стадия его карьеры, когда одна ошибка следовала за другой, а один провал сменялся другим. Он пережил в 1917 г. очень кратковременный период прижизненной славы, а затем — полного разочарования в нем и презрения. И даже посмертной реабилитации уже в постсоветский период у него тоже не получилось и не получится, видимо, никогда, хотя место в отечественной и всемирной истории XX в. Керенскому обеспечено хотя бы потому, что прочно связано с такими понятиями, как Россия и 1917 год. И этим сказано все.

Профессиональным политиком Александр Керенский — этот молодой (ему был тогда всего 31 с половиной год) адвокат, специализировавшийся на защите в судах участников российского освободительного движения, стал в ноябре 1912 г. Он был избран тогда в IV Государственную думу, войдя в состав ее совсем небольшой (всего 10 из почти 450 депутатов) крестьянской Трудовой группы, возникшей еще в 1906 г., причем ее членов называли просто трудовиками. Не выделяясь среди депутатов IV Думы особыми интеллектуальными или организаторскими талантами, Керенский в то же время выгодно отличался от большинства других народных избранников своим искренним, последовательным и категорическим неприятием изжившего себя царизма, глубоким сочувствием бедственному положению трудящихся масс и твердой ориентацией на думский и внедумский левый блок наиболее последовательных борцов с царским правительством. При этом он сам в полной мере использовал положенную по закону депутатскую неприкосновенность и неоднократно призывал депутатов к открытой и резкой критике столыпинского аграрного законодательства, всей гнусности правительственного антисемитизма, издевательств над заключенными в царских тюрьмах и т. д. Поэтому вполне заслуженно и закономерно Керенский добился в дни Фев-

ральской революции признания своих революционных заслуг, став кандидатом № 1 в министры юстиции Временного правительства и одновременно зампредом Петросвета рабочих (а затем и солдатских) депутатов, созданного в столице по примеру 1905 г.

Давая согласие на участие во Временном правительстве, Керенский был уверен, что избранная им еще во время войны линия на создание коалиционного демократического правительства является единственно правильной, поскольку порознь ни либералы, ни революционеры эффективно управлять страной не смогут. Даже Ленин с его обостренным классовым подходом ко всем общественным явлениям не устоял тогда перед искушением признать наличие в России после свержения царизма «замечательно дружного слияния» совершенно разнородных классовых интересов и совершенно противоположных политических и социальных стремлений в рядах победителей¹. Жизнь быстро развеяла, однако, подобное заблуждение, причем Ленин быстро это понял, тогда как Керенский до конца продолжал искренне стремиться к соединению несоединимого — интересов пролетариата и буржуазии. Правда, эта иллюзия, оправдывавшая непременно коалиционный, двух- или даже многопартийный состав Временного правительства, изначально обусловила его неустойчивость и необходимость периодического обновления состава министров. Но Керенский считал ее большим и даже личным достижением послефевральского периода в России и придерживался этой линии до самого конца 1917 г.

России, где человек редко оказывается в нужное время на нужном месте, появление Керенского в Минюсте пришлось более чем кстати, ибо на этом ответственном посту он осуществил такие серьезные демократические преобразования, как общая политическая амнистия всем революционерам, отмена смертной казни, осуществление свободы совести, слова, печати, собраний, а также деятельности самых разных политических партий и профессиональных союзов и отмена всех унижительных ограничений для многочисленных населяющих Россию нерусских народов. При этом вопросы юриспруденции были наиболее близки Керенскому по его высшему университетскому образованию и большой практике адвокатской работы в царском суде, хотя первоклассным юристом-профессионалом он среди специалистов все же не считался. Тем не менее Керенский работал в Минюсте с подлинным увлечением и даже с каким-то азартом, используя,

в частности, и богатейший опыт, накопленный в мировой судебной практике в ходе успешных буржуазных революций XVIII–XIX вв. на Западе.

Успех в Минюсте, а потом в Военном и Морском министерстве привел к возникновению в России, впервые после длительного поклонения народа своим царям, полководцам и крупным государственным деятелям, настоящего культа личности революционера Керенского². Он появился в условиях, когда общая атмосфера царившей весной 1917 г. в России революционно-демократической эйфории и слепого обожествления некоторых новых отечественных кумиров-политиков вызвали к жизни массовую аберрацию политического зрения, что приводило к самообману и иллюзиям части народных масс. Им вдруг стало казаться, что прямо на их глазах, рядом с ними появились какие-то совсем новые, необыкновенные герои, ни в чем не уступающие, а может быть, даже превосходящие прежних царей и их ближайшее окружение. Именно это случилось и с Керенским, в свою очередь быстро уверовавшим в свою исключительность и непогрешимость. Для этого в стране был теперь и подходящий социокультурный климат: безжалостное крушение всех старых авторитетов, вседозволенность, неоправданное выдвижение и даже самовыдвижение новых руководителей, снижение к ним требований как «снизу», так и «сверху». Изживать такую «детскую» болезнь демократической «левизны» пришлось в России, да и не только в ней еще очень и очень долго.

Казалось бы, Керенский, любивший щегольнуть своей готовностью раз за разом говорить перед совсем темной аудиторией, своим новым пристрастием к рукопожатиям с рабочими и солдатами, готовностью запевать на митингах вместе с ними их революционные песни и т. д., должен был бы благоговеть перед званием депутата Петросовета и тем более его зампреда. Но никто толком не может объяснить полнейшее равнодушие Керенского к своим обязанностям в Совете в явный ущерб министерским. Но дело обстояло именно так. Между тем признание в России и, в частности, в революционном Петрограде как власти Временного правительства, так и одновременно огромного авторитета и общественного влияния многочисленных народных Советов, вносило в общую нравственно-политическую атмосферу весны 1917 г. в стране совершенно новые краски и приоритеты. Ведь если пролетариат еще не был готов в то время к тому, чтобы в одиночку управлять страной, то и либеральная буржуазия еще тоже не имела подобного опыта и ей тоже недоставало уважения со стороны

огромного большинства населения. Поэтому им обоим приходилось как-то уживаться друг с другом, терпеть и приравниваться к «соседям» по власти, и Керенский всего этого — пусть и без особого восторга — не мог не видеть и не понимать.

Естественно, он был согласен с мнением эсеро-меньшевистского большинства в руководстве Петросовета, считавшего, что Февральская революция носит сугубо буржуазный, а не социалистический характер и что не нужно плодить никаких иллюзий на этот счет. Но ему не хватало гибкости, чтобы не дразнить рабочих своим беспощадным прагматизмом и признать, хотя бы на словах, особую роль Советов в жизни революционной России, весомость их вклада в революцию и значительные творческие потенции, которыми они обладали в этом плане. Поэтому Керенский раздражал и всех революционеров, и рядовых рабочих тем, что откровенно манкировал своими советскими обязанностями, не считал нужным даже хотя бы для вида появляться в Петросовете и ссылаясь при этом на свою постоянную занятость важными государственными делами. И это стоило ему в дальнейшем очень дорого.

Для многих остается загадкой, почему Керенский променял в мае почетный и в общем нравившийся ему пост министра юстиции в 1-м составе Временного правительства на сложный и внутренне совсем не близкий ему пост военного и морского министра во втором, уже по-настоящему коалиционном кабинете кн. Львова? На самом деле разгадка здесь очень проста: в апреле Керенскому стало уже тесно в кресле министра юстиции, и он впервые откровенно поделился с А. Тома — французским министром-социалистом и таким же масоном, как и сам Керенский, своим заветным желанием стать премьером в следующем составе Временного правительства. Тогда этому плану не суждено было, как помнит читатель, осуществиться, но само это намерение у Керенского осталось, и когда Гучков отказался от поста военного и морского министра, он решил воспользоваться такой благоприятной возможностью и сразу же занять это освободившееся место.

Дело в том, что Керенский очень высоко ценил роль вооруженных сил в революционной России и считал себя вполне подготовленным к тому, чтобы стать в армии и на флоте главным политработником и своего рода Верховным «комиссаром», девизом всей деятельности которого должны были быть три слова: дисциплина, патриотизм, наступление. Он был уверен, что солдаты и офицеры слишком увлеклись после Февральской революции политикой (благо немцы как-то уж

слишком подозрительно дали им возможность заметной передышки непосредственно от военных действий) и их нужно вернуть к своим прямым армейским обязанностям, а для этого провести давно обещанное Россией союзникам по Антанте контрнаступление русской армии против германских и австрийских войск. На это Керенский и направил уже с мая всю свою энергию.

К сожалению, самонадеянность и излишняя самоуверенность сыграли и на этот раз с Керенским злую шутку: эффект от его патриотических речей, обращенных к солдатам и офицерам, оказался кратковременным и не сумел поднять у них наступательного духа. Начатое 18 июня на Юго-Западном фронте наступление против неприятельских войск быстро захлебнулось и вызвало обратный результат — сильное немецкое контрнаступление 6 июля и в последующие дни и тяжелейшие потери в рядах русских войск. И хотя весь этот эпизод был великодушно прощен Керенскому как «главноуправляющему» русской армии, причем прощен и правительством, и общественностью, для него самого это стало серьезным ударом по его престижу и продемонстрировало прямое нежелание значительной части солдат и офицеров продолжать войну в любой форме. Однако на практике Керенский, к счастью, скрепя сердце, осознал, что первая его попытка восстановления смертной казни на фронте и тем более в тылу явно не удалась и изменить в ближайшем будущем ситуацию даже лично он не сможет.

Все чаще задумывался Керенский и еще над одной очень важной проблемой. Революция неумолимо и остро поставила перед многонациональной и многоконфессиональной Россией вполне определенную и по-своему судьбоносную для нее задачу: дать каждой живущей в ней национальности возможность свободно решить, будет ли она и дальше жить в составе единого демократического Российского государства или пойдет дальше своим путем, провозгласив создание вместо огромной бывшей царской империи целого ряда отдельных, более мелких, но зато реально независимых друг от друга государств? Что предпочесть, учитывая сложнейшую международную обстановку, мировую войну, хаос, разруху, хозяйственный кризис и т. д. и т. п.? Над всем этим стоило очень и очень подумать.

Керенский откровенно считал подобный процесс распада исторически веками складывавшегося на территории России централизованного государства не прогрессом, а явным регрессом. Но помешать ему он не мог, чувствуя свое полное бессилие приостановить подобный «развод» между национальностями под напором расту-

ших сепаратистских настроений в Польше, Финляндии, Прибалтике, Украине и в некоторых других регионах бывшей Российской империи. Поэтому Керенский стремился хотя бы оттянуть принятие окончательного решения по данному вопросу до созыва Учредительного собрания, противиться твердой воле которого — какова бы это воля ни была — он считал недемократичным и бесполезным, хотя и достойным сожаления.

8 июля, воспользовавшись тяжелым психологическим состоянием кн. Львова, обнаружившего свою полную неспособность силой противодействовать намерению части большевиков любой ценой, даже вопреки Ленину, прорваться к власти и решившего добровольно оставить пост премьера, Керенский осуществил наконец свою давнюю мечту возглавить Российское государство. Для принятия поста премьера ему явно не хватало кругозора, опыта, решительности, умения подбирать руководящие кадры страны. Керенский был слабо знаком с вопросами экономики, транспорта, финансов, управления народным хозяйством, внешнеполитическими проблемами. Явно не его сильной стороной было все связанное с будущим отечественной культуры и науки. При этом у Керенского не было ни опытных помощников и консультантов, ни времени для чтения серьезной отечественной, не говоря уже о зарубежной, научной литературы.

С лета 1917 г. в действиях Керенского становилось все больше дилетантизма и даже прямого авантюризма. При этом он вступил на скользкий путь борьбы за личную власть, самонадеянно усматривая в ней якобы самую надежную гарантию сохранения завоеваний Февраля. Вместе с тем Керенский раз за разом терял запас своей популярности в массах, причем поводов для этого он дал несколько: предоставление офицерам и генералам права наказывать недисциплинированных солдат в соответствии с изданной в мае «Декларацией прав солдата»; восстановление в июле смертной казни на фронте; нанесение «обиды» Корнилову и т. д.

Интересно отметить, что выступая против распада России по национальному признаку, Керенский в дальнейшем неожиданно получил здесь поддержку пришедших в конце октября–ноябре 1917 г. к власти своих антиподов — большевиков. Заметим, что за исключением части Польши и Финляндии, навсегда вышедших из-под русского контроля, сталинский СССР в 1940 г. в полном объеме восстановил прежнюю территорию Российской империи. Однако распад СССР, выход из него бывших союзных нерусских республик, а также печальная постсоветская судьба так называемого социалистического содру-

жества ряда стран Восточной Европы и Азии, хотя и с запозданием стал продолжением неизбежного крушения в XX в. главных мировых империй, включая и Британскую.

В августе Керенский вступил в серьезный конфликт с не желавшим подчиняться ему Верховным главнокомандующим Лавром Корниловым, получившим наконец чин генерала от инфантерии. Он стремился к установлению в России военной генеральской диктатуры, способной обуздать анархию, вернуть былую дисциплину в армию и приструнить «распоясавшийся» тыл, где можно было бы применять к изменникам, дезертирам, мародерам и т. п., как и на фронте, смертную казнь. При этом Корнилов уже не верил больше премьеру и считал, что он неспособен обуздать ни анархию, ни большевизм и поэтому надеяться нужно только на самого себя.

В итоге вокруг Корнилова, несмотря на постоянные личные колебания по вопросу, идти или не идти на полный разрыв с Керенским, неумолимо складывалось подобие военного заговора против премьера, но организован он был, по современным понятиям, очень плохо. К нему сумели привлечь лишь несколько высших генералов (самыми видными из них были Деникин и Крымов) и явно недостаточное (причем вдобавок не безусловно преданное Корнилову) количества войск. В основном это были нерусские по национальности части — казаки и выходцы с Кавказа. Не оправдались и расчеты «корниловцев» на реальное содействие им партии кадетов, которая, как принято у интеллигентов, ограничилась лишь сочувствием, но не прямой поддержкой заговорщиков.

Керенскому же в этот трудный для него момент пришли на помощь меньшевики, эсеры и даже большевики, не хотевшие установления в России режима генеральской диктатуры, но считавшие ее особенно опасной для народа и для революционеров. Правда, ленинцы по-прежнему относились к премьеру крайне негативно, но видели в нем все же меньшее зло, чем приход к власти Корнилова. Тем не менее они очень быстро отказались от своей готовности поддержать чисто меньшевистско-эсеровское правительство и взяли курс на подготовку восстания.

Вдобавок Керенский произвел на многих современников крайне негативное впечатление своим коварством и готовностью использовать далеко не лучшие с моральной точки зрения приемы политической борьбы. Резала слух хвастливая фраза Керенского, брошенная им вечером 26 августа 1917 г.: «Я им (“корниловцам”. — С.Т.) революцию не отдал»³, как будто судьба ее зависела лично от него. К тому же премьер демонстративно отказывался 26–27 августа от каких-либо личных переговоров с Корниловым, хотя над страной в тот момент

нависла прямая угроза гражданской войны из-за их недоверия и неприязни друг к другу. К счастью, подобная угроза не реализовалась, ибо открыто бороться с оружием в руках за Корнилова против Керенского или за последнего против первого не захотел в тот момент никто: сам Корнилов бездействовал, на Керенского никто не покушался, к личной власти подавляющее большинство других генералов или штатских, оставшихся лояльными Временному правительству, не стремились. Это настроение и победило за отсутствием реальных претендентов на место Керенского, хотя и никакого восторга по поводу сохранения власти действующего премьера и даже по поводу провозглашения им 1 сентября России наконец-то демократической республикой никто не спешил.

Отрицательно отнеслись очень и очень многие к тому, что процесс над Корниловым, несмотря на все попытки давления Керенского на членов Чрезвычайной следственной комиссии, остался отложенным на неопределенное время, а это было истолковано в обществе как явная неудача премьера, причем неудача политического характера. Свою слабость Керенский продемонстрировал и тогда, когда фактически смирился с регенерацией большевизма и его реабилитацией в глазах общественного мнения, во многом даже отказавшегося от отлучения Ленина и его сторонников от патриотизма и от недавних прямых обвинений их в шпионаже в пользу Германии.

Неудачей закончилась и работа так называемого Демократического совещания, созданного в сентябре по инициативе меньшевиков и эсеров и оказавшегося бессильным ответить на вопрос о необходимости или, наоборот, нецелесообразности создания нового состава Временного правительства с участием кадетов, за которых с таким маниакальным упорством держался до конца Керенский. Ничего не дал России и так называемый Предпарламент, грубо имитировавший создание коллегиального органа, призванного, однако, только высказывать свое мнение (!) по данному вопросу. В итоге, несмотря на хвастливые заявления Керенского о готовности Временного правительства раздавить большевизм и организованное Лениным восстание своих сторонников с целью захвата власти, считаться с премьером было уже бесполезно: его интеллектуальный и физический ресурс к 20-м числам октября 1917 г. был реально фактически полностью исчерпан.

Тяжелое впечатление производит и октябрьская попытка последнего министра обороны А.И. Верховского провести сокращение численности русской армии и повисить за этот счет ее боеспособность. Министр говорил, на мой взгляд, дело, прямо указывая на то, что армия в ее настоящем виде не может больше воевать, но был грубо отправлен в отставку в связи якобы с «переутомлением». То, что

произошло в Петрограде уже без Верховского и без уехавшего утром 25 октября из столицы Керенского, заявлявшего, что едет собирать вызванные в столицу по его приказу и идущие якобы на помощь Временному правительству войска, — а это оказалось настоящим блефом, — свидетельствовало о близком полном крахе «керенщины» и столь пугавшей многих победе большевиков.

Говоря о последнем периоде в деятельности Керенского в России в октябре 1917 г., не будем забывать одного интересного высказывания Зинаиды Гиппиус. По ее мнению, картина сползания страны к финалу ее великой трагедии выглядела так: Николай II начал, думский Прогрессивный блок продолжил, а Керенский — все закончил. Гиппиус писала, что к концу 1917 г. он держал политический руль уже «мертвыми руками», ибо бремя власти оказалось для него непосильным, и эта ноша всей своей «миллионнопудовой тяжестью» придавила и самого Керенского, и всю Россию⁴.

За время своего пребывания у власти Керенский допустил множество ошибок и просчетов, причем сам он не любил говорить об этом и был в данном случае предельно лаконичен. Уже в эмиграции, бессонными ночами, снова и снова проигрывая в памяти события 1917 г., Керенский, очевидно, не раз мысленно спрашивал себя: когда и в чем он тогда ошибся, кто его предал, почему все произошло так, а не иначе? Видимо, результатом этих раздумий и стала запись 1961 г. в блокноте Керенского, сохранившемся в американском архиве в г. Остин. Там им собственноручно перечислены шесть его ошибок, которые он, по-видимому, считал главными в 1917 г. Вот содержание этого интересного документа:

«1. Не достал ленинского швейцарского “Социал-демократа” перед его приездом в Россию (в апреле 1917 г. — *С.Т.*), т. к. статья, где говорится о “братании” как явной “измене”, дала бы возможность арестовать его при первом призыве к братанию после амнистии.

2. Не сместил Корнилова сейчас же после его назначения Верховным, когда он прислал ультиматум.

3. Восстановил смертную казнь на фронте...

4. Не сказал на Государственном совещании правду о заговоре (Корнилова. — *С.Т.*), щадя армию.

5. Принял пост военного и морского министра без предварительного объяснения со штабом командующего в Ставке.

6. Не порвал с партией социалистов-революционеров (после майского съезда ПСР, на котором его забаллотировали на выборах в ЦК этой партии. — *С.Т.*)»⁵.

С этим небольшим документом можно в принципе согласиться, хотя в нем соединены самые разные по значимости и имеющие раз-

ную датировку факты. Но к этому без труда можно было бы добавить и немало других, еще более серьезных политических просчетов Керенского:

неоправданное затягивание выборов в Учредительное собрание и отказ от проведения до решений последнего крупных социальных реформ (в том числе и самой важной для России — аграрной);

упорное продолжение опустылевшей народу и практически ставшей уже невозможной, особенно после полного провала организованного Керенским июньского наступления русских войск, войны с Германией и Австро-Венгрией;

переоценка степени угрозы Временному правительству со стороны правых, контрреволюционных сил;

нежелание покинуть премьерский пост после начала корниловского путча, хотя сделать это советовали даже ближайшие соратники Некрасов и Терещенко;

кадровые ошибки (смещение Колчака, Брусилова, Савинкова, Верховского, откровенная слабость второго и третьего коалиционного составов Временного правительства, включая министров-социалистов);

фактический паралич премьерской деятельности Керенского в решающий, сентябрьско-октябрьский период 1917 г., когда как никогда нужны были новые идеи и смелые практические шаги по укреплению висящей на волоске власти Временного правительства.

В последние годы вновь оживились, однако, и современные поклонники Керенского, горячо сочувствующие ему как демократу, которого, по их мнению, бесчестно переиграли в 1917 г. Ленин, Троцкий и др., не говоря уже о гнусных наветах современных советских историков коммунистического направления⁶. Тем не менее, на мой взгляд, совершенно очевидно, что культивировавшийся в свое время Керенским взгляд на себя как национального лидера и выдающегося политического деятеля не выдержал на сегодняшний день испытания временем и не представляет уже для нас какой-либо ценности. Ведь сегодня вождю такого масштаба нужны новые оригинальные идеи, а также пропагандистский и организаторский талант для их воплощения в жизнь. Он не будет вождем без поддержки сильной политической партии, служащей ему опорой и гарантом успеха проводимого им курса. Кроме того, меры, намеченные на будущее поддерживающей его партией и лично им самим, должны обязательно подкрепляться реальным улучшением материального положения народных масс, причем не в отдаленном будущем, а немедленно.

Как явствует из настоящей книги, Керенский указанным условиям либо вообще не отвечал, либо отвечал в минимальной степени.

Поэтому единственной надежной предпосылкой появления у нас в будущем талантливых, проверенных и перспективных национальных лидеров является сегодня только всестороннее развитие в нашей стране гражданского общества. Повторения прихода к власти политика типа Керенского нам не нужно. Этому учит нас и оставленный еще в 1917 г. самим Керенским своим согражданам реальный политический урок, говорящий о неспособности подобного политического деятеля удовлетворить высоким, но совершенно обязательным сегодня требованиям. Будем надеяться, что выводы из этого урока будут у нас сделаны.

И все же, возвращаясь к Керенскому и к России в 1917 г., невольно думаешь: все получили тогда то, что заслужили: и россияне, и Россия, и Керенский. И все же в этом есть и нечто трагическое. Такова уж, видимо, их судьба.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 16.

² На протяжении первых месяцев после победы Февральской революции авторы некоторых пропагандистских брошюр словно соревновались друг с другом в восхвалении Керенского. Так, например, некий М. Гу-ов в книжке под названием «Друг народа гражданин А.Ф. Керенский. Слова и дела» (М., 1917) писал: «Каждое выступление его в нашем кургузом парламенте было его триумфом и поражением врагов народа»; «обыватель становился гражданином, когда слушал его вдохновенную речь»; «как чисты и прозрачны были речи этого замечательного человека, так чиста и прозрачна была его жизнь»; «у него была вся полнота нравственной власти и духовного обаяния» и т. д. и т. п. Автор называл Керенского «светочем революции», «Славой, гордостью и надеждой России», «Божьей милостью генералом от революции» и т. д. и т. п. (Указ. соч. С. 3, 4, 5, 7 и др.)

Другой автор В. В-ий в брошюре «Александр Федорович Керенский» (Пг., 1917) писал, что его герой создал «улыбающуюся, справедливую, благородную революцию» и что в России и за границей он — «благородный символ благородной великой Российской Революции», ее «первая любовь» (В. В-ий. Указ. соч. С. 3). Подробнее см.: Колоницкий Б.И. Легитимация через жизнеописание... С. 246–278.

³ Миллюков П.Н. История Второй русской революции. С. 257; Abraham R. Op. cit. P. 274.

⁴ См.: Гиппиус З.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 603.

⁵ Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 212.

⁶ Некоторые современные историки, по мнению А.Н. Медушевского, ставят в вину Керенскому, в частности, то, что он не избавился вовремя от «двоевластия», предложившего путь к власти большевикам. Для этого задним числом бывшему премьеру рекомендуются лучше всего подошедшие бы в 1917 г. России «переговоры, коалиции и даже вооруженная сила» (т. е. насильственный разгон Советов. – С.Т.). Между тем большевики, Ленин, перешедший на его сторону Троцкий и др. избрали, по мнению того же Медушевского, тактику тайной, «невидимой» подготовки своего переворота, чему Керенский, к сожалению, мог противопоставить в лучшем случае лишь традиционные методы проведения полицейских операций против открытых деструктив-

ных протестных действий. Такие меры предосторожности уже не могли дать эффекта в борьбе с заговорщиками «нового типа» — большевиками и троцкистами. Вдобавок слишком «гуманное» Временное правительство до последнего момента практически вообще не учитывало возможности контрреволюционных выступлений против него в форме не правого, а левого, большевистского экстремизма, дорого заплатив за эту ошибку.

Помимо этого в вину Временному правительству Медушевским ставится и то, что оно сразу же после Февральской революции не позаботилось о своей легитимации путем немедленного созыва какого-либо законотворческого органа (например, той же Государственной думы в несколько обновленном и расширенном составе, используя депутатов всех предыдущих четырех ее созывов). Оно же ошибочно предпочло дожидаться созыва Учредительного собрания, ошибочно рассчитывая, видимо, на его силу и мудрость. При этом «временные» министры не предполагали, что оно может быть бесцеремонно распушено теми же большевиками с молчаливого согласия народа. (См.: *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 14, 19–20, 23–24.)

Именной указатель

- Аверченко А.Т. — 155
Авксентьев Н.Д. — 146, 176, 204, 217, 278, 286
Аврех А.Я. — 62, 63, 66, 104
Азеф Е.А. — 30, 39
Аксаков К.С. — 151
Аксельрод П.Б. — 101, 162
Аладьин А.Ф. — 59, 248, 255
Александра Федоровна (Романова) — 88, 89, 97, 106, 136, 137, 157, 161
Алексеев М.В. — 163, 167, 173, 192, 208, 228, 229, 236, 245–248, 252, 253, 256–259, 266, 283–285
Алексей Николаевич (Романов) — 39, 94, 122, 129, 159
Алексинский Г.А. — 199
Аманжолова Д.А. — 104
Ананьич Б.В. — 36
Аникин С.В. — 59
Антонов-Овсеенко В.А. — 187
Арманд И.Ф. — 195
Ассиар Л.В. — 192, 194
- Бабкин М.А.** — 232
Багратион Д.П. — 285
Бадаев А.Е. — 65, 75, 101, 102
Бадмаев П.А. — 88
Баевский Д.А. — 102
Балуев П.С. — 266
Бальмонт К.Д. — 11, 282
Барановский В.Л. — 152, 167, 170, 224, 259, 279
Басманов М.И. — 14, 289
Бахметев Б.А. — 160, 192, 249, 254, 261, 262
Бейлис М. — 51, 57, 64, 66
Белецкий С.П. — 135, 281
- Беляев М.А. — 114
Бенкендорф П.К. — 158
Бенуа А.Н. — 155
Беренштам М.В. — 76, 130
Бернацкий М.В. — 270, 283
Бернштейн Э. — 8
Бетман-Гольвег Т. — 199
Бирюкова Е.В. — 84, 226
Блан Л. — 116
Богданов Б.О. — 143
Боголепов Н.В. — 27
Богучарский В.Я. — 73
Боер В.М. — 157
Бондарев С.И. — 59
Бондаренко Д.Я. — 197
Бортневский В.Г. — 257
Боханов А.Н. — 158
Бочкарева М.Л. — 183, 196, 197
Брамсон Л.М. — 38, 59
Браудер Р. — 22, 124
Брешко-Брешковская Е.К. — 122, 146, 155–157, 176, 221, 226, 285
Брусилов А.А. — 170–173, 207–209, 211, 227, 228, 236, 299
Будницкий О.В. — 162
Булдаков В.П. — 16, 17, 23, 103, 104, 197
Бунин И.А. — 282
Бурджалов Э.Н. — 126, 129
Бурцев В.Л. — 133
Бьюкенен Д. — 136, 157, 159, 240, 255, 271, 272, 286
- Валентинов Н.В.** — 232
Вандервельдс Э. — 124
Варфоломеев Ю.В. — 154, 155
Васильев В.П. — 35
Васильев С. — 29, 30, 36

- Васюков В.С. — 192, 287
Вердеревский Д.Н. — 247, 258, 265, 266, 270, 283
Верховский А.И. — 231, 247, 258, 265, 266, 270, 274–276, 283, 287, 297–299
Вершинин В.М. — 42
Виленкин А.А. — 187
Вильгельм II Гогенцоллерн — 148
Вильсон В. — 197, 287
Винавер М.М. — 257
Винниченко В.К. — 184, 185, 197, 198
Вирен Р.Н. — 126
Витте С.Ю. — 28, 31, 36, 62
Вишняк М.В. — 286
Войтинский В.С. — 279, 280
Волкогинов Д.А. — 200
Волконский В.М. — 48
Волобуев П.В. — 12, 227
Врангель П.Н. — 244
Вырубов В.В. — 258
Вырובה А.А. — 136, 158
Вышнеградский А.И. — 254
- Гайда Ф.А. — 65, 66, 103–105
Гальперн А.Я. — 62
Ганелин Р.Ш. — 36
Ганецкий Я.С. — 195, 199
Гарибальди Дж. — 5
Гвоздев К.А. — 95, 145, 270, 275, 276
Гегечкори Е.П. — 195
Гед Ж. — 124
Геловани В.Л. — 42, 55, 56
Гендерсон А. — 124
Георг V — 136, 157, 197
Герасименко Г.А. — 14, 289
Герцен А.И. — 153
Гимпельсон Е.Г. — 22
Гиппиус З.Н. — 11, 69, 100, 101, 155, 156, 189, 199, 201, 223, 224, 230, 232, 268, 282, 285, 287, 298, 300
Глинка Я.В. — 66, 163
- Глобачев К.И. — 118, 127
Годнев И.В. — 122, 127, 164
Голиков А.Г. — 10
Голицын Н.Д. — 94, 124
Головин Ф.А. — 62, 256
Горемыкин И.Л. — 31, 56, 57, 75, 114
Горинов М.М. — 12, 22
Горький А.М. — 28, 29, 155, 157, 280
Гоц А.Р. — 278
Гребенкин И.Н. — 264
Гржебин З.И. — 155
Гримм Р. — 178, 194
Грузенберг О.О. — 34, 37, 61
Грушевский М.С. — 185
Гурко В.И. — 192
Гусев К.В. — 14, 289
Гучков А.И. — 40, 64, 81, 94, 96, 98, 105, 110, 119, 122, 125, 138, 146, 147, 152, 162, 163, 166–169, 182, 191, 209, 222, 235, 259, 293
- Дан Ф.И. — 101, 162, 221, 278, 287
Дантон Ж. — 80
Демин В.А. — 36, 60, 61
Демьянов А.А. — 76, 106, 127, 130, 154, 155, 157
Деникин А.И. — 191, 192, 208–210, 212, 213, 227, 228, 236, 238, 246–250, 252, 254, 261, 266, 296
Джунковский В.Ф. — 66, 103
Дзевалтовский К. — 182
Дзюбинский В.И. — 42, 43, 45, 49, 54, 63
Добровольская О.Д. — 155, 156, 158
Добрынский И.А. — 239, 240, 255
Добужинский М.В. — 155
Дубровин А.И. — 64
Думова Н.Г. — 253, 257
Дурново П.Н. — 68, 100, 181
Дудоров Б.П. — 167
Духонин Н.Н. — 266, 283, 287
Дыбенко П.Е. — 187, 280, 281, 288
Дюсемитьер Л. — 237

- Егоров А.Н. — 258
Елизавета Федоровна (Романова) — 102
Ефремов И.Н. — 23, 62, 205, 283
- Журавлев В.А.** — 157
- Завадский С.В. — 136, 155, 156, 158
Завойко В.С. — 208, 211, 212, 219, 227, 241, 244, 248, 255
Залуцкий П.А. — 143
Замысловский Г.Г. — 66
Зарудный А.С. — 51, 61, 128, 154, 204
Засулич В.И. — 156
Зверев В.В. — 60
Зензинов В.М. — 103, 114, 124, 156, 176
Зиновьев Г.Е. — 188, 199, 273
Знаменский С.Ф. — 38
Зубов А.Б. — 18, 200
Зырянов П.Н. — 193
- Иванов Н.И.** — 141, 142
Иванов Н.Я. — 259
Иванов-Разумник Р.В. — 11
Извольский А.П. — 67
Изгоев А.С. — 126
Ильин И.А. — 244
Иоффе Г.З. — 12, 13, 22, 23, 200, 230, 231, 252, 254, 259
- Каледин А.М.** — 219, 220, 231, 237, 248, 266
Каляев И.П. — 29
Каменев Л.Б. — 24, 75, 76, 102, 128, 170, 187, 273
Камков Б.Д. — 175
Канин В.Г. — 21
Капустин М.И. — 259
Карабчевский П.Н. — 37, 51, 130, 135, 154
Караулов М.А. — 46
- Карлотти А. — 271
Карпович П.В. — 27
Карташев А.В. — 204, 271, 283
Кассо Л.А. — 58, 66
Катков Г.М. — 191, 256, 259
Кафафов К.Д. — 157
Кашен М. — 144
Кейнис Ф.О. — 42
Керенская (урожд. Барановская) О.Л. — 23, 35, 36, 84, 127, 156, 282
Керенский Г.А. — 36
Керенский О.А. — 28, 36
Керенский Ф.М. — 25, 27, 195
Кирьяков В.В. — 37
Кишкин Н.М. — 128, 244, 245, 254, 271, 275, 279
Клембовский В.Н. — 244, 257, 259, 266
Клитчоглу С. — 30
Коваленко Н.А. — 128
Коковцов В.Н. — 39, 43, 45, 47, 49, 56, 64
Кокошкин Ф.Ф. — 62, 64, 204, 215, 243, 256, 257
Колесниченко Д.А. — 60
Коллонтай А.М. — 187, 268
Колоницкий Б.И. — 11, 15, 16, 23, 100, 103, 159, 192, 193, 226, 286, 300
Колчак А.В. — 147, 162, 174, 175, 192, 193, 197, 198, 207, 236, 256, 299
Колюбакин А.М. — 62
Коновалов А.И. — 39, 44, 62, 66, 81, 83, 97, 100, 105, 111, 119, 127, 148, 164, 270, 271, 278, 279
Коренев С.А. — 191
Корнилов Л.Г. — 6, 12–14, 17, 18, 21, 22, 121, 147, 161, 175, 183, 184, 191, 197, 205, 207–215, 217–220, 223–229, 232–267, 269, 272, 283–286, 295–298
Котляревский Н.А. — 133

- Краснов П.Н. — 279, 280, 288
Крестовская Н.Н. — 197
Кривошеин А.В. — 77, 255
Кропоткин П.А. — 221
Крохмаль В.Н. — 286
Крыленко Н.В. — 187
Крымов А.М. — 94, 225, 228–230,
234, 237, 238, 245–248, 252, 254,
256–260, 263, 285, 288, 296
Кукель С.А. — 167
Куликов С.В. — 110, 124
Куманин Л.К. — 106
Кускова Е.Д. — 73
- Ламартин А. — 221
Лансинг Р. — 272
Лафон Э. — 144
Лебедев В.И. — 167, 226
Ленин (см. также Ульянов) В.И. —
4–7, 12, 16, 19–21, 25, 46, 50, 54,
63, 71, 74, 75, 82, 98, 101, 102, 104,
124, 125, 145, 148, 153, 161, 162,
163, 165, 172, 178–181, 186–188,
195, 196, 199, 200, 205, 215, 221,
224, 225, 229, 231, 232, 252, 254,
260, 268, 269, 273, 275, 277, 280,
285, 288, 291, 295, 297, 299, 300
Леонов М.И. — 37
Ливеровский А.В. — 271, 283
Ллойд Джордж Д. — 272, 282
Логинов В.Т. — 200, 285, 286
Локкарт Б. — 194
Локоть В.Т. — 59
Лопатин Г.А. — 156, 221
Лукомский А.С. — 208, 229, 243, 244,
246–248, 256, 259, 266
Луначарский А.В. — 187, 194
Луцкий Е.А. — 22
Львов В.Н. — 17, 111, 122, 127, 164,
238–244, 254–256, 263, 284
Львов Г.Е. — 62, 91, 98, 119, 120, 122,
123, 127, 128, 140, 141, 147–150,
152, 156, 163, 164, 166, 178, 185–
188, 190, 192, 193, 199, 201, 204,
205, 226, 256, 258, 293, 295
Львов Н.Н. — 255
Людендорф Э. — 199
- Маевский (Гутовский В.А.) Е. — 105
Мазуренко Г.П. — 187
Макаров А.А. — 61, 114
Макаров П.М. — 127, 159
Маккин Р.Б. — 22
Маклаков В.А. — 40, 44, 51, 62, 68, 81,
115, 126, 160, 222, 244, 249, 250,
252, 254, 261–264
Маклаков Н.А. — 47, 48, 75, 114, 135
Малиновский Р.В. — 50, 56, 65, 66,
101
Малянтович П.Н. — 128, 201, 270,
275, 279, 287
Маниковский А.А. — 167, 191, 276
Мануйлов А.А. — 119, 164, 198
Манухин И.И. — 157
Манухин С.С. — 61
Марат Ж. — 135
Мария Федоровна (Романова) — 89,
157
Марков 2-й Н.Е. — 40, 47–50, 53, 55,
64, 65, 72, 80, 90, 101, 246, 247
Маркс К. — 179
Мартов Ю.О. — 82, 98, 101, 162, 194,
196, 277
Мартынов Е.И. — 227, 228, 230
Маслов С.Л. — 103, 271
Медушевский А.Н. — 300, 301
Мельгунов С.П. — 105, 126, 128, 129,
200, 258, 259
Мережковский Д.С. — 100, 282
Мечников И.И. — 157
Миллер В.И. — 22
Мильеран А. — 116
Милюков П.Н. — 9, 23, 40, 44, 50, 56,
63, 64, 66, 68, 72, 75, 81, 83, 88–90,
92, 96, 98, 100, 101, 104–106, 108,
111, 113, 117, 119–124, 127–129,

- 138–141, 144–150, 152, 153, 156,
158–162, 164, 165, 204, 222, 230,
233, 244, 245, 252–254, 256–260,
265, 282, 285, 287, 288, 300
- Минц И.И. — 12, 21
- Михаил Александрович
(Романов) — 94, 119, 122, 123,
129, 138
- Морозов Н.А. — 156
- Мозм С. — 272, 286
- Муравьев Н.К. — 135, 137, 155
- Муранов М.К. — 56, 74
- Муте М. — 144
- Мякотин В.А. — 73
- Мясоедов С.Н. — 85, 102, 103
- Набоков В.Д. — 11, 62, 115, 118, 127,
128, 140, 146, 160–162, 239, 240,
244, 255, 257, 276, 286, 287
- Наполеон I — 5, 213
- Натансон М.А. — 175, 194
- Небольсин А.К. — 126
- Некрасов Н.В. — 41, 62, 81, 92, 94,
100, 105, 110, 111, 119, 122, 127,
128, 140, 148, 149, 164, 165, 184,
188, 190, 198, 199, 204, 205, 214,
217, 219, 227, 231, 233, 244, 245,
249, 283, 299
- Непеин А.И. — 126
- Нефедов С.А. — 124
- Никитин А.М. — 205, 265, 270, 275,
276, 282, 283
- Николаев А.Б. — 124, 125, 163
- Николаевский Б.И. — 62
- Николай II — 13, 19, 28, 29, 33, 35,
36, 47, 63, 66, 68–70, 73, 76, 82,
83, 85, 87, 89, 93, 94, 101, 106, 109,
111, 113, 119, 122, 124, 128–130,
135–138, 141, 156–159, 161, 167,
178, 196, 230, 235, 298
- Николай Михайлович
(Романов) — 89
- Новиков Г.Н. — 199, 289
- Новосильцев Л.Н. — 229, 230, 236,
253
- Нокс А. — 184, 286
- Нуланс Ж. — 271
- О'Греди Д. — 144
- Ольденбург С.Ф. — 204
- Онипко Ф.М. — 59
- Оппель Н.А. — 34
- Орлов-Давыдов А.А. — 118, 156
- Пайпс Р. — 124, 252
- Палей О.В. — 158
- Палеолог М. — 102, 145, 157, 159–
161, 193, 194
- Пальчинский П.И. — 163
- Панина С.В. — 28
- Переверзев П.Н. — 76, 128, 164, 199,
204
- Петлюра С.В. — 185
- Петров-Водкин К.С. — 155
- Петровский Г.И. — 24, 47, 48, 55, 57,
66, 74, 75, 100, 102
- Пешехонов А.В. — 24, 38, 103, 164,
204, 286
- Плансон В.А. — 280
- Плеханов Г.В. — 101, 183, 199, 221,
232, 255
- Полковников Г.П. — 276
- Половцов П.А. — 159, 190, 191, 256
- Поляков Ю.А. — 24
- Потресов А.Н. — 73, 162
- Прокопович С.Н. — 204, 217, 231,
263, 270, 275, 283
- Протопопов А.Д. — 24, 87, 88, 91, 92,
94–96, 114, 134, 135
- Пуришкевич В.М. — 40, 43, 44, 53, 56,
58, 64, 66, 68, 93, 105, 254
- Путилов А.И. — 237, 240, 254
- Рабинович А. — 285
- Раскольников Ф.Ф. — 186, 187
- Распутин Г.Е. — 39, 78, 88, 89, 92–94,
97, 105, 141, 142, 157, 159

- Риттих А.А. — 96, 109
Родзянко М.В. — 24, 40, 45, 48, 54, 56,
57, 69–71, 75, 78, 81, 89, 90, 93, 96,
97, 101, 108, 111, 113, 114, 122–
124, 160, 161, 196, 222, 253, 256
Родичев Ф.И. — 40, 219
Роженко В.И. — 253
Розенталь И.С. — 62
Романов В.А. — 36
Романов Д.П. — 93, 105, 141, 142
Романов М.А. — 13, 119, 122, 123,
129, 130, 137, 216
Романов Н.М. — 156
Романов Н.Н. — 76, 77
Романов П.А. — 158, 216
Романов С.А. — 22
Рошаль С.Г. — 187
Рузский Н.В. — 208, 252
Русанов А.Н. — 42
Рысев М.С. — 42
Рыслев А.И. — 42
Рябушинский В.П. — 39
Рябушинский П.П. — 39, 220
- Савинков Б.В. — 13, 14, 18, 184, 192,
197, 205, 207, 208, 210–215, 217,
221, 223–226, 228–230, 232, 233,
241, 243, 244, 249, 252, 254–257,
259, 263, 267, 280, 283–285, 288,
299
Савич Н.В. — 231, 253
Сагателян И.Я. — 60
Сазонов С.Д. — 44
Салазкин С.С. — 271, 275, 283
Самба М. — 124
Самойлов Ф.Е. — 74
Сандерс У. — 144
Сахновский Е.В. — 286
Сверчков Д.Ф. — 7, 101
Святополк-Мирский Д.Н. — 49
Сидорин В.И. — 237
Скарятин Г.Д. — 154
Скворцов-Степанов И.И. — 103
- Скобелев М.И. — 62, 66, 81, 90–92,
95, 108, 111, 113, 123, 160, 164,
190, 204, 287
Слонимский А.Г. — 104
Смирнов А.Ф. — 104
Смирнов Н.Н. — 156
Смирнов С.А. — 271
Соболев Г.Л. — 11, 195, 198, 200
Соколов Н.Д. — 33, 34, 64, 76, 109,
126, 127
Солженицын А.И. — 125
Солнцева С.А. — 252
Соловьев К.А. — 158
Спиридонова М.А. — 175
Станкевич В.Б. — 100, 127, 143, 227,
277, 280
Стариков Н. — 21
Старлычанов Д.Д. — 42, 54
Старцев В.И. — 9, 10, 22, 62
Стеклов (Нахамкес) Ю.М. — 160
Степанов В.А. — 190, 198
Степун Ф.А. — 22, 178, 192, 194, 227
Столпыпин П.А. — 31, 38, 39, 44, 50,
58, 64, 66, 67, 84, 91, 100, 109, 178
Стронгин В.Л. — 21
Струве П.Б. — 73, 253
Суворин (сын) А.А. — 193
Суханов А.С. — 42
Суханов (Гиммер) Н.Н. — 8, 9, 11, 14,
90, 99, 106, 109, 114, 115, 120, 126,
127, 160–162, 176, 179, 194, 196,
231, 232, 256, 259, 260, 267, 274,
277, 280, 285–288
Сухомлинов В.А. — 77, 85, 96, 103,
114, 119, 135, 157, 182
Сыпченко А.В. — 103, 104
- Тевкелев К.М. — 85
Терещенко М.И. — 41, 94, 105, 119,
120, 122, 127, 128, 140, 148, 149,
164, 165, 173, 184, 185, 188, 192,
198, 199, 204, 205, 208, 214, 219,
244, 245, 255, 265, 270–272, 275,
283, 287, 299

- Тесленко Н.В. — 130
Тома А. — 23, 124, 139, 144, 145,
147–149, 154, 160, 161, 170, 199,
272, 293
Торн В. — 144
Трауптман И. — 200
Трепов А.Ф. — 90–92, 94, 96, 114
Третьяков С.Н. — 271, 275
Троцкий Л.Д. — 11, 82, 98, 172, 186,
187, 205, 268, 273, 280, 281, 285,
299, 300
Труфанов М.П. — 21
Туляков И.Н. — 66
Туманов Г.Н. — 167, 258
Тургенев Н.И. — 98, 106
Тыркова А.В. — 257
- Украинцев Н.П. — 283, 284
Ульянов А.И. — 25
Ульянов Г.К. — 59
Уорт Р. — 160
Ушаков А.И. — 161
- Федюк В.П. — 18, 24, 35, 36, 61, 102,
125, 155, 161, 169, 198, 232, 289
Фигнер В.Н. — 156, 269
Филипповский В.Н. — 160
Филоненко М.М. — 184, 197, 207,
211, 213–215, 219, 224, 228, 248,
255, 256
Философов Д.В. — 224
Фрэнсис Д. — 159, 286
- Хаустов В.И. — 24, 66, 70, 101
Хрипунов С.С. — 52
- Черетели И.Г. — 11, 52, 122, 143, 160,
162, 164, 165, 178, 179, 184, 185,
188, 198, 201, 203, 222
- Чайковский Н.В. — 103, 147
Черемисов В.А. — 212, 279
- Чернов В.М. — 11, 82, 145, 146, 164,
176, 186, 188, 203–205, 224, 228,
229, 232, 267, 269, 280, 284, 285,
289
Черменский Е.Д. — 20, 21, 104
Черчилль У. — 197
Чхеидзе Н.С. — 24, 49, 53–56, 62, 65,
66, 70, 75, 76, 79, 80–82, 90, 95, 97,
98, 100, 105, 111, 113, 115, 116,
160, 221, 268
Чхенкели А.И. — 53, 56, 62
- Шабловский И.С. — 247, 258, 259,
267
Шагов Н.Р. — 74
Шаляпин Ф.И. — 155
Шахно Б.Б. — 66
Шаховской Д.И. — 62, 164, 198
Шацилло К.Ф. — 36
Шевырин В.М. — 103, 105
Шидловский С.И. — 81, 88
Шингарев А.И. — 46, 62, 73, 81, 115,
119, 164, 190, 198
Шиссер Г. — 200
Шляпников А.Г. — 95, 96, 105, 123–
125
Шмидт П.П. — 174
Штюрмер Б.В. — 87, 88, 90, 96, 104,
114, 119
Шубинский Н.П. — 66
Шульгин В.В. — 40, 81, 115, 116, 122,
126, 157
- Щегловитов И.Г. — 57, 96, 114, 135
Щеголев П.Е. — 133
Щербачев Д.Г. — 266
- Эйбрехем Р. (см. также
Abraham R.) — 15, 22, 23, 102
Энгельгардт Б.А. — 125
- Юденич Н.Н. — 252
Юренев К.К. — 143

-
- Юренив П.П. — 204
Юсупов (мл.) Ф.Ф. — 93, 105
Юсупов (ст.) Ф.Ф. — 103
Ющинский А. — 51, 66
- Я**ковлев А.Н. — 252
Якубович Г.А. — 167, 258
Янушкевич Н.О. — 42, 63
Яхонтов А. — 102
- Abraham R. — 15, 36, 37, 61, 64, 65,
101, 103, 156, 157, 161, 162, 196,
201, 259, 285, 289, 300
- Fransis D.R. — 159, 286
- Kerensky A. — 158, 159

Научное издание

Люди России

Тютюкин Станислав Васильевич

**Александр Керенский
Страницы политической биографии
(1905–1917 гг.)**

Изготовление оригинал-макета
ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 07.08.2012.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 800 экз. Заказ № 9519.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В книге прослежены основные этапы политической деятельности А.Ф. Керенского в 1905–1917 гг. Главное внимание уделено его работе в IV Государственной думе и Временном правительстве, где он был министром юстиции, военным и морским министром и министром-председателем. В основу книги положены многочисленные документальные и мемуарные источники.

РОСПЭН